

АНАСТАСИЯ КОНОВАЛОВА

*Красивый
мир*

Ты уничтожил меня, теперь я буду мстить. Она умерла, но возродилась в новом мире, построенном на костях Древних. Теперь Аюкантера имеет свой голос и историю, написанную кровавым пером. Чтобы свершить месть над человеком, надругавшимся над телом и душой, она пройдёт через интриги, кровь и битвы. Получит власть над собственной жизнью и будет среди тех, о ком слагают легенды. Я та, кем вы пугаете своих детей перед сном.

---

*В зеркале отражается только мое последнее лицо,
я же знаю все свои прежние.*

/Тумас Транстремер/

Девушка дрожащими руками разглаживала складки на подоле атласного платья. Пальцы скользили по тонкому кружеву на корсете и высоком вороте. Смотрела на рукава с белоснежными лилиями. Все это она выбирала сама, долгие часы разговаривала с портным, проверяла кружева и ткани. Это было единственным, что она выбирала самостоятельно. Прикусив губу от резко подкативших к горлу слез, развернулась к большому окну. Жемчужное ожерелье на шее зазвенело, словно тонкие нити стукнулись друг о друга, предупреждая о чужом приходе. Но в комнате она была одна. Совсем одна. Три шага, шуршание длинного шлейфа по деревянному полу, рука легла на ледяную поверхность стекла и в носу все же засвербело.

Взгляд скользнул по свинцовым тучам и на лице выступила горькая улыбка. Хоть кто-то сегодня плакал вместе с ней. Она огладила взглядом каменные дома с железными балконами и пожарными лестницами, идущими от этажа к этажу тонкими змеями. Рядом с окнами висели большие плакаты, украшенные массивными буквами какого-то пресного, темного цвета. По пожарной лестнице стремительно пробежал парень, придерживая небольшой коричневый чемодан. Он спрыгнул на землю, довольно посмотрел вверх, махая рукой выглянувшей из окна девушке. Улыбка на лице стала более открытой, на глаза выступили слезы. Паренек поправил подтяжки, закинул чемодан за плечо и растворился в толпе, среди мужчин в костюмах и дам в кокетливых платьях, скрытых под яркими пальто.

Она поставила палец на остановившуюся посреди дороги машину и медленно последовала за ней, оставляя на стекле еле заметный след. Клубы пара вырывались, таяли в воздухе и превращались в сизую дымку над домами. По щеке скользнула одинокая слеза и все тело охватил внезапный страх, что потечет макияж. Если б мама вошла сейчас в комнату, то увидела бы потекшую туш и тени, проплешины на алых губах. Но она надеялась, пыталась верить, что все было не так плохо, иначе будет плохо ей.

— Тера? Ты готова? — пожилая женщина открыла массивную дверь и взглянула на дочь. Она придирчиво осмотрела комнатушку с большими окнами, маленьким туалетным столиком, на котором не помещалась шкатулка с фамильными украшениями, косметика и маленькие флакончики духов. Посмотрела на кожаный диванчик с подушками, которые лежали в том же положении, как она их разложила полчаса назад.

Ответа женщина не дождалась. Тяжело вздохнув, мать вошла в комнату, которую отвели специально для невесты. Лишь на мгновение она почувствовала укол вины, а потом вновь расправила плечи, надела на лицо бесстрастную маску, вновь уверяясь в своем решении. Так было лучше для всех, их семьи и Теры, которая отправлялась в новую жизнь. Новую семью. Ее низкие каблуки били дробь по полу, заставляя сердце пропускать удары в унисон. Цепкие, тонкие пальцы развернули Теру к себе, голубые глаза хищно впились в лицо дочери, отмечая влажные ресницы и небольшие неровности помады на губах.

— Ты испортить все хочешь?! — мать одним стремительным движением убрала седую прядь за ухо. Казалось, в погоне за модой она забывала о своем возрасте, иначе как объяснить короткое каре, свисающее мягкими волнами до мочек ушей, тонкие брови и

золотое платье с пайетками по колено. — Не плач, это же самый счастливый день в твоей жизни.

Нет, это счастливый день в твоей жизни, мама.

Мать недовольно бурчала, поправляя макияж, разглаживала подол платья и тонкую фату. Придирчиво осматривала забранные в пучок каштановые волосы, с плавными волнами по бокам. Ей это платье не нравилось, называла его саркофагом для мумии, но Тера чувствовала себя в нем комфортно. Она защищена и укрыта от всего мира несколькими слоями ткани.

— Какая ты у меня красивая, Освальду очень повезло. Ты рада? — поинтересовалась мама и отошла, чтобы осмотреть свое творение. Ве-ли-ко-леп-но! Каштановые волосы забраны и украшены серебряным гребнем, который и держал фату, голубой цвет глаз резко контрастировал с темными тенями. Ее Тера похожа на актрису из популярных фильмов, а не строгую учительницу начальных классов, погрязшую в учебниках и чернилах.

Ты будто сама не знаешь ответ.

— Конечно, — она вымученно улыбнулась, стараясь выглядеть довольной. От ее простого ответа мама расцвела на глазах, встала на носочки и быстро поцеловала дочь в щеку.

— Я тобой так горжусь. У вас с Освальдом будет замечательная семья!

Это ты так думаешь, мама.

Тера не запомнила ни церемонию, ни как давала клятву, запомнила лишь как высокий, но тонкий Освальд чуть склонился и надел ей на палец кольцо из ледяного металла. Слон и моська. Они даже выглядели смешно. Она высокая, но ему доставала лишь до груди, с пышной грудью и бедрами, а он плечистый да худой, с тонкими запястьями и совершенно отвратительной гусеницей над верхней губой.

Они сидели в небольшом зале, вокруг сновали гости с бокалами шампанского в руках. Где-то в углу играл небольшой оркестр, который заказала миссис Пикфорд. Джазовые мотивы немного поднимали настроение, золотистый саксофон, который Тера так любила, выводил кульбиты, заставляя глухо постукивать каблуками в такт музыке. Дамы проходили мимо них, желали прекрасного брака, отсалютовали бокалами с игристым шампанским и заливисто хохотали.

— Ты не выглядишь довольной.

Тера невольно вздрогнула, смотря на своего теперь мужа. Его ледяные зеленые глаза смотрели пристально и изучающе, отслеживая любые проявления эмоций. Под его взглядом она чувствовала себя неуютно, будто букашка под микроскопом. Когда Тера впервые почувствовала на себе его взгляд мать сказала, что через месяц будет свадьба. Тогда они встретились в кабинете отца, сидели в креслах друг напротив друга, пока мать распинаясь, расписывая преимущества их брака и все прелести своей дочери. Но Тера и тогда понимала, что ему совершенно нет дела до нее. И сейчас нет.

— Устала немного, — пожалала плечами и отвела взгляд Тера. Все тело закаменело, а внутри разлился холод, когда его большая рука с длинными, словно паучьи лапки, пальцами легла на ее колено. Резко появилось желание вскочить, скинуть со своего тела чужую ладонь, а потом добежать до дамской комнаты и помыть колено с мылом. Обручальное кольцо горело ледяным пламенем, пережимая палец. Ее вечное клеймо.

— Мы можем уйти, если тебе плохо, — как можно ласковее проговорил Освальд, сжимая ее колено сквозь тонкое кружево и атлас. От его действий и слов стало по-

настоящему страшно. Им нельзя уходить! Тера шумно втягивает воздух сквозь зубы и лихорадочно помотала головой из стороны в сторону.

Я не хочу ехать с тобой никуда, дорогой супруг.

— Мне кажется не стоит уходить так рано. Когда мы еще сможем так хорошо погулять? — Тера улыбнулась натянуто и посмотрела на него лукаво. Оставалось лишь молиться, чтобы он не заметил паники на дне ее глаз. Не считал, как считывал составы жидкости в своих пробирках. Однако Освальд был чуть умнее, чем она думала, поэтому не поверил, смотрел все так же пристально. А потом, решив что-то для себя, улыбнулся криво, словно не делал этого никогда прежде.

— Хорошо, мы можем посидеть здесь еще немного. Все равно в нашем доме нет никого, кроме пауков, — Освальд, наверное, подумал, что его шутка являлась остроумной и поэтому засмеялся. Однако ничего смешного в его словах Тера не нашла, поэтому лишь кисло улыбнулась и нервно посмеялась.

Место, которое ты назвал домом, никогда не будет нашим. Он всегда будет лишь твоим, дорогой супруг.

Тера взяла в руки изящный бокал на тонкой ножке, посмотрела на мелкие пузырьки, которые через пару секунд ударили в голову, а терпкий вкус шампанского опалил язык и горло. Голова закружилась и стало чуточку легче. Взгляд заскользил по гостям, большинство которых она видела первый и последний раз, заметила седые волосы матери и высокий цилиндр отца. Они разговаривали с каким-то важным гостем, наверняка важным, ведь мама хихикала, прикрывая рот рукой, улыбалась широко и прижималась к отцу. Налаживали связи, ведь теперь у них были деньги на ремонт особняка и выхода из долгов, а у Теры супруг.

Остальной вечер проходил в унылом праздновании. Тера несколько раз уходила в женскую комнату, стояла там у небольшого оконца со стальными решетками, смотря на свинцовые, черные тучи и желтые фонари. Уходила, а потом возвращалась и улыбалась, принимала поздравления и танцевала вальс. Первый вальс. Когда он кружил ее в танце, в каком-то свободном, наполненном джазовыми мотивами, когда прижимал к себе очень близко, мать утирала слезы счастья. Она действительно была счастлива и считала, что этот брак принесет радость не только ей, но и Тере.

Она правда так считала.

Под конец вечера, когда гости уже громко гоготали и обнимались друг с другом, отец пригласил ее на танец. Они медленно кружились в причудливом танце, огибая пьяных гостей и сплетничающих дам с перьями в волосах и бахромой до колен. Раньше ей нравилось быть рядом с отцом, в его объятиях она чувствовала себя маленькой и защищенной, всегда искала в них укрытие. Сейчас же в них было пусто и холодно. Чувствуя большую ладонь на своей талии, которая прижимала к себе, видя на тонких губах ласковую улыбку, а в глазах неподдельное счастье — Тера несчастна. Счастлива. Очень счастлива!

— Как же ты быстро у меня выросла! Раньше бегала по дому в коротеньком платье и носочках, а сейчас стоишь в свадебном платье. Красавица. Моя маленькая принцесса, — отец оставил легкий поцелуй на кончике носа и отстранился. Будто проявление чувств было чем-то постыдным. Тера смотрела на него, на его морщины, сухую кожу, выцветшие глаза и не понимала, не верила в то, что ее отец выглядел так старо. А еще он впервые на ее памяти еле сдерживал слезы.

Отец сделал шаг назад, заставляя ее последовать за собой, в сторону и спросил:

— Ты счастлива?

Наверное, она была слишком наивна, если считала, что больше ее об этом никто не спросит. Опустив взгляд, будто стыдливо, Тера судорожно выдохнула, подбирая очередную ложь.

— Конечно, папа. Освальд — лучшее, что вы могли мне выбрать, — ответила и с тревогой посмотрела на супруга в окружении незнакомых мужчин. Почувствовав на себе взгляд, Освальд посмотрел на нее в ответ, улыбнулся криво и отсалютовал фужером, вновь возвращаясь к разговору. Освальд старался выглядеть радушным и, скорее всего, наладить отношения, но он уже заранее проиграл. Фальшь между ними была слишком ощутимой, казалось, протяни руку и упрешься в стену.

— Дорогая, не стоит так говорит! — упрекнул ее отец и вздохнул устало. — Освальд хороший и он обязательно сделает тебя счастливой. Мы с твоей матерью так же познакомились и уже двадцать пять лет живем счастливо вместе. Ты тоже будешь счастлива, я верю в это.

Я тоже хочу в это верить, папа.

Тера горько улыбнулась и замерла с последними аккордами фортепиано. Она поблагодарила отца за прекрасный танец и стремительно ушла к своему столу, где стоял наполненный шампанским бокал. Ей срочно нужно выпить!

***

Мышцы ныли и гудели от натуги, нижняя часть тела болела и пульсировала с каждой секундой все сильнее и сильнее. Тяжелое, теплое одеяло давило, тонным грузом лежало на теле и раздражало чувствительную, влажную кожу. Неожиданно оголенной спины коснулись холодные, мозолистые пальцы, прочертили позвонки и потеряли ямочки на пояснице. От этих прикосновений тело пробил дрожь и Тера уперлась носом в подушку, пряча выступающие слезы.

— Ты молодец. Такая красивая. Нежная. Моя, — Освальд каждое слово сопровождал поцелуями. Он облизывал наливающейся синевой следы от пальцев, осыпал легкими поцелуями каждый кровотокающий укус. Руки отвели каштановые волосы, освобождая шею, огладили отпечатки ладони. — Прекрасная.

— Освальд, больно! — Тера вскрикнула и тонко завывала, когда он отбросил одеяло на пол и вновь вошел. Внутри все горело пламенем, тянуло и пульсировало, влажный торс лип к ее спине, а пальцы стискивают бедра до синяков, маленьких кровавых лунок на коже. Неистово, стремительно. Тук, тук, скрип, тук, скрип, тук, тук. Тело скользило по складкам простыни, натирая живот и колени, легкие болели и дышалось тяжело, все терялось в мокрой от слез подушке. Наверное, она была бы счастлива задохнуться сейчас, но кровать скрипела, тело ощущалось оголенным, болезненным нервом, а Освальд напирал, чувствуя слабость или наслаждаясь происходящим.

Пожалуйста, прекрати. Прекрати. Прекрати. Прекрати. Прекрати. Прекрати!

Тера вскрикнула пронзительно и задрожала. Все тело онемело, а мышцы словно сдулись, поэтому она даже не дернулась, когда Освальд навалился сверху. Впервые ей хотелось прижать колени к груди, спрятаться под одеялом и разреветься, прямо как в детстве. Однако супруг огладил ее спину, чуть сильнее нажимая, чувствуя ответную дрожь, улыбнулся довольно и ушел в ванную комнату. Оставил ее один на один с пульсирующей болью, на скомканных и грязных простынях. Тера неловко повернулась на бок, прижала колени к груди, чувствуя противную влагу на бедрах, ледяное кольцо на пальце.

Отвратительно и унижительно.

За дверью раздался шум воды, массивные шторы дрогнули под натиском вечернего ветра, открывая взору полную луну. Тера замороженно следила за сизыми, черными облаками, которые медленно окутывали серебряную королеву. Наконец-то этот день закончился. Осознание этой простой истины принесло странное успокоение и призрачное счастье. Ей не хотелось вставать и смотреть, какой ужас сотворил Освальд. Уснуть. Просто уснуть и забыть обо всем.

Она укуталась в одеяло, такое же роскошное, как и обстановка вокруг. Шелковое, цвета слоновой кости с розами, расшитыми золотыми нитями, оно скользило по влажной коже, дарило приятную прохладу. Поясницу прострелило болью, когда Тера медленно села и опустила ноги на пушистый, мягкий ковер. Встала, неловко переминаясь с ноги на ногу, обмоталась одеялом по подбородок и подошла к окну, отодвигая шторы.

Молчи — говорила мама.

Терпи, даже если больно — утверждал отец.

Мама, папа, я молчу. Молчу и терплю, даже если больно. Даже если хочется выпить яду. Я терплю и принимаю прикосновение супруга как самый великий дар. Мама, папа, вы рады? Я хорошая девочка?

Тера прерывисто выдохнула и приложила ладонь к ледяному стеклу. Там, за окном отливали синевой высокие ели, за ними прятались пышные яблони со спелыми, алыми плодами. Она видела их из окна машины, а еще видела пышные кусты роз на заднем дворе. Освальд тогда не позволил ей выйти из машины, не отпустил даже когда они вместе вошли в дом, лишь прижал к себе, представляя слугам. Тера плохо их запомнила, да и не обращала она на них сильно внимание, ведь шампанское до сих пор циркулировало в крови, нос щекотал запах туалетной воды и табака. От переживаний, громких голосов и причитаний молодых девушек-горничных и резкого запаха ее тошнило. Голова болела. Ей просто хотелось лечь на кровать, закрыть голову подушкой и уснуть, сделать вид, что все это было сном. Страшным сном и не более!

Но она стояла у окна, смотрела на темные облака, скрывающие и открывающие луну, смотрела на рябь листьев. За дверью по-прежнему шумела вода, а в голове мелькнула смехотворная мысль, что Освальд чистюля. Даже ее отец, ходивший в клуб фехтовальщиков три раза в неделю, не пропадал в ванной комнате на полчаса, намазывая кожу душистыми маслами, стирая даже самую минимальную грязь мылом. Хотя, Тера даже рада, что он так долго мылся и не выходил, не показывался ей на глаза. Она была бы самой счастливой, если б в комнате была еще одна ванная комната. Ей хотелось смыть с себя пот, чужие поцелуи и эту ночь.

Она со свистом втянула воздух в легкие и закрыла глаза. Сердце ровно билось в груди, тук-тук, тук-тук. Грудная клетка поднималась, опускалась, чуть солоноватый, но все равно приторный аромат заполнял легкие и выходил с шумным выдохом. За массивной дверью ходили слуги, готовили особняк к приходу ночи, а за другой, резной дверью с тонкой, блестящей ручкой Освальд переставлял какие-то баночки, чавкал ногами по мокрому полу.

Неожиданно шум прекратился. Тера напряглась всем телом, запахла одеяло, чтобы никто не видел ее тела. За дверью послышался шум, глухое шуршание и скрип петель, которые не мешало бы смазать.

— Ты чего стоишь?

Освальд вышел из ванной обнаженный, посмотрел на жену и усмехнулся. С его мокрых

светло русых волос капала вода, стекала по спине и груди со светлой порослью волос. Он чувствовал себя спокойно, стоя посреди комнаты и смотря на молодую жену. Он был хозяином, а она никем.

— Я помыться хотела, — глухо пробормотала в ответ Тера. Она развернулась и пошла в ванную, где в воздухе еще витал разгоряченный аромат мыла и какого-то масла, кажется, лаванды. Одежда скользило за ней шлейфом, тяжелело от влажного воздуха и в конце концов осело на мраморном полу.

Тера зашла в душевую кабинку, передернула плечами от холода и включила воду, регулируя температуру. Почувствовав на своей коже горячие струи Тера расслабилась и закрыла глаза от удовольствия. Как же хорошо.

Она стояла без движения несколько минут. А потом выдавила на ладонь душистый гель для душа с ароматом апельсина и размазала его по ногам, животу и телу.

Теперь ты счастлива, мама?

— Марта, принеси нам чай.

— Сиюминутно, молодая госпожа, — женщина поклонилась, пряча глаза за редкой, седой челкой, и ушла. Тера уже не смотрела ей в след, не оборачивалась, когда давала указания и голос ее за месяц окреп. Пусть слуги еще не привыкли к новой хозяйке, приказы которой теперь выполняли беспрекословно, однако свою работу делали исправно. Хотя пару раз Тера слышала тихие разговоры между молоденькими горничными, которые посмеивались над ней. Это было неприятно, однако она не возражала и истерик не устраивала, ведь не известно, как долго придется здесь жить.

— Мне кажется они против тебя козни строят, — подала голос Иудина, крутя между пальцев длинную жемчужную нить. Тера обратила внимание на подругу и заворуженно замерла, смотря на игру бликов на перламутровой гладкой поверхности. Она тоже любила жемчуг, но любовалась им издалека, покупала иногда серьги-клипсы, но никогда их не надевала, лишь на свадьбу. По нраву ей нечто более броское, например, серьги-гвоздики с алым гранатом или ожерелье с изумрудами.

Иудина наоборот, носила длинные жемчужные бусы, массивные золотые клипсы на мочках, кружевные короткие платья с бахромой до колен и тонкие лодочки на невысоком каблуке. Стригла светлые волосы под каре, едва прикрывающее уши, укладывала их волнами, прямо как у своей любимой актрисы Бесси Лав, рисовала тонкие черные брови и красила губы алым. Многим казалось это вульгарным и слишком ярким, но Дина их слова подчеркнуто игнорировала и вновь обвивала шею тремя рядами бус, позволяя короткому концу лечь в ложбинку между грудей. Тера порой завидовала этому качеству подруги, но все же не одобряла подобный образ жизни, считая, что украшала не ткань или золото, а скромность.

— Ты, как всегда, перечитала книг, Дина. После них ты становишься очень подозрительной, — заворковала в ответ Шарлотта, поправляя длинные, немного растрепанные каштановые волосы. Тера прикрыла глаза, растягивая тонкие губы с легким прозрачным блеском в умиротворенной улыбке. Она встрепенулась, когда дверь без единого скрипа открылась и к ним спешно подошла старая горничная, по-прежнему пряча глаза за челкой.

— Ваш чай, госпожа, — Марта сноровисто поставила серебряный поднос на небольшой круглый столик. Выставила две вазочки с конфетами и мармеладом, фарфоровый чайник с синими узорами, три блюдца и три чашечки, так же молча разлила чай, пахнувший малиной, вновь поклонилась и ушла в дальний угол комнаты. Хотя, Тера не назвала бы это место комнатой, потому что здесь стояли высокие стеллажи с книгами, фарфоровые статуэтки ютились за тонким стеклом буфетов, удобные кресла, диванчик и стол с кружевной белоснежной скатертью. Это было первое место, куда ее привел Освальд после свадьбы.

«Это теперь твое место, можешь делать здесь что захочешь» — говорил он тогда. Тера впервые последовала его совету и теперь постоянно сидела тут, листала книги, пряталась от супруга и прислуги, спускалась в большой обеденный зал лишь вечером, а ночью, подчиняясь призывному взгляду, его повелительному жесту, закрывала за собой дверь спальни.

— На твоём месте, я бы прикусила язычок, Шарлотта, — предостерегающе проговорила

Дина, поднося аккуратную чашечку ко рту. Она с наслаждением вдохнула насыщенный, малиновый аромат, молча сетуя, что у нее в доме такого нет, и сделала небольшой глоток. Губы и язык сразу же обожгло, от чего по ее точеному лицу прошла еле заметная судорога. Все так же спокойно и медленно, Иудина поставила чашечку обратно на блюдце, отмечая яркий след красной помады на белоснежном фарфоре.

Настоящая леди — так бы сказали люди, видящие ее в сейчас. Так бы сказала и Тера, если б не знала, как может вести себя подруга после нескольких бокалов игристого. Она прекрасно знала свою Дину и понимала, что сейчас она ругала ее гувернантку за слишком горячий чай. Но делала это молча, прекрасно понимая, что находилась в чужом доме и ее слова не имели никакого значения. Они бы лишь лишней раз сотрясли воздух, не более того.

Мои слова тоже волнуют воздух, но к ним прислушиваются хотя бы из уважения к супругу и его семье.

— И очень хорошо, что ты не на моем месте, Дина. Поверь мне, чужой жизнью жить не всегда приятно, никогда не знаешь, что происходит у человека за закрытой дверью, — пожалала плечами Шарлотта и помяла между пальцев зеленую мармеладку, обваленную в сахаре, и с удовольствием положила ее на язык. Тера смотрела на нее с гордостью и понимала, что сестре в высшем обществе будет проще, чем ей. Лотти уже хорошо держалась на публике, с гордостью носила расшитые бахромой платья и знала два иностранных языка. Она непринужденно разговаривала на разные темы, обсуждала политику и литературу одновременно.

Тера так не могла. Подсознательно она понимала, что ее считали главным разочарованием семьи. Матушка много сил вложила в ее образование, отчего Тера хорошо разбиралась в математике и литературе, говорила на трех языках, играла на скрипке и разбиралась в современном искусстве. Да и по словам той же матушки, девушкой она была красивой: длинные каштановые волосы, непривычные для современного общества, притягивали взгляд, голубые глаза контрастировали с оливкового цвета кожей. Ее некогда пышное тело под влиянием стресса перед свадьбой исхудало. О былом напоминали лишь небольшие складки на боках, которые ненавидел Освальд. Изящная, красивая в своей строгости, она редко говорила на публике и чаще всего кивала в знак согласия, пусть порой и не была согласна.

Однако даже мое образование и внешность не помогли в поисках жениха. Вы сами выбрали достойную партию, которая была готова покрыть ваши долги.

О своем муже, который днями пропадал в лаборатории, она старательно не думала. Не позволяла чувствам брать верх над разумом. Тера жила лучше, чем многие, поэтому не имела права на капризы и нытье.

— Мне кажется это просто ужасно! — возмутилась Лотти и попыталась натянуть рукава белой, свободной блузки до середины ладони. Тера посмотрела на младшую сестру, понимая, что за своими размышлениями пропустила нечто важное. Ведь Лотти сидела чуть сгорбившись, что до этого никогда себе не позволяла, и нервно теребила рукава. — Все стоит. Машинисты отказываются работать, поезда стоят, производство лекарств никуда не двигается. А еще люди, их так много! Я из окна видела целую толпу рабочих и видит Бог, если б я попалась им на глаза, то они растоптали бы меня. Хотя их понять можно, увеличение рабочего времени при сокращении зарплаты — недопустимо! Куда смотрело правительство? Король и премьер-министр вообще не думают о простом народе.

Лотти недовольно засопела, сдерживая негодование, и вновь положила на язык красную

мармеладку, обваленную в сахаре. Ее тонкие пальцы переплелись между собой на клетчатой, на удивление строгой юбке в пол, наверняка выбирала мама. Она любила подобные реверансы в сторону знатности и статуса места, в которое отправлялась сама или отправляла своих детей.

Комната погрузилась в гнетущую тишину. Тера видела, как слуги едва уловимо напряглись, хотя их эти изменения совершенно не касались. Вся прислуга, от горничных до дворецкого работали исключительно на семью Пикфорд и все вопросы касательно денег и времени работы решались исключительно с Освальдом и его отцом. Опасались они напрасно, хотя забастовка коснулась всех без исключения.

— О, дорогая, не стоит девушкам в высшем обществе говорить о политике. Это дурной тон! — отрезала Дина, поправляя нить перламутровых бус. Она вновь взяла чашечку в руки и допила остывший, но по-прежнему ароматный чай, оставляя на кружке еще один алый след от помады. Тера посмотрела на нее поверх тонкого ободка чашечки и скрыла горькую улыбку во все еще теплом чае.

Как и не стоит девушке в высшем обществе спать с женатыми мужчинами, Дина.

— Лучше послушайте, как моя хорошая подруга ездила в Париж. Вы не представляете! Ей удалось увидеть самого Пикассо и Фицджеральда на пляже рядом с виллой Америка. Это просто волшебное место, по ее словам, где можно выпить кофе и вдоволь посмеяться. Когда-нибудь и я там окажусь, под чутким крылом Сары Мерфи и буду курить вместе с Пабло и Зельдой!

Дина распалась, говорила все громче и, что несвойственно для нее, жестикулировала руками. Глаза у нее сияли, как солнечные лучи на перламутровых жемчужинах, а голос звенел, словно вокруг летает миллион комаров. От высокого голоса подруги, которая не замолкала, а заливалась соловьем, хозяйка особняка невольно вжала голову в плечи, недовольно морща нос. Краем глаза Тера заметила сведенные к переносице тонкие брови Марты, которая все так же стояла в углу и терпеливо ждала приказов молодой хозяйки. Такие же эмоции испытывала и Лотти, вот только проявляла она их не скрываясь. Она кривила пухлые губы, закатывала карие глаза к потолку с лепнинами в виде длинный лоз, еле заметных листьев клена и пышных бутонов роз.

— Господь всемогущий, Дина! В мире много вещей, помимо развлечений и одежды, — возмутилась Лотти и с силой поставила чашечку на блюде, отчего возникшую тишину прервал громкий звон. Она недовольно отодвинула от себя полупустую вазочку и посмотрела на пасмурное небо за окном. — Если не менять систему, не делать что-то на благо страны, то никакой моды и развлечений не будет. Разве я не права?

На последних словах Лотти резко повернула голову в сторону Теры, отчего ее каштановые волосы взметнулись вверх, как потревоженные хлопья снега, и тут же осели на плечах блестящим водопадом. От пронзительного, упрямого взгляда Тере стало не по себе. Она поднесла чашечку ко рту и сделала неуверенный глоток, чувствуя, как высокой ворот платья давил на шею. В голове металось множество мыслей, а от пристального внимания уже двух девушек руки мелко дрожали.

— Чем сильнее недовольство народа, тем уступчивее власть. Правители всегда опираются на народ, иначе кем править? — через какое-то время ответила она и с удивлением отметила, что голос ее звучал спокойно и даже как-то властно. Это радовало, ведь новый статус обязывал не только держать лицо перед прислугой, но и говорить красиво. Хотя этому ее научила школа с непоседливыми детьми, в которую она больше никогда не

вернется.

Ты отобрал все, что было дорого мне, супруг, и запер в этом доме с наказом ухаживать. Но как ухаживать за местом, которое ненавидишь?

На ее слова Дина лишь фыркнула и вальяжно откинулась на спинку кресла, обитого мягкой, алой тканью. Закинув ногу на ногу, она накрутила на палец жемчужную нить и задумчиво кусала губы, совершенно позабыв про помаду. Хотя наверняка в ее маленькой сумочке лежала запасная, ведь не будет уважающая себя женщина выходить из дома без помады и шляпки, которая скрывала не только неудачную укладку, но и украшала образ. Так говорила Дина, когда доставала небольшое зеркало и поправляла прическу.

Тера не понимала подругу, хоть и общалась с ней больше шести лет. Иудина никогда не была примерной девочкой и прилежной учебе предпочитала светские приемы. Танцевала, пила шампанское и всегда приставала к пианистам, потому что музыканты ее слабость. Учила языки во время разговоров и всегда смеялась в ладошку, если что-то не получалось. Она любила жить в роскоши. Всегда носила дорогую одежду и знала, что будет модно через месяц, меняла украшения каждый день и красила губы алой помадой. А еще Дина была до безобразия любвеобильной. Она встречалась с мужчинами, спала с ними, принимала от них дорогие подарки и ходила на приемы. И ей было не важно, женаты они или свободны, ведь многие из них для нее на одно лицо. На самом деле Тера не знала наверняка, спала ли подруга когда-нибудь с Освальдом или делала это сейчас. Она лишь знала, что была бы рада подобному исходу, ведь ей бы уделяли меньше внимания.

— Какие вы скучные.

— Поговаривают, жемчуг вышел из моды, — как бы между прочим заметила Лотти, разглаживая подол юбки. Она невольно посмотрела на сестру, до подбородка укутанную в строгое платье, которое повсеместно носили полвека назад. Однако, несмотря на старомодность, Тере шли именно такие строгие наряды, которые подчеркивали ее стать, фигуру и делали ее неприкосновенной на вид.

Лотти по-настоящему любила и восхищалась сестрой, желая быть похожей на нее во всем. Любила безмерно, но не понимала и не принимала покладистости Теры, ее постоянного спокойствия и легкого равнодушия. Когда-то ей даже казалось, что у сестры отсутствовало собственное мнение, ведь та была послушной девочкой, которая безропотно ходила вслед за строгой матерью на уроки фортепиано и чтения. И это усиливалось с каждым годом, перерастая в раздражение, злость, ненависть. Лотти не любила, когда, приходя в слезах ища утешения, получала от сестры лишь слабую улыбку и слова о том, что родителям виднее. Ненавидела отсутствие поддержки со стороны Теры, но всегда понимала ее и поддерживала. Любила.

— Жемчуг никогда не выйдет из моды, милая моя, — поцокала языком Дина и промокнула белоснежной, хрустящей салфеткой губы. Алая помада отпечаталась на ткани, отчего Тера невольно скривилась. — Он любит ловить золото своим перламутровым боком.

Не стоит возносить в лик святых обычных людей, ведущих праздный образ жизни, дорогая Дина.

— Однако для ловли золота нужно солнце, а сейчас... — скучающим тоном проговорила Тера и посмотрела в окно. Еще утром небо было бледно голубым с редкими, сизыми облаками, а сейчас густые, ватные тучи, количество которых увеличивалось на глазах, наливаются чернотой. Картина за окном представляет собой кадр из немого кино: краски блеклые, высокие ели окрасились в темно-серые тона, а завывающий ветер

переносил мелкие дождевые капли и стучал по окнам. — Сейчас за окном дождь собирается.

Дина вскинула тонкие бровки, непонимающе посмотрела в окно с массивными ставнями из красного дерева. Заметив серость за стеклом и черные тучи, она поджала криво накрашенные губы, с которых уже смазалась помада. Комната погрузилась в тишину, которую прерывал лишь свист ветра, трепет стекла и мигающий свет лампы под потолком, которую включила Марта. Неожиданно Дина цокнула языком и потянулась к небольшой сумочке из черной кожи, имеющей форму прямоугольника и большую золотую бляшку.

— Думаю, нам следует откланяться.

Дина достала круглое, небольшое зеркальце и аккуратно нарисовала губы алой помадой. Перекрывая неровные очертания густым, красным цветом, который поблескивает в светел лампы, она придирчиво осматривала прическу, макияж и украшения.

Прошу, не оставляйте меня наедине с ними. Не уходите.

— Хорошо, я вас провожу, — через некоторое время ответила Тера и дрожащими руками погладила подол изумрудного платья. Отпускать подругу и младшую сестру не хотелось, как и не хотелось вновь быть один на один с Освальдом.

Тера встала, поправляя длинные рукава с белоснежными кружевами. Изумрудное. Тера ненавидела зеленые тона, предпочитая им алые или черные, однако Освальд настоял, как настоял и на легком платье с множеством переливающихся страз, которое оголяло круглые колени и острые локти. Как и раньше, она не принадлежала себе, лишь выполняла пожелания и следовала тенью сначала за матерью, а теперь за мужем. С одной стороны, ей удобно быть тенью, а с другой постоянно выполнять чужие поручения больше не хотелось.

Однако Освальд выйти из тени не позволит.

Тера прошла через открытую Мартой дверь и пошла по длинным коридорам. Цокот каблуков черных туфелек заглушал изумрудный ковер с низким ворсом и золотой вышивкой по краям. На невысоких стеллажах стояли хрупкие вазы с пышными цветами, на стенах наравне с подсвечниками висели картины, которые можно рассматривать часами. Порой Тера стояла напротив них и смотрела, изучала каждую трещинку и мазок, а потом, повинувшись зову слуг, шла к пришедшему из лаборатории супругу.

Они вышли и оказались в просторном коридоре с деревянной лестницей и резными перилами, уходящими на второй этаж. Когда они подходили к выходу из особняка, Тера вздрогнула всем телом, почувствовав, как кто-то схватил ее за руку. Она обернулась, непонимающе смотря на сестру.

— Что-то случилось? — поинтересовалась Тера и вскинула бровь. Она посмотрела на Дину, стоявшую рядом с бюстом безымянного ученого, которого Освальд боготворил и пылинки сдувал, потом вновь на Лотти.

— Если хочешь, я могу остаться. У вас комнат много, матушка поймет и злиться точно не будет, — приглушенно проговорила Лотти и подошла ближе. От нее пахло чем-то приторно сладким, будто множество карамелек смешали с ирисами. Совершенно детский аромат, который подходил непосредственной Лотти как никогда лучше. И сейчас этот человек стоял напротив, готовый защитить, отразить удар, однако Тера уже давно смирилась и не хотела впутывать в дела *своей* семьи сестру.

— Не стоит, я справлюсь.

Нет. Не справлюсь. Прошу, не уезжай.

— Ты уверена? — скептически поинтересовалась Лотти и подошла почти вплотную. Она теплая, почти горячая и по-домашнему родная. Наверное, этого Тере и не хватало все

это время, весь месяц, который прошел со дня свадьбы, не хватало заботы, тепла и запаха карамели с табаком, который курил отец.

Неожиданно за массивной дверью что-то загрохотало. Гремел гром, который Тера боялась всей душой, ведь, когда небо трещало, в голове всплывали детские, наивные воспоминания об огромном великане, который шел к их дому и сотрясал землю. Вновь грохот, прерывистое дыхание Дины, которая обеспокоенно посмотрела на входную дверь, вошедших в коридор молодых парней-слуг. Она выглядела обеспокоенной, резкими движениями поправляла идеально уложенные волосы.

Надвигался дождь.

— Вам пора идти, иначе попадете под дождь и промокните, — Тера взяла сестру за руки и улыбнулась, непривычно широко, так, что губы заныли. Они смотрели друг на друга некоторое время, одна пыталась увидеть в глазах сестры знак к действиям, в то время как вторая запоминала. Когда они встретятся в следующий раз? Через месяц, год, неделю?

Лотти недовольно выдохнула и отошла, смиряясь с решением сестры.

— Если что зови, я всегда приеду.

Шарлотта с Иудиной вышли из особняка, вставая под черный зонт, который держал водитель семьи Пикфорд. Их семьи. Тера стояла на крыльце, когда мелко заморосил дождь, делая подол темнее. Стояла, пока машина скрывалась за пышными кустами, пока мальчишка раскрывал над ее головой зонт, смотря при этом с едва скрываемым непониманием и недовольством. Вот и подошла ее сказка к концу. Вновь она осталась один на один с недружелюбным, холодным особняком и слугами, в которых боролось навязанное уважение, безразличие и недоумение.

— Госпожа, вам стоит зайти в особняк. Дождь усиливается, и вы можете простудиться, — обеспокоенно сказала Марта, стоя рядом с дверями. Тера медленно повернула голову, смотря на старую женщину, укрытую от ветра плотной шалью. Резко появилась усталость и холод, который белыми нитями прошивал ее мышцы и кости, скручивая их, пронзая тонкой иглой измученное тело.

Тера приподняла подол платья и уже собралась зайти обратно в дом, когда за общим шумом услышала какой-то странный звук. словно писк или всхлип, который повторился через несколько секунд. Обеспокоенная, она осмотрелась в поиске источника и ничего не увидела, только пышные кусты алых роз, которыми Освальд вымаливал прощение за свое грубое поведение в их первую ночь. Это единственные алые розы в саду, потому что супруг любил белые цветы, белое пастельное белье, халаты, полотенца, которые идеально соответствовали по цвету со стерильно белым стенам в его кабинете.

Слуги смотрели на нее непонимающе и немного обеспокоенно, в то время как Тера осматривалась, ища источник тонкого скулежа. Она впервые не могла противиться, пройти мимо, потому что понимала, что сама тихо так же подвывала ночью, когда все спали. Когда тело онемев от боли, не слушалось, а глаза болели от пролитых слез и в горле саднило. Освальд ненавидел, когда она кричала, поэтому кусал губы, глушил, вдавливал лицом в подушку, оставляя на шее тонкие полосы от собственных пальцев. Такому призыву и помощи она не могла противиться, поэтому медленно шла, невзирая на дождь, холод и окрики слуг, того самого мальчишки, который бежал за ней, вытянув руку с зонтом вперед.

Неожиданно Тера увидела массивного мужчину в грязном комбинезоне и резиновых сапогах по колени. Его она уже видела несколько раз в саду, но не придавала значения, игнорировала того, что наравне с ней ухаживал за цветами и деревьями на заднем дворе. И

сейчас мужчина держал в руках серый мешок. Живой мешок.

— Что у вас там?

Садовник не ожидал ее появления, поэтому вскинул руки и неловко повернулся в сторону новой хозяйки особняка. Раскрасневшийся, чуть хмельной, он улыбнулся криво и приложил раскрытую ладонь с шрамами к груди.

— Извините, госпожа, не признал. Да тут эта, дворняга понесла и устроила гнездование неподалеку от забора. Хозяин собак не любит, поэтому эта, нужно избавиться.

Убить беззащитное, недавно рожденное создание? Тера отказывалась, не верила в такую жестокость со стороны людей и собственного супруга. Неужели тот действительно отдавал приказы убивать всех неугодных зверей, вместо того чтобы отдать их в питомники или другие семьи? Щенок в мешке вновь заскулил, забился, отчего ткань пошла неровными волнами, тьякнул неловко.

— Оставь его.

— Но...

— Я сказала тебе оставить его! — вспыхнула Тера и тут же замолчала, ощущая привычное жжение в горле. Давно она не кричала, особенно после таких дней, когда даже дыхание и спокойная речь причиняла боль. Взяв себя в руки, Тера вновь посмотрела на удивленного таким напором садовника и кивнула на мешок. — Отпусти. Это приказ. С супругом я сама поговорю.

Садовник некультурно хрюкнул и выпустил мешок их рук, отчего тот упал на плотную, мокрую землю. Тера поджала губы, недовольно смотря на мужчину, а потом обратила внимание на мешок, который извивался, подпрыгивал на месте, лая от страха. Зовя на помощь. Потом появился черный, маленький носик, черная мордочка с висячими ушками, слабые лапки и поникший хвостик. Маленькое, пухлое создание, которое в страхе осматривалось по сторонам и скулило, покорило ее сердце. Мама никогда не разрешала ей заводить домашних животных, не переносила их запах и слюни, всегда кривилась, когда слышала лай и мяуканье. А Тера хотела, очень хотела и несколько раз ругалась с родителями, но быстро успокоилась, когда получила деревянной линейкой по спине и рукам.

Сейчас мамы не было. Она была почти полностью предоставлена себе и не собиралась отказываться от желаний. Присев перед испуганным щенком, отчего подол платья раздулся и неровными складками опустился на грязную землю, и протянула руку. Щенок лишь зарычал на нее недовольно, и словно сжался весь, подобрался.

— Малыш, не бойся, — как можно ласковее произнесла она и улыбнулась, всматриваясь в собаку. Полностью черный, с висящими ушками и складочками, он напоминал ей слишком много различных пород, все из которых потом вырастали в больших псов. Ему от силы была неделя или чуть больше, однако глаза-бусинки смотрели настороженно и словно сканировали, заглядывали под самую кожу.

Он принюхивался, подходил на несколько сантиметров, потом опять отходил, рычал. Слуга за спиной переминался с ноги на ногу, отчего крупные капли иногда попадали на тело Теры, впитываясь в ткань платья или растрепанные ветром волосы, закатывал глаза недовольно. Он не понимал, почему они сейчас стояли на холоде, почему жена господина пачкала свое платье и не разрешала утопить мелкое недоразумение? Ошибку природы, которую принесла в их особняк какая-то шавка.

Так прошла минута, вторая, третья. Щенок успокаивался медленно и словно неохотно,

принюхивался и в конце концов подошел. Уткнулся мокрым, холодным носом ей в ладонь и дернул головой, напрашиваясь на ласку.

— Хороший, мальчик.

Тера улыбнулась так широко, что заболели щеки и потрескались губы, но в этот момент она была по-настоящему счастлива. Мягкий, теплый, дрожащий, он тянулся в поисках защиты, которую она с радостью дарила, прижимая к стремительно намокающему корсету. Скорее всего платье придется долго стирать или вовсе перешивать, но она не жалела.

— Госпожа, пора возвращаться.

Этого женщина боялась сильнее всего. Встав с щенком на руках, Тера последний раз посмотрела на пыльный мешок, отвратительного болотного цвета, развернулась, и пошла обратно в особняк. Ей предстоял долгий разговор с супругом, которого придется упорно уговаривать. В особняке у порога уже стояли слуги и Марта, которая незамедлительно сняла с себя шаль и накрыла ей плечи дрожащей и растрепанной хозяйки. К ней тут же подбежал неизвестный мальчика, который помог снять грязную обувь, обтер ее ноги мокрым полотенцем и поставил перед ней мягкие тапочки. Он сделал это так быстро, что Тера не успела ничего сказать, лишь посмотрела в ответ на придирчивый взгляд Марты и услышала тяжелый вздох.

— Господин вернулся.

Во рту появился металлический привкус от кровоточащих ранок на губах. Вернулся. Как она хотела его не видеть, не ощущать, не знать. Но Освальд был рядом, в этом особняке, его клеймо висело неподъемным грузом на безымянном пальце. Без его одобрения щенка придется отдать, а Тера впервые этого не хотела. Очень не хотела. Поэтому прижав маленькое тельце к себе плотнее, тряхнула головой и приосанившись, пошла к супругу.

Освальд обнаружился в своем кабинете, не закрытом. Тера пораженно посмотрела на массивный дубовый стол с черным телефоном в самом углу, большой книжный стеллаж с потрепанными, старыми корешками, смотрящими на пустую белую стену с небольшой картиной в самом углу. Освальд стоял у окна и расстегивал запонки на стерильно белоснежной рубашке.

— Освальд, — неуверенно позвала его Тера и тут же передернула плечами. Супруг выглядел уставшим и раздраженным, а когда увидел щенка, который крутил головой по сторонам и принюхивался, то и вовсе сильно разозлился. Желваки носа трепетали, словно Освальд принюхивался и запах ему явно не нравился, как и вид самой Теры. — Прощу, давай оставим щенка?

— Он грязный. Отвратительный разносчик заразы, — угрожающе сказал он и скривился. Освальд ненавидел собак и остальных мелких живностей, которые годились лишь на эксперименты. Поэтому требовал уничтожать всех животных, а этого удавить не успела. Жаль.

Массивный, большой и опасный Освальд, у которого очень тяжелая рука. И кожа пахла формалином, книжной пылью, мылом, лекарствами и всегда была гладкой и сухой. Он смотрел на нее угрожающе, не скрываясь и не врал больше, потому что не было больше смысла. Под этим взглядом, Тера чувствовала себя маленькой и жалкой, оголенной. Она хотела сбежать, как делала это всегда, спрятаться от супруга и не показываться ему на глаза, однако на руках сидел щенок, который настороженно смотрел на Освальда.

Неожиданно щенок зарычал, оскалил мелкие клыки. Это удивило не только саму Теру, но и Освальда. Вот только если она радовалась, то супруг злился, скрещивал руки на груди.

Очень злился. Чтобы не нагнетать обстановку, она погладила щенка между ушей.

Прошу, не провоцируй его, маленький.

— Освальд, это единственное, о чем я прошу. Давай его оставим, — дрожащим голосом повторила она и невольно шмыгнула носом. Одежда мокрая и тяжелая, щенок тоже тяжелый, а руки и тело дрожали от страха и холода.

Освальд посмотрел на нее, потом на щенка и тяжело вздохнул.

— Иди помойся. От тебя псиной воняет.

Впервые Тера была благодарна супругу, поэтому улыбнулась слабо, кивнула и быстро вышла из кабинета. В его царстве ей не было места. Дойдя до спальни, Тера заметила парнишку, который склонил голову в поклоне и потянул руки к щенку.

— Я помою его и отнесу на кухню. Там тепло, и еда есть.

Тера погладила собаку между ушей, посмотрела в его глаза-бусинки и пересилив себя, аккуратно вложила его в тонкие руки слуги. Смотрела, как его уносили, вслушивалась в тихий шум особняка и понимала, что вновь одна. Она знала свое место в этом доме, понимала, зачем намыливала кожу до покраснения, высушивала волосы полотенцем и не надевала ничего, кроме тонкой сорочки.

Глаза обожгли слезы, когда Тера дотронулась до железной, холодной ручки. Там, в спальне, уже ждал супруг и новое унижение, усиленное в несколько раз ее просьбой, неповиновением и работой, которая не шла. Растерев слезы по лицу в тщетной попытке стереть, Тера вдохнула, судорожно выдохнула и с силой открыла дверь, запрещая думать о плохом. И хорошем тоже.

Освальд стоял у кровати и придирчиво осматривал белье, словно выискивал там грязь или другие пятна. Наверное, так и было, потому что он педантичен и фанатичен во всем, особенно если дело касалось чистоты и лаборатории. Хотя по отношению к работе Освальд не только педантичен, но и мнителен, поэтому кабинет всегда закрыт, а все бумаги хранились в сейфе.

— Ты долго. Иди сюда.

Это была не просьба. Освальд даже не посмотрел в ее сторону, лишь расстегнул ремень брюк. В этот момент Тера пожалела, что надела сорочку и вышла из ванной. Жалела, но послушно закрыла за собой дверь и подумала о Лондоне. Да, Лондон был прекрасен.

Глубокий, приятный голос певца отражался от пустых каменных стен и приобретал совершенно новые, необычные нотки. Тера с наслаждением вслушивалась в немного механический призыв саксофона и скачущий голос. Новенький граммофон с большой, позолоченной трубой стоял на тумбе с литыми ручками, спица бегала по виниловой пластине, подпрыгивала и вновь опускалась. Такой же, но чуть поменьше стоял в библиотеке, только на нем ставили в основном классические произведения. Их Тера тоже любила, но больший трепет вызывал джаз. От звуков саксофона она готова была танцевать и на душе сразу становилось легко.

Даже сейчас, в окружении незнакомых людей, она чувствовала, как тело лишь на миллиметр двигалось то вправо, то влево. Улыбка, не натянутая, а вполне умиротворенная не сходила с лица. Она здоровалась с вновь прибывшими друзьями супруга и его семьи, перекидывалась парой слов с женщинами, с которыми стоило бы завести хорошие отношения. Зал наполнял приглушенный смех, цокот тонких шпилек о деревянный пол и звон бокалов с золотистым шампанским. Молодые девушки и женщины крутились, показывали платья с пайетками и длинной бахромой, которая как шерсть собаки колли разлеталась из стороны в сторону. На плечах у многих лежали меховые воротники, а в руках, между пальцами тлели тонкие сигареты. Тера медленно плавала среди гостей, ловила закрытыми черными туфлями длинные перья, смотрела на свои руки, скрытые плотными рукавами, и улыбалась на очередную шутку какого-нибудь гостя.

Многие уже обсудили погоду в туманном Лондоне и перешли к более насущным проблемам. Тера перетекала из одной компании в другую и, в наглухо застегнутом платье бордового цвета, смотрелась инородно. Она не оголяла спину, покрытую длинными царапинами от трости, не показывала бока с большими синяками от острого носка ботинка. Приучила себя делать низкие прически, чтобы россыпь засосов, выглядывающих из-под высокого ворота, была всегда закрыта. Ей не жарко, корсет не стягивал талию, хоть и давил на подживающие нижние ребра.

— Прекрасный вечер, миссис Пикфорд.

— Благодарю вас, миссис Блэкберри. Мне есть на кого ровняться, — так же улыбаясь говорила она и сама не верила своим словам. Все эти обмены любезностями ей не нравились, как и оценивающий взгляд матери мужа.

Лотти, тебе бы тут определенно понравилось.

Вскоре щеки неприятно ныли, а улыбка выглядела не такой широкой и радушной. Благо на нее никто уже не обращал внимание, занятые обсуждением последних новостей моды или искусства, дамы стояли возле колонн и редких картин. Джентльмены же стремились к уединению и сидели рядом с приоткрытыми окнами в глубоких креслах. Все они стремились угодить Освальду, который занимал не последнее место в научных кругах. Тера несколько раз находила на полу плотные листы, исписанные химическими формулами, собирала их, уже не силясь понять латинские названия. Порой это сходило ей с рук, а когда муж был в плохом настроении, он или грубо брал ее прямо на узком диванчике, или бил сильно, целясь в живот. Последние несколько дней он всегда закрывал свой кабинет на ключ, который носил в нагрудном кармане.

Пусть алкоголь будет тебе сегодня другом и любимой женой, дорогой супруг, а одеяло

и пустая постель ее объятиями.

Тера вновь посмотрела на супруга с вечно искривленными в усмешке губами и пошла к выходу из большого зала. Каблуки отбивали дробь, четкий марш, заглушаемый прекрасными джазовыми мотивами. Она поставила полупустой фужер на поднос парнишки, который работал в их доме второй месяц, и вышла. Улыбка с лица буквально пропала, как пропадали пятна чая под натиском мокрой тряпки. Тера не обернулась, проваливалась в полутьму мертвых коридоров, предчувствуя завтрашний скандал. Миссис Пикфорд давно не приглашала на светские мероприятия ее семью: ни мать с отцом, которые заведовали теперь небольшой фабрикой, ни сестру, поступившей в престижный университет. Лишь Иудина ходила среди гостей, но всегда уходила под руку с каким-нибудь мужчиной, а потом жаловалась, когда ей разрешали приехать на полуденный чай.

Все дальше становились звуки саксофона, а слова еще никому не знакомого певца расплывались, сливались в одно мелодичное мычание. Тера потеряла ноющий бок, покрытый синяками, все еще чувствительными ссадинами и улыбнулась слабо. По длинному, алому ковру с коротким ворсом бежал Мино, уже не щенок, а большая и грозная собака, остающаяся ребенком в душе. Черный доберман, с трогательными коричневыми пятнами на грудке и мордочке, глухо лаял, ластился к ее ладони и вилял коротким хвостом.

— Тише, Мино, — строго сказала она и погладила пса между ушей. Скольких сил и терпения ей стоило их поднять. Ее маленькая радость и гордость, пес, которого все боялись и ненавидели одновременно. Мино рос быстро и слушался лишь Тера, которая посвящала его тренировке все свое свободное время.

После ее слов Мино сел и резко замолчал, подставляя под ласковые касания свою большую морду с острыми ушами. Доберманы не милые собаки и все в особняке знали это. С его появлением в округе не гуляли больше коты и голуби, миссис Пикфорд пришлось отвезти свою любимую кошечку в свой особняк. Мино оберегал свои границы и мог перегрызть горло тем, кто пробирался, кто угрожал его хозяйке и ее покою.

— Мой ласковый, — зашептала она и принялась гладить пса уже двумя руками. Тера любила Мино как собственного ребенка и полюбила его сильнее, когда он бросился защищать ее от злого мужа. Тогда ей досталось чуть меньше, а у супруга неделю заживала царапина на ноге. Теперь Освальд злился чаще, а Мино рычал на него, пока Тера не требовала его успокоится или уйти. Все же портить отношения с мужем не стоило.

Тера подняла взгляд и почувствовала, как сердце подскочило до горла и замерло там. Она еще раз погладила Мино и оставила его охранять, в то время как сама направилась к тяжелым, алым шторам. Как только она подошла к большому окну с узким подоконником и достаточным местом для двух людей, сильные руки обвили талию в корсете и притянули к себе. Лишь на мгновение стало страшно, отчего дыхание перехватило, а раскрытые ладони уперлись в твидовый пиджак синего цвета. Наверняка синего.

В нос ударил терпкий аромат мужского одеколona и все посторонние мысли вылетели из головы. Остались лишь обветренные губы на губах, большие ладони на талии и сбитое дыхание на ушах, за ушной раковиной и на шее. Тера плавилась под умелыми ласками, прижималась отчаянно и чутко вслушивалась в чужой, лихорадочный шепот.

— Моя самая прекрасная, изящная... Моя. Необыкновенная. Люблю тебя безумно, — на грани слышимости шептал мужчина и прижимал к себе. Укрывал в своей ласке. Тера чувствовала трепет в районе желудка, смотрела недоверчиво в синие глаза и пропадала. Она не боялась, перебирала тонкими пальцами светлые пряди, целовала отчаянно и не могла

надышаться.

Я отравлена тобой. Отравлена любовью к тебе. Но впервые я хочу умереть от этого, превратится в прах и осесть на твоей коже, чтобы всегда быть рядом.

На периферии сознания она слышала приглушенные голоса. Выпутываться из объятий не хотелось, как и не хотелось отрываться от любимых губ. Она чувствовала себя невесомой и безмерно счастливой, чувствовала, как струились в венах маленькие пузырьки то ли шампанского, то ли детской радости. Внутри все горело огнем и безмерно хотелось махнуть рукой и сбежать с этим прекрасным и безмерно любимым, важным мужчиной. Но нельзя.

— Прости любимая, я не должен был увлекаться, — мужчина говорил хрипло, целовал ее лицо, в то время как проворные пальцы поправляли задранный подол платья. Он развернул Тера к себе спиной и быстро справился с тугими лентами, вновь затягивая корсет. — В следующий раз я буду осторожнее. Люблю тебя, принцесса.

Мужчина коротко поцеловал ее в чувствительные и немного ноющие губы и ушел. Мино зарычал глухо на него, встал со своего места, готовясь защищать себя и хозяйку, но лишь подбежал, когда услышал свое имя. Он вновь терся о бедро Тера, смотрел преданно и облизывал раскрытую ладонь. Она на это лишь глухо рассмеялась и пошла в свою спальню. Ей не стоило показываться в таком виде перед гостями, иначе позора не оберешься. Однако ради любимого она готова была жить в липком позоре всю жизнь, лишь бы не в этом мертвом особняке.

***

Тело болело, каждая натруженная мышца пульсировала и отдавала ноющей болью в висках. Хотелось плакать, а еще не вставать с постели и провести весь свой день на разрозненных простынях, которые хранили ее пот и кровь, но уже лишись тепла Освальда. Да и не удивительно это было. Муж никогда не будил ее, если просыпался раньше, а потом ругался долго и бил широким ремнем себе по ладони, обтянутой кожаной перчаткой. Вспоминать об этом не хотелось, как и лежать дальше, предчувствуя скандал.

Тера встала с постели, покачнулась из-за дрожащих коленей и ощутила влажность там, где ее не должно было быть. Не с ним. Она пригладила включенные волосы, закуталась в тонкое одеяло, уже не пригодное для дальнейшего использования и пошла в ванную комнату. Там, стоя под тугими струями воды, которые почти плавил тело, и натирала кожу жесткой губкой до красноты, ощущая неприятный запах мыла, который нарастал с каждой секундой.

Она закрыла крепко глаза и прикусила губу, вновь подавляя в себе желание закричать. У них с Освальдом не было любви и даже хлипкой дружбы, поэтому отсутствие теплоты во взаимоотношениях ее не удивляло. Шокировало лишь то, что он позволял себе поднимать руку. Он ругался грязно при ней, придирался и явно показывал, где ее место в этом доме. Первый удар полгода назад Тера списала на легкий алкоголь в крови супруга. Через несколько недель, когда он накричал на нее и вновь побил, она не верила в этом. А потом долго плакала в библиотеке.

С того дня она каждый день писала письма Лотти, которые не отправляла, а хранила в тайном отделении шкапулки.

Скрывала синяки и не морщилась при резких движениях — этому она училась долго. Позорить себя не хотелось. Где это видано, что муж бил жену кулаками и ногами пинал скрюченное тело, таскал за волосы, а потом брал почти на сухую? Ссор из дома и спальни Тера не выносила, терпела и днем не попадалась ему на глаза. Терпела, отшучивалась и

лелеяла надежду, что когда-нибудь станет лучше. И лучше стало. Но не с ним.

Выходить не хотелось, однако стоило. Муж и его семья определенно не оценили бы ее отсутствие за завтраком. В комнате уже бегала служанка, собирая грязное постельное белье, стеля новое и совершенно не обращая на нее, хозяйку, внимания. Тера хмыкнула на такой незаметный знак протеста, направилась к большому и глубокому шкафу. Достала длинное платье с высоким воротом и длинными рукавами, которое скрывало ее тело под слоями ткани. Тонкое кружевное белье, длинные чулки, пояс которых немного давил на ляжки с фиолетовыми синяками, потом платье с корсетом на тугих шнурах. Выворачивая руки под немислимым углом, Тера затянула корсет, отчего тонкие шнуры впивались в ладони оставляя после себя темные полосы, которые должны исчезнуть. Ребра протестующе заныли, однако она лишь сжала челюсть, застегнула тугие пуговицы на вороте и рукавах, собрала все еще немного влажные волосы в высокий пучок и выдохнула.

Мое тело — мой храм. Не так важно, что над храмом надругались, насмехнулись и унизили. Он выстоял, пусть фасад пострадал, но внутри все еще горел огонь, слабый и едва теплящийся.

Она спустилась на первый этаж, не обращая внимание на абсолютно безразличных к ней слуг. Прошла через Голубую гостиную и малый Золотой зал, расправила складки на подоле и вошла в малый обеденный зал. Обилие белых и пастельно голубых тонов сразу бросилось в глаза, как и немного грубоватые лепнины, встроенные в стены ниши с изящными вазами, в которых располагались свежие цветы из сада. За овальным столом на восемь персон, богато сервированным старинным фарфором, серебряными ложками, шелковой скатертью и тонкой фарфоровой вазой с нарциссами посередине, уже сидела миссис Пикфорд в платье приятного розового цвета с мелкими камушками на лифе. По правую руку от нее сидел Освальд в привычной темной рубашке, костюме тройке глубокого темно-синего цвета и шейном платке вместо галстука. Он спокойно разрезал омлет на маленькие, ровные части. Увидев это, Тера невольно усмехнулась про себя, его дотошность проявлялись даже в таких простых вещах. По правую же сторону от миссис Пикфорд сидел ее муж и выглядел как всегда абсолютно безучастным, будто мыслями находился где-то вне дома, оставив вместо себя лишь свою оболочку.

— Доброе утро и приятно аппетита, — Тера присела в реверансе и села напротив мужа. Вокруг лениво завозились слуги, подавая кашу с малиновым варенье, которое она ненавидела, булочки с изюмом и чашку с горячим, крепким чаем. Тера вдохнула, наполняя легкие приятным ароматом еды, замерла на краткий миг от ноющей боли во всем теле и принялась за еду.

Кажется, никто не обратил на нее внимание, лишь Освальд поднял взгляд и посмотрел недовольно. Однако это уже давно не пугало ее, как и не пугали больше всплески гнева, следы которых неделями не сходили с тела. Зачем думать, если не было никому дела до этого. Кроме Лотти. Но и она не могла помочь, потому что не знала.

— Милый, когда ты поедешь в институт? — сдержанно поинтересовалась миссис Пикфорд и чуть склонила голову, отчего ее короткие волосы, уложенные по последнему писку моды, мазнули по острому подбородку. Павлинье перо в волосах качнулось и Тера невольно задалась вопросом, когда оно упадет?

— Через час. Эти дилетанты ничего не могут без меня сделать.

Тера слушала их в пол уха. Ей было совершенно не интересно, кого мучал в своей лаборатории муж, пока разрабатывал новое лекарство. Она вообще не лезла в его работу,

лишь иногда позволяла себе заглянуть в записи и не более. Медицина и фармацевтика далеки от нее. Она дружила с цифрами и математическими правилами, помогала семейному бухгалтеру и все же надеялась вернуться к преподаванию.

— Дорогая, вы в последнее время много спите, — миссис Пикфорд перевела колючий взгляд на Тера. Та, в свою очередь не пережевывая проглотила кашу с противным привкусом, запила ее водой и вновь съела несколько ложек. Этот разговор ей уже не нравился. Однако, что-либо добавить Тера не успела — в большую столовую лениво вошел Луи.

Он застегнул манжеты, поправил светлые волосы, обвел присутствующих пристальным взглядом и улыбнулся. Луи совсем не похож на брата: жизнерадостный, авантюрный, он смотрел на мир лукавыми синими глазами и с легкостью обходил трудности. Кажется, он вновь влез в долги и вернулся к родителям, просил денег на жилье и машину. Тера не знала точно, дали ли Пикфорды младшему сыну деньги, но Луи жил в особняке уже третий месяц.

— Матушка, отец, доброе утро, — бодро поздоровался он и сел неподалеку от Теры. — Брат, с годовщиной тебя.

И правда.

Она совсем забыла, что прошел ровно год со дня их свадьбы. Она попыталась выдавить из себя улыбку, но лишь сдержано поблагодарила и отодвинула от себя пустую тарелку. Эта новость не вызывала положительных эмоций, впрочем, отрицательных тоже было не так много. Скорее не было ничего, обычное безразличие.

— Год счастливого брака, а наследника все нет?

Тера посмотрела на миссис Пикфорд, потом на собственного супруга. Конечно, это был камень в ее огород, слова, призывающие к стыду. Но стыда не было, как и не было сожаления. Она не хотела ребенка от Освальда. Когда ей снилась маленькая, белокурая дочурка в белоснежной рубашке и заколкой в волосах, утром всегда болела голова и большую часть дня преследовала паника.

Это была твоя самая большая мечта и мой кошмар, дорогой супруг.

— Смею огорчить вас, но я не беременна, — спокойно ответила Тера и посмотрела на кружку с теплым чаем. Она поправила прическу и украдкой посмотрела на брата мужа и получила от него кривую улыбку и озорной блеск в глазах. На душе потеплело.

— Не кажется ли тебе, милый, что ты пригрел на своей груди плоскодонку? — обыденным тоном спросила миссис Пикфорд. Тера передернула плечами и титаническими усилиями сдержала эмоции, которые норовили вырваться наружу. Ей было обидно, немного стыдно и неприятно от того, что такие вопросы миссис Пикфорд задавала в ее присутствии и совершенно этого не стеснялась, будто и нет тут никого.

Тера посмотрела на супруга и довольно улыбнулась, когда увидела еле сдерживаемое раздражение. Ему это тоже не нравилось, как и не были приятны слова матери. Ведь Освальд прекрасно знал, что причина отсутствия у нее беременности не бесплодие. Она прошла достаточное количество врачей, чтобы разуверить будущую семью в своей ущербности. Освальд, гонимый желанием иметь наследника, водил ее к своим знакомым, но те ничего не находили.

Молчишь ты дорогой супруг лишь потому, что знаешь, куда бьешь меня почти каждый день. Даже если б я носила твой плод под сердцем, то давно потеряла бы его.

— Мне пора. Вернусь поздно.

Освальд промокнул губы салфеткой, попрощался с матерью, отцом, строго посмотрел на жену и полностью проигнорировал брата. Недолголюбивал он этого прохиндея, который

сидел у родителей на шее и ничего сам не умел. Луи никогда не хватало серьезности.

После ухода супруга, Тера тоже недолго сидела за столом. В окружении семьи Пикфорд она всегда чувствовала себя неловко, некомфортно, с самого первого дня. Миссис Пикфорд была слишком требовательной в выборе невестки и ко всем женщинам в доме относилась с прохладной настороженностью — боялась потерять авторитет. Лишь с Мартой она обращалась более сдержанно, не кричала и витиевато не оскорбляла. Хотя Марту любили почти все в особняке.

Погладив Мино, Тера улыбнулась безграничной радости собаки и направилась к саду. Впервые за долгие месяцы вышло солнце и на улице очень хорошо. Она купалась в тепле, вдыхала приятный аромат свежей травы и цветов, слушала жужжание насекомых и пение первых птиц. Весна вступала в свои права. Пока Тера медленно шла мимо кустов с цветами, маленьких клумб, Мино бегал рядом, ложился на спину, подставляя ей живот, подбегал к яблоням и возвращался. Хорошо и одиноко, спокойно. Умиротворяюще.

— Отдыхаешь?

Тера вздрогнула от неожиданности и с толикой страха повернулась в сторону говорящего. Луи. Он улыбнулся криво, совсем как брат, запустил руку в растрепанные волосы и подошел почти вплотную. От его тела исходило ровное, приятно тепло, пахло терпким одеколоном и сигарами.

— Отдыхаю. А ты? Я думала ты будешь с матушкой сидеть.

Луи пренебрежительно фыркнул и оттянул ворот рубашки, которая непривычно застегнута на все пуговицы. Обычно он выглядел не так сдержанно, на рубашке всегда оставались помятости и острые складки от недобросовестной глажки, к которой и не притрагивался никто, скорее всего, и пиджак он не носил, предпочитая жилеты. Это отличало его от Освальда, который из костюмов никогда не вылезал, и даже пижама у него была строгая, скрывающее все тело, в то время как ей приходилось лежать голой и открытой.

Передернув плечами, Тера вновь посмотрела на возлюбленного и силой отогнала от себя образ его брата. Освальд — последнее, о чем ей хотелось сейчас думать. Однако весь внешний вид Луи говорил о том, что некоторое время он находился в цепких руках миссис Пикфорд.

— Я с ней и сидел, но быстро сбежал, — задорно ответил Луи и закинул руки за голову. Он посмотрел на Теру, потом немного нервно осмотрелся по сторонам и подошел, взял ее за руку, переплетая пальцы. Заметив легкий румянец на щеках Теры, ее призывный взгляд, легкую улыбку, Луи поднес их руки к лицу и коротко поцеловал пальчики, каждую выпирающую белым холмиком косточку.

— Луи, а если увидят? — взволнованно зашептала она и покраснела, осмотрелась по сторонам, заглянула в окна. Ее руки немного дрожали от нахлынувших эмоций, безграничного счастья и страха, от желания без стеснения приблизиться, утонуть в теплых объятиях, а щеки, уши и шея пылали, сливаясь цветом с гранами в ее серьгах.

И Луи был рад. Ему нравилось эта небольшая игра, поэтому раз за разом он доводил эту красивую, но строгую девушку, почти женщину до состояния, при котором она сама плыла в объятиях. И это настолько прекрасно, настолько завораживающе, что он не отказывал себе в удовольствии и провоцировал, целовал в темных углах и приходил в пустынные комнаты, трогал, гладил, целовал, и боготворил тело с тонкими, редкими шрамами, фиолетовыми синяками, укусами, покрытыми тонкой корочкой запекшейся крови, теща свое самолюбие.

Брат причинял ей боль, а он даровал наслаждение.

— Не волнуйся, дорогая, нас никто не увидит. Братец с отцом на работе, а матушка вот уже больше получаса отъехала к своей давней подруге, перемывать косточки своим подружкам.

И после этих слов притянул ее к себе за талию, целуя ее в щеку, скулу и губы, затягивая в свои сети. И сейчас он видел, что Тера, которая выглядела неприступной вначале, сейчас улыбалась открыто, смотрела на него с неприкрытым обожанием и подставлялась под ласки.

С тобой я чувствую себя живой, мой прекрасный принц.

Неожиданно к ним подбежал Мино. Он принюхался к одежде Луи, зарычал недовольно и уткнулся холодным носом в раскрытую ладонь хозяйки. Одно ее слово, любая злость или печаль с ее стороны и пес вцепиться клыками в обидчика.

Тера со смесью недоверия и страха смотрела на Освальда, который доставал из верхнего ящика комода какие-то странные инструменты. Резиновый жгут метр в длину, марля, неопрятная вата, которую в детстве мама часто клала под елку на Рождество, странные колбочки. Дальше она не смотрела, потому что боялась, потому что перед глазами стояла плотная пелена, заставляющая мир плыть и искажаться под немислимыми углами. А еще она еле сдерживала рыдания, слезы боли и обиды, которые все же скатывались по горячей и опухшей щеке, смешивались с кровью из разбитой губы.

— Прекрати, выглядишь жалко.

Я одинока в своем горе, а ты монстр, убиваешь меня. Уничтожаешь.

В его взгляде сквозило презрение и раздражение, которое он уже не скрывал. Освальд скривился от вида разбитой Теры, которая сдержанно плакала, отчего ее опухшее лицо становилось еще больше и отвратительнее. Слабая и мерзкая, она неловко касалась опухшей щеки, жмурилась и пряталась, отворачивалась от него, не желала видеть. Взяв салфетку, Освальд открыл капсулу со странным препаратом белесого оттенка.

— Что это такое? — все же неловко поинтересовалась Тера и скривилась, когда увидела в руках супруга длинный шприц. Живот скрутило с новой силой и ей пришлось прикусить щеку изнутри. У нее всего лишь болел живот, а сейчас болело все тело и голова. Очень ныли виски.

Освальд не ответил, лишь снял крышку с иглы и подошел к мелко дрожащей Тере, которая на удивление промолчала. Хотя она всегда была немногословно, что не могло не радовать. Такая покладистость его радовала, но одновременно и раздражала. Хотелось самому прочувствовать границы дозволенного, опустить ее на уровень той самой шавки, которая сейчас выла под окном. Если бы не матушка, настоявшая на сохранении жизни этим двум ошибкам природы, чтобы его в обществе не признали тираном и вкладывали инвестиции в его исследования, то не было бы в доме этого блохастого существа. Подавив в себе злость, он сделал Тере укол в вену, прослеживая тонкие завитки вен и ровные росчерки шрамов.

Больно, как же больно. Прекрати, дорогой супруг, не мучай меня больше.

Тера укачивала руку, тихо подвывая от боли на непривычно гладких простынях. Вслушивалась, как за спиной медленно ходил Освальд, убирая все инструменты обратно в комод. Он замер, смотря на лежащую на краю кровати жену и с сожалением понял, что сегодня она вновь будет обмякшим телом, которое уже не доставляло былого удовольствия.

— Завтра в особняк приедут гости. Ты должна соответствовать семье, а не позорить ее.

Его слова полоснули, подбросили поленья в костер обиды и ненависти, которая с каждым днем становилась все сильнее. Сказал и вышел, закрыв за собой дверь на замок. Вновь клетка, из которой не было выхода, лишь один. На тот свет. Однако Тера не настолько слаба, чтобы поддаваться этому мимолетному желанию, поэтому терпела, молчала и искала утешение в объятиях своего единственного и безмерно любимого человека.

Баюкая руку, по венам которой растекался огонь, плавно плывущий от руки, к груди, отчего дыхание перехватывало и сердце сбивалось с ритма, пуская кровь, жидкий огонь к ногам, она тихо плакала. За что ей это все? Неужели выплаченные долги стоили ее страданий и боли, которые обещали преследовать ее на протяжении всей жизни.

Я была тебе хорошей супругой, не перечила, не позорила и соглашалась во все. Поддавалась, отступала, а ты все больше злишься. Сильнее бьешь и уже не таишься. Твоя пощечина будет напоминанием и клеймом, как это чертово кольцо, которое увидят все.

Лишь спустя несколько часов Тера провалилась в тревожный сон, все в том же плотном платье, которое душило, добавляло образы в кошмары, которые не отпускали до самого утра. Тера очень не хотела просыпаться и надеялась на скорое освобождение от душащего супруга и его родителей, которые смеялись над ней.

***

Она рассматривала свой любимый сад с кустами белоснежных роз, нарциссами и лилиями, которые на обеденный стол всегда выставляла миссис Пикфорд. За садом ухаживал садовник, пахнувший спиртом или другим алкогольным напитком, в длинных резиновых сапогах. А еще в саду бегал ее милый Мино, любящий единственный куст алых роз, колкую траву и корни яблони, под которой он спал в особо солнечные дни. К сожалению, сейчас был один из тех пасмурных дней, когда кости ломило, в висках ныло и холодный ветер завывал, то ли зовя за собой, то ли отпугивая.

Тера прерывисто выдохнула и посмотрела на недописанное письмо. «... не могу и никогда не могла. Ты знала это с самого начала, но я не слушала. Слышала лишь свою гордость...» выведено аккуратно на бумаге с несколькими маленькими потертостями и кляксами. Она не представляла, как закончить одно из своих последних писем. Свое последнее письмо. Понаблюдав за веселым Мино, который в конце концов вбежал на кухню.

— Тера?

Она вздрогнула всем телом и тут же скривилась от ноющей боли, которая преследовала ее постоянно. А все из-за странного лекарства, которое Освальд вкалывал ей почти каждое воскресенье. Живот действительно прошел, но теперь ее каждый день преследовала мигрень и боль в костях, которая усиливалась к ночи.

Резко развернувшись, она с опаской посмотрела на говорящего и незамедлительно расслабилась. У Луи голос поразительно похож на Освальда, только чуть более хриловат от долгого курения. Похож у них только голос, потому что супруг не улыбался ей так открыто, не касался трепетно и не целовал так сладко. Тера успела, спрятала недописанное письмо Лотти под грудку бухгалтерских отчетов, которое никто не должен был видеть.

Она улыбнулась в поцелуй и немного отошла за штору, утягивая за собой возлюбленного. Их не должны видеть, не следовало никому знать об их запретной любви. И как хорошо, что в библиотеке, маленькой комнатушке со стеллажами никого больше не было. Только она и Луи. Ее любимый, теплый Луи, который защищал, дарил тепло и ощущение защищенности одним своим присутствием. С ним хорошо и спокойно, потому что сердце трепетало не от страха, а от всепоглощающего желания быть рядом.

— Любимый, я так устала, — зашептала она и прижалась к Луи ближе, провела раскрытыми ладонями по его широкой спине. Прижалась щекой к плечу, чувствуя твердость твидового жилета, потерлась носом о холодную кожу шеи. — Давай убежим? Луи, прошу, давай уедем отсюда навсегда! Мы будем счастливы вместе на воле, где не будет Освальда и твоей матушки.

— Дорогая, мы пока не можем. Нужно немного подождать и мы уйдем. Вместе. Будем счастливы. Потерпи, — сбивчиво зашептал он и прижал, поцеловал в щеку, висок. Запустил руку в волосы, массируя затылок. Он шептал слова утешения, заверения в том, что они будут вместе и счастливы, целовал сладко и Тера верила. Смотрела с неприкрытой любовью,

впитывала его шепот и обещания. Верила в лучший исход.

Сейчас не время. Луи обязательно разберется со своими долгами, и они уедут. Тера снимет холодное клеймо со своего пальца и возродиться, исполнит свою самую заветную мечту. У них будет семья и маленькая дочка или сынишка с его, синими глазами. Самыми-самыми.

Они стояли рядом со шторами, чтобы их не увидели через окно, за закрытой дверью, потому что никто не осмеливался входить в это место без разрешения. У Освальда был кабинет, у нее эта маленькая комнатка, отведенная под старые книги и ненужные вещи, которая ненавидела миссис Пикфорд и тщательно оберегала Марта. Тере тут тоже очень нравилось, потому что здесь тихо спокойно, только ее место.

Ты возрождаешь меня из непа, создаешь вновь и заставляешь жить, мой дорогой Луи. Мы обязательно вырвемся из этого ада. Я верю в это.

Тера глухо застонала, когда Луи сильно и скорее всего нервно дернул тонкие ленты, затягивая ее корсет. Поцеловал в основание шеи и тут же застегнул тугие пуговицы на вороте. Он смотрел на раскрасневшуюся и тяжело дышащую Теру, которая распутывала длинные волосы, доставала заколки и складывала их на край стола.

— Милая, не расстраивайся. Нужно немного подождать. Все будет так, как ты мечтаешь, — заверил ее Луи и ласково погладил по ладони. Тера улыбнулась его словам и закрутила волосы, собирая их в высокую прическу, которую очень любил Луи. Ему нравилась ее тонкая шея, а еще пальцы с тонкими кольцами, которые он подарил ей на третьем свидании.

Она вновь посмотрела в окно и невольно скривилась, когда увидела въезжающую в ворота машину. Освальд приехал с работы. Перед тем как встречаться с ним, следовало немного припудриться и надушиться, а лучше помыться. У супруга на удивление чуткое обоняние и запахи он всегда хорошо распознавал. Поэтому Тера улыбнулась печально, быстро поцеловала Луи в губы и вышла из комнаты, направляясь в ванную. Пусть лучше ее отругают за это, чем уличат в измене.

В ванной пахло лавандовым мылом, клубы пара оседали на зеркалах, и она малодушно радовалась этому. Оттягивала момент встречи с нелюбимым супругом. Нарочито медленно Тера вытирала влагу с тела, кривилась от ноющей боли, расчесывала длинные волосы, вытирала их полотенцем и втирала в кожу масло, после которого всегда становилось чуть лучше. Затянув пояс халата, Тера прерывисто выдохнула, сжала холодную ручку двери и, помедлив, вышла, отрезая пути к отступлению.

За эти полтора года она хорошо изучила своего супруга, поэтому не удивилась, когда увидела его в спальне. В домашней, но не менее строгой одежде, Освальд стоял у комода гладил усы и делал какие-то пометки в небольшой книжке с кожаной обложкой. К сожалению, эту вещицу Тера тоже хорошо знала, поэтому уже понимала, что ничем хорошим день не закончится.

Никогда не заканчивалось.

— Ты как раз вовремя, хотя тебе следует меньше времени тратить на водные процедуры. Ты слишком расточительна, — невнятно пробормотал он и вновь принялся, как Мино, который чуял запах еды или чего-то более интересного. — Хорошо, что ты помылась, а то твои отвратительные духи долго выветриваются. И с твоего позволения я их выбросил, купишь себе новые. К слову, как ты себя чувствуешь?

Как твои крысы в клетках, дорогой супруг.

Освальду не понравилось ее молчание, поэтому он сначала замер, не дописав слово. Каменным изваянием самому себе, он неловко дернул рукой и медленно посмотрел на Теру. В его взгляде нет былого спокойствия, лишь резко очерченная челюсть, прищуренный взгляд, кажущийся угрожающим из-за тени от бровей. Ее ботаник, не приученный к жизни супруг умел и был порой настолько пугающим, что становилось не просто страшно. В такие моменты Тера действительно опасалась за свою жизнь.

Она все еще молчала и смотрела в небо за окном, которое покрывали сизые облака. Нервно теребила в пальцах пояс халата и подавляла в себе обиду, хоронила оскорбления и представляла скорое будущее. Солнце, маленький домик, неподалеку школа, деревенская постройка с маленькими детишками, она, готовящаяся к предстоящему уроку и счастливый он, Луи, пришедший после работы и наверняка голодный. Счастливые, только они, сейчас и навек. Тера верила, ведь Луи обещал, а он никогда ей не врал.

— Тебе лучше ответить сейчас, иначе хуже будет, — пригрозил Освальд и скривился, когда увидел желтый синяк на ее шее.

Хуже уже быть не может.

Тера медленно вдохнула и так же медленно выдохнула, поворачиваясь к супругу, так похожему на любимого. Наверное, это потому, что Луи был всего на два года младше брата и оба ходили больше на отца, чем на мать.

— Тело болит. Ноют кости и утром температура поднималась, тошнит иногда, — такой же ответ, как и всегда. Последние недели она только это и говорила супругу, который тщательно записывал все в свою книжечку, а потом ходил задумчивый и приносил лекарства, от которых на время отнималась не только рука, но и ноги.

— Хм, это хорошо. Динамика уже прослеживается. В следующий раз можно попробовать... — дальнейшее бурчание Тера уже не слышала. Не видела смысла. Освальд был хозяином положения, он всегда делал все так, как нужно ему, много добивался грубой силой или оскорблениями. Неожиданно Освальд замер на полуслове и посмотрел на Теру. — Оденся. Мне неприятно смотреть на твое тело.

Мое тело стало таким только из-за тебя, дорогой супруг. Ведь это ты повинен в каждом синяке и царапине, из-за тебя появились эти тонкие паутинки шрам от скальпеля, которым ты любишь меня пугать. Пять сантиметров на бедре, два под грудью и тонкий росчерк на запястье. И все это ты. Ты, тот кто клеймит меня, как корову.

Однако ничего Тера не сказала, лишь недовольно поджала губы и пошла к шкафу. Ей действительно следовало одеться и вновь сесть за работу, а еще спрятать письмо от чужих глаз. Не увидев платья, которые скорее всего были все в стирке или слуги постарались, Тера надела белую рубашку с жабо и длинными рукавами, бордовую юбку в пол, поправила кольца и заплела волосы в высокий пучок.

— Не опаздывай на ужин.

Тера замерла в дверях, услышав недовольный голос супруга, прикусила губу, неосознанно сжимая руку на косяке, и ничего не ответив, ушла.

***

Все слова казались неправильными, слишком громкими или наоборот, не отражающими суть. Они не несли в себе смысла, лишь тратили пространство на бумаге, что немного раздражало. Хотелось сказать так много, о своей боли, надежде, о мыслях, которые посещали ее бессонными ночами и странных экспериментах супруга. Да, только о них Тера не рассказала сестре, утаила, постеснялась. Боялась осуждения с ее стороны, а может, что

Лотти будет не такой как она и сразу придет, заберет. А плохо ли ей при таком исходе будет? Наверное, нет, потому что хуже уже быть не могло.

Все самое плохое случилось.

«Дорогая Лотти, я потеряла сон. Потеряла не от большой любви, а из-за лекарства, которое дает Освальд каждое воскресенье». Слова выходили кривыми и немного скачущими, строчка шла волной, отчего перед глазами рябило. В висках тянуло — верный признак надвигающейся мигрени, которая к вечеру становилась невыносимой.

Тера отложила письменные принадлежности и потеряла переносицу. Как же ей тяжело. Миссис Пикфорд в последние дни оживилась, ходила по особняку и заглядывала в каждую комнату, делала замечания слугам и опускала язвительные комментарии в сторону Теры. Иногда тенью за ней следовал мистер Пикфорд, который смотрел на происходящее скучающе или поддакивал жене, не разбираясь в словах. Освальд опять пропал в лаборатории, а может, наоборот, не выходил из своего второго кабинета, в котором тоже стояли различные колбочки и баночки. Тера не хотела иметь с ним ничего общего, она боялась его, поэтому избегала как могла, на приемах улыбалась, держала за руку и придумывала очередную ложь, в то время как ночью мучилась бессонницей и слезами. Даже несмотря на отвращение, Освальд продолжал, брал ее каждый день, оставался равнодушным сначала к просьбам, потом к мольбам, заботился о своем удовольствии и прижимался своей кожей, пахнувшей формалином, к ее. И никогда не целовал, лишь откатывался на свою часть постели и наказывал вести себя тихо. Иногда забирал одеяло, отчего ей приходилось придумывать, изловчаться, чтобы не мерзнуть.

Луи тоже часто пропал. Говорил о важных делах, которые позволят в дальнейшем ему подняться. Заверял, что это временные трудности и ей нужно всего лишь подождать. И Тера ждала, крутила на пальце тонкие кольца, вспоминала о нем и сразу же бралась за дела. Будущее делало два человека, поэтому пока он работал, она тоже не могла ударить в грязь лицом.

В дверь постучались и без разрешения открыли. Марта.

— Госпожа, вам стоит отдохнуть. Я принесла вам чай с мятой и булочки с малиной, только что испекли.

— Спасибо, Марта, — искренне поблагодарила ее Тера и прикрыла письмо другими документами. Пожилая гувернантка улыбнулась и поставила поднос на небольшой журнальный столик, наливая в маленькую чашечку чай с двумя ложками сахара.

— Совсем вы себя не бережете, так исхудали, — посетовала Марта и поставила чашку перед Терой, а рядом тарелочку с аккуратными пирожными. Тепло в ногах пропало, как и тяжесть, а Марта испуганно охнула, прижимая руку к сердцу. — Ах ты проказник, напугал меня.

Тера невольно улыбнулась, когда увидела своего верного и нежного Мино, которого сейчас Марта чесала за ухом. Проказник. Скорее всего именно так относились к нему все в особняке, потому что не любили, потому что никому больше Мино не давался, лишь скалился, прятался. Маленький защитник, который не раз спасал от разгневанного супруга, портил тому костюмы и держался до последнего, пока тот не уходил, обругав Теру. Луи он тоже недолюбливал, но относился сносно, хотя порой и тянул за штанины, выгонял из комнаты.

Мой маленький защитник.

Мино твякнул довольно и, поднырнув под руку Марты, вернулся к хозяйке и положил

морду ей на колени. Маленький, прекрасный мальчик. Она медленно гладила его между ушей и по холке, вчитывалась в документы и цифры, которые ее не совсем радовали. Марта ушла, оставив после себя приятных запах крема, мятного чая и сдобы.

Убрав документы, Тера вновь посмотрела на недописанное письмо. На этот раз точно последнее. Она не останется тут надолго, будет уговаривать, молить Луи сбежать из этого ада, который называется особняком семьи Пикфорд. Не будет жить под одной крышей с человеком, из-за которого ей грозит бесплодие. Вспомнив об этом Тера, вновь прикусила губу, невольно закрывая глаза. *«Не знаю, что с вами случилось, молодая госпожа, но даже если вы забеременеете, то выносить ребенка не сможете. А выкидыш может привести к бесплодию. Мне жаль»* — кажется так сказал приглашенный миссис Пикфорд врач. Именно из-за этого у нее болел живот, поэтому она была несчастна и во всем виноват только Освальд.

«Мое сердце болит, когда я думаю о том, как могло бы быть. Я мечтала стать героиней какого-нибудь любовного романа со счастливым концом, а оказалась в средневековой сказке, которые ты так ненавидела в детстве...»

И вновь слова, почти пустые, но наполненные горечью и ее болью. Несбывшимися мечтами. Скоро придет Освальд, а может выползет из своей норы, в которую не пускал никого, даже обожаемую миссис Пикфорд. И вновь начнется боль.

«Прошу, родная, не совершай моих ошибок...»

Лотти была единственной, кто вспоминал о ней. За все полтора года родители не слали письма, лишь на приемах говорили о том, как она похорошела за это время. Однако это все было ложью, потому что Тера за последнее время очень похудела и осунулась, стала тенью самой себя, тем самым пыльным портретом, на который смотрели только от скуки. От сестры же она получала письма раз в месяц, принимала ее во время каникул, когда Лотти приезжала без предупреждения и не уезжала до самого возвращения обратно в институт.

«С любовью, твоя сестра».

Поставив точку, Тера еще раз перечитала письмо и немного скривилась от плавающих слов, нескольких ошибок, но трепетно сложила его пополам. Это письмо все равно никто не прочтет, кроме нее самой. Хотя Тера не уверена, что она когда-нибудь захочет их перечитать, вспоминать прошлое. Нет, что бы ни случилось, все воспоминания и прошлое останется похороненным на бумаге.

Спрятав письмо в карман юбки, она вновь погладила Мино, коротко поцеловала его в нос и встала. Следовало немного размяться.

Неспокойно. На душе очень беспокойно, будто близилось какое-то важное событие, окрашенное в черные тона. Ухудшению состояния и увеличению подозрений способствовала обстановка в стране. Луи говорил, что его в любой момент могут призвать, потому что отношения между СССР и Великобританией ухудшались. Он говорил, что если ничего не изменится, начнется война и тогда они обязаны будут отправиться за своим главой. Скорее всего по этой причине Луи так долго пропадал.

Тера вышла в сад и невольно напряглась, когда увидела миссис Пикфорд, срезающие нарциссы. Рядом бегал возбужденный Мино, который лизал Тере руки, потом отбегал к кустам с розами, приносил тонкие ветки задорно вилял коротким хвостом.

— Добрый день, мадам.

Миссис Пикфорд на ее слова лишь передернула плечами и, срезав последний цветок, встала в полный рост. И все же она немного ниже Теры, что грело душу. Хоть где-то она

была лучше. Однако смотрела миссис Пикфорд так, словно Тера не более важнее прислуги.

— Не могу не согласиться, день действительно на удивление хорош, — бесстрастно ответила миссис Пикфорд и поправила небольшой букет, придирчиво осматривая каждый цветок. Скривилась от отвращения, когда увидела собаку, бегающую вокруг яблони. — Вы сегодня поздно встали.

— Ну что вы, я занималась бухгалтерией, — незамедлительно улыбнулась Тера и заметила еле заметную судорогу на чужом лице. Миссис Пикфорд недовольна и этот разговор не доставлял ей никакого удовольствия, а уйти не позволяли манеры.

— Достойное занятие. А сейчас мне стоит распорядиться об ужине, вы ведь наверняка об этом не подумали, — едко заметила миссис Пикфорд и поправила свои короткие волосы. Ее колкость Тера пропустила мимо ушей, потому что понимала, что ничего кроме испорченного настроения она не получила бы.

К ней вновь подбежал Мино и, тихо заскулив, лег рядом, насторожено смотря на миссис Пикфорд. От такого проявления заботы со стороны любимца, Тера улыбнулась, посмотрела на черную спину, тонкие, но сильные лапы и уши, которые ловили все звуки. В этом был весь Мино, в ссоры не ввязывался, но в трудных ситуациях всегда был рядом.

— Твоя собака мне все клумбы испортила. Надеюсь, ты займешься его воспитанием или избавишься, наконец. Он только жизнь всем портит. Не понимаю, почему Луи его защищал, но теперь его нет, поэтому будь добра огради нас от этого недоразумения.

Мино глухо зарычал на ее слова, а Тера наоборот подобралась и за легким любопытством попыталась спрятать душащий страх.

— А где Луи? Я думала он по делам поехал, — как можно более равнодушной поинтересовалась Тера и специально поправила прическу, на краткий миг скрывая дрожащие руки в волосах. Кажется, миссис Пикфорд поверила или наоборот, решила не акцентировать на этом внимание, потому что улыбнулась криво и склонила голову на бок.

— Дорогая, вы должно быть шутите? Мой младший сын погасил все долги и съехал от нас. У него теперь свой дом в пригороде Лондона.

Почему ты мне ничего не сказал, любимый? Неужели я не стою твоего доверия? Нет, не стоит так думать. Ты же любишь и заботишься обо мне. Наверное, ты ждешь подходящего времени, чтобы забрать меня. Ты всегда выполнял свои обещания.

***

Без Луи стало совсем тошно. Тера не видела больше надежды, смысла, она жила этим, каждый раз выглядывала в окно в поиске любимой фигуры, писала короткие письма и выбрасывала их. Некоторые сжигала. Она пряталась от супруга и его матушки в библиотеке, играла в саду с Мино и ждала. Ждала его, потому что верила. Луи никогда не нарушал обещания. Он любил ее так же сильно, как любила его она. В их отношениях не было места недоверию и лжи. Поэтому Тера верила и ждала, бессонными ночами крутила простенькие серебряные кольца, иногда снимала их и крутила в руках.

Освальд все чаще оставался дома и подолгу сидел в своем кабинете или прятался в лаборатории. Делал какие-то вычисления, сверялся с тетрадкой в кожаной обложке и посматривал на Тера странно, словно присматривался. От этого становилось не по себе.

— Тера, не задерживайся после ужина. Нам стоит кое-что обсудить.

Тера удивилась, что Освальд заговорил с ней, да еще и во время еды. Она настороженно посмотрела на супруга, но все же кивнула и вновь вонзила вилку в куриное филе. Есть расхотелось, однако оставлять тарелку полной — верх неприличия. Миссис Пикфорд будет

напомянуть ей об этом до самого конца.

После ужина она постаралась не задерживаться. Она прибралась в библиотеке, покормила Мино и с тяжелым сердцем отправилась в спальню, где положила в деревянную шкатулку свои кольца. В последнее время они быстро слетали с пальцев. В ванной шумела вода, значит Освальд готовился к чему-то важному. Он никогда не мылся просто так перед сном, чаще всего после исполнения супружеского долга. Недолго думая, Тера достала шкатулку и открыла потайной ящик, где лежали письма и короткие записки. Для Лотти и ее Луи, который не писал и не приходил.

Когда шум воды стих, Тера закрыла потайное отделение и вернула шкатулку на место. Она готовилась к худшему и уже мысленно закатывала рукава рубашки. Всегда, когда они оставались вместе Освальд вкалывал ей лекарство, к болезненным ощущениям от которого она уже привыкла, или требовал выполнение супружеского долга. Чаще всего заставлял силой.

— Ты опоздала.

— Мне пришлось закончить некоторые дела, — спокойно ответила Тера и отошла от окна. Распустила волосы, складывая заколки на столик, совсем недалеко от шкатулки, помассировала кожу голову.

— Не испытывай мое терпение. Садись на стул.

Тяжело вздохнув, она последний раз посмотрела на пустой сад, утопающий в вечерних сумерках, и повернулась к супругу. Он стоял в домашних, мягких брюках и широкой рубашке, застегнутой на все пуговицы, волосы, все еще влажные после купания, зачесаны назад. Даже с собственной спалне он выглядел слишком чопорно, всегда гладил усы и смотрел исподлобья. Разве что жилет с пиджаком не надевал.

Стул уже стоял на своем привычном месте, но Тера не спешила к нему подходить. Она боялась. Боялась происходящего больше, чем чего-либо.

— Я повторяю последний раз: сядь на стул, — недовольно рявкнул Освальд и тут же осекся. Он пригладил волосы, подошел к комоду и достал колбы, шприц, жгут и старую вату. — К слову, Луи прислал приглашение на свою свадьбу. Он будет рад нас видеть.

Сердце замерло в груди, а ее парализовало от этой новости. Во рту пересохло, на глаза навернулись слезы, но Тера запретила себе паниковать. *Это всего лишь план Луи. Он обещал, поэтому не бросит.*

— Свадьбу? — все же хрипло поинтересовалась она и крупно вздрогнула от хриплого и доселе незнакомого смеха Освальда. При ней он никогда не смеялся, только в день свадьбы.

— Ты не знала? Луи с матушкой уже давно разговаривают по поводу бракосочетания с дочерью мистера Джонса. Благо эта семья готова взять под крыло этого разгильдяя, что не удивительно. Иудина влюблена в него до безумия. Не стоит отмечать мысль о том, что она ему тоже нравится, потому что уж слишком часто Луи ездит в их дом.

Предатель.

Ей уже не страшен был шприц и злой Освальд. Ей уже не было страшно или плохо. Был никак. Словно последние силы покинули тело, оставляя после себя лишь оболочку, которую с силой потянули в сторону и усадили на стул. Братья Пикфорд никогда не церемонились и добивались своего, только разными путями. Теперь она это понимала. Луи использовал лесть и внешность, в то время как Освальд грубую силу, как сейчас.

Ты же обещал мне. Ты обещал нам счастья, говорил о семье. Неужели для тебя это была лишь шутка?

Освальд вновь набрал странное, на этот раз прозрачное лекарство и постучал ногтем по пластмассе. Тук-тук-тук. Каждый глухой удар оседал тяжесть в желудке, легкой дрожью шел по телу и копился в онемевших, холодных ногах.

За что ты со мной так поступаешь? Освальд, прекрати. Прекрати. Луи, милый Луи помоги. Любимый, прошу, спаси меня. Я не верю. Прекрати. Не смотри на меня так, дорогой супруг.

Тера вновь посмотрела на окно, на холодную пухлую луну, которая равнодушно взирала на нее. Потом на дверь, ожидая появления своего принца, любимого Луи, который не мог так с ней так поступить! Нет, он наверняка сейчас крался по темным, пустым коридорам и спешил к ней. Луи, ее Луи никогда не бросил бы.

— А теперь будь хорошей девочкой и дай мне вколоть тебе лекарство. Ну не расстраивайся, ненавижу, когда ты плачешь. Давай руку! — недовольно крикнул Освальд, когда услышал тихий, на грани слышимости всхлип. По ее щекам потянулись прозрачные дорожки слез, оседая на подбородке крупными каплями. Отвратительное зрелище. Освальд скривился и приблизился к жене, указывая кивком головы на шприц в своих пальцах. Тера сквозь слез посмотрела на него, потом на лекарство и неловко помотала головой, пряча руки за спину.

Этот детский протест вызвал приступ злости. Освальд ненавидел, когда ему перечили, особенно если это была она. Еще раз повторив требование и, увидев поджатые губы и отрицательный ответ, он разозлился сильнее. Ударил раскрытой ладонь, до резкой боли, звонкого шлепка и глухого стога. Размяв руку, Освальд посмотрел на дрожащую Теру, которая тихо плакала и прижимала тонкие пальцы к покрасневшей и медленно пухнущей щеке.

— Зубки решила показать? Поверь, я тебе их выбью, хоть чем-то ты будешь полезна. Страшная плоскодонка. Ни на что ни годная. И как только родители смогли уговорить меня жениться на такой...

— Кроме меня, никто бы не согласился, — неожиданно даже для себя хрипло сказала Тера и шмыгнула носом. Болел язык, кажется, она его прикусила, горела щека и на губах скапливалась кровь и мелких ранок.

— Что ты сказала?

Тера не знала, откуда у нее столько смелости или глупости. Сейчас это было уже не важно. Мир рухнул, сорвались старые обои с яркими цветочками, обнажая реальность. Луи не придет за ней, а Освальд не прислушается, вновь ударит за неповиновение. Никому в этом доме нет до нее дела. Она была чужой и это никогда не изменится. Ничего уже не изменится.

Ей нечего терять.

— Я сказала, что, если бы меня не продали, ты бы так и остался один. Ни одна женщина никогда бы не согласилась жить под одной крышей с таким монстром, как ты, — тихо ответила она и вскрикнула, когда ее вновь ударили по лицу.

Освальд злился, он был в ярости, поэтому накрутил распущенные волосы на кулак и потянул. Перед глазами полыхнуло и кожу обожгло болью. Боль была настолько ослепляющей, что Тера не заметила, как он порвал рукав рубашки и с силой вставил иглу в кожу. Дыхание перехватило от резкого жара, прокатившего по телу и ноющей боли в руке, как бы он ей вены не порвал своим варварским отношением.

Еще раз намотав волосы на руку, он потянул ее в сторону, отчего Тера вновь застонала и

упала на твердый пол, ударившись виском и боком. Она лежала на полу ни жива, ни мертва, смотрела на ножки постели сквозь ворох волос и плакала. Все было кончено.

— Вставай и подготовься. А лучше умойся, мне не доставляет никакого удовольствия смотреть на твое зареванное лицо, — прочеканил Освальд и отложил использованный шприц. Он убрал все обратно в комод и достал свою книжечку, когда заметил, что Тера не встала. Она так же лежала на полу, дышала прерывисто и смотрела на кровать так, словно не видела ее. — Ты долго ещё будешь лежать без дела? Не зли меня, иначе пожалеешь.

Тера никак не отреагировала, лишь задышала прерывисто и со свистом, словно ей что-то мешало. Прикрыв глаза, она подавила в себе нарастающую панику, которая резко сменилась апатией. Что он ей сделает?

Я и так жалею о каждом прожитом дне рядом с тобой, Освальд.

— Вставай, иначе будешь спать на полу.

— Ненавижу тебя, — она выдохнула эти слова неосознанно. Они были такими же естественными, как воздух, такими же легкими и правильными. Тера даже не обратила на них внимания, не отдавала отчета своим действиям.

К сожалению, Освальд ее услышал. Он круто развернулся на пятках и посмотрел на нее с нескрываемой яростью и презрением.

Первый удар стал неожиданностью. Он выбил воздух из легких и осел в теле пульсирующей болью. Второй удар ногой по животу был предсказуемым, третий по груди и рукам закономерным. Освальд отдавался этому процессу так же, как отдавался своей науке, полностью и от души. Еще, еще и еще. Болело все тело, она дышала через раз и тихо стонала, безуспешно защищала голову и живот, которые болели сильнее всего. Тера не кричала, не откатывалась, лишь смотрела перед собой и ловила каждый удар, растворялась в боли.

Теряла себя.

Каким-то шестым чувством она понимала, что эта ночь могла стать для нее последней. Были ли у нее сожаления? Скорее нет, чем да. Ее уже не существовало. Сначала погибла одна крошечная часть, во время свадьбы она навсегда распрощалась с детством и своими мечтами, потом другая, когда Освальд поднял на нее руку. Она умерла, когда узнала о свадьбе человека, которого любила больше жизни. Кто у нее остался? Что у нее было кроме вспышек счастья?

Ничего.

Казалось, она оглохла, потому что больше не слышала злых слов Освальда. По виску потекло что-то теплое и мир погрузился в долгожданную тьму.

Стало спокойно.

***

Миссис Пикфорд стояла в столовой и смотрела на псину, которая лежала под кустом алых роз. Этот пес ее раздражал одним своим наличием в особняке, однако сейчас тот постоянно выл, отчего болела голова, и не отходил от куста, лишь рычал, когда кто-то подходил ближе. Странное поведение для этой шавки, обычно он был более спокойным.

— Дорогой, — миссис Пикфорд обернулась и посмотрела на сына, который спокойно разрезал омлет на равные, маленькие части. — Почему эта собака лежит под кустом уже вторые сутки?

— Не знаю.

— Где пропадает эта девчонка? — уже раздраженно поинтересовалась она и отошла к столу, на котором стояла одинокая белая роза в тонкой вазе. Когда эта несносная девчонка

вернется, она покажет ей, что значит уезжать из дома никого не предупредив. Она села за стол и тут же принялась за еду, которую перед ней выставила старая гувернантка. — Марта, проследи, чтобы эта шавка не разрыла всю землю. Уж очень рьяно он роется вокруг этого куста по ночам.

Кайя складывал свои конспекты и перья в небольшую тканевую сумку с земляными пятнами. Осмотревшись по сторонам, он аккуратно положил минерал размером с кулак туда же и только тогда свободно выдохнул. Теперь сумку следовало спрятать от любопытной сестры и родителей, которые с минуты на минуту вернуться с полей. Точнее с поля вернется мачеха, неся в руках большую корзину с овощами, а отец придет из шахт.

— Ты чего тут делаешь?

От неожиданности он слишком поспешно спрятал сумку под подушку, на которую тут же сел. Сердце все еще трепетало в груди и руки дрожали от страха, ведь его не должны были заметить. Этого Кайя боялся больше, чем предстоящей ночи.

В небольшую комнату, их общую комнату, заглянула сестра. Такая же долговязая с неприлично длинными руками, как он сам, но Герда девочка, а у девочек это выглядело симпатичнее. Однако Кайя не терял надежды и верил, что к пятнадцати они вытянутся и станут такими же красивыми, как родители.

— Думаю, — неловко ответил он и тут же замолчал, краснея от смущения. Его голос ломался и иногда срывался на пронзительный визг. Чаще это происходило, когда Кайя сильно волновался, как сейчас.

Кажется, сестра ему не поверила, потому что придирчиво осмотрела маленькую комнату с двумя старыми, скрипучими кроватями, покосившимся столом у окна и сундуком для вещей. Посмотрела на него, сидящего на подушке и медленно подошла ближе.

— Нет, ты что-то скрываешь. Что? — поинтересовалась сестра и склонила голову на бок, отчего черные волосы мазнули ей по щекам. Раскрасневшиеся щеки, чуть влажные ресницы, частое дыхание и напряженные ладони, которые комкали тонкое одеяло — все указывало на то, что брат нервничал. Сильно.

Кайя отвел взгляд и немного нахмурился. Сестре о его планах знать нельзя, иначе она будет долго ругаться, а потом и вовсе запрет его в комнате или расскажет родителям. Следовало придумать какую-то правдоподобную отговорку. Подумав некоторое время, Кайя вновь покраснел от стыда и тихо произнес.

— Я ничего не скрываю, просто... Сегодня ведь тот самый день, понимаешь?

Тяжело вздохнув, Герда отошла от брата и села на свою кровать, которая тут же заскрипела. Конечно, она знала, какой сегодня день и отчасти понимала Кайю. Тот всегда был очень привязан к матери, которая покинула их два года назад. Конечно, сейчас они были рады, потому что у них остался отец и появилась мачеха, которая пусть и не была такой же замечательной, как мама, но тоже являлась не плохим человеком. Точнее Герда так думала и не обращала внимание на брата, который все еще скучал и горевал.

— Кайя, маму не вернуть. К тому же она была бы не рада узнать, что ты до сих пор живешь прошлым.

Брат на ее слова обиженно поджал губы и скрестил руки на груди. Какой же он еще ребенок, хотя и пытался казаться взрослым. Даже школа не повлияла на него, что само по себе было странным. Ходили слухи, что в академии Баладис преподавали строго, особенно когда ребенок достигал тринадцати лет и начинал познавать азы магии. Кайя тоже жаловался, писал им длинные письма во время обучения, сетуя на строгость преподавателя мертвой материи.

Она понимала его. Знала, что болезнь забрала ее очень быстро. И месяца не прошло. Это был сильный удар по их семье, отец впервые взялся за бутылку, а Кайя плакал несколько дней без остановки. Когда в дом пришла мачеха — стало легче. Отец больше не пил, в доме всегда была еда и к Герде больше не приставали.

Герда набрала в легкие воздух, чтобы ответить обиженному брату, но не успеха. Входная дверь открылась, ударившись о стену, послышались шаркающие шаги и тихий хлопок, с которым на пол поставили что-то тяжелое.

— Дети, вы дома?

— Да! — хором ответили они на вопрос мачехи и тут же услышали хриплый смех.

— Идите сюда, поможете.

Герда вновь посмотрела на брата и, решив отложить серьезный разговор, пошла на кухню, где стояла мачеха. Когда сестра вышла, Кайя прислушался к удаляющимся шагам, посмотрел на дверь и быстро перепрятал сумку в сундук, под гору вещей. Там она точно искать не будет.

Пока они разбирали принесенные с огорода овощи, мачеха повесила котелок над огнем в камине. Она вытерла мокрые руки о юбку и придирчиво осмотрела две небольшие корзинку. Одну Герда отнесла в подпол, вторую же забрал Кайя и понес к колодцу. Когда небо окрасилось разными оттенками синего и ужин был готов, пришел отец. Он потрепал по волосам детей, поцеловал жену и ушел на задний двор, чтобы смыть пыль и пот.

Все это время Герда издали наблюдала за братом и размышляла. Кайя вел себя как обычно, добродушно всем улыбался, помогал мачехе по хозяйству, носил отцовские инструменты в специально отведенный для этого угол и с интересом слушал новые байки из шахты. Все тот же глуповатый, маленький братец, который постоянно ерошил свои короткие черные волосы, мял подол плотной рубахи из грубой ткани и смотрел на родителей лукаво, однако иногда, когда никто не видел, он бросал короткие взгляды на дверь в их комнату, кусал губы и отвечал невпопад. Герда бы подумала, что он что-то замыслил, однако даже если так, братец слишком молод и слаб для реализации своих безумных идей. Ее глупый Кайя еще не знал всех тонкостей управления потоками и не смирился со своей предрасположенностью к мертвой материи.

Некромантию он презирал и боялся всегда, а остальные направления давались тяжело.

Спать они легли на удивление поздно. Герда сняла платье, рубашку и переделалась в тонкую ночную рубашку в пол, ложась под одеяла. Ночью всегда с каменной гряды дул сильный ветер, который выл под окнами и пробирался сквозь одеяла и кожу, поглаживая ледяными щупальцами кости. Иногда они с братом спали вместе, тесно прижимаясь друг у другу, а зимой и вовсе перебирались на кухню ближе к камину. Однако сегодня Кайя воспротивился, недовольно поворчал и, передевшись в такую же длинную рубаху, лег на свою кровать, отворачиваясь лицом к стене.

— Спокойной ночи, — тихо прошептала Герда и тяжело вздохнула, когда увидела лишь еле различимый в темноте кивок.

Отвернувшись к стене, Герда укуталась в одеяла сильнее и уснула.

Кайя лежал без сна и чутко прислушивался к ровному дыханию сестры, храпу отца и едва уловимому сопению мачехи. Этому он научился еще в академии, когда на первом курсе попал в комнату с тремя соседями. Тогда ему нужно было чутко отслеживать их сон, чтобы беспрепятственно помыться или сделать уроки. Лишь в третьем курсе его поселили с одним странным парнем, который постоянно возился с растениями и ни с кем кроме своего друга

детства не общался.

Поэтому Кайя теперь понимал, что семья все еще не провалилась в глубокий сон, находилась на грани, что было не очень хорошо. Он лежал неподвижно еще некоторое время, а потом медленно приподнялся, посмотрел пристально на сестру. Спустил одну ногу на ледяной пол, вторую и резко встал, прислушиваясь к тишине дома. Кровать не скрипнула, за окном подвывал ветер, а они спали, не обращая внимание на него.

Одевшись, он забрал со дна сундука сумку и тихо вышел из дома. Кайя прерывисто выдохнул, передернул плечами от холода и, посмотрев на маленький деревянный домик, побежал в сторону небольшого, деревенского кладбища неподалеку от призрачного леса.

Кайя продирался сквозь заросли кладбищенского, сухого терновника. Острые колючки ранили чувствительную кожу, оставляя после себя розовые полосы и мелкие дырочки. Он раздраженно чертыхнулся, отодвигая от лица ветвь с сухими, мелкими листочками. Почему-то растения здесь росли очень плохо и быстро вяли, сохли, оставляя после себя полые стволы с кривыми ветками и колючие кусты. Высокие резиновые сапоги чавкали в грязевых лужах, которые остались после полива.

Он уже устал и немного усомнился в своей идее, однако одного взгляда на пленительную луну хватило для возвращения боевого настроения. Улыбнувшись, Кайя ускорился. Сегодня идеальное время.

Раздраженно дунув на длинную челку, он сжал потные ладони на ремне сумки, в которой лежали конспекты, тяжелый минерал и перья. Сердце билось где-то в пятках, руки мелко тряслись от кипящего в крови адреналина. Луна почти достигла зенита, долгожданное полнолуние в созвездии Скорпиона. Хранителя его матери. От воспоминаний по телу пробежала судорога. Мама. От одной только мысли о ней Кайя воспрянул духом и резво понесся между белоснежными надгробиями.

Неожиданно где-то вдали раздался громкое завывание кладбищенского сторожа. Станный мужик, живущий в полуразрушенном накренившемся домике с выбитыми окнами. Он Кайе не нравился. Пил постоянно, ругался грязно и пах неприятно, засматривался на женщин часто, но не подходил — боялся старосту. По ночам, когда все жители засыпали, а по шахтам гулял ветер и голос древних, сторож доставал из-под стола бутылку и напивался, горланил песни. *Отвратительно*. Вместо мелодичной песни из его горла вырывалось лишь крик старого ворона.

Лишь на краткий миг Кайя остановился, вновь осмотрелся по сторонам, выискивая человеческие силуэты в море надгробий, сухих колючек и деревьев. Никого не было, да и не чувствовал он чужих потоков, не слышал биение сердца. Посмотрев на луну, которая почти достигла своего зенита, Кайя побежал, поскользываясь и для лучшего равновесия раскидывая руки в сторону. У него мало времени.

Новое каменное надгробие с жухлой травой неподалеку выглянуло из-за маленькой ели. Счастливо улыбнувшись, он прижал к себе сумку с учебниками по некромантии и осторожно подошел к могиле. Конечно, Кайя не был уверен в своих силах, к тому же учитель говорил, что невозможно воскресить человека без последствий и не достигнув уровня магистра. Однако он уже многое умел и даже воскресил маленького кролика!

Поэтому он сейчас медленно присел перед могилой матери, ощущая влажность земли коленями даже сквозь плотную ткань штанов, погладил холодный камень с глубокими буквами, ее именем. Поэтому нарушил правила академии и взял из запретной секции старый фолиант, по которому написал три длинных конспекта.

Сегодня она вновь обнимет его, улыбнется и все станет как прежде. Мачеха ему нравилась, но это была не мама.

— Мамочка, я тебя не подведу! — убежденно сказал он и нежно огладил надгробие. *Аконтера*. Пальцы выводили каждую букву в ее имени, а сердце наполнялось ликованием.

Посмотрев на луну, Кайя понял, что время пришло. Из сумки он достал серебряную чашу и минерал, на колени положил тетрадь, открыв ее на нужном развороте. Из глубокого кармана достал складной, маленький ножик и прерывисто выдохнул.

Волнительно.

Скорее почувствовав, чем увидев, что луна достигла своего пика, Кайя сделал глубокий порез на ладони и занес ее над чашей. Сердце билось о ребра так сильно, что болела грудная клетка, холодного, могильного воздуха не хватало, и рука дрожала так, что несколько капель пролетели мимо чаши. Он спешно читал слова на древнем языке, сжимая в окровавленной ладони уже минерал. Закончив первую часть, Кайя кинул в кубок влажную землю с могилы матери, ее ленту, которую носил с похорон и, опустив на землю теперь уже не белый минерал, перелистнул страницу и продолжил. Фразы получались корявыми, воздух вокруг тяжелел с каждым произнесенным звуком и луна, его покровительница, сияла ярче.

Он чувствовал, как от пяток вверх шел лед, который тонкими нитями прошивал тело, оседал на коже тонким слоем льда, который быстро таял. Энергия бурлила, она циркулировала в его теле, а значит, все шло правильно. Немного нервировало странное чувство чего-то очень опасного и слабая, еще только зарождающаяся ярость. Она была чужая, не его и таяла так же быстро, как лед на коже.

— Найди покой, бесплотный дух, в объятиях крови и плоти. Закуй себя под белоснежными ребрами и останься там, пока не велют убираться.

Достав из чаши на тонкой ножке окровавленную ленту, Кайя повязал один конец вокруг запястья, вторую же закопал у надгробия.

Уже совсем скоро.

Он замолчал, все еще чувствуя потоки, проходящие сквозь тело, пульсацию в незатянувшейся ране, с которой из тела выходила кровь. Его кровь. Их кровь. Кайя почти не дышал не только от страха, но и от того, что воздух стал слишком тяжелым, холодным и каким-то кислым.

Неожиданно Кайя почувствовал что-то странное. Лента натянулась и потянула его за собой, под мокрую, холодную землю, в которой покоилась его мать и мать его друга, его же бабуля и ее муж. Посмотрев на чашу, он побледнел и тут же, разрезав ленту ножичком, отполз назад. С коленей упала тетрадь, листы погнулись, а корешок потонул в грязной луже. Его руки тоже были липкими и утопали в кладбищенской земле, царапину на ладони щипало.

По глади крови и песка шли круги.

Кайя боялся и в то же время безумно ждал, верил. Там его мама! Его любимая, прекрасная мама! Земля бугрилась, шла волнами и неожиданно замерла, словно ничего не было. А потом из-под земли вылезла длинная, тонкая бледная рука с сероватым под тоном. Сердце замерло от страха, и Кайя закричал звонко, отползая назад. Из могилы вырвалась вторая рука, а следом и все тело. Грязь лоскутами сползала по белоснежным волосам, падала к ногам, марая тонкую сорочку, пропитанную кровью и грязью. Он смотрел на незнакомую ему женщину и еле сдерживал слезы страха и обиды. Она была очень сильная, к ней тянулись потоки, словно к любимой матушке, однако это была не мама. Не его любимая

мама, которая должна была быть.

Незнакомка провела рукой по лицу и отбросила волосы за спину. Осмотрелась. Грязная, в старенькой и полу рваной сорочке, неземная, она вселяла странный трепет. Словно сама покровительница стояла рядом и дарила свою ледяную, опасную магию. Женщина как-то неловко потерла запястье с еле заметным тонким шрамом и неожиданно посмотрела на него пронзительными, голубыми глазами. Почти бесцветными.

Если бы Кайя не знал, не слышал слабого, редкого биения сердца, то он бы подумал, что перед ним привидение. Или полтергейст. Учитель, конечно, говорил, что их не существовало, однако другого объяснения Кайя не видел. Он подобрался, прижал колени к груди и набрал в легкие спертый, морозный воздух.

— Вы к-кто? — голос его все же подвел и вновь сорвался на визг. Он смотрел на тонкую женщину с белоснежными длинными волосами, на ее отстраненное выражение лица и неожиданно разревелся.

Это не его прекрасная мама. Все было впустую!

Он растирал по лицу слезы и грязь с кровью, тихо подвывал, пока женщина лениво смотрела по сторонам. Она чувствовала себя очень странно. Была полна сил, но словно лишена их, мысли текли так же медленно, как билось в груди сердце. Не было эмоций или чувств, лишь легкое жжение в районе желудка, которое постепенно превращалось в раздражающий фактор.

Она хотела есть.

Рот наполнялся слюной, внутри все клокотало от навязчивого желания и легкого привкуса железа на языке. Это было что-то новое и странное, непонятное для нее. А еще были странные потоки, тонкие серебряные нити, тянущиеся по поверхности земли к ней, по каждой вене и клеточке коже. Опоясывали они и плачущего мальчишку, который пах солью, чем-то кислым и железом. Странное сочетание, но притягательное.

— Малыш, где твои родители?

Она подошла к плачущему ребенку и ласково погладила его по волосам. Теплый, даже горячий маленький ребенок. Он смотрел на нее со смесью благоговейного трепета и ужаса. Смотрел и понимал, что несмотря на ласковые прикосновения и участливую интонацию, ей все равно. Это считывалось по отстраненному выражению лица, блуждающему взгляду и полному отсутствию интереса.

— Не бойся меня. Я тебя не обижу.

Кайя ей не верил, но почему-то кивнул, улыбнулся неуверенно и взялся за холодную ладонь. Глаза у незнакомки очень красивые. В них хотелось смотреть и смотреть. Поэтому не удивительно, что он неловко поднялся с земли и даже не заметил, как она подошла к нему почти вплотную, а пухлая, серебряная царица спряталась за облаками.

Тишину кладбища ничего не потревожило. Мертвецы спали, сторож тяжелой и пьяной поступью шел в свою коморку со старым матрасом, а минерал с кровавыми подтеками слабо сиял. Весь мир словно замер и ожил, когда из-за облаков выглянула луна. Ее свет озарил пустое кладбище, тонущую в луже тетрадь с конспектами, перевернутую чашу и женщину, которая с нескрываемым наслаждением слизывала сладкую кровь с пальцев. Странное чувство отпустило. Теперь ей стало теплее.

***

— Кайя! Кайя, где ты?!

Герда убрала руки от лица и со смесью страха и странной обреченности посмотрела на

тихо плачущую мачеху. Та вытирала глаза передником, поправляла волосы, вылезавшие из толстой косы, и упрямо шла вперед, осматривая каждый куст.

Мачеха верила, значит и ей следовало верить и искать дальше.

Какой же душой она была! Ведь видела все, знала брата, как саму себя и предполагала, что такое могло случиться. Однако Герда никогда не думала, что Кайя, ее добродушный и глупенький брат решиться сбежать или на темный ритуал, который грозил убить его. И Герда не знала, что хуже.

От мачехи с отцом она отстала, посмотрела на небольшую группу односельчан, которые помогали в поисках, и быстро направилась на кладбище. Кайя всегда ходил туда, когда ему было плохо. Может, ему приснился кошмар, и он отправился к мамину надгробию? Этот вариант следовало проверить и не отмахиваться.

— Кайя!

Герда вновь крикнула и невольно напряглась, когда услышала ворона. Плохой знак. Вороны обычно на кладбище не летали, да и в их края редко залетали, впрочем, как и другие птицы. У них даже куры почти не росли, помирали быстро и потомство давали маленькое. Герда уже приложила руки ко рту, собираясь позвать брата, когда увидела что-то странное. На земле, среди могил и колючих кустов кто-то спал.

— О, боги, что случилось?

Мачеха опередила ее. Она подбежала к неизвестному и встала так, что Герде было не видно. С тяжелым сердцем она подошла ближе и прикусила щеку изнутри. Это был не брат, а какая-то странная женщина. Та смотрела расфокусировано, говорила тихо и спокойно, а еще вела себя очень странно.

— Кто вы? И что делаете на кладбище так рано? — поинтересовалась мачеха и накинула на плечи незнакомки свою шерстяную шаль. Та благодарно кивнула, осмотрелась, словно впервые видела это место, и приложила ладонь к виску.

— Я не помню. Я не знаю, где я. Что произошло?

Говорила она сбивчиво, немного хрипло и смотрела. Сначала посмотрела на Герду, потом на ее отца и в конце концов на мачеху, которая кивала. Это было очень странно. Герда не понимала, что именно ей не нравилось, но постепенно тугой обруч вокруг сердца отпускал, а ощущение опасности исчезало. Что им могла сделать дрожащая и худая женщина в драной одежде, которая смотрела преданно и что-то лепетала?

Мачеха растирала ее тонкие ладони, сетовала на отсутствие обуви и медленно выводила с кладбища. Расспрашивала. Как зовут? Откуда? Что последнее помнила? Кажется, незнакомка ответила лишь на один вопрос, в остальных случаях кривилась и бралась за голову. Отец с мачехой вели ее в дом, в то время как Герда придирчиво осмотрела кладбище. Ничего. Никаких признаков присутствия брата не было, а алая лента, неровный край которой виднелся из-под земли мог попасть и раньше, однако что-то все равно не складывалось, вот только она не могла понять, что.

Постояв на месте еще некоторое время, Герда убежала. Она пообещала себе разобраться в ситуации потом. Не сейчас. Сейчас в их маленьком домике, на заднем дворе которого стоял глубокий колодец и огород, сидела неизвестная женщина. Опасная женщина. Очень подозрительная. На нее смотрели, ее обсуждали, Герда слышала шепот или крики односельчан, которые уже давно не видели незнакомых, новых людей. В их края почти не приезжали, потому что Яма находилось между призрачным лесом, каменной грядой, в которой находились гнезда драконов, и ущельем в одинокой каменной пике. Эта пика

уходила ввысь двумя острыми и неровными краями, а вниз глубокими пещерами, в которых хранились драгоценные камни, минералы и металлы. Ради них и приезжали люди, забирали у кузнецов драгоценности, металлы, отдавали железные монеты и уезжали. Не задерживались долго, потому что пугались. В каменной гряде жили драконы, а ночью выли ветры, убивая, лишая сил заплутавших путников.

Поэтому все удивлялись, смотрели с интересом на незнакомку. Она выжила. Другие умирали. Она шла босиком по колкой траве, горбилась, сжимала голову в плечи и смотрела на всех без интереса, лишь иногда рассматривала некоторых людей особенно долго. При приближении к дому незнакомка скривилась, но промолчала.

Значит она точно не из этих мест и скорее всего вообще жила не в деревне. Так подумала Герда, когда вошла в дом за мачехой.

— Милая, как тебя зовут? — вновь поинтересовалась мачеха и суетливо усадила незнакомку на табурет, укутала ее в колкую шаль, сетуя на то, что та слишком холодная. Ее движения были резкими и отрывистыми, особенно когда мачеха набирала воду в ковш из низкой железной бочки, в самом углу кухни. Вода расплескалась, оставляя на полу мелкие лужи.

Герда видела, как мачеха волновалась, как суетилась и окружала незнакомку своей заботой. Конечно, она всегда была такой, заботилась о заплутавших животных, впускала в дом путников, которые порой не говорили в ответ даже «спасибо». Незнакомка тоже не благодарила, вообще ничего не говорила, лишь отстраненно смотрела по сторонам и сжимала в сероватых ладонях ковш.

Герда уже хотела возмутиться, накричать на незваную гостью, на которую тратили много драгоценного времени. Сказать, что на вопросы принято отвечать, но резко закрыла рот и спрятала руки за спину, когда встретила взглядом с незнакомкой. Лед. Она чувствовала его во взгляде напротив, ощущала на собственной коже и всякое желание говорить пропало, как и раздражение. И правда, женщина пропала и ей наверняка требовалась помощь, она, напуганная и продрогшая, спала на кладбище и не помнила ничего.

— Акокантера. Меня зовут Акокантера.

Вновь немного хриплый голос на грани шепота, который все равно слышали все. Отец невольно передернул плечами и поправил сваливающиеся штаны. Он очень похудел за последние дни, потому что скоро обещали прибыть за товаром. К тому же они рыли новый туннель, в котором прятались нужные сейчас минералы. И сейчас мужики уже работали, а они искали Кайя, пока не нашли Акокантеру.

— Ох, милая, ты все еще холодная. Тебе стоит погреться у камина, а лучше покушать и поспать, — вновь засуетилась мачеха и принялась растирать тонкие пальцы в своих больших, мозолистых от работы на огороде ладонях.

— Дорогая, мы с Гердой отправимся искать Кайя, а ты позаботься о госте. Пойдем, родная. Он не мог далеко уйти, — сказал отец и увел за собой дочь. Они были на удивление очень похожи. Оба высоки и долговязы, с черными прямыми волосами и непропорционально большими носами. Тот мальчик тоже был таким же, только нос у него был аккуратнее и глаза чуть больше. И в их черноволосое семейство не вписывалась грузная, златовласая женщина, которая разогревала какую-то пресно пахнущую похлебку на огне.

Тера была молчалива и погружена в себя так глубоко, что не обращала внимание на происходящее вокруг. Лишь раз она коротко поблагодарила женщину, которая дала ей

горячий, ароматный чай с мятой.

— Скоро ты сможешь поест. Ох, как не вовремя. У нас же Кайя пропал, такой хороший, добрый мальчик. Вот куда он мог уйти? — сетовала женщина и смаргивала горькие слезы. Она очень волновалась за мальчика. Неожиданно Тера цепко ухватилась за грязный передник, повязанный поверх длинного платья из плотной ткани. Женщина непонимающе и немного испуганно посмотрела на Тера, а потом улыбнулась. — Трия. Так меня зовут, и я буду рада, если ты будешь так ко мне обращаться. А сейчас я накормлю тебя и уложу спать.

Тера не ответила, лишь отпустила передник, прерывисто выдохнула смотря на ленивые языки пламени. Она легла на заправленную двумя одеялами кровать и закрыла глаза, невольно прислушиваясь к каждому шороху. Не спала, когда пришла Трия и укрыла ее тонким одеялом, когда на обед пришли остальные. Прислушалась к словам мужчины и недовольному бурчанию девчонки. Лежала с закрытыми глазами и чувствовала себя странно, как-то лениво и впервые за много лет хорошо. Слышала, как они опять уходили, а потом возвращались и вновь уходили. Искали. Поиски продолжались и ночью, только в них уже не участвовала Герда.

Она, недовольно поджав губы, вошла в комнату и посмотрела на кровать брата, ее любимого брата, которая была занята странной незнакомкой. Терой. Женщиной, которая даже когда холодные ветра выли под окнами, словно стая оголодавших волков, спокойно спала под тонким одеялом и дышала очень медленно и редко, словно не живая. Герде это не нравилось. Не нравилось, что в постели брата, пропавшего и сбежавшего в неизвестном направлении брата, лежала какая-то женщина. Однако родители были не против. Мачеха хлопотала над Терой, в то время как отец запрещал выгонять.

Герда переделась в сорочку и легла под два одеяла, прижимая колени к груди. Было холодно и страшно, одиноко.

Скорее бы нашелся Кайя.

Тера ненавидела просыпаться.

Всегда злилась, когда мама или пожилая гувернантка, которую держали в доме только из-за уважения и привычки, будили ее равно утром. Бывало так, что они по несколько минут стояли у нее над головой, пока не теряли терпение и не забирали теплое одеяло. После этого ее обычно заставляли идти в ванную комнату, а потом в малый обеденный зал, где уже сидела бодрая мама и сонный отец. Будили ее только для того, чтобы Тера раньше начала учебу и для похода на воскресную службу.

Потом появилась Лотти, требующая к себе внимание и Тера просыпалась еще раньше. Иногда с первыми лучами солнца, реже чуть позже и всегда чувствовала себя разбитой первое время. Она ненавидела это странное чувство беспомощности и разочарования, когда в памяти еще хранились обрывки сна, а в глаза били первые лучи солнца, и гувернантка или мама говорили нарочито громко.

Сейчас же она почти не спала, как и несколько месяцев до этого. Лежала на узкой кровати, поджимала ноги и смотрела. Смотрела на доски потолка, медленно тающую луну, первые краски рассвета и на непривычно спокойную Герду. Днем та почти всегда кривилась, ходила серьезная и большую часть времени пропадала, приходила лишь под вечер злая. Сейчас же она выглядела как ребенок, с пухлыми губами, большими щеками, под которыми лежали узкие ладони и беззащитным выражением лица. Таким же был и он, только пах более горько. От Герды пахло молоком и ромашками, а еще чем-то неуловимо приятным.

Вставала Тера с первыми лучами солнца, помогала Трии на огороде, иногда носила воду, резала овощи или штопала одежду. На удивление сама хозяйка дома работы много ей не давала, поэтому большую часть дня Тера сидела на крыльце или криво сколоченной лавочке под молодой липой. Иногда к ней присоединялась Герда, которая тоже молчала и смотрела на нее подозрительно и как-то выжидающе, но после слабой улыбки уходила, так ничего и не сказав. Странная она все же, недоверчивая и такая наивная, хоть и пытается казаться взрослой.

Не говорила громких слов, но все равно винила именно ее, Тера, в пропаже Кайи. Пыталась, вынюхивала, но каждый раз отступала, когда понимала, что не имела доказательств. Да и не помнила, если честно, Тера ничего. Не понимала, как оказалась утром на кладбище, не знала, откуда она и кто. Помнила лишь какие-то образы и эмоции. Сначала был всепоглощающий страх и подавленность, фантомные прикосновения, одни причиняли боль и другие наслаждение, граничащее с разочарованием. Этого уже не существовало в ее реальности, однако страх наступал на пятки.

Напряжение Тера чувствовала постоянно. Словно что-то внутри клокотало, прошлое скреблось о ребра и просилось наружу. Но Тера подавляла, боялась этих эмоций и своих переживаний, которых порой было слишком много.

— Дорогая, принеси воды, — крикнула Трия, выглядывая из окна. Она махнула рукой, проходящей мимо, Тере и вновь пропала в тени, гремя посудой.

Тера поправила тонкий аляповатый платок на плечах и медленно встала. Было как-то лениво и немного тяжело, от яркого солнечного света болели глаза и тело ныло. Она взяла железное ведро с тонкой ручкой, которая впивалась в ладонь и оставляла после себя ало-фиолетовую полосу и отправилась к колодцу на задний двор.

Сейчас Трия почти все время проводила на кухне и резала, чистила, мыла, готовила много супа, салатов и другой еды. Причитала, что еды не хватало и, когда Кайя вернется, его следовало накормить. А еще, по словам старого Рука, старосты Ямы, скоро за камнями и травами, которые росли только в их Призрачном лесу, приедут торговцы.

Тера посмотрела на наполненное холодной водой ведро и тряхнула головой. Волосы, выбивающиеся из низкого хвоста, лезли в глаза и били по щекам при сильных порывах ветра. Она к ним уже привыкла и не забирала в высокие прически, лишь иногда вплетала алые ленты и заплетала тугие косы, отчего к концу дня очень болела кожа головы.

На нее по-прежнему смотрели. Кто-то с завистью, некоторые с азартом, а были те, кто наблюдал за ней с плохо скрываемым презрением и ненавистью. Тера многим здесь не нравилась, но люди сдерживались, потому что не хотели портить отношения с Трией. Да и ее опасались, если честно. Спустя несколько дней люди уже привыкли и не тыкали в нее пальцем, парни не подходили и не говорили лживые комплименты. Приезд торговцев же обещал новые проблемы.

Ни тяжесть, ни боль она не чувствовала, несла тяжелое ведро по заднему двору, прямо к порогу и на кухню в угол. На ладони все тот же след, как рубец, который не сходил несколько часов. Обычно она сразу же прятала руку, потому что если Трия это видела, то незамедлительно отправляла ее отдыхать, доставала из подвала мази и делала компрессы. Конечно, это ничем не помогало, но Тера не отказывалась, считала неправильным.

Поэтому она села на крыльцо и спрятала ладони в складках старого платья из жесткой ткани. Слушала недовольный бубнеж Трии, которая вновь ходила из угла в угол, перекладывала продукты и гремела посудой, ножами.

— Герда опять по всем ходит. Брата ищет. Ты не подумай, Кайя очень хороший, кроткий и добрый мальчик. Он не мог просто так сбежать. Наверняка на рассвете пошел собирать травы или к отцу в шахты отправился, да там и заблудился. Его быстро найдут, местность у нас маленькая и опасных существ не много. Волки только, да медведи, но и они не обидят, особенно зная, что по лесу люди с охотником ходят. Да и муж мой, во время работы с остальными мужиками туннели осматривает и места завалов. Ох, не хорошо это все, не вовремя и не хорошо. Кайя пропал-то в день годовщины смерти своей матушки, которую очень любил.

Тера промолчала, потому что не знала, что отвечать в таких ситуациях, а Трия не обратила на это внимание. Она уже привыкла к молчаливости и отстраненности этой Теры, которая беспрекословно выполняла все поручения, но большую часть времени сидела в комнате или на крыльце. Смотрела, слушала и терла тонкий шрам на запястье.

Скорее всего этим она и раздражала Герду, которая очень волновалась. Беспокоилась за брата так сильно, что днями пропадала, а ночами спала не просыпаясь. К Трии уже подходили женщины, просили утихомирить падчерицу, которая надоедала своим постоянным присутствием, зазывала их детей и мужей отправляться на поиски пропавшего мальчика, когда его уже искали так, как могли.

Тера прикрыла глаза и невольно прислушалась к происходящему вокруг. Тихо напевал ветер, пришедший с каменной гряды, гор, в которых жили драконы, шуршали листья и вдалеке ревели, кричали дети. Так странно, они не беспокоились о нахождении рядом опасных существ, которые извергали пламя в небо или рычали. Когда кто-то первый раз зарычал, отчего задрожали стены и пол, Тера испугалась. Потом она долгое время смотрела на высокие, острые пики гор и впервые долго говорила, расспрашивала и получала краткие

ответы и непонимание. Тогда Трия впервые поверила, что их гостя ничего не помнила и успокоилась. Словно это сняло все обвинения и подозрения со странной беловолосой Теры, чему та очень радовалась.

Герда с отцом вернулись вечером. Все в саже и пыли, они закатили глаза на разгневанные реплики Трии и направились к бочке. Смыли с себя грязь, бросили одежду в угол кухни и сели рядом с камином.

— Мужики говорят, что не видели его. Кайя как сквозь землю провалился. А вдруг с ним случилось что-то страшное? — сокрушенно бормотал мужчина и в конце концов вцепился в свои короткие черные волосы и застыл. На него было жалко смотреть, впрочем, как и слушать эти слова каждый вечер.

— Дорогой, ну не мог Кайя далеко уйти. Не переживай, скоро мы его найдем в целости и сохранности.

Трия быстро и коротко поцеловала супруга в щеку и поставила перед ним тарелку с бараниной и картошкой. Герда с отцом тихо переговаривались, обсуждая пропажу Кайя и варианты, где он может быть сейчас, Трия их внимательно слушала и иногда взволновано прикладывала ладонь ко рту. Они волновались, боялись за Кайю, который пропал несколько дней назад, и никто его не видел, не слышал. Словно он исчез в один момент и не появлялся, не оставил после себя ничего.

Тера на это внимания не обращала, лишь жевала пресную, безвкусную говядину. Хотя она все же кривила душой, потому что говядина имела вкус специй, чего-то противного, словно не мясо ела, а водоросли. Противная еда, которая притупляла чувство голода, но не удовлетворяла его. Благо есть она хотела не сильно, иначе были бы проблемы.

На нее и так странно смотрели.

— Никто не видел его с той ночи, — тихий голос Герды вывел Тера из задумчивости. Она проглотила говядину и немного скривилась от резкого запаха специй и трав, посмотрела на девочку исподлобья. — К тому же у него нет друзей тут, у кого можно спрятаться. Не представляю, куда побежал Кайя рано утром. На кладбище его точно нет, как и на полянах с травами. Люди молчат.

— Может, он ушел в лес или потерялся в шахтах? — тихо поинтересовалась Тера и невольно передернула плечами, когда почувствовала на себе чужие взгляды. Это было неприятно и очень странно, однако Тера все же подняла взгляд и посмотрела им в глаза. — Ему же нужны минералы? Скорее всего он пошел туда, когда никого не было и случился обвал. Посмотрите там.

— Скорее всего ты права, — немного заторможено ответил мужчина, опустил взгляд на свою пустую тарелку и кивнул чему-то.

— Или же, он отправился к знакомым из академии.

После ее слов Герда улыбнулась широко и со звоном опустила ложку на тарелку. Выглядела она немного пугающе, как Трия перед приходом важных гостей. А еще от нее пахло слишком ярко, приторно-сладко. Ее аромат давил, удавкой закручивался на шее и оседал на языке привкусом земляники. Холод в желудке усилился, причиняя дискомфорт.

— Ты права! Когда приедут торговцы, я попрошу у них сквозное зеркало. Кайя рассказывал о каком-то природном маге и девчонке с рыжими рогами. Они могут что-то знать.

***

Торговцы приехали через несколько дней. К счастью, Тера не застала этого момента,

стояла у мелкой речушки в лесу и смотрела на свое отражение. Ее лицо терялось в мелких камешках и глине, черты расплывались и немного дрожали, а глаза превращались в щелки или наоборот, полностью терялись на бескровном теле. Порой она сама пугалась своего отражения, поэтому не смотрела в мутное зеркало, собственное отражение в бочке, не слушала, что о ней говорили другие люди.

Сейчас ей тоже было некомфортно. Тера была белой вороной, которую опасались. Скорее всего Освальд добился своего: избавился от нее и протестировал свое лекарство. Надругался. Стерев холодными ладонями горькие слезы, она кинула мокрые платки в корзину и пошла обратно. Даже сейчас он отравлял ей жизнь и наступал на пятки, контролировал мысли и эмоции.

Наверняка Освальд был бы рад этому.

Воспоминания все еще накатывали, приносили с собой боль душевную и физическую, потому что тело помнило. Это было отвратительно, потому что даже короткая дремота превращалась в постоянную экзекуцию. Вновь вернулась ноющая головная боль, ломота в теле и раздражительность. Больше всего ее злила Герда, которая постоянно говорила о своем пропавшем брате. Брате, которого больше не существовало в этом мире.

— Дорогая, развесишь?

Тера посмотрела на неприлично довольную Трию, которая вновь пекла пироги и изредка выглядывала из окна, и кивнула. Такие бельевые веревки она видела лишь один раз в детстве, когда проезжала с родителями мимо маленьких домиков, в которых жили такие же люди, как их старая гувернантка. Та пожилая пара тоже вешала белье на веревку, цепляла его яркими прищепками и смеялись, когда в их ногах бегала собака.

Наверное, Мино единственный, по кому она очень скучала.

Помотав головой, Тера повесила последний цветастый платок и прикрепила его массивной деревянной прищепкой. От прошлого у нее остались лишь блеклые воспоминания и шрамы, не следовало в новой жизни вспоминать плохое. Трудностей ей и так хватало.

— Хозяйка, свободная койка есть?

От резкого крика Тера невольно вздрогнула и замерла на месте. Выходить из-за дома ей расхотелось, поэтому она заинтересованно рассматривала огород. Приближалось время сбора картошки и других овощей.

— Нет, дорогие, но есть еда. Вы сходите в дом старосты, там вам наверняка помогут.

Слова Трии ее успокоили. Тера не хотела видеться с новыми людьми, пусть и понимала, что этого не избежать. Поэтому, постояв немного на месте, она подошла к крыльцу, оставила пустую корзину и села в дверях.

Станный, очень странный мир.

О таких мирах она читала лишь в детстве и то, читала в основном старая гувернантка или Лотти. Сестра любила сказки про драконов, рыцарей и принцесс, в то время как Тера слушала это в пол уха и засматривалась на романы современников. Сейчас же она немного жалела, потому что, оказавшись в таких условиях, не понимала правила игры. Кто она была в этом месте? Что это за место? Откуда в нем магия и что она из себя представляла?

Слишком много вопросов и очень мало ответов. Некоторые моменты проясняла ей Трия, но и та знала не многое. Знала лишь, что драконов немного, и они очень древние, а откуда они прилетели лишь еще одна загадка безответа. Говорила, что магии нет, как и магов, были лишь люди, которые чувствовали потоки и переправляли их в другие области. Какие именно области Трия тоже не сказала, как и при вопросе о странных звуках из ущелья

посоветовала спросить обо всем Кайю, когда тот вернется.

Однако этот мальчик со сладкой кровью и чуть вязкой плотью не вернется.

Тера сидела на крыльце и рассматривала прохожих в длинных платьях, маленьких детей, которые резвились и играли с собаками, курами и козами, в то время как их родители убирались, доили коров или разговаривали. Это было настолько дико и странно, что первое время Тера не выходила из дома, сторонясь всех. Сейчас же это по-прежнему было странно, как и то, что все приходилось делать самой и мыться в лохани на заднем дворе, спрятавшись да простыни на бельевой веревке. Но она привыкла. Это была та реальность, в которой приходилось жить.

Недалеко послышались шаги, тихое бормотание и перед ней остановились мужчины. Симпатичные, однако они чем-то были похожи на Освальда и Луи, поэтому вызывали лишь легкий страх и раздражение. Мужчины же, словно не заметили ее реакции, рассматривали с интересом и улыбались странно.

— Койка есть? — поинтересовался один из них и склонил голову на бок, из-за чего его светлые волосы упали на глаза. Еще одно сходство.

— Нет. Есть еда, но вам лучше поговорить с хозяйкой.

— А ты симпатичная и очень странная. Никогда не видел такой внешности, — вновь сказал мужчина и приблизился. Он потянул к ней руку, стремясь коснуться щеки, но погладил лишь воздух. Усмехнулся. — Если будет скучно, мы всегда рады видеть тебя. Поверь, мы знаем толк в развлечениях.

Ушли, ничего больше не сказав, оставив после себя противное ощущение грязи на коже и чего-то тухлого в воздухе. Тера скривилась и потерла потные ладони о платье, понимая, что вновь попадала в ловушку. Только теперь не понимала причину. Там, в той жизни у нее было положение и фамилия, небольшое имение, тут же она буквально была бездомной уродкой.

— Что они хотели?

Поиграться хотели, развлечения себе найти, Трия.

— Спрашивали про ночлег, — все же ответила она и почти не соврала. Тера сомневалась, что мужики не знали, что в доме мест не было, потому что торговцы между собой всегда общались тесно. Нет, скорее всего они подходили ради другого. Ради нее? Вполне вероятно, однако причины ей были не ясны. Неужели простой интерес или заинтересованность в экзотической внешности?

— Ну и хорошо, — радостно ответила Трия и подошла к ней со спины почти вплотную. Это нервировало. Однако только Тера хотела немного сместиться или встать, как почувствовала большую ладонь на плече и услышала тихий голос. — Будь осторожнее с ними, дорогая. Таким людям ничего не станет, они украдут тебя и увезут. Держись от них подальше и лучше вообще не отходи от дома.

Торговцы были в Яме почти неделю. За это время Герда связалась со знакомыми брата, а потом плакала половину ночи. От пресного запаха соли и постоянных всхлипов, тихих завываний на утро болела голова. Лишь к утру Тере удалось успокоить девочку несколькими словами. С первыми лучами солнца в комнату заглянул отец, укрыл дочь одеялами и ушел в шахты.

Было сложно. Тера ела все меньше, часто сидела на лавке под липой или уходила в лес, ощущая чужое присутствие рядом. Постоянное присутствие, удушающий кислый запах, который давил на виски и приносил с собой странные эмоции. Страх перед Освальдом и ему

подобными вновь возвращался, а опасность и параноя следовали за ней по пятам. Все чаще с ней рядом была Трия, но и тогда взгляд не отпускал. Тера жила от ночи к ночи, слушала про завалы и уверяла семью, в которой жила, что ничего не видела и скорее всего их мальчик сам влип в какую-то историю.

Ей верили. Ее любили и оберегали, давали кров, еду и просили не многого. В некоторых делах она находила отдушину. Частые прогулки по лесу успокаивали, хотя большую часть времени все же присутствовало напряжение, нагнетаемое образами в голове. Доходила до маленького домина на полянке, в котором жил и пил массивный охотник. Он не испытывал к ней никакого интереса и, казалось, вообще не видел Тера, что было ей на руку. Поэтому с ним Тера чувствовала себя спокойно и несколько раз позволяла проводить. Потому что тот странный мужчина, очень похожий на братьев Пикфорд всегда находился рядом, не подходил и не разговаривал, но смотрел, улыбался так, что ничего хорошего от него уже Тера не ждала.

На самом деле Тера ждала подвоха и уже разрабатывала планы. Она не знала всех своих способностей, не понимала это тело, похожее на смерть, однако знала, что теперь сильнее остальных и люди ей верили. Они слушали ее голос, смотрели в глаза и в их сердцах селилась вера в правдивость всего, что она говорила. Только была ли это ее способность или простое стечение обстоятельств? И если ее наградили за все страдания, то как этим управлять?

Вновь вопросы.

Ситуация прояснилась за день до отъезда торговцев. Рано утром она, как всегда, вышла за водой и невольно вздрогнула, когда, повернувшись с тяжелыми ведрами и намерением идти обратно в дом, наткнулась на сына старосты. Этот парень, только перешагнувший порог совершеннолетия, тоже выглядел подозрительно, но был брюнетом, что не отталкивало сразу. Он высок, весь от макушки до пят покрыт веснушками, немного полный с большими ладонями. Его руки напрягали больше всего, потому что один его кулак был вполовину ее лица.

Тера молча рассматривала его и невольно сжимала тонкие ручки ведер, доверху наполненных водой.

— Освоилась?

Странный вопрос, однако Тера кивнула и тут же тряхнула головой, убирая мешающие пряди с лица.

— Ты попала в хорошую семью. Трию и ее мужа тут все уважают, — вновь сказал он и получил кивок в знак согласия. Тера это знала и впервые благодарила высшие силы или любые другие за везение. — Однако, ты слишком приметная. Бледная, молчаливая, но симпатичная. Непрístupная. Такие нравятся многим мужчинам. Особенно непривычным к такому.

Его слова настораживали. Что-то такое Тера и предполагала, когда видела молодых мужчин торговцев в окружении девчушек, мечтающих о лучшей жизни. Это место полностью описывало свое название. Одно короткое, но емкое слово дало ей понять не только о местонахождении, но и о стиле жизни людей. Поэтому не удивительно, что одни тут развлекались, а другие искали возможности сбежать.

Она предполагал, но все еще не понимала, к чему заводился весь этот странный разговор. Не мог же сын старосты подойти к ней из праздного любопытства?

— Поговаривают, что они хотят забрать одну из наших девушек. Скорее всего сначала

сами поиграют с ней, а потом продадут. За такую необычную красавицу много золотых можно получить. И Трия ее не спасет, потому что для торговцев она никто. А девушку можно и выкрасть ночью, и никто за нее не вступится.

Теперь посыл был кристально ясен. Ее собирались выкрасть для продажи в рабство из-за внешности или просто из-за того, что она была женщиной. Эта мысль была настолько неприятной, что Тера скривилась и сильнее сжала ручки ведер, отчего по водной поверхности пошла рябь. Она словно вернулась в прошлое, где была бесправной женщиной, подчиняющейся своему супругу, носящей его клеймо на пальце. Благо от кольца она избавилась почти сразу, бросила в колодец, когда набирала воду, и думала, что вместе с ним пропадут ее проблемы. Наивная.

Однако сын старосты стоял, улыбался лягушачьим ртом так широко, что еще немного и уголки губ его коснутся ушей. Это напрягало сильнее, чем все остальное. А еще его запах как-то неуловимо менялся, становясь пряным, сальным, отчего к горлу подкатила тошнота. Он чего-то ждал, смотрел пристально и словно оценивающе.

— Что вы предлагаете? — через какое-то время поинтересовалась она и вновь тряхнула головой. Парень словно только этого и ждал, подошел непозволительно близко, кладя свою большую и липкую ладонь ей на основание шеи.

— Трия не может тебя защитить, но могу я. От тебя требуется только небольшая благодарность взамен. Надеюсь, мы сможем договориться.

Его палец провел по холодной коже шеи, отчего по телу прокатилась волна омерзения. Ведро в руках дрогнуло, опрокидывая часть воды на носки его обуви и колкую траву, землю. Выругавшись, парень вновь посмотрел на Теру уже откровенно неприкрытым взглядом, огладил каждый изгиб ее тела под платьем и ушел.

Что я сделала, что со мной так поступают? Чем я заслужила это?

День не задался с самого утра и Тера хотела проигнорировать его слова, забыть и жить дальше. Словно этого всего не было. Она может все эти дни сидеть дома и не выходить из него, вряд ли торговцы будут такими настойчивыми и неосмотрительными. Однако ее уверенность пошатнулась, когда на Яму опустились сумерки. Через тонкое стекло окна и широкие дыры в рамах Тера заметила странную девочку. На первый взгляд та была очень похожа на Герду, но это была не падчерица Трии, а незнакомая девчонка в легком платье и со странной улыбкой на лице. Незнакомка и шла странно, опиралась на крепкое плечо того самого мужчины, который подходил к ней в первый день прибытия, хихикала и немного шаталась. А потом упала, словно подкошенная, кукла, которой отрезали веревки. Ее унесли в неизвестном направлении. Как и других девочек. Тера не знала точного их количества, но понимала, что завтра население Ямы уменьшится.

На место смятению пришла паника. Сидя в углу небольшой, детской комнаты она думала и была недовольна получившимися выводами. Ей тоже могут что-то подсыпать в еду или напиток, из-за чего она уснет и не будет сопротивляться. Семье Трии могут заплатить за нее хорошие деньги, которые им были нужны. Конечно, если бы они знали, что в пропаже Кайи была повинна она, то сразу же бы выгнали или отдали бесплатно. Этого Тера боялась больше всего.

Но не врал ли сын старосты о своем влиянии? И стоила ли ночь унижения защиты от торговцев? Нет, не стоило, ведь если все пройдет удачно, она останется тут и про этот поступок могут узнать все вокруг. Этого не хотелось. С другой стороны, что она могла сделать против сильных мужчин?

Ни в этой, ни в прошлой жизни. Ничего. Тера была слаба и пуглива.

Стоило ли это того? Тера пока не знала, но в рабство не хотела. Даже если ей ввали, даже если там ее ждало другое, лучшее будущее, она останется в Яме. Потому что ничего не знала о мире и не понимала, боялась и не хотела новых проблем. Хотела спокойствия, которое дарило маленькое поселение с домиками, стоящими в отдалении друг от друга, нелюбопытными жителями и драконами, ревущими в ночи.

Спокойствие в обмен на короткий миг боли и унижения.

Наверное, она совершала ошибку, когда, не посоветовавшись, пошла в дом к старосте и посмотрела на самодовольно улыбающегося парня. Скорее всего так и было, потому что дверь опять плотно закрылась, а платье уже лежало в ногах мешком. Внутри что-то надломилось, когда чужие ладони прикоснулись к ней, когда мяли грудь, сжимали бедра и брали, почти на сухую. Когда ей в ухо коротко постанывали от наслаждения, а она не чувствовала ничего, кроме боли и пустоты. Сын старосты трогал, тискал, тер, словно изучал ее. Свое же тело Тера знала наизусть: бледная кожа, чуть выступающие ребра, тонкий шрам по груди, которую он мял слишком сильно, на бедре, с его отпечатками потных пальцев, росчерк на запястье и длинный шрам от ключиц до паха.

Еще один подарок Освальда Пикфорда.

Его последний подарок.

Илзе затравленно смотрел на маленький кусок хлеба, на мякиш, который Господин крутил в пальцах. Скатывал его в ровный шарик и крутил, поворачивал руку так, чтобы он и другие дети видели. Пускали вязкие слюны и тихо подвывали от боли в пустом желудке, от сухости во рту из-за недостатка влаги. Илзе до них не опускался, но смотрел и кривился от легкого аромата свежего, мягкого хлеба.

Он не ел два дня. Ему давали колодезную, немного грязную воду и сухари, которые иногда подворовывали другие дети.

Господин воров и предателей ненавидел, поэтому если узнавал про это, на утро отрубал кисти всем попавшимся. У Илзе кисти все еще были на месте. Лишь спина горела после хлесткого кнута, однако к этой боли он уже привык и терпел. Слушался Господина и не перечил его словам, исправно исполнял приказы. Смотрел преданно и в дни промаха вымаливал прощение на коленях, ощущая холодный металл вокруг шеи, слышал, как гремела тяжелая цепь за спиной и ощущал противный привкус на губах.

Его прощали. Всегда прощали, но наказывали.

Желудок скрутило от боли, сил оторвать взгляд от круглого мякиша не находилось. Есть очень хотелось, а Господин играл с ними.

Неожиданно Господин встал с глубокого кресла с позолоченными ножками и выбросил мякиш с коркой на пыльный пол. Несколько цепей, от тонких горлышек исхудавших детей до голых стен с массивными кольцами, загремели, забили по выступающим позвонкам. Илзе видел, как несколько таких же рабов, как он сам, рванули вперед за испачканной едой. Он же остался неподвижен, за что его погладили по голове, как собачонку. Однако этот жесть ему нравился, потому что так Господин выделил его.

— Куарон, все готово?

Мужчина, стоящий до этого в углу небольшого зала, молча вышел вперед и кивнул. Илзе видел его редко и каждый раз удивлялся тому, что в отличии от Господина, тот никогда не переодевался. Всегда брил голову и отращивал кривую бороду, носил длинные туники из алого шелка, широкий пояс, расшитый золотыми нитями и черные брюки, под которыми прятались массивные ботинки с острыми носами. От этих ботинок всегда оставались сначала алые, потом фиолетовые и желтые синяки. Мальчишки и девчонки после встреч с ним не вставали с матрасов сутки, всегда кривились от боли и тихо плакали ночью. Илзе не знал, что с ними происходило за массивными дверями с лепнинами, да и не хотел этого знать.

У него были другие проблемы.

— Замечательно.

Господин погладил его по острой скуле, впалым щекам и хлестко ударил. Ушел, оставив после себя страх, пульсирующую боль и корку хлеба с мякишем, до которой ни одни из них не мог доползти. Цепи были слишком короткими.

Илзе тоже затравленно смотрел на еду, ежился от липкого холода камеры, в которой они жили несколько лет. Пять мальчиков и три девочки от семи до пятнадцати лет, которые иногда сменяли друг друга, потому что одни пропадали, а их место занимали другие. Единственный, кто всегда занимал матрас рядом с маленьким окном, из которого шел свежий ветер, был именно Илзе. Он же и был одним из тех, кто жил в подвале старого

дворца почти шесть лет. С десяти своих лет, когда родная мать продала его в рабство за три бутылки алкоголя. Сейчас ему шестнадцать, кажется, и он раб своего Господина.

Первого правителя Вермелло, небольшого портового государства.

Илзе ненавидел Господина, но всегда смотрел с восхищением, подставлял волосы и беззащитную шею под его касания, беспрекословно подчинялся, благодаря чему его любили. Ему позволяли небольшую вольность и ругали реже, чем остальных, хотя и на его спине заживали раны от кнута с золотым шариком на конце. Господин любил его, поэтому часто водил в купальни, отдавал своим старые вещи и брал на приемы, где представлял, как одного из лучших своих рабов. Илзе всегда знал, где его место, не поднимал голову и не ел, пока не разрешали, улыбался своему Господину, который отдавал его тем, кому он был должен или своим друзьям. Отдавал на потеху публике, мужчинам и женщинам, смотрел на то, как он отдавался или брал, иногда позволял уединиться. Сам не брезговал, хотя от него Илзе нежности никогда не ждал и часто после этого сидел на каменном полу с компрессом из трав. Иногда его и еще несколько ребят брали на оргии, где он прятался в ворохе подушек, когда остальные уже пили вино не из-за вкуса или легкого опьянения, а потому что не могли не пить. Тогда уже не важно было, кто перед тобой, важны лишь эмоции и удовольствие.

Ненавидел своего Господина за стертые колени, избиение и издевательства, что его жизнь принадлежала правителю. Однако он был благодарен и любил Господина за то, что тот его не выбрасывал, не ломал, как остальных, а оставлял таким, пусть и играл порой жестоко.

После ухода Господина в подвале остался охранник с секирой на талии и Эрен, самый старший из них. Самопровозглашенный главный. Тоже симпатичный, миловидный парень, который не менялся со временем, не обрастал волосами и щетиной, имел такой же приятный голос, который с годами стал глубже и покладистый характер. У него единственного не было цепи, но горло сдавливал железный ошейник. Здесь они были самые старые и настолько разные, насколько могли. И сейчас Эрен стоял над одним их новеньких и смотрел сурово, тряс рукой, потому что ладонь от пощечины наверняка болела.

— Тебе лучше закрыть рот, иначе будешь наказан Господином. Ты не имеешь права лезть туда, куда нельзя. Твоя главная задача ублажать Господина и молиться ночами, что на следующий день тебе не отсекут голову или руки.

Миловидный мальчик в длинной рубахе упрямо смотрел в пустую каменную стену и тер щеку, ничего не отвечая. Тот был явно нежилец, потому что такие у них долго не жили. Спротивлялись долго, даже после наказаний приходили и лелеяли надежду на побег, не исполняли приказы Господина и зачастую вели себя не сдержанно, за что их отдавали в гарем для важных гостей или сразу отрубали голову, которую потом нанизывали на кол под их окнами. Поэтому они редко подходили к квадратному отверстию с решетками. Видеть лица тех, с кем когда-то говорил — очень сложно.

Никто нарываться не хотел, однако Илзе уже слышал тихие перешептывания, которые постепенно дошли и до него.

Сегодня приезжали работорговцы и важные гости из соседних земель. Наверное, Господин купит еще несколько мальчишек или девчонок или же сразу отдаст их гостям в качестве мирного жеста. А может, новенькие пойдут на развлечение и ублажение, после чего обычно мало кто возвращался. Они либо умирали от отравления, либо отправлялись сразу в гарем. В качестве рабов Господин шлюх не держал.

Илзе потер ноющий бок и поджал под себя ноги, сидя на влажном и уже старом

матрасе, в котором чувствовал все неровности. Наверное, в гареме было намного лучше, однако участие в оргиях и отдаваться незнакомым людям ему не нравилось и не хотелось. Лучше тут, чем принимать в себя нескольких сразу, а потом молиться, чтобы его не убили, ведь зачастую шлюхам вскрывали брюхо, чтобы уважаемых людей не узнали и не забеременели от них. Девушкам было намного сложнее, но и за свою жизнь Илзе волновался.

— Поговаривают, что русалки вновь топят корабли и убивают моряков, — на грани слышимости зашептал один парень другому. Илзе незаметно посмотрел на них, а потом сел чуть ближе, делая вид, что внимательно слушал наставления Эрена. — Наверное, Господин пригласил магов, чтобы те утихомирили морской народ. Наверное, еще и торговые отношения попытается наладить.

— Я слышал, — так же тихо ответил ему еще совсем молодой мальчишка в широких шароварах и тонкими шрамами на руках. — Господин хочет вновь попросить руку и сердце юной наследницы или ее кузины. Напирает на то, что сможет обеспечить юную девушку и что это будет очень удачный политический брак.

— Будем надеяться, что, когда брак заключат, нас выпустят.

Илзе вновь посмотрел на хмурого мужчину с секирой и лег на матрас, слыша грохот цепи. Он не верил в то, что при заключении брака, Господин их отпустит. Нет, Господин своего никогда не отпускал, а их всех он выращивал, воспитывал и делал такими, какими видел сам. *Идеальными*. После стольких усилий просто отпустить не позволит жадность и гордыня, к тому же многие из них знали то, что не следовало. На приемах и во время встреч, куда кого-то брали, никогда не волновались о сохранности информации, потому что понимали, что рабы не выдадут иначе умрут. Они не учитывали того факта, что между собой рабы всегда разговаривали, говорили так, что их почти не слышали.

На самом деле Илзе уже не помнил, какие рядом были земли, да и в детстве пьяница-мать никуда не возила, лишь водила на торговые площади, отдавала овощи с огорода и оставляла торговать, а вечером забирала и почти всю выручку тратила на алкоголь, оставляя одну серебряную монету ему на еду или другие нужды. Сейчас же так получалось, что он не выходил за пределы дворца шесть лет и слышал лишь обрывки информации, которая ему не так полезна, как думалось изначально.

Он много не понимал, но делал выводы, которые дарили надежду. По слухам, Вермелло переживало не лучшие времена, потому что русалки вылезали из-под воды и вновь утаскивали на дно моряков, топили корабли с товаров. Из-за этого королевство терпело убытки, к тому же Господина многие не воспринимали всерьез. Илзе видел это собственными глазами. На приемах, куда его брали, он всегда выдел легкое пренебрежение в глазах знати и глав других королевств, по отношению к Господину. Они не высказывали это вслух, но уже мысленно вычеркивали его из списка гостей или других более выгодных знакомств. Даже Куарона боялись и уважали больше, но лишь потому, что знали, что тот один из лучших наемников.

В таких условиях Илзе чувствовал, что побег может оказаться чуть проще.

***

Господин пришел к ним лишь через три дня. Сел на трон, закинул ногу на ногу и самодовольно осмотрел рабов, которые сидели у стены и все как один опускали взгляд в пол. Как послушные щенки. Он фыркнул от этого сравнения и вновь осмотрел всех более придиричиво, словно искал.

Их стало на трех человек меньше, об этом говорили пустые цепи и страх, который преследовал всех. Разговорчивому мальчику отрезали язык при них, а потом увели, двух других взяли на встречу. Сейчас все они нанизаны на колья, Илзе видел это собственными глазами. Те, кто остался, теперь молились на ночь, вздрагивали от резких звуков и молчали, боясь даже дышать.

Илзе тоже боялся, но не молился на ночь, потому что не верил в Бога. Если бы он действительно существовал, то наверняка помог ему или не насылал кошмары, от которых Илзе просыпался в холодном поту и с потрескавшимися губами посреди ночи. Он видел всех тех, кто когда-то говорил с ним или помогал, видел их раскрытые стеклянные глаза и рты, вокруг которых летали мухи. Чувствовал этот противный сладковатый запах и боялся оказаться рядом.

Сейчас же причина его кошмаров сидела в нескольких метрах и медленно выстукивала пальцами какой-то ритм. Это напрягало сильнее.

— Скоро будет одна очень важная встреча и мне нужен будет самый послушный из вас, — Господин вновь осмотрел всех своих рабов и задумчиво провел пальцами по подбородку. Он тянул время, заставляя всех нервничать. Илзе видел это, чувствовал собственный трепет, потому такие встречи ничем хорошим не заканчивались. — Илзе, ты сможешь меня сопровождать?

— Как вам будет угодно, Господин.

Илзе подставил голову и горло под тонкие пальцы Господина и закрыл глаза. Слухи не ввали.

Она поняла, что понесла от сына старосты, когда низ живота обвис и увеличился. Аппетит возрос, хотя Тера по-прежнему ела лишь мясо с картошкой, а потом убегала на задний двор или уходила пасти коз и блевала. Ее тошнило так сильно, словно желудок скручивался в тугой канат, а горло болело и жгло. Первое время никто не замечал, Тера тоже не сильно акцентировала на этом внимание, потому что все готовились к надвигающейся зиме. Холод ее не страшил, да и не чувствовала она его так остро, как остальные. Герда и Трия уже носили шерстяные вещи и обматывали голову платками, дни становились длиннее, отчего глава семьи пропадал в шахтах до наступления темноты.

Тера помогала по дому, носила тяжелые корзины с овощами в погреб, носила воду, иногда помогала в шитье и слушала, как Трия сетовала на падчерицу. Мол, Кайя пропал больше нескольких месяцев назад, учеба в академии уже давно началась, все давно похоронили мальчика и не говорили о нем, а Герда еще искала. Расспрашивала у односельчан, чем раздражала их, много времени проводила на кладбище и вечерами, когда Тера куталась в тонкое одеяло и почти засыпала после тяжелого дня, расспрашивала ту о прошлом.

Все еще надеялась, что Тера вспомнит. Однако та быстро поняла намерения девчонки и потратила сутки на придумывание истории, которую выдавала дозированно. Так же она не попадалась Герде на глаза больше нужного, потому что девочка уже присматривалась и не доверяла ей так, как верили остальные. Тера скорее чувствовала, чем знала, что эта мелкая и вертлявая девчонка опасна. Она могла принести много проблем.

Были и странности. Иной раз речь за ужином все же заходила о Кайе и Герда сеяла в сердцах родителей зерна сомнения, что не мог брат уйти в лес или провалиться в шахте. Говорила она убежденно, из-за чего даже Трия нервно кусала губы. В такие моменты Тера сильнее всего чувствовала тревогу и опасность, исходящую от девчонки. В один из таких вечеров, будучи утомленной странным состоянием и возросшим аппетитом, особенно тягой к мясу, она узнала о своих способностях. Потом пробовала еще несколько раз на разных людях и получалось одно и то же. Они соглашались со всем, что им говорили, когда Тера смотрела в глаза и говорила медленно, иногда почти шептала. Они верили всему, что она говорила, а если постараться, то и делали.

Так жизнь наладилась.

Тера больше не боялась Герду, потому что увещевала и убеждала каждый раз, когда та заходила в своих размышлениях слишком далеко.

Потом было еще одно странное происшествие, после которого она некоторое время не отходила далеко от дома. Тера ощущала постоянный голод и переплетение ароматов, смотрела на коз, которых пасла и людей, находящихся рядом. Пустота преследовала постоянно, усиливалась, когда рядом кто-то зарезал свинью или сам случайно ранился. Она все больше ощущала вязкость и безвкусию прожаренного мяса, поданного со специями или листвой. Временами накрывала апатия и слабость, появлялось ощущение, что она медленно впадала в спячку и в один день сил сдерживать желания не осталось.

Глубокой ночью, ведомая приступом тошноты, она в ночной сорочке выбежала из дома на задний двор. Отпила ледяной воды из бочки и откинула с лица прилипшие пряди. Холодный ветер с ущелья приятно ласкал разгоряченную кожу, вой волков в лесу уже не

пугал, а скорее стал привычным звуком. Медленно, но Тера привыкала к новому миру и училась жить заново. Идиллию момента разрушала пустота внутри и нестерпимое желание съесть мясо, желательное еще пульсирующее. Чтобы оно было еще теплым, живым и пульсирующим, чтобы оставляло на подбородке соленую кровь. Этот образ настолько яркий, а ветер донес изумительный аромат тепла и куры...

Тера не удержалась.

Вкусно. Тепло. Так прекрасно и легко мне не было с детства.

Выкрала из загона соседнего дома наседку и съела, вгрызаясь зубами в мясо. Она ела еще теплое, бьющееся сердце, слизывала с пальцев кровь и осторожно обглаживала кости, опасаясь запачкать одежду. Даже разделась ради этого. Сидя голая на траве, Тера отрывала мясо, вынимала руками органы и отбрасывала их. Почти стонала от наслаждения и долгожданного чувства насыщения. Вернулась в дом она за несколько часов до рассвета, вымыв руки и тело холодной водой.

Никто отсутствия не заметил. Голод отступил.

То, что она понесла, стало очевидно, когда живот округлился, а на землю упал первый снег. Трия тогда лишь всплеснула руками и быстро позвала знахарку, которая больно щупала, смотрела осуждающе и вновь щупала, нажимала.

— Понесла девка. Родит после Мальбуна.

Знахарка увела Трию на кухню, где что-то говорила в полголоса, пока сама Тера пыталась побороть накотившую панику. Ребенок. Она уже и думать забыла про него, предполагая, что Освальд отбил ей органы из-за чего зачать будет затруднительно. Да и за время брака Тера ни разу не зачала, не почувствовала жизнь внутри себя, как и не чувствовала ее сейчас. От незнакомого мужчины, человека, который воспользовался положением и ради любопытства переспал с ней, а потом долго хвастался и называл ее уродиной.

От уродца в утробе захотелось избавиться сразу.

Но было уже поздно и этот шаг мог стоить ей жизни. Второй жизни, которую она терять не хотела. Поэтому носила под медленно бьющимся сердцем уродца и лелеяла злость на сына старосты за подобный подарок, на супруга, из-за которого ныл длинный шрам на животе. Тера наивно полагала, что после всего произошедшего, надругательств над телом и странным перемещением, почти возрождением, была бесплодной. В мертвом теле никогда не могло родиться чего-то живого.

Из камня птица не вылупится. Может и уродец будет мертв.

Уродец же двигался, дышал, питался от нее и был живым напоминанием падения. Надругательства. Этого простить Тера не могла, не хотела прощать и то унижение, которому подвергла ее знахарка с Трией. Сын старосты почти прилюдно открестился от уродца и назвал ее потаскухой, раз так легко поддалась и сейчас умоляла о вхождении в семью.

Тера никогда никого не молила, не просила ни о чем, лишь неловко ходила по ночам и ела чужих кур. Уродец забирал много сил.

Куры слишком пресные, как и та корова, которую ищут всей деревней.

Трия не видела дальше своего носа, сетовала много, но возилась с ней, массировала ноющую поясницу, втирала травяные мази в отекающие ноги и отдавала самые жирные куски. Отец смотрел со снисходительностью, иногда подолгу задерживался взглядом на животе, потом пропадал где-то почти целый день. Тера против ничего не имела, потому что с ним не общалась, да и слышала пару раз от девок, что тот на кладбище часто ходил.

Считал, что если жизнь у одного забрали, то второму подарили. Скорее всего своего сына он уже видел в уродце, живущим в ее большом и отвратительном животе.

Многие в Яме ее невзлюбили, шушукались за спиной, но сразу замолкали, когда встречались с ней взглядом. Это был ее подарок за все страдания прошлой жизни. Люди почему-то всегда соглашались с ней, выполняли все указы, стоило лишь посмотреть на них пристально и сказать что-то с особой интонацией. Но это не всегда помогало, не спасало от косых взглядов и сплетен. Говорили многое и все было не правдой, потому что Тера никогда не хотела прижиться в таком гиблом месте и не стремилась стать частью семьи старосты.

Так сложились обстоятельства. Она приняла решение и последствия этого решения сейчас жили ее в живот, отчего кожа натягивалась и появлялось некрасивое выпуклое место.

К удивлению, многих Герда оказалась на ее стороне. Конечно, Тера прекрасно знала природу такого единодушия, потому что общалась со строптивой девчонкой почти каждый вечер перед стандартным пожеланием крепкого сна. Потом девчонка выглядела умиротворенной, не бегала по домам в поисках брата, не надоедала преподавателям академии, а жила так, словно все было нормально и место Кайи заняла Тера.

Какая же ты еще маленькая и наивная, Гертруда.

Тера ненавидела, когда кто-то ее трогал, но позволяла Герде прикасаться к своему животу, потому что уродец почти всегда успокаивался. Да и сама девчонка тоже начинала верить отцу и тому, что Кайя прошел перерождение и уже был внутри нее. *Как досадно.* Мальчишка действительно был внутри нее, тек по венам, оседал на тканях и питал своей энергией лучше, чем животные. Его вкус все еще ощущался во рту, хруст костей стоял в ушах упоительной музыкой и мясо, теплая кровь, молодое, но очень худое тело.

Она вновь была голодна.

В зимнее время есть хотелось меньше, да и спала она больше. Собирала на рассвете с подушки выпавшие волосы и бросала их в печь вместе с окровавленной сорочкой, которая уже не отмывалась. В это время она словно выцвела, стала раздражительнее и оттого Трия вилась вокруг, помогала, сетовала. С наступлением первых дней весны стало чуть легче. Мир оживал и вместе с тем подходил срок. Трия ждала этот день больше, чем сама Тера, поэтому бегала по Яме и договаривалась со знахаркой, готовила ткани и пока пустые тазы. А еще много разговаривала, пока Тера сидела на крыльце, а Герда раскатывала тесто к мясному пирогу.

— Дорогая, тебе главное вовремя нам сказать, когда станет плохо и потечет по ногам. Мы обязательно поможем тебе и малышу, помолимся Древним за ваши жизни и души. Ты только обязательно скажи, как почувствуешь.

Тера на это лишь кивала и укрывала плечи шерстяной шалью. Она бы ни за что не сказала, если бы на кону не стояла ее собственная жизнь. Хотя слова о молитве позабавили.

Я не та, за кого стоит молиться. Я уже обошла смерть, и ваши Древние мне не помогут. Мертвому не нужны пустые слова и жалкие надежды, ведь это уже не имеет смысла.

В доме гулял холодный ветер, из-за которого все ежились и тихо ругались, молили о тепле и солнце. Лишь Тера ощущала легкий холодок на своей коже, онемение в голых ступнях и полное спокойствие. Потому что уродец не буянил, словно помер там уже, Герда вела себя примерно и больше не выпрашивала у нее о прошлом и о том, что произошло на кладбище на самом деле.

На самом деле это время было спокойным, почти умиротворенным, таким, к которому

Тера просто не привыкла и до последнего искала подвох, но не находила. Ни в странном походе на кладбище, ни в подслушанном разговоре Герды, где та вновь говорила про брата, ни в новости о смерти лесника Тера не находила проблем. На кладбище ничего, кроме ветра и ностальгии не появлялось, девчонка легко поддавалась внушению, а лесника, к сожалению, растерзали волки.

Станным было еще и то, что все то, что говорила знахарка не происходило. Уродец почти не двигался внутри, но и не просился наружу. Тера чувствовала себя лишь немного тяжелее и впереди был довесок, который мешал жить. Примерный срок подходил, из домов выползали люди и вплетали ленты в тонкие ветки деревьев, пели и молились. Многие после долгой зимы тоже выходили с довеском, который любили, наглаживали и хвастались всем прохожим. Прошел первый месяц весны, растаяли снега и вновь в ущелье выли, из спячки выползали драконы, а она сидела на скамейке и смотрела на радостного сына старосты. Вспоминала супруга.

Оба отвратительные мужланы, думающие только об одном. Тера уверена, что несколько беременных девиц тоже понесли от него, потому что о сыне старосты ходили разные слухи.

Герда вилась вокруг нее и смотрела пристально, словно ждала чего-то и первое время Тера боялась, что та вновь начнет выпрашивать про брата и кладбище, но нет. Девчонка, казалось, стала спокойнее, посетила шахты и посмотрела на обвал, который так и не убрали. Ее еще терзали сомнения, потому что ее маленький, тихий Кайя никогда бы не пошел в такое место ночью, но факты на лицо. Да и сосед брата говорил, что в последнее время тот стал слишком взволнованным и искал постоянно какой-то минерал. Герда даже записала название камня, но никто в деревне не знал о таком, точнее знали, но не представляли, какую магическую ценность он представлял. А сосед отказывался, не говорил, а после еще нескольких раз просто выслал им старые вещи и больше не отвечал. И тогда Герда плакала, почти всю зиму проплакала в подушку, над могилой матери и постоянно извинялась перед ней за то, что не уберегла. Глупого, маленького братца не уберегла.

Долго плакала, а потом слезы высохли навсегда, и она превратилась в призрак самой себя. Жила, пила и ела, относилась на могилу матери корки хлеба, проклинала камень, название которого проговорить не могла и медленно умирала. Не верила, противилась, вновь плакала, не уберегла, не уберегла, но вновь мирилась с мыслью, которая претила и казалась навязанной, неправильной.

Отцу она поверила. Прислушалась к его словам, узнала Тера чуть лучше и поняла, что это был знак.

Когда один умирал, всегда рождался кто-то другой.

Это говорила им мама в детстве и потом говорил об этом Кайя. Говорил, что, когда человек умирал, его душа встречалась с Древними и те решали, достойна ли она перерождения. Брат был достоин. Потому что там, в огромном животе с белесым шрамом, в теле женщины, вызывающей в ней страх, жил ее маленький Кайя. Ради этого человечка, с его сердцем и душой, Герда поначалу терпела, а потом все больше проникалась симпатией к Тере. Она говорила так сладко, улыбалась и глаза у нее такие, как самые настоящие алмазы или небо, отражающееся на льду. Герде становилось спокойно, когда Тера рядом, когда смотрела и рассказывала что-то, она даже порой не понимала, что именно.

Рождение маленького Кайи все ждали с нетерпением и Герда каждое утро вставала на рассвете и проверяла Тера. Разговаривала с ней, помогала и отдавала свое одеяло, когда та ежилась от холода.

— Как хочешь назвать малыша? — спросила Герда и положила свою подушку на кровать, чтобы Тере было удобнее. У той сильно болела поясница, поэтому порой она становилась очень ворчливой, но Герда все понимала.

Трия говорила, что плохое настроение для беременной обычное дело. Как и голод, боли, потому что женское тело менялось, готовилось к появлению нового человека. Странное поведение Теры мачеха так же оправдывала тем, что та рожала впервые и наверняка не понимала, что делать. Да и отец ребенка с ней некрасиво поступил.

С этим Герда согласна, потому что не понимала, как сын старосты мог отказаться от собственного ребенка и прилюдно оскорблять женщину, носящего его.

— Никак, — безразлично ответила ей Тера. Она невольно скривилась, когда Герда села близко, когда прижалась ухом к выпирающему животу и затаила дыхание. Девчонка бесила и если бы не обстоятельства, то и от нее Тера избавилась бы. Такие мысли и желания тревожили, но постепенно она свыкалась с ними и уже не обращала внимание, потому что думать можно о чем угодно, а за дела всегда приходилось платить.

— Может, Айасель? Это по-нашему означает — солнце.

— Как хочешь, — пожалала плечами Тера и скривилась от ноющей боли в низу живота. Кто-то изнутри ее трогал, пинался, чем сильно радовал Герду. Та улыбалась широко и гладила выпирающие ручки или ступни, смотрела Тере в глаза и вновь терялась. Находила себя и ощущала спокойствие, которые ей так требовалось.

К концу первого месяца весны у Теры немного опустился живот, и поясница заболела с удвоенной силой. Теперь Трия и Герда почти не отходили от нее, гонимые странной привязанностью к уродцу и беспокойством за нее. Сама же Тера не волновалась. Вряд ли роды больнее чем постоянные побои и инъекции дорого супруга, чем предательство подруги и единственного любимого человека. Все они заслуживали страдания, такие же, через которые проходила она. И когда Тера поймет устройство этого странного мира, найдет способы уйти из него обратно, она будет мстить. За каждой свой синяк и шрам, за каждый раз, когда оскверняли ее тело и унижали, за все те часы адской боли, которая вспыхивала в теле даже сейчас. С этой мыслью Тера засыпала и просыпалась, через сплетниц узнавала про этот странный мир и про земли, на которых жила. Информации катастрофически мало, потому что в Яме жили люди необразованные, которые дальше своей деревни ничего не видели. К редко приезжающим торговцам Тера не подходила, опасаясь продажи в рабство, потому что те поглядывали с интересом и некоторые даже подходили ближе, но не говорили. В такие моменты она чувствовала себя диковинным зверьком, выставленным на потеху публике.

Воды отошли ночью. Тера ощущала разрывающую боль, как по венам тек жидкий огонь и тихо молилась, просила, чтобы это прошло. Бегающая вокруг Герда лишь злила, потому что Тере не нужна холодная тряпица на лбу или успокаивающие слова, ей лишь хотелось освободиться от этого уродца внутри. Но уродец вновь все портил и не вылезал, лишь раззадоривал их.

Вы заплатите за ту боль, что я чувствовала тогда и ощущаю сейчас. Вы умрете в муках, каких нахожусь сейчас. Я вспорю вам живот от паха до груди, положу внутрь камень и зашью, заставлю ходить так на потеху мне. Вы будете страдать, а я потешаться.

Она думала об этом каждую секунду родов. Игнорировала слова знахарки и причитания Трии о том, что все давно уже должно было закончиться. Тера отмахивалась от помощи и

кривилась, тихо выла на полную луну, которая медленно исчезала за горизонтом. Из камня никогда не появится птица. Так думала Тера, когда тужилась, когда чувствовала чужие руки на своей промежности и буквально выталкивала из себя уродца. Освобождалась от бремени и вновь становилась собой. Одной и единой.

Уродец появился днем. К тому времени уже все были нервными, и знахарка даже предполагала, что ребеночек умер в утробе и его следовало вытаскивать силой. Герда кусала ногти, иногда плакала и гладила все еще большой живот, зовя ребенка, про себя зовя брата. Они все уже ни на что не надеялись, когда уродец появился. И Тера действительно надеялась, что он сдох там, что родила мертвое тело, которое сожгла бы незамедлительно и забыла об этом происшествии, как о страшном сне.

Но уродец закричал. Сипло, будто неуверенно, но он дышал, двигал ручками и очень громко кричал. Раздражал.

— Поздравляю, у вас здоровая и красивая девочка. Мы ее сейчас помоем и вам нужно будет ее покормить.

Кормить этого монстра не хотелось, как и смотреть на него. Измотанная, Тера лежала на жестком полу и тихо подвывала. Больше никогда через такие страдания она не пройдет. Никаких детей или других живностей. Никогда и ни за что. Никаких мужчин и детей.

Пока все занимались ребенком, она обтерла внутреннюю часть бедра влажной от пота сорочкой, неловко встала и, сняв одежду, легла на кровать прямо так. Закуталась в одеяло и закрыла тяжелые веки, ощущая подступающий тревожный сон и жгучее желание помыться. Но сейчас Тера слишком слаба для этого. Казалось, она задремала, потому что прикосновения Герды оказались неожиданностью, из-за чего она резко села и отмахнулась, хмуро смотря на женщин со свертком в руках.

— Смотри, какая у тебя красивая доченька, — сказала Трия, не замечая странного внешнего вида подопечной и ее действий. Она подошла и приоткрыла одеяло, давая возможность Тере посмотреть на ребенка.

Отвратительная. Жаль, что ты не сдохла, проблем меньше было бы.

Оружейная лавка была не самым прибыльным местом. В нее заходили редко и в основном дети, желающие посмотреть на недоступное им оружие, приезжие или воины. Да и те приходили сюда редко, потому что лавка считалась низкого класса и хорошее оружие найти здесь проблематично. В защиту владельца лавки всегда говорил, что они хотя бы не заламывали цену, но его мало кто слушал.

Поэтому младший сын владельца, Ара, обычно в свою смену очень скучал. Иногда он прохаживал вдоль стен с саблями, копьями и тонкими кинжалами, рассматривал их и некоторые брал в руки. Крутил, вставлял в боевую стойку и подражал тем доблестным воинам, о которых ему рассказывала мама и старший брат, работающий на господина, держащего в страхе Вермелло. Но всегда случайно резался или выворачивал руку, отбивал пальцы на ногах, а потом тихо проклинал оружие и свою смену, с которой не сбежишь.

Старший брат сейчас находился на службе у своего господина. Ему Ара не завидовал, потому что слышал, кто того кормили не часто и заставляли ходить в дальние походы, завоевывать новые земли. Да и мама как-то раз обмолвилась, что у Вермелло сейчас времена сложные и многим господин брата не нравился. Второму старшему брату Ара завидовал совсем немного, потому что тот учился в академии и, казалось, даже преуспевал. Он сам тоже пытался туда попасть, но оказался слишком хорошим для них, поэтому все наставники и преподаватели отказались. Точно побоялись.

К тому же ему и тут не плохо. Мйоголь город тихий и небольшой, портовый. В двух часах езды на повозке Вермелло Он сидел в оружейной лавке, иногда ходил с матерью на рынок. В особо везучие дни отец брал его с собой в походы, где на развалинах они находили старые побрякушки или оружие. Все это они потом очищали, побрякушки продавали на черном рынке, а оружие как новое сейчас висело на стенах или хранилось под стеклом. И почему люди нос воротили? Хорошее же оружие, рабочее и совсем не дорогое.

Походы с отцом Ара любил, потому что там никто с него ничего не требовал, и мама не приставала. А еще было интересно, и он потом рассказывал друзьям про свои приключения. Они, дураки, ему иногда не верили, но Ара думал, что просто завидовали. У него были приключения и походы, как у героев из легенд, а они по домам сидели и дальше их маленького городка никуда не уезжали.

Ара широко зевнул и тут же подорвался на месте, поправляя свободную рубашку, когда дверь со скрипом приоткрылась. В лавку вошла две симпатичные женщины. Одна в длинном платье, которое она постоянно разглаживала раскрытыми ладонями, с длинными светлыми волосами и тревогой на лице. Вторая же в кожаных штанах и свободной рубашке, с ножнами на поясе и огненными волосами, забранными в высокий хвост. Обе очень красивые, но первая, по мнению Ары, была просто волшебной.

— Здравствуйте, что-то конкретное желаете? — тут же бодро поинтересовался он и вышел из-за прилавка. Приосанился, когда блондинка обратила на него свое внимание, улыбнулась застенчиво.

— Кинжал, — грубо ответила другая девушка и вышла чуть вперед, прикрывая своим плечом спутницу.

— Конечно, кинжалы вывешены на этой стене, — уже натянуто улыбнулся он и указал на стену по правую сторону от себя. Потом подошел к витринам и постучал по стеклу

пальцами. — Тут тоже лежат.

Девушка ему кивнула и в несколько шагов дошла до стены, придирчиво рассматривая лезвия и рукояти. Некоторые она брала в руки, вертела, творила что-то странное, но Аре уже было все равно. Главное, чтобы не украла. Для него сейчас важнее был ангелочек, милейшее существо, стоящее сейчас чуть поодаль и неуверенно переминающееся с ноги на ногу. Приосанившись и поправив прическу, Ара медленно подошел к ней.

— Вы очень красиво смотрите на фоне оружия. Как бабочка в луже грязи.

— Оу, спасибо, — неловко ответила та и тут же опустила взгляд. Ее щеки мило покраснели, что еще больше восхитило Ару. Тонкая, нежная, она казалась настолько неземной, что внутри все переворачивалось, голос дрожал и потели ладони.

Они вздрогнули, когда спутница ангела с силой положила кинжал на держатель, посмотрела на них недовольно и подошла к витрине, рассматривая оружие. Она аккуратно подняла стекло и пригнулась, ощущая странную энергию, исходящую от чуть кривых лезвий, стертых рукоятей. Ара смотрел на это со скептицизмом, потом вновь оживился и обратил внимание на ангелочка.

Та выглядела немного сконфуженной и виноватой, словно делала что-то не правильное. Это умиляло. Трепет вызывало и то, как своими тонкими пальцами она заправляла светлые пряди за ухо.

— Я Ара Маккей, владелец этой лавки, — представился он и широко улыбнулся, приглаживая волосы. Девушка вновь неуверенно посмотрела на него и протянула тонкую ладонь.

— Лефея.

— Красивое имя. Такое же прекрасное и необычное, как вы, — незамедлительно сказал он и поцеловал холодную кожу, пахнущую почему-то цветами и чем-то неуловимо древесным. Ангелочек покраснелась, смотря на него исподлобья. — Вы самое прекрасное, что я когда-либо видел. Прекраснее луны и звезд, самый красивых цветов у магазина.

Лефея покрывалась алыми пятнами, смущенно отводила взгляд и комкала в ладонях подол хлопкового платья, поверх которого надета длинная, серая шаль. Ара улыбался шире, понимая, что она смущалась, а значит, ей нравилось. Он ей нравился и был шанс на отношения с такой красивой девушкой. Да, друзья и братья локти будут кусать, когда Ара расскажет им про первую встречу и свидание.

Поправив волосы, Ара подошел чуть ближе, вновь ощущая аромат полевых цветов, осмотрел Лефею и улыбнулся.

— Может...

— У вас отвратительный ассортимент и на некоторых кинжалах лежит проклятия. Лефея, мы уходим, — жестко оборвала его женщина и, взяв свою спутницу под локоть, ушла. Она говорила что-то приглушенно, скорее всего ругалась и иногда посматривала на него.

Ара недовольно вздохнул и скривился. Опустил стекло, проверил наличие всего оружия и сел за прилавок. У него только начало получаться, Лефея смотрела на него, улыбалась и наверняка хотела пойти на свидание, продолжить общение, но ее спутница... Завистливая женщина. Он ей тоже понравился, вот она и увела подругу. Наверняка обе потом вернуться, потому что Ара им просто не мог не понравиться. Но он примет только Лефею, потому что та вторая оскорбила их лавку. И не было на оружии проклятий, отец бы сказал или проверяющие нашли. Хотя проверяющие тоже не были частыми гостями у них. Также не верили в их успех.

Он ждал. Ждал из возвращения или конца рабочего дня, потому что выручки не было, а сиделось на жестком стуле неприятно. Его раздражали радостные крики людей на улице, что все готовились к празднику солнца, Серату, а он сидел в пыльном магазине и пропускал все это. Не видел, как девушки развешивали цветы на крышах домов, как украшали магазины и покупали фрукты для приготовления пирогов.

Через несколько часов ему стало очень скучно. Он даже подремал, пока дверь вновь не открылась со скрипом. На пороге стоял тот, кого Ара не хотел бы видеть никогда.

— Что тебе тут нужно? — грубо спросил он, пряча руки за стойку. Паренек усмехнулся, останавливаясь на нем взглядом, но тут же продолжил рассматривать оружие. Маленький и наглый, он не удостоил его своим вниманием, словно Ара был не больше, чем стул или надоедливая муха.

— Твоя лавка пусть и отвратительная, но тут есть то, что мне нужно, — через какое-то время пояснил он скорее всего для Ары, потому что сам сразу пошел к витринам. Поднял стекло и немного пригнулся, рассматривая кинжалы, над которыми до этого стояла та рыжая девица.

Ара скривился от подобного тона, ломающегося голоса и тонкой фигуры. Парень слишком хорошо знал, куда шел и зачем, раз без раздумий подошел именно к этим ящикам. Правда, сам сын хозяина лавки в оружии не разбирался, лишь помнил все напутствия, которые давал ему отец и старший брат. Те понимали больше и даже владели навыками боя на мечах.

Посетитель быстро нашел, что искал, потому что через несколько минут уже стоял за прилавком, едва доставая до него плечами, и протягивал монеты. Рядом с его ладонью лежал старый, неровный кинжал, от которого мурашки шли по коже и становилось холодно. Ара посмотрел на монеты, на парня и кинжал.

— Мне не положено продавать оружие таким мелким, как ты.

— О, — парень удивленно вскинул брови, а потом усмехнулся. Светлые волосы упали на лоб, серые глаза смотрели из-под челки лукаво. — Но ведь я сегодня твой единственный покупатель. Неужели не хочешь похвастаться перед отцом, что продал проклятый кинжал, который стоит от силы две золотые монеты за четыре?

Это уже более выгодное предложение. Одну золотую монету он мог оставить себе и потом купить что-нибудь вкусное или красивое. Там уже как настроение будет. Ара посмотрел на паренька, потом на монеты и невольно скривился. Все эти нравственные выборы он ненавидел, потому что как можно говорить о нравственности, когда на кону стояли собственные интересы? На самом деле продавать такой кинжал не стоило, потому что мальчику от силы лет десять и тот был явно приютским, поэтому сразу возникал вопрос: откуда взялись деньги?

Дверь вновь со скрипом приоткрылась и в магазин заглянул другой мальчик. Такой же мелкий и неопрятный, с парой ссадин на щеке. Он посмотрел на Ару, потом на мальчика и тяжело вздохнул.

— Алькор, ты долго? — устало поинтересовался он, не заходя во внутрь.

— Подожди немного, сейчас приду.

Мальчишка на это закатил глаза, достал из русых волос листочек и вышел. Алькор смотрел на дверь некоторое время, усмехаясь чему-то своему, потом вновь обратил внимание на продавца. Выложил на столешницу четыре золотые монеты и убрал кинжал в тканевую сумку с заплатками.

— Четыре монеты. Забирай и просто делай вид, что мне больше лет, чем на самом деле.

Ара скривился от подобного тона, но взял монеты и отвернулся. Не видел широкую усмешку на чужом лице и не слышал глухое ворчание в ответ на какую-то колкость. Это раздражало, настолько, что в железную банку кинул все монеты. Он скривился от противного звука, незамедлительно встал и закрыл дверь лавки, потому что в такое время уже никто не приходил, да и видеть никого не хотелось.

***

Алькор смотрел на закрывающийся магазин с усмешкой. Его радовало осознание того, что этот напыщенный индюк из-за своей гордости и жажды наживы отдал ему такой ценный артефакт, от которого фонило первобытной, ледяной энергией. Магией. Той самой, от которой отвернулись в свое время люди, которую получали сейчас только избранные. И он был одним из них. Был особенным.

— Прекрати так улыбаться, на нас уже люди странно смотрят, — отдернул его подошедший Вереск и вновь достал из волос листочек. На этот раз мяту. Тот выглядел даже комично в длинных брюках и рубаше на несколько размеров больше, с тканевой сумкой на одно плечо, заполненной разными травами и минералами.

Такой интересный, маленький воробушек, который всегда был рядом и залечивал его раны, когда воспитательница была в плохом настроении или ловила его за использованием магии. Ему по закону и нельзя было. Магией управляли лишь те, кто обучался этому или те, кто не попадался людям на глаза, кого боялись. Его Вереск уже учился, а ему только предстояло ещё раз попытаться шанс.

— И все же не понимаю, зачем тебе эта железка.

— Обожаю, когда ты бубнишь себе что-то под нос, а я делаю вид, что слушаю, — хохотнул Алькор и погладил друга по волосам, пропуская их сквозь пальцы. Мягкие, нежные и всегда чистые, словно он мыл голову каждый день. Его друг был особенным и чистым во всех отношениях. — Идем обратно, а то нам вновь придется подниматься по плющу.

Вереск на эти слова закатил глаза, ушел от прикосновений, а потом и вовсе, развернувшись, уходя. Он не сказал, как сильно ненавидел друга, потому что тот и так это знал, как и знал, что эти слова не более чем ложь. Не обернулся, прекрасно зная Алькора, который шел за ним следом, который через некоторое время уже шел впереди и сам вел, показывал дорогу и командовал. В этом был весь он.

Они шли по узкой тропинке, ведущей на холм. Все дальше был людской гомон и открывающиеся бары, свет от керосиновых ламп. Поднимались на холм по тропинке и все ближе оказывались к старенькой церквушке, в которой жили такие же потерянные и оставленные родителями дети. Некоторых брали, но многие жили в этих каменных стенах, сидели на неудобных лавках годами, подчинялись настоятелю и воспитательнице, молились каждое воскресенье Богу, которого не существовало. Никогда не существовало, потому что были лишь Древние, о которых забывали или нарочно не вспоминали. Они жили в приюте годами, некоторые уходили из него после наступления двадцати лет, другим везло, и они поступали в академии, после которых всегда находили работу в больших городах и уже обеспечивали себя сами.

Они были счастливчиками, но за это настоятель их недолюбливал.

Он отрицал магию, считая ее порождением злых сил и говорил всячески игнорировать потоки, глушить в себе эту скверну. Достоинно была лишь работа на благо народа и Бога. Его Бога, которого возводили в культ.

— Мы будем велики, дорогой Вереск. Совсем скоро мы будем великими.

— Совсем скоро мы опоздаем и тогда будем вновь стоять коленями на каменном полу.

Будут на наших спинах вздуться кровь и все из-за того, что ты захотел какую-то железку, — недовольно отозвался Вереск и вздрогнул, когда Алькор замедлился и взял его руку в свою.

— Ты же вылечишь нас? — лукаво спросил он и коротко поцеловал белеющие костяшки.

— Куда я денусь.

Тера смотрела на обглоданную, грязную кость с презрением и небольшим сожалением. Смотрела на бурую землю под ней, на еще тонкую траву с еле заметными розовыми разводами. Ощущала запах грязи, чего-то кисло-сладкого, мокрого меха и травы. Мир медленно оживал. Запекшаяся кровь пряталась под покровом тьмы, обглоданные кости — единственное, что осталось от нерадивого и вечно пьющего лесника, лежали в кустах и корнях, питали молодую почку.

Она медленно повернулась, поправила корзину на сгибе локтя и пошла в сторону резкого запаха. Шуршала листва от неловких движений крыльев птиц, ломались ветки под лапами зверей, которые смотрели на нее, принимаясь и ждали удобного времени для нападения. А может и не ждали, в просто присматривались к той, кого уже считали равной. Опасной.

Наивные, маленькие зверюшки.

Страх перед ними не было. Не билось заполошно почти мертвое сердце не немели конечности. Присутствовал легкий азарт и интерес. Все так часто говорили про опасных зверей, разодранное тело, части которого до сих пор находили особо смелые путники или охотники. На своем пути Тера тоже увидела несколько костей, ошметок гнилого мяса, вокруг которого летала мошкара. Сделав еще несколько шагов, она остановилась напротив тонкого дерева, укутанного кустами с молодой листвой. Среди листвы и колких ветвей гнила искореженная, с вывернутой челюстью, просвечивающими сквозь гнилое мясо костями голова.

Голова непутевого лесника, по пустым глазницам которого ползли мухи.

Это не было настолько отвратительно, насколько жалко. Потому что голова гнила, источала кисло-сладкий запах, от которого становилось дурно и выделялась слюна одновременно. Кончики пальцев закололо, но в этом теле уже не текла кровь, а мясо осквернили неразумные звери и насекомые. Такое даже при сильном голоде Тера не взяла бы в рот.

Тряхнув головой, она посмотрела по сторонам и заметила мохнатый бок. Усмехнулась, когда услышала тяжелое, свистящее дыхание, как животное впилося в землю своими когтями, но не двинулось. Сейчас как никогда не хватало Мино рядом. Ее верного мальчика, который все знал с самого начала и защищал, а она не понимала. Тоже дурочка, как и все те люди, которые заходили в лес без оружия. Наверное, будь тут кто-то другой, и он был бы уже не жилец, но к ней не подходили. Коровы с овцами сторонились, словно знали о ее набегах. Благо глупые люди сами нашли оправдание пропаже кур и теперь устраивали охоту на диких лисиц. Сожалений Тера не испытывала, потому что была относительно сыта. К тому же это круг жизни и с ним ничего не сделать, более низшие всегда подчинялись и расплачивались за ошибки высших существ.

Повесив корзину удобнее, Тера с сожалением выдохнула и медленно направилась к выходу из леса. Все дальше от кисло-сладкого запаха, холода ущелья и рева проснувшегося дракона. Она ни разу не видела это существо, лишь едва различимый силуэт вблизи гор, потому что дракон не отлетал далеко от своей пещеры.

Люди из Ямы не рассказывали, откуда тот взялся, лишь отмахивались. Некоторые особо болтливые рассказывали ей старые сказки, в которых, на самом деле не было смысла. Тера

подозревала, что легенды когда-то и правда рассказывали про сотворение мира, появление магии и основание строя, каким жили раньше, но через многие уста они уже пронесли и потеряли свой первоначальный смысл. И теперь они больше рассказывали про принцесс или храбрых рыцарей, чем про то, что было до.

Однако Тера дурочкой не была и многие факторы складывала и додумывала. Поэтому она предполагала, что скорее всего дракон появились тогда же, когда и магия, что он был наказан за что-то и поэтому не улетал далеко. Странное эхо в ущелье и то, что по ту сторону него так и оставалось загадкой, но Тера уже готовилась к короткому путешествию. Провести в Яме свою жизнь ей не хотелось, как и уподобляться всем этим женщинам, которые только и думали об удовлетворенности мужчин и детях.

Все эти курицы-наседки были слишком заиклены на детях. На этих шумных созданиях, которые лезли всегда куда не стоило, бегали и крутились под ногами, падали, рыдали и выглядели при этом отвратительно. Красные, с кривыми губами и опухшими глазами, соплями на подбородке, несамостоятельные идиоты, цепляющиеся за юбки. Они не умели жить самостоятельно, всегда следовали хвостом, были балластом и за это Тера ненавидела их больше всего.

Как жаль, ничтожество, что мне не позволили тогда тебя задушить.

Она смотрела на уродца, маленький плачущий комок, который ничего сам не мог. Только смотрел по сторонам и иногда беззубо улыбался ей. На самом деле несколько раз Тера все же прикасалась к ней, гладила мягкую кожу, темный пушок волос и щекотала ногтем огромный животик. Не вырвала палец из захвата и порой засиживалась рядом, после чего болела спина. Великой радостью было то, что молока у нее не вырабатывалось, поэтому уродца кормила Трия молоком козы или коровы. Об уродце заботилась Герда, которая в последнее время была очень нервной.

О ней ничего не хотел слышать сын старосты, даже близко не подходил в их дому и не смотрел. А жаль, уродец был так похож на него, только глаза голубые, как у нее. Единственное, что Тере в ней нравилось. Наверное, эти глаза она бы забрала себе, как воспоминание и главной ошибке и прекрасное украшение. Маленькие глазки ее первенца, ненавистной дочери, которая не умерла в утробе и боролась за свою жизнь тут.

Жаль. Как жаль, что Герда вернулась тогда так рано и не прислушалась. Глупое, глупое дитя. Она пыталась видеть в этом младенце своего брата, но ничего от мальчишки в ней не было, лишь кровь убийцы и насильника.

— О, дорогая, ты вернулась!

Трия как всегда радостно всплеснула руками и подошла к ней, забирая корзину. Она потрогала скорее всего теплыми из-за печи руками щеки и лоб уродца, закутала ее плотнее и пошла обратно к печи. Промыла сразу же ягоды и положила их в несколько ёмкостей с еще не приготовленными пирогами. Сейчас все готовили пироги и украшали дома цветами, девушки шили новые платья, делали венки из подсолнухов или полевых цветов. Когда Тера спросила причину подобного поведения, Трия рассмеялась и ответила, что все готовились к Серату — празднику солнца. День солнца завтра и все готовились, Герда бегала к своему парню, заканчивала вышивку на платье. Даже Тере приходилось помогать.

Тера сняла шаль с плеч и невольно фыркнула, потому что ситуация показалась ей комичной. Уродец, лежащий в плетеной корзине на подоконнике, с которого в сказках волки или дети воровали пироги, и обычно у окна люди не ставили ничего. Но Трия и Герда были настолько уверены в безопасности младенца, что спокойно оставляли ее с Терой.

Наивные, какие они все глупые, да уродец? Ты такая же страшная, как твой непутевый отец и вырастешь такой же наседкой, которая будет думать лишь о замужестве и детях. Но не волнуйся, я избавлю тебя от этого бремени. Совсем скоро.

Тера еще раз провела пальцем по мягкой, нежной щеке и скривилась, когда получила в ответ улыбку.

— С тобой все в порядке? — неожиданно обеспокоенно спросила Герда. Девчонка подошла близко и посмотрела ей в глаза, чем сильно удивила. Такого она не позволяла себе никогда, даже когда Тера была глубоко беременна. Тера интуитивно понимала, почему та так тянулась к ней и больше не смотрела презрительно, почему иной раз прикасалась и так привязалась к уродцу.

Творение всегда любило своего творца.

Ей же это было лишь на руку, поэтому криво улыбнувшись, Тера проглотила раздражение.

— Почему ты так думаешь, милая?

— Ты странно смотришь до Айасель. Неужели тебе так неприятен ее ответ? Она же и часть тебя, тоже, — как-то растерянно сказала Герда, опуская взгляд, и вздрогнула, когда почувствовала холодные, тонкие пальцы, которые коснулись ее виска и убрали прядь волос за ухо. Потянули, заставляя поднять лицо и теперь Герда смотрела в голубые глаза, с наслаждением ощущая привычную легкость.

С наслаждением она прильнула к ладони и прикрыла глаза, отдаваясь этому чувству без остатка. Ей нравилось, когда Тера говорила именно так и только с ней. Нравилось ощущение особенности, какой-то уединенности, потому что Тера с другими не разговаривала. За это ей было простительно все. Однако что-то тревожное, крохотное и почти незаметное все равно появлялось, грызло изнутри. Чужие прикосновения дарили успокоение и ощущение защищенности, правильности происходящего.

Она настолько погрузилась в свою маленькую нирвану, что не сразу услышала слова.

— Ты ведь знаешь, как это тревожно, когда жизнь меняется. Она такая крохотная, что я боюсь ей навредить, но думаю, скоро страх исчезнет. Чтобы я без тебя делала, — ласково сказала она и погладила пальцем по щеке, хваля. Герда улыбнулась шире и быстро кивнула. Если в нее верили, то она поможет! Тера права и Айасель такая крохотная, маленькая, похожая внешне больше на отца чем на мать. Герда ей поможет.

Герда еще раз коротко прижалась к ладони Теры и быстро подошла к малышке. Укрыла ее плотнее, чтобы не заболела, погладила пухлые щечки и широко улыбнулась, когда та открыла глазки. Вновь появилась тревога и чем дольше она смотрела на ребенка, тем больше усиливался страх. Тряхнув головой, Герда взяла Айасель на руки и понесла кормить, не замечая довольную усмешку Теры.

***

Голод вернулся.

Он преследовал ее пустотой в желудке и легкой слабостью, постоянной жаждой. Взгляд постоянно цеплялся за скот, который бабки выводили на поле. Потом за мясистые тела девок, которые медленно снимали шубы и наряжались, красили щеки и надевали лучшие платья. Она вновь ела почти за двоих, что вызывало подозрение и недовольство со стороны главы семьи, смотрела на ребенка с неприкрытым голодом и отвращением, когда никто не видел. Нет, та была слишком костлява, да и не хотелось такой смерти для пусть и ненавистного, но собственного уродца.

Тера терпела несколько дней, но однажды сорвалась. Обложив уродца, которого всегда клали рядом с ней, потому что спал лучше, подушками и одеялом, она незаметно вышла и передернула плечами, ощутив босыми стопами мокрую землю и колкую траву. Прикоснувшись к животу, Тера переждала тупую боль и медленно побрела к курятнику. После родов тело вернулось в норму быстро, ноги не дрожали, живот через несколько дней сдулся и единственное, что напоминало о прошедшем времени, так это ребенок и тупая боль в животе.

Иногда чуть сильнее, иногда почти незаметная, она преследовала ее так же долго, как и голод. Даже сейчас, ощущая легкую прохладу и слыша чавканье под ногами, смотря по сторонам в поисках людей или свечей в окнах, желудок ныл, словно не ела Тера долгое время. Скорее всего действительно не ела, потому что хорошо после приема пищи было лишь один раз. Тот самый раз на кладбище, где ей подарили второй шанс.

Подойдя к курятнику, Тера замерла, даже дыхание задержала. Вокруг тишина, лишь курицы и петухи сонно хлопали крыльями, а в доме неподалеку храпел мужчина. Идеальный момент, когда луна вышла из-за облаков и стало светло, потянула руку к дверце, через которую обычно доставали яйца. Зашипела от резкой боли.

— Ты, тварь подколодная, которая повадилась воровать наших кур, развернись! — прикрикнул мужчина за спиной и Тера напряглась всем телом. Это ее первый прокол. Она так и замерла на месте от сожаления, легкой боли в желудке и ледяного страха, который циркулировал по телу. Мужик тяжелой поступью подошел и на деревянной стене курятника Тера увидела собственный силуэт. — Это ты, девка. Тварь неблагодарная! Живешь на шее у добрых людей и кур чужих ворует!

Тера выдохнула и медленно обернулась, смотря на него. Мясистый боров, от которого пахло жиром, чем-то кислым и хмельным. Почему же в доме кто-то храпел? Почему она не услышала чужого приближения и так легко подставилась. Под такого она даже под страхом смерти не легла бы. Оставался лишь один вариант выйти сухой из воды.

Убрав волосы за ухо, Тера посмотрела ему в глаза и неуверенно улыбнулась. Сказала ласково.

— Вы ошиблись. Я не воровала ваши кур. Я мимо проходила и увидела кого-то, вот и хотела отогнать.

Мужчина замолчал, держа на вытянутой руке керосиновую лампу. Смотрел на нее пристально и почти так, как смотрела Герда с Трией. Прямо в глаза, дышал медленно, и морщина между бровей разгладилась. Но ненадолго. Он вновь нахмурился и, казалось, покраснелся от гнева.

— Что ты мне мозги пудришь, тварь?! Это ты моих кур воровала. Ну ничего, сейчас я накажу тебя. Будешь знать, как красть чужое, — проорал он, чудом не разбудив никого, схватил влажной ладонью ее и резко потянул за собой. Вторая осечка. Страх. Паника.

Она задыхалась от страха, дрожащим голосом уверяла его в своей невиновности, почти плакала и еле попевала. Пару раз падала на колени, но он не останавливался, тянул за собой и становилось страшно. В голове пустота, в глазах стояли слезы и руки с ногами дрожали так, что Тера сама почти падала на мокрую землю. Вновь уверяла, молила пощадить, пыталась вырваться, брыкалась и шипела сквозь зубы от ноющей боли.

Страшнее стало, когда Тера увидела место, куда ее вели. Невысокий пень неподалеку от деревянного забора, а рядом с ним, как что-то ненужное, валялся топор. Тера вновь попыталась вырваться, но вместо этого ее лишь потянули и бросили на мокрую траву. Даже

тут она была всего лишь слабой женщиной, над которой издевались. Ее таскали, как таскают мешки с мусором, обращались как с дворнягой и злились из-за того, что она просто очень хотела есть. По щекам потекли непривычно горячие слезы, а тело охватила дрожь.

— Отпустите, прошу отпустите. Я не крала ваших кур. Не крала. Прошу.

Мино.

Мужчина игнорировал ее просьбы, ударил, когда она рванула в сторону и потянулся за топором. В этот момент паника достигла своего апогея. У нее побелело перед глазами, рука нащупала первый попавшийся камень, а потом раздался глухой хруст и запахло чем-то приторно сладким.

Белая пелена превратилась в кроваво алую, отчаяние и злость на несправедливость мира взяли верх. Слезы смешивались с брызгами теплой крови, что-то булькало, клокотало и хрустело, но она лишь плакала и лелеяла в себе злость. Ненависть к мужчинам, подобным супругу, этому борову и другим таким же.

Осознала Тера себя только когда луна уже приближалась к горному хребту. В страхе она отбросила камень и прижала окровавленные руки, с ужасом смотря на то, что когда-то было человеком. Кровавое месиво их мяса, костей и кожи, оно пахло сладко и немного кисло, оно пульсировало, выпуская кровь. Это оказывало гипнотический эффект. Все еще находясь в прострации, она облизала палец, потом второй, дотронулась до мяса и, немного оторвав его непривычно длинными ногтями, надкусила.

Ничего прекраснее Тера не ела уже давно. Мягкое, пульсирующее и еще живое, оно словно согревало изнутри. Тера глухо застонала и накинулась на бездыханное тело, как величайший деликатес.

Пустота внутри исчезла и впервые появилось чувство, что она немного объелась. Облизав кровь с пальцев, Тера сыто выдохнула и осмотрелась по сторонам. Медленно розовел горизонт, в доме до сих пор кто-то храпел, Яма все еще мертва, как и тот жадный боров. К сожалению, от него слишком много осталось, что она медленно отрубала или срезала топором, прятала в окровавленную сорочку, оставаясь нагой. Кости она бросила собакам, что-то спрятала в яме под курятником, посмотрела на бурое и еще влажное пятно на траве и земле.

Вода из колодца ледяная. Мышцы сводило судорогой от холода, но она смывала с себя кровь, вытаскивала из серебряных волос мелкие кусочки теплой плоти, которую тут же съедала. Вылила воду на место смерти борова, превращая кровь в легкую бледную дымку.

Герда и остальные спали. Тера спрятала под печью оставшееся мясо в ткани, переделась в шерстяное платье и аккуратно легла обратно на кровать. Уродец в подушках и одеяле приоткрыла голубые глаза, посмотрела словно осмысленно на мать и тут же уснула вновь. Это забавляло. Маленький ребенок спокойно спал рядом с чудовищем.

Наивное создание. Моя главная ошибка, мой уродец.

Тера спать не хотела, хотя небольшая лень все же присутствовала. Думала о произошедшем. От осознания того, что только что она с наслаждением съела живого человека. Убила его и съела. Появился ледяной страх перед той сущностью, которая жила внутри, той сущности, которая прорывалась в такие моменты, как этот. Она сама стала монстром, которым был супруг и чудовища из детских сказок. Задрожали руки, уродец завозился в своем маленьком гнезде, тревожно хныкая, и это ее немного отрезвило. Нельзя выдавать себя. Они не должны узнать о произошедшем.

На рассвете Тера не спала. Все еще думала о том, почему этот боров не повелся, почему

не прислушался, как остальные люди? Неужели эта способность влияла выборочно на людей? Скорее всего причина в другом, потому что Трия и Герда верили ей безоговорочно, готовы были лебезить перед ней, и тот боров был готов, но что-то пошло не так. Сорвалось и Тера пока не понимала, почему.

Когда проснулся мужчина и заглянул к ним, Тера сделала вид, что крепко спала. Спать до сих пор не хотелось, поэтому она лежала на кровати с закрытыми глазами, слышала собственное медленное сердцебиение и понимала, что уже была точно не человеком, потому что люди не ели себе подобных. Потому что люди не наслаждались вкусом теплой плоти и крови, не убивали так хладнокровно, как сделала это она.

Освальд смотрел на содержимое пробирки сквозь солнечный свет и что-то быстро записал в книжку. Поставил пробирку на подставку, посмотрел на свои старые записи и нахмурился. Что-то не совпадало. Он постучал пальцем по столу и задумчиво вновь обратился к записям, вздрагивая от неожиданности, когда в комнату без стука вошел гость.

— Привет!

— Ты как всегда тактичен, — недовольно пробормотал Освальд, хмуро смотря на брата. Тот лишь широко улыбнулся, поправил твидовый пиджак и легко прошел по комнате, садясь в кресло.

После пропажи Теры в спальне очень пусто и как-то безжизненно. При ней на комодах стояли маленькие статуэтки, был косметический столик и пуфики, сейчас же кроме широкой кровати, стола, массивного шкафа, комода и двух кресел ничего не было. По-военному пусто. Освальд всегда был таким, не любил лишние вещи и какие-то цвета кроме белого, серого и черного.

— Не бурчи, — отмахнулся он и невольно скривился, когда увидел черную ленту на дверце шкафа. Весь дом уже забыл и смирился с пропажей Теры, лишь старая Марта напоминала им об этом каждый день. — Без нее пусто.

— Да, да, она была важной частью моей жизни. Я плачу и соболезную, скорблю как могу, — задумчиво пробормотал Освальд скорее всего уже заученные фразы, отчего Лео рассмеялся. Это было даже забавно.

— Пф, побереги это для малышки Лотти. Только она вспоминает о сестре, в то время как остальные давно смирились с ее побегом.

Шарлотта и правда звонила часто, и приезжала к ним два раза в месяц. Сначала забирала вещи сестры, потом ругалась с Освальдом, словно бешеные псы ее покусали. Сейчас же звонила почти каждый день, спрашивая о результатах поисков, потому что как муж именно брат этим должен был заниматься. Однако брату похоже было не интересно, потому что он постоянно пропадал в лаборатории, проводил какие-то эксперименты с лекарствами. Освальд отвечал на звонки уже заученными фразами и не испытывал по этому поводу никакого смущения.

Лео его понимал, но все равно не упускал возможность поддеть его.

— Это вполне предсказуемо. Любовник бросил, муж недолюбил, — так же задумчиво сказал Освальд, выкидывая свои старые записи в мусорное ведро. Похоже разговор ему не нравился.

— Все намного проще — ты ее бил, вот она и сбежала. А еще что-то колол, наверняка колол, потому что ее тело менялось и это чувствовалось.

— Ты уверен? — впервые Освальд проявил интерес. Он быстро пролистал несколько страниц назад и внимательно прочитал записи, цокая языком. — Это я уже записывал. Ничего там не менялось, тебе показалось.

— Ну конечно, ты же прекрасно знал ее тело. Ведь ты метил его.

— Не прибедняйся. Ты на ней тоже свои следы оставлял, — недовольно отозвался Освальд, хмуро смотря на брата. Он еще помнил те следы от пальцев и губ, которые видел на теле жены. Поначалу ему очень хотелось как-то их перекрыть, наказать, но потом его захватил азарт.

Освальд с интересом следил за развитием их отношений, как она реагировала на брата, какой приходила после встреч с ним. Лео всегда красиво ухаживал и обольщал, Тера не стала исключением и повелась. Поддалась искушению, отдалась запретному чувству, которое он видел в глазах, движениях. Интереснее было наблюдать за тем, как она пряталась, скрывалась и поддавалась ему после встреч с братом.

— Ты ее бил, я трахал. Прекрасное было время. Скажи, после меня она ведь была такая мягкая внутри, все еще влажная. Наверняка в эти дни она отдавалась тебе охотнее, — Лео усмехнулся, вспоминая ее тело, жар и пылкие ответы даже на мимолетные прикосновения.

— Нос не задирай. Как была в постели никчемной, так и осталась ею.

— О, не скажи братик, такого огонька я давно не видел. Порой она была даже лучше своей подружки, — ответил Лео и задумчиво почесал подбородок. Он вспомнил их давний разговор и вновь усмехнулся. — Но знаешь, братик, это, пожалуй, был твой лучший подарок. Жаль только, что она так скоропостижно сбежала. Мне так хотелось попробовать ее вместе. Поверь, она бы согласилась. Она бы согласилась на все те игры, что я для нее придумал, но, к сожалению, сбежала. Очень жаль.

— Прибереги эти фантазии для себя или воплощай их на жене, — недовольно сказал Освальд и передернул плечами от отвращения. Скривился, когда увидел лицо брата, его лукавую улыбку и понял, что тот поработать нормально не даст. — Тебя в моей постели никогда не будет.

— Поверь, кроме этой заводной малышки, забитой монашки, никого и не будет, — он усмехнулся и выглянул в окно. Рядом с кустами белых роз спал Мино. — Эта псина до сих пор лежит там?

— Да. Не уходит и ест немного. Все надеются, что она подойдет скоро.

На самом деле Освальд тоже очень на это надеялся, потому что усыпить его не получалось, как и застрелить. Вертлявое животное, которое подпускало к себе лишь старую Марту. Та убивать его не хотела, как и не прогоняла. Еще одно напоминание о пребывании Теры в их доме.

— Жаль. Он вроде интересный, охотничья порода.

— Попробуй заberi. Эта шавка никого кроме Теры не подпускает, — вновь проворчал Освальд и закрыл книжку с записями, убирая ее в верхний ящик комода. Жаль, что Теры больше не было, потому что сыворотка улучшена, а подопытного не находилось. Все отказывались почувствовать в его эксперименте даже за деньги.

Лео пожал на его слова плечами и вновь посмотрел в окно, наблюдая за собакой. Исхудавший и осунувшийся, он лежал у кустов с розами целыми днями, рычал на людей, которые хоть как-то косо смотрели на него и иногда подвывал, начиная рыть землю. Под ним уже была неглубокая яма.

Неожиданно пес встрепенулся, посмотрел по сторонам и громко залаял. От этого даже Освальд скривился и подошел к окну, смотря на происходящее. Мино все еще лаял и бегал вокруг кустов с раскрывшимися бутонами роз, под которыми, уж он то знал, разлагалось тело его жены. Дальнейшее объяснить Освальд не смог, да и не хотел. Он смотрел, как пес замер на месте, а потом начал рыть яму. На мгновение появился страх, что так ему удастся добраться до тела Теры и его будут судить, однако, когда яма стала достаточно глубокой, Мино тонко завыл и упал, словно подкошенный. Его морда и передние лапы оказались наполовину в земле, в то время как вторая половина тела лежала на уже жухлой траве.

— Кажется сдох, — невпопад сказал Лео, пристально смотря на пса. Тот не двигался.

— Туда ему и дорога, — безразлично отозвался Освальд, возвращаясь к своим записям. Лишь у двери он выглянул из покоев и приказал служанке убрать тело шавки с их прекрасного сада и привести в порядок разрытую яму.

Туда им обоим дорога.

Она знала, что Кайя был.

Он и сейчас был жив, она это чувствовала, но не могла найти. Не чувствовала, не видела и не слышала, но понимала, какой-то частью себя знала, что он существовал. Что он не просто так пропал. Ее маленький, порой неразумный, но всегда до дрожи правильный и осторожный братик не мог умереть под завалами.

Герда уверена, что с ним что-то случилось.

Первое время она почти не спала и не ела, думала о брате и искала хоть что-то. Его вещи, вспоминала вскользь сказанные слова и какие-то действия, указывающие на его местонахождение. Хоть что-то! Не раз вспоминала тот день и знала его уже почти до минуты, кто куда ходил и что делал. Странного за Кайей Герда не заметила, только ходил тот задумчивый, но после академии он всегда был таким. Долгое время привыкал к их маленькому поселению и отсутствию постоянного контроля. Магию вне академии он почти не использовал, лишь иногда помогал им, но не более того. Ему сложно без поддержки управлять ею, она поглощала, напитывала его и медленно разрушала. Поэтому Кайя пообещал до получения диплома не использовать ее.

Герда ему верила.

Верила, потому что знала, на какой поток он попал, и кто был ей наставником. Слышала множество раз, как ему сложно и как он ненавидел это направление. Взаимодействие с мертвыми всегда его отпугивало, но это единственное, к чему у него была предрасположенность. К тому же некроманты получали много, а заброшенных имений и дворцов с привидениями на их континенте множество. Чего только стоил заброшенное имение на западной границе герцогства Карнуэль. Поговаривали, что в том имении жили духи семьи, которую вырезали наемники по приказу нового короля Вермелло. Он сейчас контролировал все портовые города и молодого герцога Карнуэль, который правил теми землями.

Большого Герда не знала, потому что мама с отцом не рассказывали, а Трия растила из нее примерную девушку. Она не удивилась бы, если б узнала, что у родителей были уже претенденты ей в мужья и не сказать, что ей это претило. Большого ей не получить, да и не хотелось. В Яме Герде нравилось, и она планировала провести тут всю жизнь, выйти замуж и стать такой же замечательной матерью, как их мама. Но Кайя пропал и теперь Герда не знала, что будет дальше.

У нее словно выбили почку из-под ног.

Брат пропал, а вместо него появилась странная женщина. Никогда еще Герда не видела таких, даже в учебниках брата, которые тот прятал под кроватью, она не подходила ни под одно описание. Первое время Герда была уверена, что Тера привидение, потому что и волосы белые и кожа бледная, но та дышала, у нее билось сердце и текла темная, более густая чем у них всех кровь.

Теру Герда невлюбила сразу же. Она появилась словно из ниоткуда и заняла место Кайи: его кровать, стул и четвертое место в семье. Вытворила его из семьи. Трия с отцом первое время искали его, спрашивали у других, даже связывались с торговцами, но никто не видел и не слышал о мальчике с темными волосами и холодной магией. Тогда они подумали на диких зверей в лесу или обвал в шахтах. Кайя мог пойти за какими-то минералами или

ягодами для домашних заданий или практики.

Герда во все это не верила. Она ходила каждый день на кладбище, где нашли Теру, гуляла по лесу, постоянно окликая брата и бывала в шахтах. Ходила по соседям, каждый день спрашивала, проверяла курятники, подполы и другие места, где его могли скрывать. С подачи Теры, которая занимала *не ее* место связывалась с академией и даже соседом брата. Мальчик оказался милым ровно первые три раза, а потом и вовсе сказал, что Кайя в последние месяцы постоянно говорил о пещерах, возрождении мертвых и мог просто заиграться.

Мысль была здравая, но Кайя был не таким.

— Я нашла красную ленту в земле у могилы матери. Она твоя? — как-то раз спросила она, со смесью страха и напряжения подходя к Тере.

Тера неловко передернула плечами, повернулась в ее сторону и посмотрела голубыми, почти прозрачным глазами на Герду, потом на тонкую ленту. По ее лицу скользнула странная тень, но тут же исчезла, оставляя еле заметную, почти неосоздаваемую улыбку. Невольно Герда вспомнила, что Тера никогда не улыбалась, сидела постоянно под деревом на скамейке или на пороге, носила тяжелые ведра и имела множество шрамов.

Герда малодушно считала ее наложницей, над которой произдевались и бросили умирать. Не умерла, Тера скорее всего доползла до их деревушки и потеряла все силы, а сейчас жила у них и пыталась вспомнить. Но ничего кроме имени, так похожем на имя матери и отличным от него же не помнила. Даже о своей семье и мире. Словно чистый лист, она спрашивала у других, читала иногда старые учебники Кайи, хотя не имела права и молчала.

Постоянно молчала.

— Не помню.

Это было сказано так просто, что Герда почувствовала разочарование. Она скомкала ленту в кулаке и поджала губы, пытаясь сдержать слезы. Ее маленький, наивный и порой глупый Кайя был где-то там и наверняка ждал, а Герда не понимала знаков и не знала, где искать. Единственная зацепка сидела сейчас перед ней в длинном, каком-то несуразном платье, в шали и смотрела по сторонам.

Дракон на горе вновь зарычал и взлетел. Герда видела его силуэт над горами, силуэты двух других, но все они не отлетали далеко и это успокаивало. Лишние проблемы им не нужны.

Герда еще раз посмотрела на слишком спокойную Теру, тряхнула головой, отгоняя от себя грустные мысли и убежала. У небольшого ручейка, прямо под раскатыстой ивой ее уже ждали. Герда убрала мятую ленту обратно в карман, посмотрела на спину человека, который стоял, ждал, понимал ее как никто другой и стремительно подбежала. Обняла его поперек груди, уткнулась носом в лопатки и тихо всхлипнула.

— Милая, ты что, плачешь? — парень неловко развернулся в ее объятиях и прижал к себе, поцеловал коротко в висок. — Не расстраивайся, мы его обязательно найдем. Живого или мертвого. Милая, прошу, не плачь.

Он гладил ее по спине и успокаивал. Обещал, что они обязательно найдут Кайю, он попросит отца, и они вместе с собакой обыщут лес. Герда ему верила, надеялась на него, но все равно боялась, ощущала, как драгоценное время утекало сквозь пальцы. Только мысль о брате не давали опустить руки, только поцелуи любимого возвращали в реальность. Его голос, слова и руки возвращали ее к жизни, заставляли продолжать борьбу.

— Они уже не верят в то, что он жив, понимаешь? Они уже похоронили его, — бормотала она, медленно успокаиваясь в его объятиях. Сэма она любила. Очень-очень. Он был тем самым идеальным мужчиной, который всегда поддерживал, смотрел только на нее и как отец работал в шахте, а еще выращивал кур.

Сэм ее всегда понимал. Наверное, других девушек он и не воспринимал, не смотрел на них, хотя был на несколько лет старше самой Герды. Но их семьи давно договорились, они сами уже влюбились друг в друга, и Сэм ждал. Ждал, пока она окончательно созреет, пока не станет готовой к взрослым отношениям и тогда они съедутся, будут жить в своем домике, разводить кур и выращивать овощи на огороде. А еще Сэм как она не доверял Тере.

— Не волнуйся. Они просто говорят так, чтобы ты не волновалась сильнее. Мы обязательно найдем его и узнаем правду.

Герда кивала на всего его слова и верила, пыталась верить в лучшее.

Они стояли так еще какое-то время, пока не появились первые сумерки. Герда смущенно улыбнулась, поцеловала быстро Сэма и убежала домой, вдохновленная на новые свершения. Тера так и сидела на скамейке и словно не двигалась все это время, лишь смотрела по сторонам и вслушивалась в вой ветра, рык дракона и неизвестный крик, плач. Словно кто-то тихо звал на помощь. Но они все уже давно привыкли к этому, поэтому не обращали внимание.

Герда разгладила алую ленту и положила ее под подушку, собираясь на ужин.

Чем больше проходило времени, тем меньше веры в ней оставалось. Все в Яме уже сторонились ее и закрывали двери, как только видели, Сэм уже сам ходил вместе с ней, но вскоре и его игнорировали. В один из вечеров за ужином отец сказал, что Кайя умер в шахте под завалами. Герда хотела было возразить, потому что он был слишком труслив идти туда ночью, но резко замолчала, когда заговорила Тера. Она подтвердила его слова, и Герда поверила.

Ей пришлось поверить, чтобы не было так больно.

В последнее время она вообще верила Тере и искала ее взгляд. Когда Герда впервые поймала себя на этом, то испугалась и проплакала большую часть ночи. Потом стало легче и во взгляде новой знакомой, которая занимала чужое место она видела спасение. Становилось легче и теплее, появлялась уверенность и все тревоги, терзающие бедное сердце исчезали. Герда уже не бегала по деревне и не спрашивала каждого встречного про брата, не ходила на кладбище и в шахты.

Почти похоронила его. Однако иногда появлялось смутное сомнение, которое разбивалось об заверения других людей и спокойный голос Теры. К тому же было не до этого. У отца Сэма стали пропадать куры. Это настолько всех взбудоражило, что они забыли про странную и немного пугающую Теру, смотрящуюся в их деревне инородно, про пропажу Кайи и другие проблемы. Успокоились, когда кто-то сказал, что это волки и лисицы вышли из леса.

Все вроде успокоились, а Герда вновь приходила на кладбище почти каждый день и искала хоть что-то. Она приносила маме полевые цветы, осматривала кусты, но ничего кроме свежей земли и снега не находила.

А потом Тера понесла.

Герда разозлилась на такое халатное отношение, на то, что теперь отцу приходилось больше работать. Этот ребенок появился не вовремя. Герда была счастлива, когда Трия со знахаркой пошли к старосте и его сыну, которые могли забрать Теру себе и лишить их семью

проблем. Но те отказались и открестились от ребенка.

Тогда Герда возненавидела Теру.

Но злость прошла быстро, потому что Тера единственная, кто понимал ее. Она говорила с ней всегда спокойно, гладила, как мама в детстве и после этого Герде становилось так спокойно.

Еще папа сказал, что если Древние забрали к себе ее брата, то дали что-то взамен. Но Герда думала, что тот просто возродился и сейчас жил в животе Теры, которая долгое время пугала и настораживала ее, а сейчас дарила спокойствие. Герда спала рядом с ней, гладила живот и ощущала первые толчки. Она заботилась о Тере, давала лучшее мясо, подкладывала свою подушку, когда у той болела поясница и приносила успокаивающие мази и чай.

Все было хорошо, пока она не увиделась с Сэмом, своим любимым Сэмом, после встречи с которым ощущала тревогу. Нет, Герда верила ему и была счастлива с ним, рада, что теперь она стала на год взрослее, но к Тере Герда всегда возвращалась взволнованная. Словно что-то происходило неправильное, но она не понимала, что именно.

Когда на свет появилась малышка с темным хохолком и милыми ручками, она немного разочаровалась. Это был не Кайя. Но это была ее девочка, маленькая Айасель, которая улыбалась ей, хватала за палец и Герда почти поверила, смирилась с тем, что вместо брата у нее маленькая, голубоглазая малышка.

Но чем больше времени Герда проводила с малышкой, тем острее становился страх. Поэтому Герда вновь ходила за Терой хвостиком, подставлялась под ее прикосновения, смотрела в глаза и успокаивалась, ровно до того момента, как они разлучались. Это напрягало.

Сэму это не нравилось. Он часто говорил ей, что все это выглядело странно. Ему Тера никогда не нравилась. Относился к ней с подозрением и раздражением, видел в ней врага и даже Герду домой отпускал с трудом. Иногда они гуляли рядом с домом, сидели с малышкой, потому что Тера пока не воспринимала ее и выглядела все еще плохо.

Айасель милая, всегда спокойная на ее руках с бутылочкой молока. Герда рада, что мир подарил ей эту малышку. Иногда она чувствовала неприязнь к Айасель из-за того, что та была дочерью Акокрантеры, женщины, которая жила с ними, питалась их едой и занимала место Кайи. И этот коктейль из эмоций раздражал. Герда не понимала, что она чувствовала к Тере, каждое слово которой теперь ловила, к малышке, так похожей и не похожей на мать.

Все было относительно хорошо. Тера успокаивала ее, Айасель волновала и внутри разгоралось подозрение и ощущение неправильности происходящего. Словно где-то рядом происходило что-то странное, то, что не должно было. Будто их обманывали. И это ощущение возникало, когда Тера уходила в лес или не смотрела на Герду.

Впервые за долгое время она плакала, потому что не понимала, что происходило вокруг. Герда чувствовала себя виноватой в том, что поверила и больше не искала брата. Виноватой в том, что уделяла Сэму меньше времени, что любила этот малышку Айасель, от которого Тера воротила нос.

А потом кто-то убил отца Сэма. Она вновь плакала, потому что не сказала любимому правду. Не рассказала, что видела – Теры не было в доме ночью. Герда не знала точно, сколько ее не было в доме, потому что сама проснулась ближе к рассвету и увидела одинокую малышку в окружении подушек и одеял. Быстро покормив и обмыв тряпками ребенка, она уложила ее спать и быстро легла в свою постель, когда в комнату вошла Тера в платье.

Герда смотрела на нее из-под полуприкрытых век, а потом и вовсе пристально рассматривала спину, когда та легла. В этот же день она узнала, что отец Сэма пропал, через несколько часов нашли его палец и лужу крови. Многие сразу подумали на животных, что тот случайно увидел зверя и решил защитить своих кур, но Герда почему-то не верила. Паника разрасталась все сильнее и теперь голубые глаза Теры, которая с явно скрываемым раздражением гладила ее по волосам и успокаивала, казались ей ледяными. Устрашающими.

Тера больше не несла с собой спокойствие, лишь панику и подозрения. Все те нити, которые до этого момента разнились сейчас перекручивались в один толстый жгут, ведущий именно к ней. Тера появилась в тот же момент, как пропал Кайя. Алая лента в могиле матери и полнолуние. Тера бледная, внешностью отличалась от них и кожа у нее холодная, кровь густая, сердце билось медленно. Ничего не помнила и убеждала их всех, что Кайя умер в пещере. Беременность у нее проходила тяжелее и дольше, чем у других девушек и молока не было. Это настораживало и наводило на определенные мысли, которые нужно было подтвердить.

Конечно, лучше всего было посетить автора, но он обычно просил что-то взамен и идти до него несколько дней без продыху. Поэтому Герда набрала в легкие больше воздуха и постучала в дом старосты.

— Ты что тут делаешь? — недовольно спросила жена старосты, когда открыла дверь. Герда стыдливо опустила взгляд, прекрасно понимая, что надоела всем.

— Можно мне воспользоваться зеркалом? Последний раз, я больше вас не потревожу! — тут же заверила она, когда увидела хмурый взгляд женщины. Та придирчиво осмотрела Герду и, тяжело вздохнув, пустила в дом.

Сдержанно поблагодарив, Герда стремительно пошла по уже заученному маршруту и замерла напротив овального зеркала в толстой, серебряной раме. Длинной то было чуть больше ее руки и висело прямо напротив лица. Герда тряхнула головой, отгоняя все сомнения и порезав указательный палец о выступающую иглу, написала имя. Стекло пошло рябью и спустя некоторое время она увидела недовольное лицо парня совсем близко.

— Ты мне уже надоела. Я не знаю, где твой брат! — зло отозвался тот и нахмурился сильнее, посмотрел куда-то поверх зеркала, скорее всего намного меньше того, в которое смотрелась она. Герда видела, как тот колебался и уже готов был отключиться, чего она допустить не могла.

— Подожди! — вскрикнула она и подняла руки. Мальчик посмотрел на нее недовольно, закатил глаза и сделал вид, что внимательно слушал. — Прошу, скажи только кое-что, и я от тебя отстану. Обещаю. Что значит алая лента в земле на кладбище?

Мальчик удивленно вскинул брови и тут же нахмурился, когда кто-то рядом громко рассмеялся. Он пригрозил смеющемуся кулаком и уже более заинтересованно посмотрел на Герду. На ее волосы, глаза и черты лица, которые когда-то неоднократно замечал у самого надоедливого и плаксивого Кайи.

— Алая атласная лента соединяет мир живых и мертвых. Обычно в полнолуние с помощью нее некроманты оживляли мертвецов.

Илзе любил своего Господина.

Радовался, когда его тонкие пальцы перебирали волосы, царапали короткими ногтями затылок. Терпел ноющую боль и онемение в ногах, потому что сидел на коленях уже несколько часов. Пол под ногами поначалу казался ледяным, теперь же был чуть теплым. Он подавлял в себе желание поддаться под прикосновения, держал руки за спиной, как делал это всегда и смотрел на свои колени, еле прикрытые длинной, чистой рубахой.

Господин не разрешал поднимать голову. Поэтому Илзе терпел, подавлял дрожь и смотрел на колени, дыша медленно и тихо. Чтобы не разозлить. И его за это награждали. Гладили чуть сильнее, но ласково, кормили дольками фруктов с рук и иногда позволяли принять более удобную позу. Сейчас его кормили хлебом, вином. Господин обмакивал свои пальцы и позволял слизывать пряный напиток с легким привкусом специй и слив. Его не волновало присутствие в зале гостя и советников, ведь это была такая мелочь, чтобы задобрить Господина. Илзе никогда не считали за человека, а он не возражал, лишь вслушивался в чужие слова и запоминал.

— Что ты мне расскажешь, верный Куарон.

Илзе подавил в себе дрожь, когда услышал голос своего Господина. Ласковый, но строгий, так обычно разговаривали с мертвецами, чтобы успокоить их, а потом вонзить кинжал в сердце. После такого голоса все знакомые Илзе возвращались на чьих-то руках, лежали на матрасах несколько дней. Их лихорадило, за ними присматривали лекари и постоянно наносили травяные мази на спину и другие места, про которые ему не хотелось вспоминать.

Господин накрутил прядь его волос на палец и потянул, словно желал, чтобы Илзе поднял взгляд. Однако тот на провокацию не повелся. И тут же услышал фырканье, скорее почувствовал, чем увидел, как Господин забавлялся.

За своими мыслями он пропустил часть диалога. К сожалению.

Дурак.

Он облизал поднесенные к губам пальцы и с наслаждением почувствовал привкус вина. Этот напиток он очень любил, особенно вина с южного континента, более пряные и теплые. А Господин почему-то часто делился с ним, обмакивал пальцы, как сейчас, наливал вино в чашу и подносил его к губам, поил как нерадивое дитя. Когда же он был очень зол на Илзе, то разливал вино и кидал еду на пол, заставляя слизывать и есть. Илзе подчинялся, показывал свою покорность, проклиная пьяную мать, которая продала его, мужиков, что надругались и перепродали. Но всегда любил Господина, ведь только тот был с ним ласков и справедлив.

Куарон тем временем сбивался, смотрел на Господина исподлобья и говорил.

— Леди Галатея понесла. Слуги шепчутся, что беременность у нее проходит тяжело и супруг уже едет. Поэтому за границами сейчас следит стража, но и она недобросовестно несет свою службу. Но это все на уровне слухов, мой Господин!

Куарон нервничал. Илзе понимал его, потому что беременность леди Галатея костью вставала в горле их Господина. Илзе никогда не был одаренным политиком и почти не умел читать, но всегда прислушивался к рассказам служанок, как младшие сестры Господина читали старинные легенды. Всегда слушал и запоминал, анализировал, потому что от этого

зачастую зависела его жизнь и благополучие.

Поэтому он знал, что между Господином и супругом леди Галатеи давно шла холодная война за земли. Территория уже несколько столетий принадлежала герцогу Карнуэль и его потомкам, однако одной из столиц, Вермелло, правил Господин.

— Как жаль, правда Илзе? — поинтересовался Господин, потянув его за волосы на затылке. Кожу прострелило болью и, скривившись, он поднял голову, но не взгляд. Господин вновь усмехнулся и ласково погладил его затылок, словно извинялся за грубость. Илзе ему не поверил, потому что Господин никогда не сожалел, однако все равно расслабился, робко приоткрывая глаза.

— Никто не сравнится с вами, мой Господин.

— Верно, мой маленький Илзе, никто не нравится со мной, — довольно ответил он и убрал руку. Илзе резко опустил голову и еле заметно выдохнул. Ошейник неприятно тер кожу на шее, холодил ключицы и немного душил. Илзе ощущал себя собакой, с которой поиграли и забыли. — Будем ждать. Сейчас нельзя действовать, иначе у герцога Карнуэль будет скверное настроение. К войне мы пока не готовы. Однако следите внимательно за состоянием леди Галатеи и ее выродком. Будем решать проблемы по мере их поступления.

Наверняка Господину хотелось сделать что-то более существенное. Но Илзе думал, что тот не так глуп и прекрасно понимал, что их людей не так много и с войском законных правителей они не справятся. Скорее всего у Господина был какой-то план, который знал только он сам и Каурон, его верная тень. Илзе лишь надеялся, что, когда придет время, его не заденет вместе с другими.

Куарон кивнул неуверенно, Илзе это заметил, и перешел к рассказу о других местах. О каменной гряде, на которой пробуждались драконы, о феях, потерявших страх, разгуливающих спокойно по землям людей. Илзе слушал его уже в пол уха, потому что фей и русалок не боялся, да и не выпускали его из дворца уже несколько лет. А если и выпускали, то всегда был Господин или его люди, они его далеко от себя не отпускали.

Илзе лишь раз напряженно замер и тут же поспешно расслабился, не выказывая никаких признаков заинтересованности, хотя слушал внимательно.

— Как жаль. Придется Куарону приглядеть за девочками в дороге. Мы же не хотим, чтобы с ними что-то случилось.

На самом деле Господина не волновала судьба сестер, он рассматривал их как разменную монету. Одна уже помолвлена с наследником старого рода, который в случае конфликта выступит на его стороне. Две другие пока обучались и росли, потому что самая младшая едва достигла десяти лет, а старшая через год станет совершеннолетней. Но Илзе нравились сестры Господина, и он ждал их приезда, потому что в это время во дворце не устраивали пышных праздников с алкоголем и развлечениями, их вообще редко выпускали из подвальной комнаты. Сестры Господина опасались рабов или наоборот, относились к ним с жалостью. Это никому не нравилось.

От мысли, что совсем скоро прибудет средняя из сестер Илзе немного повеселел. Он взял с рук Господина дольку сочного персика и тут же облизал чужие пальцы, очищая их от сока.

Илзе даже не вздрогнул, когда Господин резко поднялся с места и махнул рукой, разгоняя всех. Не вздрогнул, ощущая руки в своих волосах, на шее и груди. Лишь гадал, что дальше будет делать Господин? Использует его, как иногда позволял себе или уведет обратно в подвалы? На самом деле Илзе уже морально был готов отдаться, перетерпеть, но

вместо этого Господин взял тяжелую цепь, намотал на кулак и дернул. Илзе чувствовал себя дворовым псом, которого тянули за собой, почти волочили и ему просто не удавалось подняться на ноги. Поэтому он полз следом за Господином, стирая колени, смотрел преданно и умоляюще, пытался, вставал, но тут же падал и вновь проезжался боком по деревянным доскам.

Хороший мальчик, Илзе.

***

Младшая сестра Господина приехала в обеденное время.

Господин был так занят ею и своими делами, что в их камеру не приходил. Некоторых это радовало, ведь их кормили, пусть и скупо, не трогали, что не могло не радовать, но Илзе ощущал скуку. А еще холод, хотя на улице наверняка очень жарко. Он сидел на своем месте, иногда считал звенья цепи, которых ровно двадцать семь, и прислушивался к чужим разговорам. На самом деле рабы были теми еще сплетниками и всегда знали почти все и обо всех.

Многие их недооценивали, полагались на шпионов и слуг, но никогда не подкупали людей в ошейниках. Считали их куклами, ниже прислуги. Конечно, многие думали, что они никогда ничего не слушали и лишь подставлялись, выполняли приказы и носили еду. Говорили при них свободно, иногда даже не таясь, потому что знали — их легко убить. Таких не искали.

За ними сегодня не присматривали, хотя Илзе был уверен, что у двери с другой стороны кто-то стоял. Все заняты младшей сестрой Господина — леди Катариной. Средней из сестер. Даже рабы о ней говорили и особо смелые, любопытные забирались друг другу на плечи, выглядывали в окно. Но видели лишь проезжающую карету и слышали громкие голоса слуг. Многие расстраивались, потому что эту девочку любили многие. Добрая, нежная, она улыбалась даже рабам и иногда их гладила, часто читала и подкармливала. Хотя любили ее все же за разные поступки. Кто-то за внимание, кто-то за хорошее отношение, за слова или еду, а кто-то просто смотрел на нее и воскрешал образ в голове.

Илзе любил ее за все вместе и часто представлял в моменты боли и печали. Ее длинные каштановые волосы, всегда забранные в высокую прическу с несколькими выбивающимися прядями. Тонкую, длинную шею, опоясанную атласной лентой, острые ключицы и светлые платья с пышными юбками. Всегда многослойными и какой-то вышивкой по подолу. Она была похожа на прекрасных фей, которых часто рисовали в книжках. Такая же легкая, изящная и прекрасная во всех смыслах. А еще чистая, наивная. Она до сих пор не понимала и не принимала классовое разделение, пила и ела без опаски, влюблялась в красивых людей. Это умиляло, а Господина злило.

Вторую сестру, самую младшую — Миель, воспитывали няни и свихнувшаяся тетка. По слухам, они жили на краю леса и почти не выходили из особняка, окруженного деревянным забором. Маленькую наследницу обучали грамоте, этикету и умению держать себя на публике, потому что через некоторое время ее должны были представить обществу. Скорее всего Господин возлагал на нее большие надежды, потому что часто в разговорах упоминал о политическом договоре между Карнуэль и их семьей. Наверняка он рассчитывал на определенную последовательность несчастных случаев, в результате которого его маленькая сестренка займет трон, а он станет регентом. Почти правителем.

Третья сестра Господина — леди Галатея уже несколько лет принадлежала роду мужа. Тоже выгодному Господину. На самом деле Илзе до сих пор не знал, живы ли их родители и

как относились к подобным отношениям, но это уже не его проблемы. Галатею он видел лишь раз и тогда почти влюбился, потому что она была так похожа на Катарину, но более старшую версию, величественную и статную. Она носила платья с корсетами и пышными, многослойными юбками. Всегда подчеркивала свои достоинства, надевала украшения и улыбалась снисходительно. Леди Галатея их недолго любила, но терпела и некоторых даже брала себе, когда гостила во дворце.

Их не выпускали из комнаты три дня. Один раз одного из рабов, уже взрослую девушку вызвали к себе, после чего вернули глубокой ночью, когда все спали. Никто не спрашивал, что произошло и почему та молчала, кусала подушку, тихо подвывая. Не спрашивал, потому что знали и немного злились. Все уже привыкли к такому образу жизни, некоторые только так и жили, никто почти не плакал, предпочитая все держать внутри.

Лишь на четвертый день, когда жаркое солнце прямоугольником легло на каменный пол, их выпустили на прогулку. Сняли цепи, но оставили массивные, железные ошейники. Это казалось даже смешным, потому что почти всех их знали в лицо. Особенно стареньких, тех, кто много раз помогал на кухне, висел на столбе в качестве наказания или ходил с Господином на приемы. Их всегда выводили в дальнюю часть сада, с одной стороны отгороженную высокой, каменной стеной, с других стороны кустами, деревьями и зеленым лабиринтом.

Все разбрелись. Кто-то лег на траву, под ярким солнцем, кто-то отошел к деревьям или кустам. Илзе сначала стоял на месте, не зная, куда идти, а потом медленно направился к стене. Эту стену он часто видел. Когда его привозили сюда эта стена возвысилась над ним пугающей горой, когда висел на столбе, видел острые пики, смоченные ядом. Множество раз видел стену и каждый раз понимал, что она для него непреодолимое препятствие. Территорию дворца он покинет лишь ногами вперед, а может, его похоронят где-то тут или пустят тело на опыты. У Господина всегда было хорошее воображение.

Разговоры затихли полностью, однако взгляд охранников чувствовался. Илзе стоял как всегда чуть поодаль, смотрел на старое дерево, которое было намного тоньше, когда его впервые вывели сюда, на спелые яблоки в траве. Он чувствовал легкий ветерок, долгожданную тишину и фантомное ощущение свободы.

— Ты никогда не меняешься.

Он вздрогнул от неожиданности и резко обернулся. Катарина. Прекрасная Катарина в легком платье с пышной юбкой, вышивкой на корсете и завитками каштановых волос на висках. Илзе смотрел на нее, на повзрослевшую сестру Господина и не понимал, как она так быстро выросла. От мысли о Господине Илзе передернул плечами и склонил голову в поклоне.

— Леди, — он поцеловал чужую мягкую кожу, незаметно вдохнул легкий аромат цветов и мыла. — Небезопасно ходить одной в таком месте. Как к этому отнесется ваш брат.

— Илзе, — с укором сказала она и погладила его по щеке невесомо. Еще одна отличительная особенность Катарины. Она единственная без страха и неприязни прикасалась к рабам. К таким как он. — Ты же знаешь, что мне ничего не угрожает. К тому же брат знает и поверь, он тебя не накажет — я не позволю.

— Вы очень добры ко мне.

Катарина на его слова лишь закатила глаза, а потом улыбнулась широко. Погладила его по щеке, убрала отросшие волосы за уши и невольно скривилась, когда увидела ошейник. Ей не нравились подобные меры предосторожности и украшения на людях. Они были чем-то

плохим и постыдным, она знала. А еще из-за них натиралась кожа, появлялись синяки ссадинами и дышалось тяжело. Такое украшение не подходило ее Илзе. Смотрелось на его шее инородно из-за чего от него хотелось избавиться.

Она подошла ближе. Настолько близко, как не позволяла себе до этого, настолько, что ощущала жар его тела и запах. Еще не такой яркий, но ощутимый с легкой примесью чего-то кислого.

— Я попрошу брата снять с тебя это уродство, — тихо сказала она, с ненавистью смотря на ошейник. Это умиляло и пугало одновременно. Этим поступком Катарина могла подставить не только его, но и себя. Такого Илзе не мог допустить. Он слишком дорожил этой прекрасной, почти неземной девушкой, которая с каждым годом становилась все краше.

— Не стоит, дорогая, — так же тихо попросил он и коснулся чужой руки. Сжал ее ладонь, а потом без страха переплел пальцы. — Я не хочу, чтобы у тебя были проблемы из-за меня.

Катарина в ответ сжала руку сильнее и вновь улыбнулась, посмотрела в его глаза открыто. Нервно осмотревшись по сторонам, она приподнялась на носочках и быстро поцеловала его, совсем по-детски невинно, но очень эмоционально. Поначалу появился страх, что их увидели, заметили и вскоре последует наказание. Но страх быстро испарился, когда она прижалась к нему, потерлась щекой о грубую ткань рубахи.

— Я так скучала по тебе, — зашептала Катарина и улыбнулась ему в шею. Было очень хорошо и приятно, его руки едва касаясь гладили спинку, накручивали локоны на пальцы. Он дышал в макушку и все это казалось таким правильным, нужным, что Катарина тихо млела. В тайне мечтала о том, что так будет всегда, что Илзе, ее дорогой, сильный, но кроткий Илзе будет рядом в качестве супруга. Как в книгах, которые она читала в тайне от нянечек.

Так скучала. Думала о нем, хранила в памяти их короткие встречи и легкие поцелуи. Единственное, что ее сильно расстраивало и напрягало, так это холодный, металлический ошейник. Доказательство того, что любимый не принадлежал всецело ей.

— Я тоже, милая. Но тебе лучше уйти. Если нас заметят, то будет много проблем.

Катарина недовольно поджала губы и обняла его сильнее. Но Илзе всегда был прав. Он заботился о ней и любил, терпел и ждал при расставании. Как бы не хотелось продлить это прекрасное ощущение, что рядом любимый человек, который гладил, всегда смотрел открыто и делал комплименты, которых защищал и смотрел на нее *так*, не стоило злить брата.

Коротко его поцеловав, погладила по щеке и тут же сжала ладонь, сохраняя тепло его кожи и призрачный аромат. Она ушла, немного спешно, из-за чего приподняла юбки, почти не оборачивалась, ведь это подозрительно. Ушла обратно во дворец, в свою комнату с множеством слуг и нянечек. Господин очень заботился об ее безопасности и всегда выставлял стражу у дверей, никого не пускал без особого распоряжения.

Илзе поправил рубаху, потер шею, где еще чувствовалось чужое дыхание и вернулся к остальным. Его долгое отсутствие могло быть подозрительным. Недоброжелатели наверняка будут жаловаться и его за это могут наказать.

***

После свита всегда следовала боль.

Этот урок Илзе усвоил, когда впервые попал в эту комнату. У Господина всегда была

хорошая фантазия, он придумывал наказания одно хуже другого. После них уже никто не повторял своих ошибок. На высоком столбе, подвешенные за руки грубой веревкой без еды и воды висели все. Кто-то сутки, кто-то чуть больше. Половину отправляли в конюшни на десять дней. В эту комнату попадали единицы. Те, кто попал в немилость Господину и обычно не возвращался обратно.

Илзе был в этой комнате уж третий раз, поэтому сжимал губы от боли, дрожал всем телом и прислушивался. Понимал, что напрягаться не стоило, от этого было больнее, но не получалось. Каждого нового удара кожаной плетью он ждал, а Господин играл с ним. Делал перерывы, мочил плеть, иногда говорил что-то, бил неожиданно и вновь перерыв.

Обычно его отпускали после десяти ударов. Но сегодня Господин очень зол, потому что после десятого последовало одиннадцатый и двенадцатый.

— Ты меня разочаровал, милый Илзе, — неожиданно сказал Господин. Он провел ладонь в перчатке по его спине с глубокими бороздами, нажал на окровавленные участки еще целой кожи. Коленопреклонный Илзе ему нравился. Голый, со связанными руками и ошейником, доказательством того, что он всецело принадлежал Господину — он был прекрасен. А еще его сдерживаемые крики, соленые слезы и слюни, которые капали на каменный пол. — Я очень в тебе разочарован, малыш.

— Простите, Господин, — хрипло сказал он и тут же болезненно застонал. Господин с силой провел пальцами по пульсирующим ранам. — Я виноват. Господин. Простите.

Илзе не понимал, что за извинялся. Даже своего имени сейчас не помнил. В голове пульсировало, виски болели, и он думал лишь о боли. Пульсирующей, жгучей боли, которая сковывало тело. Болела спина от кнута, колени из-за долгого стояния на твердой поверхности, запястья натирала веревка. Было так больно, что он силой сдерживал рвоту.

Подобное Господину не понравиться.

— Маленький Илзе, я ведь доверял тебе больше остальных. Я думал, что могу положиться на тебя, а ты так со мной поступил, — нарочито разочарованно сказал Господин и вновь ударил. На этот раз Илзе вскрикнул и выгнулся дугой, избегая боли. Но не получилось и от досады, прострелившей все тело боли расплакался.

— Г-господин... Простите. П-простите, пож-алуйста, — сквозь всхлипы взмолился он и сжал зубы. Его грубо взяли за подбородок и вскинули голову.

Господин был слишком близко. Он смотрел на раба пристально, словно видел что-то на дне его заплаканных глаз, скривился, когда заметил искривленное лицо, искусанные в кровь губы. Дышал тепло, опалая его щеки, крутил голову из стороны в сторону. Илзе не двигался, лишь смотрел на него в ответ, на своего любимого и прекрасного Господина, глотал слезы и всхлипы. Ему стало страшно, когда задумчивый до этого Господин вдруг нахмурился и с нескрываемо разочарованием посмотрел на него. Как на непригодную вещь. Как на испорченную игрушку.

Обычно так смотрели на вещи, которые выкидывали.

— Г-господин, — зашептал он и посмотрел на него, на своего личного Бога снизу-вверх. — Господин, — сглотнул сухой ком в горле. — Господин. Я так виноват перед вами. Я никогда не хотел предавать ваше доверие намеренно. Вы самый прекрасный, самый щедрый и лучший, Господин. Я так виноват.

Преодолевая боль и дрожь, Илзе поддался вперед и поцеловал носки его ботинок. Уверяя в своей верности, любви к одному единственному Господину, говоря, какой тот прекрасный и самый-самый, Илзе целовал ботинки, щиколотки, показывал свою покорность.

Вновь и вновь, потому что Господин ничего не говорил, но и не убирал ногу.

— Как я могу верить тебе, Илзе? После такого предательства. Я думал, Илзе, что ты любишь меня, что ты всегда будешь рядом, на моей стороне. А ты предал, воспользовался моей наивной сестренкой. Что ты хотел?

От его слов Илзе напрягся и невольно задержал дыхание. Катарина. Она все-таки послушалась его. Впервые за все это время слушалась. Маленькая, наивная девочка. Он же предупреждал, понимал, что Господину подобное не понравиться. Прерывисто выдохнув, Илзе вновь припал губами к носку его ботинка и уперся взмокшим лбом в колени.

— Для меня существуете только вы, Господин. С леди Катариной я был обходителен. Потокал некоторым желанием, чтобы она не доставляла вам проблем. Прошу, Господин, поверьте мне.

Господин скривился от ощущения влаги на ткани, но не отошел. Илзе, его маленький мальчик так же наивен, как и Катарина. Неужели думал, что он поверит в этот лепет? Нет, он наивным не был и от мальчишки стоило бы избавиться, но не хотелось. Илзе был идеальным рабом, знал правила, и гости его любили. Ну не избавляться же от такого ценного мальчика, которым можно пользоваться и дальше.

— Я очень надеюсь, что подобное больше не повториться. В следующий раз поркой ты не отделаешься, маленький Илзе. Пусть это послужит тебе уроком.

В комнату его вернули через несколько часов. Еще через время пришел доктор и обработал раны. Другие рабы сторонились, шептались за спиной и даже не смотрели в его сторону, может, боялись гнева Господина. Иногда Илзе слышал их тихие разговоры, недоумение, почему наказали, ведь Илзе был одним из любимых рабов. Большую часть времени он лежал на животе, иногда медленно и неуклюже выходил в сад, где сразу же садился в тени. Спина еще болела, раны затягивались медленно и словно нехотя. Его рвало, голова болела и тело ощущалось странно. Давно его не наказывали. Илзе уже отвык от боли и немилости, поэтому сейчас вел себя покладисто, всегда опускал взгляд и молчал, поддавался касаниям Господина, который, казалось, наслаждался его состоянием.

Он виновен и понес наказание. Усвоил урок.

Илзе избегал Катарину. Видел, что та обижалась, от слуг знал, что плакала ночами. Катарина, красивая и милая Катарина одевалась с каждым днем все краше, убирала волосы, оголяя тонкую шею, искала с ним встречи и расстраивалась, пыталась узнать причину, когда он отказывался. Не понимала, а Илзе боялся. Ему не хотелось вновь получить наказание от Господина. Его положение, итак, было шатким.

Через несколько дней стало чуть лучше. Илзе все еще сторонился Катарину, смотрел преданно на Господина. Но обрадовался он слишком рано. Его наказание не закончилось простой поркой.

Маленький, наивный Илзе.

Господин был сильно им разочарован. Настолько сильно, что, когда приехали деловые партнеры, его вывели из подвала, надели более легкий, элегантный ошейник, плотно прилегающий к коже, и завели к другую комнату. В специальную комнату для гостей, которую боялись все. Даже он. Поэтому напряженный, Илзе неуверенно сел на подушки и задержал дыхание, когда охранник бросил небрежное «развлекайтесь», а один из воинов погладил его по плечу.

От этой ночи он отходил долго. Каждое движение причиняло боль, в горле саднило, на каждом шагу его преследовали воспоминания и ощущение грязи. Господин отдавал его на

потеху воинам два раза. Первый раз для получения опыта, второй раз в качестве наказания за непослушание. Это был третий раз и ощущалось также мерзко.

К нему опять никто не подходил. Однако к нему пришел Господин. Он с наслаждением провел ладонью в перчатке по спине, покрытой царапинами, синяками и незажившими ранами от плети. Погладил по ляжкам и поселил в небольшой, отдельной комнате. Совесть, наверное, проснулась. Но Илзе был рад. Он поцеловал пальцы своего Господина, прижался головой к бедру и тихо благодарил, преодолевая боль и сухость в горле. А тот гладил его, как собаку и говорил, что Илзе молодец, выдержал наказание и вновь получил доверие.

Илзе малодушно радовался и спал почти весь день на мягкой кровати. Наслаждался одиночеством и обстановкой, потому что никогда не оставался в подобных комнатах дольше, чем на сутки, никогда не спал на таких кроватях. Еще иногда, ближе к ночи, к нему приходила Катарина, плакала, обрабатывала раны и кормила свежими фруктами. Когда она первый раз пришла, Илзе удивился.

— Любимый, прости меня за это. Я так виновата.

Она уверяла, что больше никогда не ослушается его и будет всегда рядом. Извинялась, целовала его лицо и гладила по рукам, спине. Кормила с рук, вновь целовала и извинялась. Когда же он сквозь силу спросил, с чего она вообще пошла к Господину, Катарина покраснелась, виновато улыбнулась.

— Мне четырнадцать скоро исполниться. Я думала, что если он не отпускает тебя, то, может, подарит. Попросила, а он разозлился и сказал, что другого раба мне отдаст, — расстроено ответила она и тут же, спохватившись, зачастила. Будто оправдываясь, она отбросила распущенные волосы за спину и, по-детски наивно, заковыряла ногтем постельное белье. — Но ты не подумай, мне только ты нужен. Правда-правда! Я тебя люблю и хотела быть с тобой, знаешь, чтобы вместе до конца своих дней. Поэтому я очень виновата и буду о тебе заботиться. Брат не узнает об этом.

Илзе сомневался в ее словах, но все равно вымученно улыбнулся. Задремал, пока Катарина ласково наносила мазь на его раны, целовала коротко в скулы и щеки, напевала что-то тихо.

Вереск морщился от ноющей боли в руках, но упрямо собирал травы в небольшом пролеске неподалеку от приюта. Его снова наказали за использование магии, за всего лишь небольшую искру, которую он потушил, чтобы единственный дом, пусть и ненавистный не сгорел. Смотритель теперь относился к нему хуже, наблюдал пристально и три раза в день ставил на колени перед каменной статуей Христа. Они оба молились, целовали серебряный крест в руке статуи и молили о прощении. Вереск не верил в бога, в академии много рассказывали про мир до нашествия Христа и рыцарей, поэтому он уже не верил, да и не желал верить тому, что кто-то решал его судьбу и смел наказывать за поступки. Никто не имел права диктовать ему, что делать и как жить.

Он недолго любил культ Христа, потому что после появления рыцарей и священников забылись старые традиции. Ему это не нравилось. Однако прошлое не нравилось церкви, поэтому, когда у него впервые появились способности, долгие месяцы смотритель бил деревянной линейкой его по рукам. Потому что магия противоестественно и греховно. Как-то раз из него даже пытались изгнать демона, но ничего не получилось.

Передернув плечами от неприятных воспоминаний, Вереск подрезал нужный цветок. Маленький ножик всегда был с ним, потому что им удобнее всего срезались растения без вырывания корней. Этот ножик хоть и тупой, но это первый подарок в его жизни, сделанный одним из профессоров в академии. Тот всегда хорошо к нему относился и поощрял стремление к управлению природными циклами. На самом деле Вереск уже скучал по обучению, профессорам и людям, которые его там окружали. Никто не называл его странным, не бил за спонтанные всплески, лишь поощрял и направлял. Они давали доступ к знаниям, которые он ни за что не получил без такой возможности.

К сожалению, в приюте их обучали лишь основам грамоты и математике. Еще заставляли учить молитвы, готовить, убираться и делать глиняную посуду. Но не давали знания, лишь по вечерам читали Библию. Вереск знал, что их приют не так плох. Да, они жили все в маленькой церкви по пять человек в комнате, их не очень хорошо кормили и все вместе каждые выходные они ходили в бани. Он слышал, что в других приютах даже такого не было и в комнатах спали по пятнадцать человек на полу, их кормили два раза в день и совсем не учили, а лишь заставляли работать. Поэтому ему повезло. И Вереск радовался бы, если б не узнал про жизнь вне приюта и не дружил бы с Алькором.

Положив несколько одуванчиков в старенькую корзину, Вереск невольно напрягся, когда услышал шуршание листвы. Слишком громкое для зверя, и земля чуть вибрировала, что было лишь, когда ступал по ней человек. Скорее всего имеющий способности, потому что земля вибрировала мелко, а не толчкообразно. Вереск не оборачивался, потому что не чувствовал опасности, да и любил угадывать.

Гадал он недолго.

— Ненавижу, когда ты уходишь до того, как я проснусь.

Вереск на это лишь фыркнул и покачал головой, потому что знал. Он всегда это говорил, когда просыпался один и когда находил его потом. Так было в начале их знакомства и даже сейчас. Срезав мяту, Вереск медленно выпрямился и только после этого оглянулся. Алькор стоял неподалеку, привалившись плечом к дереву и смотрел на него пристально, немного хмуро. Похоже он из постели сразу же отправился на его поиске,

потому что стоял в легких, старых брюках и длинной рубаше. В таких на завтрак и утреннюю службу не пускали.

Вереск и сам одет так же, потому что рубаша плотная и ее не жалко испачкать. За нее никогда не ругали, а за порчу более тонких, светлых рубашек, которые они надевали на службы и занятия — всегда наказывали.

— Мне нужно было собрать травы.

— Это не могло подождать немного? — все также недовольно спросил Алькор и, оттолкнувшись, подошел к другу. Осмотрел придирчиво содержимое корзины и убрал золотые, чуть вьющиеся пряди за ухо. Лента их держала плохо, а косу заплетать ему не хотелось.

— Многие нужно срезать именно на рассвете, когда земля еще хранит чистую росу и напитывается холодным солнцем, — пояснил Вереск и убрал короткий ножик в ножны. Она встал и поднял корзину слишком резко, из-за чего на землю упало несколько листьев одуванчика. Обидно.

На его слова Алькор лишь фыркнул, тряхнул головой и, развернувшись, пошел в сторону приюта. Он все еще был недоволен и показывал это всеми доступными способами. Раньше Вереск занервничал бы, но сейчас присутствовала лишь легкая радость от того, что Алькор показывал при нем эмоции. Это почти честь, которой удостаивались не многие, потому что Алькор слишком скрытный и сжимал плотно челюсть, когда получал свое наказание. Слишком тихий, его побаивались, старались подчинить и привить веру, любовь к Христу, что было с их стороны не верным решением.

Алькор слишком свободолюбивый и наблюдательный.

— Они опять наказали тебя? — спросил он, когда увидел тонкую ткань, обмотанную вокруг ладоней и запястий. Сейчас Алькор острее ощутил запах трав, почувствовал едва уловимое движение, словно касание теплого воздуха. Вереск говорил, что так ощущалась магия. Его маленький друг, которому сейчас наверняка было больно. Резко отвернувшись, он тихо, но уверенно сказал. — Когда мы станем сильными — я сотру этот приют и каждого его обитателя с лица земли.

Вереск лишь звонко рассмеялся на это заявление.

— Не будь насколько кровожадным. Нужно еще тебе немного подучиться и рассказать о своих способностях, а потом пройти испытания. Если все получится, то ты станешь самым младшим, кого когда-либо принимали в академию.

И он не врал. Его в академию приняли в девять с половиной, а Алькору несколько месяцев назад исполнилось восемь. То, что в друге просыпалась способность к управлению магией он понимал ее в детстве, когда сам только учился ее ощущать. Главное развить эту способность до того уровня, что можно было бы продемонстрировать его. Тогда они всегда были бы вместе. Времени у них месяц до Серата, потом еще несколько дней, чтобы рассказать нужным людям и подготовка к самому обучению. Жаль, что оно начиналось лишь в последний месяц лета.

— Будь уверен, я справлюсь, — уверенно сказал Алькор и посмотрел куда-то в сторону. Усмехнулся и, немного замедлившись, поравнялся с Вереском. — Как думаешь, дорогой, если мы после службы придем сюда и приготовим кролика на костре, нам сильно попадет?

— Только если нас увидят, — лукаво улыбнулся в ответ Вереск, хотя не желал становиться причиной смерти невинного животного. Это полностью противоречивого его способностям. Но с Алькором легче было согласиться, чем спорить.

***

— Какой он идиот.

Вереск на его слова лишь недовольно скривился. Он ненавидел, когда Алькор ругался, но сейчас был готов согласиться. Ара действительно был человеком, может и одаренный умом, но очень ленивый и падкий на красивых девушек. В оружии ничего не понимал, поэтому, наверное, и продал юному Алькору кинжал, от которого чувствовались отголоски холодной, древней магии. В академии такие артефакты тоже присутствовали, но они тщательно охранялись и всегда находились за толстым стеклом.

Такая магия медленно разрушала. Люди уже давно не управляли настолько сырой энергией, почти первозданной, которая даровала жизнь или смерть. Третьего не дано. Сейчас же энергия уже распространилась по земле, впиталась в деревья и здания, стала более легкой и осязаемой. Не рвала человека на части изнутри, а мягко наполняла и переходила в другие места по чужому велению.

— Но у меня есть этот кинжал! — радостно сказал Алькор и сжал в руках ножны с выпуклыми узорами.

— Зачем он тебе? Ты ведь так и не сказал мне о своей задумке, — обиженно спросил Вереск. Друг от него обычно ничего не скрывал и всегда говорил обо всем прямо. Но в последнее время он что-то недоговаривал, увиливал от ответа или вовсе лишь загадочно улыбался.

Это Вереску не нравилось. Складывалось ощущение, что он что-то натворил или их отношения менялись. Но менять ему ничего не хотелось. Неужели и Алькор его бросит? Как родители после года жизни, просто откажется и переключится на кого-то более интересного. Неожиданно кто-то с силой потянул его в сторону и притиснул к горячей, но еще костлявой груди.

Они так и замерли посреди тропинки. Вдалеке уже виднелись купола приюта, но Алькор не шел, крепко обнимая, а Вереск наслаждался. Он чувствовал чужое сердцебиение и потоки, такие же холодные, как металл ножен, прижимающихся к его позвоночнику.

— Ненавижу, когда ты что-то себе придумываешь и не оставляешь мне места для объяснения. Дорогой, ты дороже всего на свете для меня, и ты знаешь об этом. Я не могу тебе ничего рассказать, потому что не знаю. Не хочу обнадеживаться. Поэтому пусть пока будет планами.

Вереск недовольно скривился, но тему дальше не развивал. Лишь обнял его в ответ, зарывшись лицом в волосы за ухом. Сейчас он был чуть выше Алькора, что последнего сильно раздражало, поэтому они иногда спорили, но дальше пустых ворчанья и косых взглядов никогда не заходило. Алькор никогда не поднимал на него руку и не направлял оружие. Он всегда охранял спину и защищал, даже когда Вереску это не нужно было. Слишком дороги ему эти отношения, поэтому Вереск почти всегда отступал, доверял и не спрашивал. Все равно рано или поздно расскажет.

Постояв так еще некоторое время, они отошли друг от друга. Алькор спрятал кинжал в сумке Вереска и усмехнулся широко, когда заметил недовольный взгляд в ответ. До приюта они шли медленно и почти не разговаривали. Им сейчас редко требовались слова. Все было сказано еще в самом начале, когда их заперли в одной комнате в качестве наказания, когда представили, как новых сирот. Вереск тогда кричал много, избегал его и сопротивлялся любым проявлениям заинтересованности. Да и сам Алькор сильно не проявлял инициативы, лишь кривился и говорил, что он слишком шумный.

Много было ссор, криков, которые полностью исчезли к новому году. Тогда уже он сам постоянно искал светлую макушку, волновался, когда тот задерживался и выгораживал, если в приюте происходило что-то. Алькор же проявлял свою заботу своеобразно. Они ходили только вместе, всегда садились рядом, он защищал Вереска и прогонял людей, которым тот приглядывался. Поэтому они оба до сих пор жили в приюте.

— Где вы гуляли?!

У воспитательницы очень высокий и противный голос, который превращался в писк, стоило ей разозлиться. Она смотрела хмуро, заправляла волосы в тугую косу за спиной и иногда, когда настроение у нее было очень хорошим, поигрывала в руке линейкой. Поначалу все думали, что она жена смотрителя, но потом выяснилось, что смотритель хранил целибат, а воспитательница просто фанатична.

Алькор долго смеялся, когда узнал об этом.

— Ходили в город, — ответил Алькор и вышел чуть вперед, закрывая собой Вереска. Он улыбался сдержанно и вообще выглядел очень обходительным, опрятным. Любая семья была бы счастлива такому ребенку. Вереск до сих пор не понимал, почему друг отказывался от семьи и жил в этом ужасном месте.

— Что вам могло понадобиться в городе?

— Там сейчас красиво. Все готовятся к Серату, — так же спокойно ответил Алькор, хотя и видел, как с каждым словом воспитательница мрачнела. Дети вокруг сидели тихо, некоторые намеренно уходили из помещения в свои комнаты, чтобы не попасть под горячую руку. Да и место для ссоры воспитательница выбрала неудачное, потому что через эту комнату часто проходил смотритель, который не любил насилие по отношению к детям.

Казалось, воспитательница не нашла больше причин их отругать, поэтому отпустила. Скривилась, когда Алькор поблагодарил ее и, взяв Вереска за руку, пошел в комнату. А может на задний двор к старой липе.

— Ненавижу эту другу, — прошипел Алькор, когда они подошли к своим кроватям. В спальне почти никого не было, все сейчас гуляли на улице или занимались со смотрителем. Может, кто-то молился. Поэтому никто их не слышал, а если и слышал, то наверняка не придавал их словам значение.

Вереска здесь боялись, а Алькора уважали. Поэтому у них никогда ничего не крали, к ним не приставали и не нападали. Но и дружбу не заводили. Одни смотрели с опаской, вторые же понимали, что кроме друг друга им никто не нужен был. Если Вереск поначалу стремился завести новых знакомых, общался со всеми и играл, то после начала этой дружбы, он сократил общение с другими. Да и когда выяснилось, что он маг, многие просто отказались с ним общаться.

— Пойдешь на празднование Серата? — неожиданно спросил Алькор, ложась на кровать Вереска. Тот лишь недовольно скривился, посмотрел пристально на грязные штанины и тяжело вздохнул. В чем-то Алькор очень неосмотрителен.

— Не знаю. Хотелось бы посмотреть на артефакты и сладости, но людей, как всегда, будет много.

Вереск достал из сумки книжку с сухоцветами, небольшой минерал и кинжал. Покрутил его в руках, всмотрелся в вязь рун, но понял лишь малую их часть. Руны изучались на третьем курсе сейчас он поступил на второй. Все это он положил в деревянную шкатулку и провел по ее крышке окровавленным пальцем. Магия крови не нравилась даже преподавателям академии, но служила основой для многих ритуалов.

Алькор смотрел, как Вереск прятал шкатулку под кроватью. Пока он так не умел, потому что чувствовал потоки, а не управлял ими. Наверное, магия крови подчинялась бы ему, ведь там требовалась лишь кровь и умение перенаправлять энергию, но Алькор не пытался. Даже в тайне. Знал, что Вереск злился бы, если б узнал, накричал, сказал, что это опасно. Он готов немного потерпеть, ради своего Вереска.

— Иди сюда, дорогой, — он поднял одну руку и похлопал ей рядом с собой. Усмехнулся, когда Вереск закатил глаза, проворчал что-то для приличия, но все равно лег рядом, смотря в каменный потолок. — Мы ведь завтра сходим на нашу поляну?

Ему Вереск редко отказывал. Почти никогда. И даже сейчас, все это ворчание, тяжелые вдохи и легкие тычки в ребра были лишь прикрытием. Потому что Вереск никогда ему не отказывал.

***

— Опять эта идиотка?

Вереск посмотрел на него раздраженно, но кивнул. Скрывать не было смысла, да и Алькор всегда все узнает. Дети в приюте такие разговорчивые, дашь им конфетку, и они все обо всех расскажут. Некоторым это играло на руку, а Вереска злило. Они все были такими наивными и продажными, хуже, чем все те женщины, что выходили с наступлением ночи.

Он вновь вспомнил растерянное лицо девчонки и скривился. Ее упрямство восхищало, но всему стоит знать меру. К тому же Вереск изначально дал понять, что с соседом по комнате не общался и вообще им не интересовался. Вереск вздохнул свободно, когда она перестала пытаться, но сегодня было сложнее. Сегодня он был в приюте, позади лежал Алькор.

— У нее брат потерялся, — все же ответил он и положил зеркало на тонкой ножке обратно под кровать. Лег и тут же почувствовал руку на своем животе.

— У тебя ведь есть предположения.

— Я думаю этот дурак решил воскресить мать. Он последние полгода учебы только по этой теме книги и брал. Даже спрашивал у кого-то, но даже некроманты редко берутся за подобное. Скорее всего его просто разорвало от силы.

— Как жаль.

Ему было не жаль, и они оба это знали. Как и знали то, что Алькор уже скорее всего забыл об этом, оставляя в памяти лишь информацию про магию. Вереск не так много ему рассказывал. Поначалу, потому что не знал, потом из-за опасения, что он применит знания на практике. Сейчас Алькор был слаб. Настолько слаб и беспомощен, что ненавидел себя за это. Зато восхищался Вереском, своим сильным другом.

— Дорогой, пойдем лучше на поле. Ты вновь мне покажешь тот прием по управлению воздухом.

Ей почудилось, что жизнь оборвалась. Мир рухнул осколками к ее ногам.

В оцепенении она стояла слишком долго. В голове пусто, в желудке тоже и лишь сердце гоняло кровь так, словно спешило куда-то. Единственная мысль, которая подобно первой звезде появилась в ее голове была: «Смерть». Герда еще не знала чья. То ли глупого братишки, который решился на что-то столь темное и опасное, за что поплатился. Ее ли смерть, потому что знание правды всегда несло за собой жертвы. Отца любимого Сэма, который перешел дорогу монстру. Чья смерть?

Всех.

Они все в опасности. Все находились под наблюдением монстра.

Ее выгнали из дома. Вытолкнули жесткие, большие ладони сына старосты, который трогал ими монстра. Ублажал, делал приятно. Те руки, чья кровь текла в наследнице. В самой смерти.

Герда едва удержалась на ногах. Она сжимала алую, атласную ленту в кармане передника. Доказательство того, что Кайя ошибся и возродил не мать. Монстра. Теру, которая жила в их доме, занимала место брата, ела их еду и что-то делала. Точно делала что-то, потому что в голове словно туман, вспышки раздражения и злости словно сами собой испарялись, стоило ей вспомнить о тепле, которое она дарила. Точно делала, потому что ненависть перекрывала любовь и желание получить спокойствие вновь.

Это была та правда, которую она хотела. Но готова ли к ней Герда? Нет. Все то, во что она верила, пыталась верить, оказалось ложь. Это больно, несправедливо и очень обидно. Герда больше не знала, что делать. Сделать вид, что ничего не произошло? Тогда она предаст память любимого брата. Идти против монстра? Она слишком слаба для этого. Да и мало кто ей поверит, потому что Тера вела себя сдержанно и никого не убивала.

Кроме отца Сэма.

Ярость вспыхнула внутри, но тут же медленно потухла. Она теплилась, билась где-то внутри заполошно, но больше не проявлялась так сильно, словно ее сдерживало что-то. Из-за Теры любимый теперь ходил постоянно как в воду опущенный, иногда срывался на ней, извинялся потом, но все равно сторонился.

Герда тряхнула головой, отгоняя от себя ненужные мысли и эмоции. Что делать дальше? Она сжала виски с силой и скривилась от боли, приходя в себя. Не время эмоциям. Следовало решить, что будет дальше, потому что как прежде уже точно не станет. Герда ее за это не простит. Никогда!

Неожиданно позади кто-то вскрикнул, потом звонко засмеялся. И этот крик оборвал что-то внутри, потому что наедине с Терой осталась ее семья. Отец. Единственный родной человек. И он Трией оставался наедине с монстром, которому Герда больше не доверяла.

Герда бежала так быстро, что в груди пекло и боку болело. Воздуха не хватало, отчего кружилась голова и с координацией были проблемы. Под ногами то и дело появлялись камни, венки с вплетенными в них лентами, отчего она порой запинаясь, падала, сдирая кожу на ладонях и коленях. Она бежала так быстро, что всхлипнула от усталости и боли, когда добежала, замерла перед окном, еле держась на дрожащих ногах. Стерла пот со лба и неловко подошла чуть ближе, пытаясь выровнять дыхание.

Из окна они выглядели как идеальная семья. Трия месила тесто для пирогов с

курятиной и иногда заигрывала с Айасель, отец тоже сидел на кухне и рассказывал жене что-то приглушенно. Герда еще раз их пристально осмотрела и выдохнула прерывисто, еле сдерживая слезы. С ними все хорошо. Они даже казались радостными. Подойдя чуть ближе, Герда хотела окликнуть их, но слова застряли в горле колючим комом.

Тера.

Она сидела спокойно в другом конце стола и перебирала малину. Скорее всего не слушала отца, на дочь внимание тоже не обращала и на слова Трии заторможено кивала, без понимания смысла. Теперь Герда видела. Неестественную серость кожи, волосы, которые не росли, а оставались все той же длины, и сердце у нее билось слишком медленно, словно нехотя. Вспомнила, что та ничего не знала об их мире, что она не спала почти, что при родах было мало крови и ела она в основном мясо.

— Дорогой, может, стоит еще раз посмотреть в шахтах? Кайя может быть в беде. Ты сам говорил, что под камнями ничего не было. Может, его вообще увезли и продали?

Трия говорила уверенно и кривилась, словно от зубной боли. Волновалась. Она и правда волновалась о Кайе, тогда почему не поддерживала ее? Почему каждый раз убеждали ее в том, что брат умер? Герда прижалась спиной к неровной стене и аккуратно выглянула, вслушиваясь в каждое слово, следя за всеми людьми, сидящими на кухне. От нее не укрылось, как отец поджал губы, украдкой стирая слезы, а Тера недовольно скривилась.

— Извини, я постоянно забываю об этом. Да, нужно поговорить со старостой, — устало ответил он и отодвинул от себя миску с мелкими кусочками курицы в травах.

— Зачем беспокоить людей? — спокойный голос Теры ее напугал. Она улыбнулась сдержанно и посмотрела пристально на Трию и отца. — Вы ведь говорили, что волки по Яме бегают. Они, наверное, и в пещеру забежали. Вы же видели, что на траве кровь. Да и у вас, Трия, много забот. Девочек воспитывать нужно.

Герда смотрела и не верила своим глазам. Отец смотрел на Теру, словно на ожившее божество, внимал каждому ее слову и кивал заторможено. Герда резко посмотрела на Трию и тихо, на грани слышимости всхлипнула. Они слушали Теру, кивали в знак согласия, а та говорила так уверенно, так проникновенно, что Герда почувствовала привычное спокойствие. Но это ощущение быстро прошло, слетело, как пыль или морок.

Тера выглядела спокойно и говорила так проникновенно. Словно сирены из маминых сказок, те самые русалки, живущие в море. И глаза у нее чуть светились, словно две полные луны на ночном небе.

— Да, думаю ты права, — медленно и неуверенно ответила Трия.

Ее слова ввергли Герду в шок. В надежде она посмотрела на отца, но и тот был согласен. Смотрел перед собой безучастно, дышал медленно и крупно вздрогнул, когда Айасель на столе захныкала. Морок спал, но больше они эту тему не поднимали. Говорили о чем-то другом, словно не было тех слов, не было страха и подозрений. Словно Кайя умер, а Тера оказалась права.

Несправедливо.

Герда сползла по стене и села на землю, не сдерживая слезы. Теперь понятно, почему они не говорили про брата. Понятно, как Тера так долго жила у них. Понятно, почему Герда ненавидела ее. Потому что Тера их околдовывала, как змея, она гипнотизировала, внушала свою правду и медленно убивала память о них. О матери и брате.

Что делать?

Герда не знала. Она даже не представляла, как поступить. Опасно. Ее знание могло

обернуться полным забвением или смертью. Сколько таких разговоров было у нее? Сколько воспоминаний стерлось, смазалось благодаря Тере? Наверное, очень много. Герда не знала. С простыми подозрениями и страхами ей некуда идти. Никто не поймет, не поверит.

Тогда нужно искать доказательства.

***

Герда укачивала Айасель, пристально рассматривая ее. Те же голубые глаза, светлая кожа с легким румянцем, темный хохолок и широкая, беззубая улыбка. Малышка выглядела живой и похожей на нерадивого отца, который сейчас одаривал знаками внимания одну из красавиц Ямы. А еще у нее заполошно билось маленькое сердечко, когда рядом кто-то кричал. Герда чувствовала это раскрытой ладонью.

Малышку она возненавидеть не смогла. Злилась, искала знакомые черты, пренебрегала, раздражалась, но не ненавидела. Потому что Айасель не виновата в том, что Тера монстр. Не виновата, но Герда все равно ее теперь недолюбливала и сейчас отворачивалась, кривилась, чтобы остальные не видели.

Еще она пристально следила за Терой. Сэм с ней не разговаривал, занимался поисками отца и его похоронами, точнее установлением могильной плиты. Герда и сама не стремилась сейчас встречаться с ним. Все время уходило на Айасель и Теру. Трия была счастлива, она улыбалась широко и рассказывала падчерице истории из своей жизни, показывала рецепты.

Первое, что заметила Герда – Тера всегда сидела на улице или на крыльце. Всегда так сидела, словно стремилась избежать их присутствия, не хотела быть рядом. Поэтому уходила в лес, гуляла много или сидела неподвижно часами под деревом. Герда не знала, то ли гостья просто избегала их, то ли так познавала мир.

Второе, что она заметила – Тера редко говорила. Тера не разговаривала с ними, да и с другими тоже. Всегда молчала, смотрела спокойно и кивала в знак согласия. Даже когда ей задавали вопрос.

Третье – Тера сильная. Намного сильнее ее отца и многих других мужиков. Герда случайно заметила это. Когда выливали грязную воду на свежую и колкую траву, увидела Теру с двумя ведрами воды. Это настолько поразило, что она отошла в сторону, все еще пристально наблюдая. У Теры не было пота, дышала спокойно и руки не напрягала, словно она несла корзинку с травами, а не несколько литров воды. Герда с отцом вдвоем порой одно ведро еле доносили. А тут два. Еще раз она видела, как Тера рубила дрова, даже не запыхавшись, как носила большие связки на задний дров.

Все это ее настораживало, но было лишь наблюдением.

Герда теперь всегда спала ночью чутко, наблюдала издалека, но так, чтобы не заметили. Хотя Тера все равно что-то заподозрила, потому что клала руку ей на голову чаще, трепала по волосам, говорила спокойно. В такие моменты чувство спокойствия, понимание отсутствия проблем и тревог, усиливалось. Оно захватывало с головой, и Герда забывала обо всем. Смотрела преданно, подставлялась под прикосновения и была уверена, что если Тера о чем-то попросит, то Герда выполнит.

Еще одна странность, которую Герда заметила, так это новые сорочки. Тера всегда ложилась спать в сорочке, которую ей сшила Трия. Просыпалась тоже в ней, когда не ходила за водой с рассветом. Тогда Тера весь день ходила в платье и засыпала в платье. Уставшая. Поначалу Герда не придавала этому значения, но сейчас вспоминала. И правда, несколько раз та просыпалась раньше и ходила в платье несколько дней, говоря, что сорочка ощущалась

неприятно или расходилась по шву. Первую сорочку пустили на тряпки из-за того, что та не отстирывалась от крови. На второй появились странные заплатки, которые скорее всего скрывали алые разводы. Третью и самую последнюю Тера случайно потеряла в реке. Так она сказала Трии, но Герда уже этому не верила.

Значит сорочка что-то хранила или была выброшена поблизости.

Тогда Герда стала искать. Первой ее странное поведения заметила Трия.

— Милая, ты что делаешь? — обеспокоенно спросила она, осматривая падчерицу, которая сейчас стирала с себя земляные разводы. Герда посмотрела на нее, вытерла пот со лба, оставляя на лбу длинный грязный след.

— Помогаю в огороде. Скоро ведь сладкий картофель созреет.

— Оу, спасибо дорогая, я как раз хотела этим заняться.

Если Трия и была удивлена, то не показывала это сильно. У нее и так забот хватало. Тера же выглядела недовольной, потому что обязанность следить за ребенком переходила к ней, но молчала. Лишь смотрела на Айасель с неприкрытым презрением и не прикасалась, накрывала одеяльцем порывисто.

Все это Герда замечала урывками. Провозившись в огороде и вокруг дома три дня, она нашла закопанную ночную сорочку. Скорее всего самую первую. На той до сих пор виднелись пятна крови и теперь разводами липла свежая земля. Эту сорочку Герда спрятала под кроватью, пока Тера не видела и стала еще более осмотрительна. Не известно, чья кровь на ткани.

Еще спустя два дня Тера не спала. Она встала тихо, осмотрелась и пошла медленно в сторону кухни. Герда проснулась сразу, как только услышала еле заметный скрип половиц и видела сквозь приоткрытые глаза, как та скрылась за поворотом. Не встала, потому что опасалась быть замеченной. Прислушивалась к каждому шороху, смотрела, как Айасель сонно дергала ручками. Жива. Тера ее еще не убила. Наверное, Герда не сильно волновалась бы, если б та так поступила. Свои руки не придется марать.

На кухне послышался странный шум. Кто-то, дыша тяжело, двигал что-то, а потом доставал. Значит, Тера прятала нечто на кухне, скорее всего третью сорочку.

Вернулась Тера ближе к рассвету. Легла тихо, вновь осмотрелась и сделала вид, что уснула. Хотя Герда уверена, что та не спала никогда, особенно сейчас. В комнате запахло кровью, травами и мылом. Значит Тера мыла полы, убирала следы своего присутствия.

Интерес преследовал ее все следующее утро, но времени не было. Тера была рядом весь день, сидела на крыльце, подставляла лицо ветру и выглядела очень довольной. Значит там лежало что-то приятное. Страшное. Герда сразу же осмотрела кухню и увидела еле заметные разводы, лавка стояла немного криво и на печи появилась царапина. Там. Под печью.

Под печь она заглянула еще через несколько дней. Тогда Тера отправилась в лес за ягодами, отец ушел в шахты, а Трия с ребенком отправилась к знахарке для проверки. Герда побежала на кухню, как только последний человек переступил порог дома. Она прощупывала, рылась и в конце концов нашла. Что-то большое и холодное, завернутое в белоснежную сорочку. Теперь пропитанную кровью. Герда положила это на пол и с опаской развернула первый слой, второй и задохнулась от страха и отвращения. В горле встал ком, в животе заболело, и она рванула к окну. Ее вырвало. Потом еще несколько раз рвало, стоило лишь вспомнить увиденное.

Герда спрятала найденную голову руку и голень обратно в сорочку, потом в мешок и вынесла во двор. Помыла полы, переставила вещи как было и вытерла слезы. Ее медленно

накрывала истерика, но нельзя. Это был единственный шанс. Умывшись холодной водой, она выбежала из дома, взяла мешок и побежала к Сэму, но дома его не было.

Так даже лучше.

Сэм сидел у старосты. Герда постучала в дверь и всхлипнула невольно, стирая слезы и пот. Открыла жена старосты, которая тут же скривилась. Наверняка девочка ей сильно надоело, поэтому будет счастьем, если её вообще выслушают.

— Ты же говорила, что больше не появишься.

— У меня... — она всхлипнула и расплакалась. Сжала руки на горле мешка сильнее и сглотнула колющий ком в горле. — У меня дома монстр живет.

Женщина непонимающе смотрела на Герда, потом отошла на шаг и недовольно поджала губы. Несколько мгновений думала, потом вздохнула тяжело и позвала мужа. К плачущим детям у нее была слабость, даже к таким надоедливым.

Супруг пришел быстро, а за ним семенил Сэм. Он сразу всполошился, когда увидел Герду, подбежал к ней и обнял, глядя по голове. Успокаивая.

— Что случилось?

— Она утверждает, что в ее доме живет монстр, — спокойно ответила женщина и ушла обратно в дом. Эти дела ее никогда не касались. У нее хлеб в печи запекался.

Герда же под теплыми руками Сэма успокоилась. Ее плечи все еще тряслись, из горла вырывались всхлипы, но она вытерла слезы, посмотрела на старосту и вытянула руку с мешком. Тот нахмурился, но все же нехотя взял мешок, заглядывая в него. Пока он копошился, Герда взяла себя в руки и тихо сказала.

— Я нашла это сегодня под печью. Она обманывает родителей. Она убила Кайю.

***

Тера возвращалась из леса. Она шла длинной тропой специально, потому что не очень хотела возвращаться обратно к орущему уродцу. Обернувшись, вновь посмотрела на горный хребет с большим ущельем, которое с этого места казалось узкой щелкой.

В лесу тихо. Звери уже растаскали тело лесничего, не оставив от него ни косточки, только бурые пятна, поросшие травой. Они по-прежнему ее не трогали, даже не подходили близко, хотя смотрели. Особенно волки. Всегда были где-то рядом, вытаскивали свои морды из кустов, но не подходили, скалились, порывивали, но останавливались, стоило ей взглянуть на них. Так же вели себя змеи и мелкие зверушки. Подобное отношение ей нравилось, ведь ее опасались, а если опасались, то не трогали.

Она шла медленно. Иногда доставала из корзины ягоды и ела их, хотя вкус все равно был приглушенный. Радовало то, что недавно Тера поела.

Как же прекрасно его мясо. Только со временем портилось. Стоит положить его в более холодное место.

Тера жалела лишь о том, что в этом месте не было душа и хорошего туалета. По душу она скучала сильнее, потому что мыться в бане или большой бочке ей не нравилось. Зачастую приходилось это делать на заднем дворе или в специальной комнате в другом доме. К остальному уже привыкла, хотя порой и думала, что тут развитие замерло на уровне рыцарей и крестовых походов, потому что люди прославляли Христа и отвергали своих Древних, хотя их наследники ходили по земле и колдовали.

В Яме было как всегда тихо. Обычно в это время все женщины готовились к встрече своих мужчин из шахт. Тера шла медленно, но все равно дошла до дома Трии слишком быстро и через окно увидела уродца, лежащую в корзине.

Стоило ее сразу удавить. Или ночью, а потом сказать, что она сама подлезла или задохнулась. Такое с детьми бывает.

Тера поставила корзину на подоконник и вздрогнула, когда за спиной раздался лязг железа. Развернулась быстро и обомлела, когда увидела людей. Много людей, почти вся Яма и все они стояли с ножами, вилами и топорами. Все смотрели на нее с ненавистью и оттесняли к дому.

— Монстр. Как тебя только земля носит!

— Пошла против Христа!

— Сжечь ее!

— Убить!

Они кричали так громко, что в ушах болело и сердце билось где-то в горле. Они загоняли Теру в угол, пугали холодным оружием и кричали, кричали, кричали. Так кричали, что ей стало страшно. Ведь люди неживотные. Ее не боялись, а ненавидели и готовы были к убийству.

В этот момент Тера поняла, что они знали. О курах и мужчине, о том, что она не была человеком, что не спала и насыщалась лишь человеческим мясом. Знали и ненавидели ее за это. Тера уговаривала, пыталась говорить медленно смотреть на всех пронзительно. «*Это не я*» — уверяла она. «*Вы обознались*» — говорила, но никто не слушал. На каждое ее слово они кричали громче и припоминали все то, что она Тера не делала. Смотрела, уверяла, но некоторые лишь замирали на какое-то время, а потом вновь багровели и тыкали в нее вилами. Кому-то даже удалось ее задеть, из-за чего рука пульсировала, а из длинной царапины медленно, нехотя потекла густая, темная кровь.

Тера искала поддержку, уверяла, что она не виновата. Но испугалась, окончательно потеряла веру в лучший исход, когда увидела среди людей гневно смотрящую на нее Герду с коротким ножиком в руке и плачущую Трию где-то позади. Предатели. На девчонку она злилась сильнее. Так сильно, что злость на мгновение перекрыла страх.

— Зря ты, маленькая Гертруда, пошла против, — сказала она на грани слышимости и тут же вскрикнула от боли. Кто-то с силой вонзил топор в стену дома, рядом с больной рукой. Она сказала это тихо, но Герда услышала и посмотрела на нее со страхом.

Люди бушевали. Кричали, оттесняли ее и пытались убить. Тера боком уходила к краю, как загнанный зверь отбивалась от них, кричала, а потом вырвалась, ценой рукавов и еще нескольких глубоких царапин. В панике, Тера всхлипнула и побежала в лес, уворачиваясь от летящего в нее оружия, ускоряясь, когда крики приближались. Они бежали за ней, оттесняли и хотели убить.

Тера бежала из Ямы, от разгневанных людей в страхе и слабости.

Она вскинулась, когда рядом остановился кто-то тяжелый и в грохочущих доспехах. На подошедшего не смотрела – боялась, потому что уже видела поблескивающие в солнечном свете железные накладки на сапогах. Мужчина никуда не уходил, все также стоял напротив, поэтому девочка прокляла про себя этот день и свое желание выйти из храма, подняла медленно взгляд. Рыцарь красного креста, о чем говорили начищенные до блеска доспехи, острый клинок на бедре и алый, католический крест с вензелями на груди. Рыцарь придиричиво осматривал выложенные на сундуке минералы и пучки трав, которые она собрала вместе с сестрами вчера на закате.

Смотрел пристально, и девочка радовалась, что он не рассматривал ее саму. Поэтому она незаметно натянула капюшон серого балахона на лицо, отчего лаза и переносица оказались в тени. Если он заметит, то у нее будут большие проблемы, которые могут закончиться смертью. Поэтому девочка сидела тихо и даже дышала через раз, не смотрела на него, вообще делала вид, что она не живая и притворялась камнем.

Сестры с братьями наверняка отругают, когда узнают. *Если* узнают об этом. Может, некоторым будет смешно, ведь такое невезение не всем доставалось. Она выругалась про себя. О рыцарях красного креста давно никто не слышал, поговаривали, что они набирали новых добровольцев или уничтожали неверных на северной границе земель герцога Карнуэль, не решаясь заходить во владения лоз. Девочка видела их два раза в жизни и первое знакомство было не очень приятным. Тогда спас ее старший брат, который увел ее в храм и объяснил, почему рыцарей они избегали.

Несколько раз во время обучения она порывалась к Автору, но ее всегда останавливали братья или сестры, которые после нескольких попыток бегства брали в лес за едой или травами. Девочку обучали намного жестче и всегда следили, что ей не нравилось. Однако желание идти к Автору постепенно исчезало, как и вера в то, что он чем-то поможет. Ходили слухи, что он уже стар и не выполнял свои обязанности – это плохо сказывалось на мире.

Братья с сестрами не раз говорили о том, что будущее при Авторе виделось туманным и не самым приятным. Как-то раз ночью, одна из сестер говорила другой о том, что она видела процветание церкви и полное отречение от магии. Девочка сама этого не видела, но понимала, что если церковь доберется до короля, то магия станет запретной и тогда им всем будет плохо.

– Что за травы ты продаешь, девка?

И голос у него грубый, каркающий. Появилось желание осадить, что не девка она, но смолчала, потому что рыцаря боялась и своего имени уже, если честно, не помнила.

– Шалфей, мята, варук и стебли каркан, – как можно спокойнее ответила она, но голову не подняла и в глаза не посмотрела. К сожалению, глаза выдавали, их не следовало видеть постороннему человеку. Не рыцарю, который сейчас скептически смотрел на ее маленькое тело и травы с минералами.

– Дай два пучка. Вот деньги, отдай их своей непутевой мамаше, – сказал он и кинул в нее железные монеты. Девочка прикусила щеку изнутри, силясь не сорваться, медленно наклонилась и собрала монеты с земли. Пока рыцарь громко ржал, уходя с улицы, она смотрела на свои грязные руки и удивлялась. Как интересна человеческая душа, которая все

придумала по разрозненным фактам. Неужели он действительно решил, что она дочь пьяницы, которая зарабатывала на чужую бутылку?

Нет. Дети таких родителей долго не жили. Их обычно под присмотром церкви забирали в приюты или продавали в рабство, смотря кто успеет первым. Церковь подобного не одобряла, но ничего не предпринимала, ведь Бог давал человеку лишь те испытания, которые он в силах вынести. Она посмотрела на минералы, которые остались на крышке сундука. Близился закат и ей следовало уйти сейчас, иначе братья с сестрами хватятся и до храма ей сложнее будет дойти.

Она убрала минералы в сундук, аккуратно раскладывая их на ткани. Закрыв замок, девочка отряхнула штанины шорт по колено, поправила балахон, скрывающий тело. Она привлекала внимание. Все смотрели на нее, кто-то со скукой, ведь люди знали о расположении рядом храма, другие с опаской. Ведь встреча с сестрой или братом их храма всегда к беде или большому, но туманному счастью. Если поначалу люди их выискивали, находили слабые места и почти молились, готовились отдать все за их внимание, то сейчас их сторонились.

Солнце опускалось медленно, что ей на руку. Потому что дорога видна хорошо и бары с трактирами еще не открылись, не было галдящих мужиков на улочках. Девочка купила в лавке последний, немного засохший хлеб, выбежала с улиц и замерла на границе каменных дорожек с рыхлой землей.

В лесу пахло по-другому и дышалось легче.

Когда она отошла как можно дальше от города, замерла на перепутье тропинок и скинула с головы капюшон. Темные кудри сразу же упали на лицо, щекоча кожу, лезли в глаза и касались шеи. Они отрасли, а пятая сестра ушла в путешествие, из-за чего волосы ее никто не обрезал.

Становилось все темнее, отчего появлялся странная и необъяснимая тревога перед лесом, его глубокими тенями, в которых прятались животные. А может не только они.

Она ускорила шаг, обходя все выпирающие корни и валуны. За спиной что-то хрустнуло. Потом еще раз и еще. Девочка в страхе обернулась, но ничего кроме теней и пушистых кустов с расцветающими ягодами не увидела. Однако воображение уже рисовало лязг доспехов и рыцаря, который с мечом наперевес шел на нее. От одной только мысли об этом внутри все леденело, а в голове билась лишь одна мысль — бежать. Девочка и побежала, надеясь, что до храма осталось совсем немного, потому что братья и сестры обязательно ее защитят.

Легкие горели и ноги заплетались, горло болело от частого, поверхностного дыхания. Она слышала, как ломались ветки и шелестела листва, слышала чужое дыхание и понимала, что не успеет. Неожиданно ноги подкосились, запутались в выпирающих из-под земли корнях, а подбородок с языком обожгло болью. От боли во всем теле, металлического привкуса во рту и звона в ушах, девочка какое-то время не понимала, что происходило и не видела ничего вокруг себя. Она замерла в ожидании, напряженная и испуганная неожиданной погоней, собственным страхом и тем, что сулила ей боль.

Сквозь белую пелену и шум в ушах пробились первые образы и тяжелое, прерывистое дыхание. Свое собственное. Девочка расслабилась и невольно улыбнулась, когда ничего не произошло. Медленно, неловко встала, сплевывая на землю сгусток слюны и крови, подобрала сундук с земли и тихо зашипела от пронзившей все тело острой боли. Скорее всего что-то внутри все же сломалось.

Оно накатило также внезапно, как и всегда. Оно оглушило, взорвалось под веками яркими всполохами и породило в душе смуту. Чувство грусти из-за того, что ничего от нее не зависело, ведь это первое правило их храма: не вмешиваться. Девочка дышала прерывисто и быстро, смотря на землю перед собой и пытаясь понять увиденное. Было ли это видение хорошим или плохим, она не знала. Но то, что оно несло скорые перемены знала наверняка.

– Это может плохо закончиться для нас всех. Нужно сказать сестрам.

Девочка вновь сплюнула кровь из прокусанного языка со слюной на землю и стремительно пошла к храму. Темнело.

Обратно в пустые комнаты с матрасами его вернули быстро. Вновь застегнули ошейник и приковали к холодной, влажной стене, от которого по телу бежали мурашки. К нему относились плохо, посматривали недобро и не подползали, не общались. Игнорировали. Подобное поведение Илзе не удивляло, ведь рабы всегда были за себя и с охотой подставляли других, чтобы выкроить место под солнцем. Его теперь недолюбливали еще сильнее, потому что никогда Господин не выделял кого-то так явно, не селил в гостевые комнаты со всеми удобствами на несколько дней.

Илзе не считал Господина щедрым, ведь помнил, как больно тот бил, как мало давал еды и приходил каждую ночь, вода ладонью в перчатке по свежим рубцам. Их даже залечили плохо, отчего теперь он клейменный навечно раб. Ошейник ему может и снимут, но рубцы на спине и ягодицах, как доказательство неповиновения и акта наказания, останутся навсегда. Господин умен и прекрасно осознавал, что, познав вкус свободной и комфортной жизни возвращаться на тонкий матрас в помещение, в котором пахло экскрементами, маслами и чужими телами, будет невыносимо.

Господин очень умный и прекрасно понимал, какие последствия будет иметь подобная вольность. Он не приходил несколько дней, но через слуг исправно интересовался самочувствием Илзе, отчего тот краснел и тихо, едва слышно отвечал, благодарил за оказанное внимание.

Теперь его почти ненавидели.

Последний раз Господин выделял так лишь одну невзрачную, но очень милостивую девчушку, которую брал с собой на приемы, дарил украшения и иногда звал в свои покои. Девка, имени которой Илзе не помнил, понесла от него быстро и радовалась. Мать будущих наследников звучало намного престижнее рабыни, пригодной для плотских утех. Она гордо скидывала подбородок, надевала украшения и красовалась перед другими рабами, вызывая в них зависть. Цель была достигнута быстро. И если половина рабов смотрели на нее со смесью гнева и ревности, то другая половина лишь наблюдала со стороны, осознавая, почему Господин брал ее на все светские балы. Илзе рассказал об этом парень, занимавший когда-то его матрас, голова которого до сих пор висела на копье за дворцом. Церковь и орден красного креста не принимали однополые отношения, как и рабовладельчество. Однако ко второму относились терпимо, особенно когда рабыней выступала женщина. На что-то более эти смазливые существа не способны, поэтому их брали на балы и в качестве спутниц.

Девчонка была глупа и умерла бы рано или поздно. Только Господин, который совершенно не обрадовался новости о неожиданном пополнении, оказался быстрее. Столько крови не видел дворец со времен свержения предыдущего короля. Так говорили все, кто видел воочию произошедшие много лет назад события. Илзе их не видел, но прекрасно понимал, что, если бы не Господин, который сделал из фаворитки мясо на охоту для привлечение диких животных, ее бы вытравили рабы.

Такого пренебрежения к себе и открытого хвастовства никто не терпел. Особенно рабы.

Илзе тоже подобного не любил, поэтому тоже зубоскалил, вставал на сторону остальных, ополчаясь против кого-то. Сейчас же все смотрели косо на него и это нервировало. А еще злило, потому что он не виноват в том, что оказался в таком положении. Господин мудр. Он стравливал рабов между собой и смотрел на это со стороны, развлекаясь.

Не общаясь ни с кем, Илзе сидел на матрасе в своем углу и косо смотрел на остальных. Даже спал он чутко, всегда прислушивался к инородным шумам, к чужим словам и тону. Потому что рабы — самые настоящие сплетницы, которые не стеснялись и не боялись друг друга. У каждого из них были свои секреты, каждый хранил секреты остальных и почти все умны, чтобы никому не рассказывать их. Болтливых отправляли в портовые бордели или сразу убивали.

Сейчас он тоже не спал, лишь расслабленно лежал лицом к остальным, чтобы его не ударили со спины. Не убили ночью, прямо во сне. Не такой смерти ему хотелось, да и не о такой жизни он мечтал. Однако за мечту следовало бороться, у Илзе же не было ни сил, ни возможностей. Не спал, лишь прислушивался к чужим тихим разговорам.

— Господин не приходил к нам уже несколько дней, — недовольно зашептала девчушка. Тоже симпатичная, но молчаливая и сидящая где-то в уголке. Илзе ее не знал, первое время даже ждал, когда ее выгонят, но этого не происходило. К его большому сожалению.

— Тихо ты! — шикнул на нее парень, которого Илзе знал. Они попали во дворец Господина почти одновременно, но общались редко, да и виделись тоже, потому что мальчишку постоянно отдавали гостям или дальним родственникам, которые приезжали во дворец по делам государственным или личным.

Илзе не двинулся, но выдохнул прерывисто, отчего те замолчали. Наверняка смотрели на него, прислушивались к чужому дыханию и шагам за закрытыми дверями. Он не двигался, выравнивал свое дыхание и не напрягал тело. Ночью все спали, и он тоже спал, держал глаза закрытыми, прислушиваясь к разговаривающим.

— Дурной! Нужно быть осторожным, — вновь зашипел парень. Его цепь заскользила по полу. Значит передвинулся и голоса их стали глуше. — У Господина много дел, ему не до нас.

Кто-то вздохнул недовольно, длинно и слишком тяжело.

— Но предстоящий бал подготавливают слуги, а не Господин, — недовольно шепнула девушка и Илзе едва сдержал смешок. Наивная девчонка, которая влюбилась в Господина. Это было даже забавно, потому что такие истории всегда заканчивались плохо.

Информация о предстоящем бале его заинтересовалась, поэтому Илзе напряг слух.

— Бал готовят помощники и слуги, но Господин все контролирует. Будет много важных гостей. Поговаривают, что приедет Папа.

Его голос тихий, едва слышный и это немного раздражало. Однако Илзе услышал все, что требовалось. Теперь понятно долгое отсутствие Господина и то, что их выводили в сад редко. Потому что Папа против рабов и однополых отношений, которыми грешили многие аристократы для удовлетворения потребностей без последствий в виде бастарда. Не понятным оставалось то, почему же Катарина больше к нему не приходила, не подкармливала и не оставляла через слуг записки? Слишком навязчива она была первое время и сейчас почти игнорировало, что вызывало небольшое беспокойство. Но на свой второй вопрос он также быстро получил ответ.

— Жаль, что госпожа Катарина уехала. С ней во дворце было легче. Господин больше времени нам уделял, оставляя наведение порядка ей, — вновь недовольно отозвалась девчонка и незамедлительно зашипела сквозь зубы.

— Вот и радуйся, неразумная, что нас не трогают! — недовольно зашипел парень, его цепь с тихим лязгом проехала по полу. Послышалось недовольное сопение и тишина. Впервые Илзе согласен, потому что пока Господин не трогал, они были относительно

свободны.

***

К сожалению, свободу и относительное спокойствие длилось недолго. Господин пришел за двое суток до бала, когда даже охранники только о нем и говорили. Рабов не предупреждали, на них не обращали внимание, лишь забавлялись, когда давали ржавые тарелки со странной на вид и вкус похлебкой. Илзе считал, что даже лошадей в конюшне кормили лучше, но покорно ел, лишь иногда кривился, потому что другого могли не дать. Есть же хотелось, особенно когда за пределами камеры похолодало и много энергии уходило на то, чтобы согреться.

Господин, как всегда, пришел неожиданно, отчего все вздрогнули, резко замолчали и со смесью страха, непонимания и восхищения посмотрели на него. Пока он чеканил шаг до своего трона, все расселись по своим местам, смиренно опуская голову и пряча руки за спиной, некоторые успели пригладить волосы. Илзе же смотрел на чистые ботинки Господина и внутренне готовился к неожиданностям. Потому что просто так к ним не приходили, особенно накануне бала.

– Распоясались. Выглядите ужасно.

От его слов многие вздрогнули, напряглись, кто-то расстроился. Критика от Господина всегда была неприятной, особенно для людей впечатлительных. Илзе же не обратил на его слова внимания, потому что понимал: за ними последует что-то более важное. Он предполагал, что на бал Господин захотел взять кого-то из них. Скорее всего девушку, потому что Папа презирал однополые отношения даже для простых удовлетворений потребностей организма, а Господин наверняка хотел бы выглядеть в его глазах хорошим. Чтобы их дальнейшее сотрудничество было плодотворным. Хотя, парней он тоже мог взять, однако скорее, как личного слугу, который будет смотреть преданно, улыбаться гостям, подливать вино и всегда находиться рядом. Такое тоже применялось.

Все рабы в этой комнате имели разные роли. Кого-то использовали лишь как слуг, кого-то особенно красивого отдавали гостям, а некоторых Господин использовал сам. Поначалу это злило, причиняло боль. Илзе много плакал, спорил, прятался и блевал, стоило лишь почувствовать руки на своем теле. Но его хорошо выдрессировали, и он относился к этому более спокойно. Однако до сих пор ненавидел, когда его отдавали незнакомым людям, особенно мужчинам.

– До вас уже, наверное, дошел слух о предстоящем бале. И в этот день вы должны быть идеальными мальчиками и девочками, не попадаться людям на глаза. Я понятно выражаюсь? – пробасил он, отчего многие вздрогнули. Даже Илзе не удержался и шумно сглотнул, ощущая страх. Нечто подобное он и предполагал, но то, каким тоном Господин сказал это говорило о многом. Господин, довольный реакцией рабов, продолжил. – Но кое кого я все же возьму как своего слугу и симпатичную мордашку.

Это он уже сказал задумчиво. Манипулятор. Теперь тряслись все, кто-то от страха, кто-то от нетерпения услышать свое имя. Подобные балы устраивались не часто, но для рабов они всегда имели значение. Особенно для девушек. Обычно на балах рабов продавали, дарили или покупали и после этого жизнь некоторых становилась лучше. Илзе сам знал девчужку, которую Господин продал несколько лет назад какому-то влюбленному, глуповатому аристократу и сейчас та являлась не только хозяйкой небольшого поместья, но и воспитывала наследников рода. Такое происходило очень редко, но кому-то везло, а кто-то попадал на рынки, где людей продавали за гроши не только в качестве слуг, любовников или

любовниц. Некоторых отправляли на опыты или потрошили на ингредиенты.

Поэтому всеобщей радости Илзе не разделял и надеялся, что его оставят в покое. Он еле слышно выдохнул, когда Господин подозвал молодую девушку, которая улыбнулась широко. Она смотрела на него с восхищением, подставлялась под редкие прикосновения и уверяла, что будет хорошо себя вести и не посрамит честь его. Маленькая дурочка. Все еще надеялась на что-то. Конечно, она отличалась от остальных тем, что держалась здесь также долго, как и он, всегда беспрекословно выполняла приказы Господина, вела себя подобающе, ложилась под нужных людей и, по слухам, убивала неугодных. Илзе последнее точно не знал, но ее все же опасался, потому что такие фанатично настроенные женщины самые страшные существа.

– Илзе, милый, подойди.

По спине пробежал холодок от этого обманчиво нежного обращения и тона. Он сглотнул и на негнущихся ногах подполз к трону, неудобно распрямившись. Цепь натянулась так, что холодный металл впивался в кожу шеи и давил на кадык. Еще страшнее стало, когда Господин лениво опустил руку на его голову, перебирая волосы. В голове пронеслось множество мыслей, одна хуже другой. Терять свое место и положение в этой странной иерархии ему не хотелось.

– Тебя что-то беспокоит? — неожиданно спросил Господин и, сжав его волосы, потянул назад, заставляя запрокинуть голову. От боли заслезились глаза и сердце упало куда-то в пятки, но Илзе все же не поднял взгляда, потому что не разрешалось.

– Нет, Господин. Извините, я немного замерз, — ответил Илзе и похвалил сам себя за то, что в голосе не проскользнула дрожь. Его страх перед человеком, который сейчас говорил ласково, но сжимал его волосы так сильно, что болела голова и было такое чувство, словно ему хотели вырвать волосы с корнями. Подобное отношение напрягало, потому что дальнейшие действия предугадать сложно.

– Как нехорошо, я не хочу, чтобы вы болели. Ведь ты составишь мне компанию на балу?

Вновь этот мягкий тон, от которого холодный пот появлялся. Господин не спрашивал, а ставил перед фактом и устрашал. Илзе боялся. Поэтому какое-то время справлялся с дрожью, сглатывал колючий ком и надеялся, что голос его и на этот раз не подведет.

– Это буде честью для меня, Господин.

***

Илзе ненавидел приемы. Обычно они ничем хорошим не заканчивались, особенно для него. Поэтому Илзе сидел рядом с тронном Господина в дорогой одежде и украшениях, которые подчеркивали его статус, но выглядели прилично. На него посматривали, кто-то улыбался плотоядно, но не подходил. Потому что на помост к Господину без приглашения никогда не заходили, а тот редко кого пускал, подчеркивая свое более высокое положение.

Вытерев потные ладони о тонкую ткань широких штанов, которые немного странно смотрелись с приталенной, шелковой рубашкой по середину бедра. Такая одежда в его понимании выглядела нелепо, как и все многослойные цепочки на шее, заменяющие ошейник. Рабыня выглядела намного лучше в длинном платье с корсетом и высокой прической. Она не сидела на полу, как он, стояла позади трона и по одному лишь движению кисти подливала вино, клала небольшую груздь винограда на его ладонь. Илзе чувствовал себя лишним, потому что единственное, что он делал, так это соглашался с ленивыми и тихими высказываниями Господина, подставлял голову для поглаживания и красиво сидел рядом. Похоже симпатичной мордашкой был именно он.

Радовало лишь то, что помост длинный и все люди ходили в двух метрах от них.

Пестрые, от них рябило в глазах. Они ходили по большому залу, переговаривались между собой и танцевали под звуки инструментов. Музыка — единственное, что ему нравилось в подобных местах. Илзе цеплялся взглядом за знакомые лица, концентрировался на ощущениях, когда прикосновения Господина причиняли боль или наоборот, едва замечались. Подобный контраст напрягал, но он выглядел расслабленным. Внешне.

— Господин, — тихо сказала девушка и посмотрела недовольно на Илзе. Ревновала. Она окатила его ледяным взглядом и улыбнулась, вновь обращая внимание на Господина. — Папа просит личной беседы с вами.

От ее слов напрягся даже Господин. Илзе неловко вскинулся и выпрямился, готовый в любой момент встать и направиться в зал, становясь одной из колонн. Однако Господин быстро взял себя в руки и убрал руку из его волос.

— Конечно, почту за честь, — ответил он и незаметно поправил одежду, когда девушка ушла. Илзе покосился на кресло, стоящее неподалеку и полупрозрачную тканевую шторку, которую опускали, отделяя их и остальной зал. — Сиди спокойно.

Это уже относилось к нему, поэтому Илзе неловко замер. Это казалось неожиданным, потому что логичнее было бы его отпустить. Но кто он такой, чтобы перечить Господину? Поэтому Илзе неловко поправил одежду, скривился невольно, когда одна из тонких цепей перетянула горло. Напрягся, когда на помост взошел пожилой мужчина в длинном белоснежном балахоне. Нетвердой походкой он подошел к ним, посмотрел почти прозрачными глазами на него, Илзе, и сел в предложенное кресло. Илзе впервые видел Папу, особенно так близко. Он и правда выглядел старо, словно находился одной ногой в сырой могиле, но в то же время от него исходила такая сила, что становилось неловко. Илзе рассматривал его не долго и вскоре опустил голову, ощущая себя странно. Зачем его оставили?

— Илзе, принеси фрукты, — коротко приказал Господин и сдержанно улыбнулся. — Счастлив видеть вас, Папа, в добром здравии. Выглядите как всегда превосходно.

— Всегда ты был сладок на слова, мальчик. Но здравие мое хорошее, с чем вам придется считаться. Хороший прием ты устроил. Сейчас как никогда нужно что-то, что объединит людей, — голос Папы очень хриплый и низкий, немного пугающий. Илзе выставил перед собой поднос с фруктами и другими сладостями. На него не обращали внимание и это даже хорошо, потому что происходящее его напрягало.

Напрягся и Господин, который недлительно взял очищенный апельсин и отломил от него большую дольку.

— Ваши слова как-то связаны с произошедшим в Яме? — напряженно поинтересовался Господин и по хмурому взгляду Папы понял, что попал в точку. До него доходили слухи, но он не воспринимал их всерьез, даже не прислушивался. Потому что Яма находилась далеко, да и своих проблем хватало.

— Тяжело осознавать, что с возрастом мы не молодеем и внимание наше рассеивается. Не уследил за маленькой Ямой. Проглядел зло, которое родилось там. Сейчас монстр живет в лесу и никого к себе не подпускает, скалиться, кого-то гонит, а кого-то убивает. Бедные люди, которым приходится бороться с ней одним, — сокрушенно покачал головой Папа. Было видно, что его это правда волновало, что казалось Илзе немного странным.

Про появление странного существа он слышал как-то раз. Поговаривали тогда, что оно убило несколько человек, голыми руками разорвало волков и поселилось в лесу, терроризируя людей. Некоторые утверждали, что монстр владел магией и отпугивал всех

путников. Илзе не знал, правда это или нет, но все же опасался неизвестное существо. Хотя, он в этом дворце будет до конца своей жизни, поэтому волноваться смысла не было.

Господин смотрел тяжело. Он щелкнул пальцами и показал себе за спину. Илзе понял его сразу и незамедлительно подошел к столику, на котором стояла бутылка вина. Папа с Господином тихо разговаривали, обсуждая ситуацию в мире, предстоящее пришествие и нового монстра, который нарушал баланс в мире. Папа обмолвился, что уже послал рыцарей красного креста на его поимку, но Илзе сделал вид, что этого не слышал, вставляя перед собой поднос с двумя бокалами вина.

Посмотрев на бокал, Господин взял его и покрутил в руке. Кивнул на тихие слова Папы, посмотрел на алую жидкость, от которой пахло ягодами и алкоголем.

— Илзе, пей! — грубо сказал Господин и протянул свой бокал опешившему Илзе. Тот растерянно посмотрел на Господина, потом на Папу, который даже бровь не повел, продолжая свою мысль. О том, что они потеряли все, что появилось слишком много богохульников и люди уже не с таким страхом смотрели на проявления магии. Илзе судорожно выдохнул, взял поднос в одну руку, второй с тихой благодарностью беря вино в руки.

Терпкое и немного кислое. Не такое хорошее, как обычно пил Господин. Илзе хотел было об этом сказать, но неожиданно тело обдало жаром, потом холодом, а желудок скрутило. Тело не слушалось, язык стал слишком большим и неповоротливым, дыхание потяжелело и перед глазами все поплыло. Илзе даже не почувствовал боль в коленях, когда упал на каменный пол, словно подкошенный. Бокалы разбились, а вино потекло по полу, задевая его руки и рубашку. Тело не двигалось и ему даже показалось, что он умер, потому что на какое-то время сознание отключилось.

Однако Илзе все еще, как сквозь несколько одеял, слышал спокойный голос Господина. Почувствовал шевеление и легкий укол боли в боку. Казалось, его ударили носком ботинка, но он не знал этого точно. Его касались, Господин с Папой также спокойно говорили и единственная фраза, которую Илзе различил четко был приказ:

— Избавьтесь от него.

Сознание вновь отключилось, потому что потом Илзе очнулся на чем-то мягком, противном и дурно пахнущем. Это что-то путалось в волосах и между пальцев, лезло в глаза, которые он не мог открыть, остался тошнотворным привкусом во рту.

Понимание пришло позже. Его выбросили, посчитав умершим. Выбросили, как ненужную вещь в выгребную яму. Это больно резануло по гордости. Он всегда был лучшим, не перечил и смотрел на Господина с обожанием. Почему же его тогда так просто выбросили? Лучше бы голову отрубили и повесили на кол, чтобы его видели и никогда не забывали, как не забывали остальных. Однако от этой мысли Илзе быстро отказался. Если бы так сделали, то сейчас он не думал бы. Да и видел он, что происходило с головами на кольях. Они распухали, становились уродливыми и их постоянно ели мухи. Такой участи для своего прекрасного тела ему не хотелось.

Отвратительно. Лучше бы ему сразу было сдохнуть. Илзе скривился, но остальное тело не слушалось и мысли текли медленно, лениво. Даже сердце билось через раз. Какая жалость и ирония в том, что Илзе умирал именно в день праздника Серат, когда мир оживал и просыпался. Он еще несколько раз терял сознание и просыпался, пока не упал в забытье окончательно.

– Ты слышал, что произошло неподалеку от гор?

Вереск сначала не услышал, не обратил внимание на слова друга, находясь на распутье. Куст слишком привлекателен, с пышными остроконечными листьями, наполненными жизнью. Слишком привлекателен, потому что его Вереск видел лишь в стареньком учебнике по гербологии. Радость, что такое ценное растение росло неподалеку от приюта, была велика. Однако как бы сильно не было желание сорвать, в засушенном виде они превращались в наркотик, а не целебное снадобье. Хорошо бы его пересадить, но под рукой нет горшка и нужной земли, да и варварство это.

Потянувшись к пушистым листьям, Вереск сразу же отдернул руку, в страхе смотря на то, как стремительно желтели и чернели листья, как иссушался ствол. В конце концов драгоценный куст превратился в жалкое подобие палки, что его возмутило, разозлило и очень расстроило. Вереск резко повернул голову и сквозь листву нависших ветвей недовольно посмотрел на Алькора. Но тот остался бесстрастным.

– Алькор! — обвинительно сказал Вереск, вновь смотря на то, что когда-то было прекрасным ингредиентом. Да и растение само по себе красивое, почти алое и мягкое.

– Не стоит игнорировать меня, дорогой.

Виноватым Алькор все еще не выглядел, из-за чего Вереск недовольно выдохнул и повернулся к кусту. Выставил перед собой руки, словно обнимая его, и сконцентрировался на магии, которая перемещалась вместе с воздухом, прорастала глубокими корнями в землю. И если Алькор направил ее во вред, то Вереск направил на благо, улыбаясь широко, когда медленно и, словно нехотя, растение ожило.

Вечный круговорот жизни и смерти, который когда-то проповедовали Древние. Он вздохнул тяжело от этих мыслей. К сожалению, по их заповедям больше не учили, потому что боялись церкви. К сожалению, Алькор никогда не отличался терпением, особенно когда дело касалось того, что ему интересно. Вереск вспомнил вопрос лишь через какое-то время, когда магия вокруг похолодела и потянулась обратно к кусту и другим растениям.

– Об этом многие слышали, Алькор, потому что только об этом все и говорят. К сожалению, мы стали частью этой истории, но иметь дело с монстром, о котором так отзываются, у меня нет никакого желания. Надеюсь, все образуется, и рыцари впервые пригодятся для нужного дела, а не беспричинного убийства невинных.

– Ты как всегда категоричен, – пожурил его Алькор и усмехнулся так, что Вереску стало не по себе. В таком состоянии другу приходили всегда самые ужасные мысли и идеи, в которые он втягивал и его. Заметив тень напряжения и подозрения на лице Вереска, Алькор усмехнулся. — Не волнуйся. Мне лишь интересно было бы посмотреть на этого монстра. Но у нас слишком мало времени и много дел.

Вереск от его слов закатил глаза и медленно встал. Выпрямился, кривясь от ноющей боли в пояснице после долгого неудобного сидения. Посмотрел на куст, с сожалением отходя. Медленно подошел к Алькору, ощущая на плече чужую руку, пальцы впились в кожу, наверняка оставляя после себя следы полумесяцы или синяки. Друг любил оставлять после себя следы, всегда помечал свои вещи и даже его, но делал это незаметно и ненавязчиво, что Вереск спохватывался поздно.

Поправив ремень сумки, в которой лежали корешки и растения, он прислушался. Мир

оживал, и он это чувствовал. Почти слышал, как просыпались растения, теплел воздух и расправлялась крона на деревьях. Но сейчас лес замер, ощущая присутствие Алькора, которое скорее всего пугало. Вереску не требовались экзамены чтобы понять, что друг обязательно окажется магом мертвой материи.

— Не стоит этим увлекаться, — через некоторое время все же сказал Вереск. Он посмотрел на Алькора и улыбнулся слабо, видя, как посветлели его глаза и воздух вокруг окончательно потеплел. — Папа возвращается в свой особняк, и он может проехать через эти земли. Не стоит искушать судьбу, особенно когда твои способности такие.

— Боишься, что меня сожгут? — шутливо поинтересовался он и усмехнулся. Вереск скривился от этих слов и больно пихнул его локтем в грудную клетку. Алькор же даже не скривился, лишь придвинулся ближе, вдыхая аромат пота, трав и стиральной ткани. Идеальный запах. Чистый.

Вереск же настроение Алькора не разделял и по-прежнему злился на его слова. Потерять его не хотелось, а церковь была слишком категорична. Он слышал истории, которые рассказывали другие люди в академии, о том, что рыцари от имени церкви выжигали целые деревни. Убивали магов и уничтожали их мир, делая под себя. Точно не знал, потому что не видел, как рыцари кого-то сжигали, да и родился, когда мир уже был такой и другого не видел. Но его тоже напрягала ситуация с тесным существованием магии, людей, способных ее приручить, и церкви с Папой во главе, которые подобное полностью отрицали.

Их здесь тоже недолюбливали. Наказывали, когда проявлялись силы или Вереск с Алькором вели себя как-то не так. Но не убивали и это радовало. Не делали это только потому, что смирились, боялись Алькора, да и находился их приют дальше всех. Папа их не контролировал, а рыцари бывали в этих местах редко.

Поэтому им ничего не угрожало, пока Алькор контролировал себя и не злился.

Вереск пискнул от страха, когда друг сжал его плечо и заставил посмотреть в глаза.

— Не переживай, дорогой. Обещаю, никакие монстры и Папы меня не убьют. Это будет трудно сделать.

***

Вереск скривился от ноющей боли в пальцах. Это немного отрезвило, отчего он непонимающе посмотрел на руки. Скривился, видя вокруг короткий ногтей бусинки крови и длинные пульсирующие ранки. Он сгрыз почти всю кожу вокруг ногтей от нервов и совсем не заметил этого. Что очень удивляло, ведь обычно такое поведение ему не присуще, да и боль теперь пульсировала, навязчиво преследовала его.

Вздохнув, он облизнул пальцы, ощущая отвратительный привкус крови и грязи на языке. Но кровь вновь выступала, ранки наливались алым и еле заметной пульсацией. Ужасно. Вереск скривился от осознания, что эти ощущения будут преследовать его очень долго, потому что любая травяная настойка вызовет еще больше боли, а магии в приюте мало. Ее отпугивали кресты, да святая вода. Да и в этих местах не жили Древние.

Чужое присутствие Вереск почувствовал прежде, чем кто-то вошел в спальню. Он поднял голову, смотря на друга, которой выдохнул сквозь зубы, прижимаясь плечом к косяку двери. Осмотрелся по сторонам, кривясь недовольно от присутствия посторонних. Этих детей Алькор ненавидел, их присутствие и страх раздражали, особенно ночью. Только дыхание и тихое посапывание Вереска он переносил сносно и то, иногда будил, чтобы тот не шумел. Жаль, что им не выделили отдельную комнату, как делали это в других приютах.

Настоятель недолюбливал магию, всегда косо смотрел на Вереска и наказывал его сам, но не отселял, держал их, потенциально опасных, рядом с другими.

Это разочаровывало. Порой Алькор думал о том, что следовало их немного припугнуть, показать свои силы. Однако он этого не делал, потому что Вереск расстроится. Друг и сейчас уже расстроился, даже немного злился, смотря на него.

Алькор сделал последний рывок и подошел к кровати, ощущая тяжесть в теле и жгущую боль в спине. Его выпороли железной линейкой, вновь говоря о том, что ему следовало стать нормальным. Не использовать магию. Или делать это как Вереск. Но его прекрасный друг создавал, нежный цветочек, который никогда никому не причинял вреда, а он разрушал. Другая чаша весов. Другой человек, у которого была цель, шаг к которой лежал в сундучке.

Вереск посмотрел на Алькора, на его напряженное тело и отодвинулся, освобождая место. Удивленно вскинул бровь, смотря как друг неловко сел и уперся лбом ему в плечо.

– От тебя пахнет кровью, – тихо сказал он и потерся лбом о плечо Вереска, будто маленький щенок. Подобное проявление привязанности на людях было смущающим и дискомфортным. Алькор вдыхал, ощущал чужое тепло и медленно успокаивался. Чувствовал, как напряжение отпускало, а по коже скользили тонкие ручейки крови из ран.

Его не трогали, но сидели рядом и это радовало. Потому что он спалил любого сейчас, кто прикоснулся к нему. Даже Вереска. Скорее не спалил, а лишь немного обжог, но тогда друг обидится.

– От тебя воняет подвалом.

Алькор неловко вздрогнул, когда чужие пальцы коснулись спины и надавили на ранки. Это очень больно и неприятно. Вереск отдернул руку и нахмурился, когда услышал чужое фырканье.

Его бесило подобное поведение друга. С самого первого дня, с их первого знакомства. Их отношения тогда были совершенно другими и Алькора он избегал, как и все остальные. Лишь потом, через время и ссоры, они подружились.

Вереск вновь слизал кровь и медленно обернулся, смотря на дремлющего Алькора. В тайне он радовался, что интерес друга не зашел дальше короткого разговора о происходящем у гор. От него ожидалось совершенно другое поведение. Вереск не удивился, если б он отправился туда, к неожиданному и неизвестному монстру. А потом к дракону. У Вереска не очень хорошее предчувствие по этому поводу, но он ждал и ничего не говорил.

Слишком хорошо он знал своего друга. Если ему что-то запретить, то он, наоборот, пойдет и разрушит все, не оставив даже выжженные земли. Поэтому Вереск даже радовался, что приближался учебный год и Алькор концентрировал внимание на подготовке к испытанию.

Вздыхнув, Вереск посмотрел на свои руки. Про академию он вспоминал все чаще, особенно сейчас, когда в мире неспокойно, когда рождались на глазах новые расы. Это немного пугало, особенно если учитывать описание этого монстра. Женщины, с длинными клыками и когтями, нечеловеческой силой. Которая ела неугодных и костями не давилась.

Неспокойно. Как же сейчас в мире неспокойно. Приближалось время нового призыва и, к сожалению, они оба попадали под него. Они оба будут в здравом уме и твердой памяти, когда по преданиям в мир придут новые знания, новые силы и автор, после которых все может измениться. Повторения истории с церковью и рыцарями ему не хотелось. Пусть Вереск и не помнил, как было до, но в книгах описывался мир при Древних и то, как

произошел первый раскол. Они очень много потеряли. Теперь даже он был вне закона. Гонимый и ненавистный. Попадись Вереск кому-то злому и его могут спокойно отвести на костер. Ни за что.

Поэтому Вереск понимал ненависть Алькора к окружающему миру и порядку. Понимал, почему тот возвращался напряженный после каждого наказания и даже понимал причину наказаний. Дело было не только в его силах, но и характере. С другом сложно, выматывающе. Ты либо с ним, либо с остальными. Третьего не дано.

Поначалу это пугало. Сейчас же Вереск привык, да и чужая морозная энергия ощущалась родной. Они сдерживали друг друга и дополняли. Как те самые весы, которые стояли в холле академии. По ней Вереск скучал. Он надеялся, что Алькора поселят в его комнату, ведь Кайя умер, а его сестра точно не обладала никакими способностями. При мысли о девчонке ему на мгновение стало не по себе. Все же она чувствовала что-то неладное пыталась узнать, спасти свою семью, а Вереск злился и отказывал. Может, если бы у него было другое поведение, все произошло иначе? Наверное нет, это уже его выдумки.

Но подобные мысли появлялись все чаще, съедали изнутри сомнением и виной. Вереск старался не думать об этом часто. Отвлекался. Он не виноват. Они не виноваты, потому что Кайю не знали и, что скрывать, даже не сильно горевали из-за его преждевременной кончины.

Герда смотрела на еще один отряд рыцарей, которые несли в руках окровавленные мечи и щиты, а не голову убитого монстра. Вновь вспыхнула надежда, что ее просто уничтожили и оставили там на съедение волкам, но угрюмое выражение лиц и тихое ворчание говорило об обратном. Потому что еще никто не убил Теру. Ранили. Запугивали и поджигали дом на рассвете, но не убили. Возвращалось всегда на одного меньше, из-за чего Герда думала, что они пугались за свою жизнь и бежали.

Сама она в лес больше не ходила и мачехе не позволяла. Туда вообще никто не ходил, потому что лес теперь запретная территория. Иногда мужики охотились в метре от границ, иногда им везло поймать какую-то дичь. Но их всегда гнал обратно сильный страх, хруст ветвей или шелест листвы.

Теру теперь боялись все. Ненавидело столько же, но никто не решался идти и отомстить. У сына старосты была недавно истерика, ведь он делил с ней одну постель. Герда не знала точно, но почему-то была уверена, что Тера порадовалась бы тому, что он рыдал долго и оправдывался в чужих глазах.

Их семью теперь ненавидели, дом обходили стороной и шептались за спиной. Почему проглядели? Но они даже не вспоминали о том, что сами недоглядели. Тоже пригрели змею на груди, потому что никто кроме нее ничего не видел. И это сильно удручало, потому что несправедливость Герда не любила больше, чем ощущение своей беспомощности.

Отец пропадал на работе или выпивал, спал или бормотал извинения в пьяном бреду. Чувствовал себя виноватым, прятал глаза и постоянно извинялся, хоть он и не был виноват. Еще хуже ему становилось от мысли, что по вине Теры, которая долгое время морочила им головы, умер его единственный сын. Герда знала и то, что они расстраивались еще и потому, что Тера предала их доверие. Она сама испытывала эти чувства, когда становилось слишком больно и обидно, тяжело дышалось от того, что отказывался человек, который дарил спокойствие, уют. Ощущение обманутости и полной беспомощности.

Мачеха переносила удары судьбы чуть спокойнее. Она тоже плакала, прижимала к груди спавший платок, который все еще пах монстром, содержал между волокон ее кровь. Плакала и тихо-тихо спрашивала, за что сними так поступили? В ее речи все чаще появлялось упоминание Бога, от ребенка, который остался с ними, она шарахалась. Давала еду и сразу же отходила, прикасалась и вновь мыла руки. Герда беспокоилась из-за состояния мачехи, но и сама чувствовала себя не лучше.

Айасель спала в корзине. Привлекательно спала, вся раскрытая и беспомощная. Как маленький ежонок, повернутый к хищнику незащищенным животом. Иногда Герда порывалась ее убить, даже замахивалась ножом, но сердце каждый раз предательски останавливалось, стоило Айасель открыть глаза. Глаза монстра. Сейчас Герда не старалась убивать, лишь присматривала и ухаживала, когда мачеха вставала в угол дома и молилась.

Сейчас она тоже плакала и вспоминала Бога. Это становилось плохо, потому что Трия верующей никогда не была верующей и больше предпочитала магию, считая церковь странным порождением, отравляющим их мир. Но сейчас она молилась и раз за разом просила прощения, а потом вытирала слезы, готовила еду. Они даже нормально ужинали. Потом разбредались по дому.

Герда вздохнула тяжело и вышла из дома. На улице потеплело, и дракон уже расправил

крылья, летал рядом с горами, но далеко от своего места не отлетал. Пускал в небо огонь с дымом, ревел громко, пугая всех. Это многих пугало, но местные жители уже привыкли и понимали, что далеко он не улетит. Вдохнув аромат свежей травы, тепла и свежести, впервые за долгое время запах без гниения, она подошла чуть ближе к отряду рыцарей, с которыми сейчас общался староста.

Слова одного из мужчин, скорее всего главного, потому что стоял он перед остальными, ее расстроили и удивили.

– Нам с ней не справиться. К этому зверю только наемников отправлять, – отозвался он недовольно и повел плечом. С глубокой раной, он дышал поверхностно и потел сильно. Похоже его и остальных сильно ранили. Настолько, что они сбежали, не завершив дело. И это хваленая церковь, которая отрицала насилие и считала убийство грехом.

– Эту женщину только сжигать!

– Добрая, беззащитная на первый взгляд. Ведьма настоящая. Греховница. Исчадь ада, – недовольно буркнул другой мужчина, затянутый тканевыми лоскутами, сквозь которые просачивалась бурая кровь. — Приходишь, смотришь в ее глаза, на страх в них и не понимаешь, зачем нас позвали. А потом она злиться, показывает зубы и нападает, хуже любого шакала.

Герда с ним согласна. Тера действительно хуже любого шакала. Притворялась невинной и беззащитной, а потом нападала со всей жадности, убивала, вырывала позвоночник и ела. С наслаждением.

Она ее презирала.

– Вам бы лучше позвать тех, кто больше разбирается в монстрах.

Староста расстроено вздохнул. Гильдии слишком дорогие, а наемники еще дороже. Их можно было бы привлечь интересом, но про монстра из леса, Теру, уже все знали. Слухи распространялись слишком быстро, к ним даже торговцы не приехали, а кто приехал, пошел в лес ради интереса и вернулся раненым. Напуганным. Герда считала, что они сами виноваты, ведь только дураки шли в логово к зверю.

Ее немного расстроило то, что рыцари не выполняли свои прямые обязанности и просто уходили. Бежали. Это разочаровывало, потому что рыцарей красного креста хвалили, а сейчас они показывали себя жалкими. Хотя, казалось бы, Герда им никогда не верила, относилась скептически, потому что они проповедовали веру в Бога, который насилие не принимал в любом виде. Но они шли против постулатов, от имени Бога убивали людей, имеющих потенциал к магии. Был бы жив Кайя, его бы тоже убили. Отправили на костер.

Слухи распространялись быстро, но какой от этого толк, если ее маленького братика уже не вернуть. Герда очень плохо это представляла. Понимала, что скорее всего Тера так и будет жить неподалеку, пока ей самой просто не надоест. Алчная, хитрая и совершенно злая женщина, которая одним движением могла заставить их думать и делать то, что хотелось ей. По правде говоря, Герда ее боялась и хотела сбежать.

Еще хуже ей становилось от мысли, что любимый, с которым они планировали пожениться и нарожать детей, создать крепкую и счастливую семью, сейчас избегал ее. Она умом понимала причину подобного поведения, но сердце каждый раз болело, стоило заметить удаляющуюся макушку.

В Яме их теперь недолюбливали. Скорее даже ненавидели.

Герда думала, что это было временное явление, потому что слухи распространялись быстро и уже все знали о том, что у Теры присутствовали способности. Некоторые даже

сами рассказывали о том, как она спокойно говорила с ними, а потом туман, непонимание и злость братьев. Так говорили, но не многие им верили. Однако Герда все же надеялась, что их промах спишут на это. Точнее, надеялась, что они узнают правду и настоящее положение дел.

Рыцари отправились в гостевой дом, откуда они завтра на рассвете уедут. И скорее всего никогда не вернуться. Герда бы, и сама не вернулась, потому что подобное место навевало тоску, а присутствие Теры — неприятные воспоминания.

***

Порой, ночью, когда тяжело засыпалось, она тихо вставала, подходила к окну и смотрела на черную кромку леса. Она не знала точно, что хотела увидеть, но каждый раз неловко вздрагивала, стоило лунному свету скользнуть по листьям чуть резче. Иногда высматривала, всматривалась в чернильную тьму и ждала, почти до самого рассвета ждала выхода монстра. Ведь питаться той нужно было. Ждала, но в Яме никто не пропадал, собаки не лаяли, Тера не выходила из леса. Лишь раз Герда видела что-то странное, почти сразу после трусливого побега, видела, как в лес метнулось что-то светлое и едва заметное. Мама когда-то так описывала призраков. Но Герда не верила и сейчас глазам своим не доверяла. Успокаивала себя, что если в первые дни это непонятное чудо ничего не сделало, то и потом нечего бояться.

За все это время Теру никто почти не ранил. Несколько раз слышала она о том, что Теру описывали как-то странно. Герда не помнила в ее рту множество острых клыков и, если честно, пасть это назвать сложно. Рассказывали рыцари больше об агрессивных нападениях, а Тера агрессивной не была. Явно не как одичавший волк. Но о своих предположениях она умалчивала, потому что никто не слушал, да и пока ничего страшного не происходило. Можно было бы и лучше план придумать.

Мысль с неожиданным поджогом дома ей понравилась. Даже очень. Эта мысль была одной из лучших, пока очевидцы не рассказали о том, как в ночной сорочке Тера бегала у горячей стены и что-то в нее кидала. Пожар прошел не быстро, но значительного урона не принесло. Это лишь раззадорило Теру, которая поставила растяжки неподалеку от дома и ловушки.

Кто-то попадался в капканы, кто-то вис на тонкой леске, а некоторые падали в неглубокие овраги, запинаясь о невидимую нить. Время от времени Герде очень хотелось самой на это посмотреть, но она боялась. Понимала, что вновь может попасть во власть чар.

Наверное, Герда все ж была наивная, если подумала, что вскоре все образуется. Спустя где-то месяц Трия уже накрывала голову платком и говорила только про церковь, цитировала некоторые фрагменты библии, которую хотелось сжечь. Она молилась перед едой, соблюдала строгий пост, чем очень злила отца и говорила только про Маму или Папу, которая должна их всех спасти от бед. Первым не выдержал отец, который все-таки сжег библию. Потом отец стал почти жить в шахтах.

Люди относились к ним теперь сносно, некоторые даже общались как прежде, но косые взгляды не прекратились. Порой Герда тоже плакала. Приходила на их с Сэмом место или на могилу матери и плакала от бессилия, злости и несправедливости. Но никто этого не видел. Герда ненавидела каждый косой взгляд, жалость и ненависть, направленную на них. Особенно жалость, потому что это им не требовалось. Герда хотела справедливости и отмщения. Увидеть собственными глазами смерть той, что разрушила их жизнь. Ее жизнь.

Сэм с ней не общался. По-прежнему избегал и это причиняло боль. Герда несколько раз

приходила к ним домой, но ее прогоняли, обзывали и велели больше никогда не показываться на глаза. Ненависть женщины, потерявшей любимого мужа, она понимала, но неприязнь Сэма – нет. Не понимала и причину его молчания. Хотя бы подошел и поговорил, а не бегал от нее как от прокаженной.

Ситуацию не улучшала и Айасель, которая уже не была солнцем. Которую все избегали и ненавидели. Маленький ребенок, который не должен был родиться. Сейчас она лежала на свободной кровати в окружении одеял и ждала своего приговора. Ее давно пора бы отдать в приют или утопить, но Герда не могла, отец к ней не подходил, а Трия устраивала истерику и молилась, называя ее исчадьем ада. На самом деле Айасель именно этим и была.

Сегодня Герда вновь пришла на их место, чтобы побыть в тишине и вновь почувствовать спокойствие и уверенность. Солнце припекало, вокруг пахло нагретой корой, полевыми цветами и ягодами, но все это казалось чем-то чужим. Иностраным. Герда не находила в себе силы даже на простую радость и ощущение уверенности в том, что будет завтра. Потому что она не уверена ни в чем.

Шаги за спиной она слышала прежде, чем заметила тень на траве. Сэм пришел. Герде хотелось вскочить на ноги, обернуться и обнять его, поцеловать, но вместо этого она осталась на месте, сцепив зубы. Не спугнуть – это главное. Сэм понял сразу кто сидел под деревом и хотел было уйти. Но уже поздно. Его уход слишком некультурный и не правильный, поэтому он стоял и не двигался. Почти не дышал.

– Ты теперь меня оставишь? – тихо и как-то неуверенно спросила она. Послышался тяжелый вздох, но Сэм не подошел, лишь немного качнулась его тень. Наверное, это был самый главный вопрос из тысячи многих других. Оставит ли он ее? Смогут ли они построить отношения вновь или все потеряно? Она надеялась на лучший исход, потому что Сэма любила и ощущала физическую потребность в поддержке.

Он не отвечал долго и это нервировало. Герда давила в себе желание вскочить, сглатывала ком в горле и невольно супилась от режущей боли в глаза от подступающих слез. На самом деле его молчание намного красноречивее любых слов. И чем больше проходило времени, тем меньше оставалось в ней веры. Слеза все же сорвалась с ресниц, прокатилась по щеке и осела небольшим пятнышком на рубашке, оставляя после себя еле заметный след и холодок. Холод зародился в желудке и распространилось по всему телу, стоило Сэму ответить.

– Прости.

Простое слово. Одно лишь слово, которое перечеркнуло все. Разрушило ее мир, который осел осколками на земле. Герда судорожно выдохнула, какое-то время бесцельно смотря на горизонт. Единственное постоянное, что было в этом мире.

Еще раз судорожно выдохнув, Герда слишком резко встала, отчего кости внутри глухо хрустнули, колени подогнулись, но она устояла. Посмотрела на его лицо и прикусила щеку изнутри от нестерпимого желания разрыдаться, кинуться ему на шею. Потому что он стоял далеко, потому что он смотрел на нее с нескрываемой жалостью и по глазам видно, какие чувства сейчас внутри него боролись. И среди них было отвращение. Сэм, который не так давно любил ее сейчас презирал за то, что Герда не совершала. За то, в чем она не повинна.

Это причиняло почти физическую боль.

– Почему? — совсем тихо спросила она, ощущая сухость во рту. Как слова почти вылетели из горла с судорожным, рваным дыханием. Когда он не ответил, Герда вновь спросила, сипло, надрывно. — Почему?

— Я не могу встречаться с человеком, виновным в смерти отца, — громко ответил он, почти выкрикнул и напрягся всем телом, сжимая руки в кулаки. Его трясло от сдерживаемых эмоций. — Я не буду с убийцей и предателем!

Его слова сродни пощечине. Нож в сердце от самого дорого человека. Герда понимала, что по ее щекам уже бежали слезы, ее тоже трясло, но от внутренней боли и несправедливости. Еще хуже стало, когда Сэм вскинул голову и посмотрел на нее с нескрываемой ненавистью. Он разочаровался в ней, возненавидел. Развернулся спиной и убежал без слов, но они были уже не нужны. Герда все поняла без них, поняла, что больше Сэм не ее. Ненавидел ее за то, что совершила Тера.

Теру в этот момент Герда ненавидела так, что перед глазами потемнело, в ушах зазвенело тонким комариным писком, а потом она обнаружила себя в доме. С занесенным над ребенком кухонным ножом. Неожиданно Айасель открыла свои голубые глаза, посмотрела на нее и улыбнулась беззубо. Сердце дрогнуло, как и нож в ее руке. Всхлипы нарастали, грудная клетка уже болела от спазмов и тяжести, которая шла словно изнутри. Ноги подкосились, и Герда упала на колени, даже не ощущая боли от соприкосновения ног с деревянным полом. Нож с лязгом выпал из ослабевшей руки, отражая плачущую раскрасневшуюся Герду, которая раскрывала рот в беззвучном крике, которая лелеяла и возвращала внутри себя ненависть к Тере, которая разрушила все.

Вращивала с особой теплотой. Подкармливала так, что ее уже трясло от злости.

Нет. Убивать ребенка она точно не будет. Нет, ни за что. Никогда. Это будет прекрасный урок, нож ей в спину. Вытерев слезы кулаками, Герда медленно встала, выдохнула прерывисто, смотря на раскрасневшуюся Айасель, которая почти ревела. Взяв ее на руки, Герда посмотрела в голубые глаза, на большие щеки и беззубую, немного неуверенную улыбку.

Не солнце больше. Адрастея. Ее маленькая месть, ее новое оружие.

***

Они похоронили Кайю. Вырыли могилу рядом с маминой и положили в нее его самые любимые вещи. Отец не плакал, как и Герда. Она равнодушно смотрела на надгробие и даже радовалась, потому что теперь ее брат оставался в памяти не как случайно умерший тихоня. У него была могила рядом с матерью. Ее маленький братик достоин большего.

На похороны пришли не многие и почти сразу же ушли, стоило засыпать могилу землей. Приглашенный священник отпел душу Кайи, неохотно и даже немного скучающе, потому что магов никто не отпевал и церковь их всегда избегала. Но священник согласился и сейчас разговаривал с Трией. Мачеха произвела на него хорошее впечатление, особенно когда она заговорила про женские монастыри и взаимодействие Папы и Мамы. Герда же к ним не прислушивалась, время от времени посматривала на корзину, в которой спала Адрастея. Ее малышка.

Улыбнувшись скупой, Герда кивнула прохожему, который выразил свое сочувствие. Это чувство ей чуждо и ощущать его в свою сторону не хотелось, как и разговаривать с другими. Она даже не посмотрела на Сэма, который с матерью тоже пришел к ним. С предателями Герда не общалась, потому что боль свежа и на глаза наворачивались слезы, стоило подумать о происходящем.

Вечером они поминали брата. Пир был большой и на улице. Стол ломился от еды и выпивки, все подходили, выпивали за успокоение Кайи, ели и приносили свои соболезнования, вспоминали какие-то смешные ситуации. Герда это не поддерживала.

Точнее сидела некоторое время за столом, выслушивала слова остальных, а потом тихо ушла, потому что воспоминания давили.

Ирия тоже вскоре ушла, помолилась и легла спать, пока Герда кормила Адрастею. Она смотрела в голубые глаза и предвкушала их маленькое приключение, в результате которого они убьют Акокандеру. Этого монстра, уничтожившего ее мир. Мачеха с отцом не знали о ее планах и это даже хорошо. Потому что они не примут ее выбор и попытаются отговорить.

Завтра уезжал священник и Герда собиралась отправиться вместе с ним. Если с Терой не справлялись рыцари красного креста, то она найдет других, более сильных людей. Если же и они не справятся, то создаст оружие сама и Адрастея станет венцом ее творения. Ее мести. Она заставит Теру пожалеть о том, что та затеяла эту игру и убила Кайю.

Морозным утром, на рассвете, Герда закутала Адрастею в одеяло и положила в корзину. Сама оделась тепло, собрала в небольшой мешок нужные вещи и посмотрела на приехавшую повозку. Чего Герда не ожидала, так это встретить родителей на кухне так рано. Как оказалось Трия кормила отца, который собирался на работу. Они оба посмотрели на нее и ребенка. Отвернулись.

– Куда ты?

– Искать того, кто поможет деревне в борьбе с монстром, – просто и без прикрас ответила Герда. Она посмотрела на недовольно поджавшего губы отца, на мачеху, которая судорожно выдохнула. Они не смотрели на нее, жизнь текла своим чередом и лишь еле заметный запах гнильцы, который появлялся стоило растопить печь, напоминал о пережитом.

– Возвращайся. Даже если на поиски тебе понадобится не один год. Просто возвращайся, когда найдешь нужного человека.

На рассвете, накрыв Адрастею, Герда упиралась спиной в солому и смотрела на медленно уменьшающуюся Яму. Ее дом, которого уже не существовало.

Она проснулась, словно от толчка. Сразу же открыла глаза, со страхом осматриваясь по сторонам. Сразу же посмотрела на стены, на которых не находила копоты или других признаков разрушения. Посмотрела на заколоченное окно, потому что несколько дней назад его выбили, отчего на полу до сих пор находила мелкие осколки, застревающие между половиц или в подошве обуви. Босиком Тера больше не ходила. Доски не выбиты и, казалось, все двери и полы целы.

Прислушавшись к звукам в доме, она напряженно полулежала на старой кровати. Кроме пения птиц за окном, шелеста листвы и других звуков природы, она ничего не услышала. Но все равно не расслабилась. Встала медленно, достала из-под кровати старые ботинки какого-то охотника, который убегал из леса последний раз. Обулась, завязывая шнурки так крепко, что даже ноги запульсировали, аккуратно встала, поправляя юбку застиранного платья. Вслушиваясь в жизнь охотничьего дома, Тера медленно вышла из спальни и, всматриваясь в каждый угол или комнату, остановилась у потухшего камина. Уже черные остатки дров тихо, едва слышно потрескивали, а от окон по полу скользил еще холодный, утренний воздух.

Обойдя весь дом, Тера немного расслабилась, потому что никого не обнаружила. И новых разрушений тоже не было, а когда не обнаружила разрушений и чужих за пределами дома — расслабилась окончательно. Холодные тиски отпустили сердце, но тревога все равно оставалась, особенно когда Тера пошла в туалет и набрала воду из бочки. Только когда она закрыла дверь дома, закрываясь от мира, почувствовала себя более уверенно. Однако даже тут она больше не чувствовала себя в безопасности.

Слишком часто ее в последнее время пытались убить.

Тера их не винила, на самом деле понимала, но все равно злилась каждый раз и потом подавляла в себе дрожь страха и накатывающую панику. Потому что жить ей очень хотелось. Так хотелось, что она каждый раз подавляла приступ паники, сжимала руки в кулаки, а потом терла кровоточащие ранки от ногтей. На самом деле по этой причине она теперь большую часть времени сидела у окон и внимательно следила за происходящим.

Рыцари, охотники и другие смельчаки не приходили днем. То ли боялись, то ли заняты были, но в основном появлялись они на рассвете или ближе к закату, когда она теряла бдительность. Но после нескольких раз, когда она просыпалась от шума или запаха гари, когда к ней в дом врывались незнакомцы, угрожая мечами или вилами, больше подобную ошибку не повторяла. Спала теперь Тера чутко и всегда у стены, дальше от окон и неподалеку от дверей. Теперь знала все ходы и лазейки, везде у нее прятались массивные деревянные палки, от которых оставались заусеницы, или тяжелая посуда. Несколько раз это спасало ее, а те, кто попадал под удар или убегали, или его потом выносила из дома сама Тера. Первых двух она и правда хоронила, выкапывая глубокие ямы, делая деревянные кресты. Потом она это перестала делать, потому что спина уже болела, потому что никто этого не замечал и не благодарил, лишь обвинял и вновь пытался убить.

Они даже не представляли, как потом Тера сидела у камина неподвижно по несколько часов. Как мучалась ночами от кошмаров, в которых ей снились мертвецы. Из-за постоянных стрессов и усталости она едва не умерла. Бок до сих пор ныл, а от вида крови тошнило так, что Тера какое-то время сидела на свежем воздухе. Потому что только так ее не тошнило. Скорее всего после этого у нее останется отвратительный, кривой шрам. Молилась Тера

лишь о том, чтобы рана не загноилась.

Потерев виски, Тера прикусила щеку изнутри. Она еще раз обошла вокруг дома, вылила грязную воду и скривилась от утренней прохлады. Сегодня к ней не приходили и это ее даже радовало. Однако она понимала, что это лишь временное затишье перед бурей, потому что, когда в прошлый раз они не приходили несколько дней, они подожгли дом. Ночью просто подожгли дом, и Тера проснулась лишь когда почувствовала странный жар и запах гари. Проснулась и почувствовала, как и так медленно бьющееся сердце остановилось.

Они смеялись.

Смеялись так громко и заливисто, что Тере становилось страшнее с каждой секундой. Она тогда босиком выбежала из дома и закричала, когда увидела, как горячий огонь покрывал всю стену и медленно подбирался к крыше. Мыслей не было, чувства обострились настолько сильно, что она кричала и тихо выла какое-то время, не понимая, что происходило. Они смеялись. Все люди, которые прятались в лесу, смеялись над ней, кто-то даже кинул в нее вилы, но Тера увернулась. А потом и вовсе побежала в сторону, выкапывая землю. Ее же Тера кидала в стены, приносила ведра воды и вскоре потушила. Теперь же эта стена черная с отваливающей древесиной, там не рос плющ и трава. Но, к счастью, стена не прогорела до основания и изнутри даже не замечалось. Лишь до сих пор пахло гарью, отчего даже она сама пропахла ею.

В тот день ее не убили, лишь припугнули. Этот день Тера запомнила надолго, потому что потом не спала несколько дней и плакала. Она даже подумывала о том, чтобы поддаться им. Но вскоре Тера отказалась от этой мысли, потому что жить ей хотелось, ведь даже Освальду не удалось убить ее. Второй шанс, который она получила, хотелось сохранить.

Тера злилась, но не на них. Просто злилась, потому что не понимала их ненависть. Их желание убить ее, хотя Тера ничего плохого не сделала. Убила одного человека, правда, но больше ничего страшного она не сделала. Другие убивали чаще. Другие просто без причины шли к ней, стремились убить за существование. Тера на них злилась, но делать ничего не собиралась. Лишь защищаться, нападать точно не будет.

Не будет отвечать злом на зло.

***

К горлу подкатила тошнота, но Тера проглотила горькую слюну и сразу же отвернулась. Вдохнула шумно воздух, чувствуя себя чуть лучше от свежести, небольшой морозности и свежей травы. Но запах крови все равно пробился, ввинтился в ее нос и мозг, как надоедливая игла. От этого стало странно: приятно и дурно одновременно. Свежая, еще теплая, но не такая аппетитная, как человеческая, от нее становилось чуть дурно, от вида вывернутого, маленького тельца почти рвало.

Она порывалась развернуться и уйти, забыть про увиденное, но не делала этого. Потому что очень хотелось есть. Это желание холодной пустотой внутри жило, не развивалось, но надоедало, раздражало своим присутствием. Интересно, сколько Тера уже не ела? С момента своего побега. Почти без двух лун три недели.

Выдохнув судорожно, Тера все же подошла к мертвому зайцу и, аккуратно открыв капкан, достала животное. Протерла подолом кровь с железа, вновь установила капкан в траве, взяла тушку за уши и осмотрелась. Ловушки еще стояли, следов людей не находилось. Значит, люди из деревни успокоились. Интересно, почему? Неужели что-то случилось не по ее вине?

Неожиданно кусты зашуршали. Тера напряглась всем телом, сжимая в руке кроличьи

уши. Она готова была к атаке и защите, смотрела по сторонам пристально, ожидая нападения. Вновь шорох, уже, с другой стороны, отчего Тера отшатнулась. Шаги приближались, хорошо слышались. Сердце пропустило удар и осело тяжелым вздохом на губах, когда из кустов выпрыгнул Мино.

– Напугал, – недовольно проворчала Тера, но руку выставила, глядя собаку между ушей. Холодный, словно плотный воздух, он подставлялся и смотрел на нее счастливо, дышал пастью. Ее маленький, смелый Мино, который появился неожиданно, напугал ее и рыцарей сильно своим видом и рычанием. От собаки осталась лишь полупрозрачная оболочка, словно привидение, которое описывалось в книге. К сожалению, она не видела костей или других органов, лишь полупрозрачную, светлую оболочку.

Привидение.

Ее любимый Мино, который не оставил даже после смерти. Тера не представляла, как он сюда попал, но радовалась и не могла наглядеться, первое время постоянно прикасалась, обнимала и плакала в его бок.

Щенок же смотрел преданно, почти не отходил и ластился, гладился. Рычал и отпугивал всех недоброжелателей. Тера еще помнила, как ее ранили, как рыцари наступили, почти прибили ее мечом к стене дома, как бабочку иглой, но неожиданно с громким лаем появился Мино и, несмотря на свой странный вид, укусил нападающего. Прокусил до кости, почти оторвал руку, рычал на всех и гнал их, кусая всех, кто не поспевал.

Тогда Тера впервые расплакалась. Опираясь на его холодный бок, она прошла в дом, достала иголку с нитками и, плача, ощущая холодный язык на щеках, зашивала глубокую рану. Сейчас она чувствовала себя намного лучше, уже прощупала, поговорила и убедилась, что Мино не уйдет. Теперь они вместе. В новом мире, в неизвестном месте.

– Пошли, дорогой.

Поманив Мино за собой, Тера перехватила уши кролика, пошла к дому. Не своему дому, но туда, где она пока жила. Это немного расстраивало, потому что впервые хотелось спокойствия, собственное место в незнакомом мире. Но Тера пока благодарна и тому, что имела.

Разделявала кролика она неумело и кривилась каждый раз. Выкидывала в открытое окно кожу, органы, где их съедал Мино, шкурку отбросила на стул. Часть мяса она кинула в котелок над огнем, другую часть оставила в миске, которую потом относила в подвал. Сырое мясо она тоже ела, но приготовленное с травами и специями, с картошкой нравилось больше. Особенно сейчас, когда очень хотелось есть, но голод был не таким сильным. После рождения монстра ела Тера меньше и быстро наедалась.

Поджаренное мясо с жиром и кровью, приятно легло в желудок. Даже дышалось легче теперь. Покормив Мино и отнеся мясо в подвал, она села на пороге дома. Теперь день полностью свободен, и Тера не представляла, чем заняться. Ее это немного раздражало, потому что бездействовать она не любила, особенно сейчас, когда выбора не было.

Об этом мире Тера знала не много. Не разбиралась во многом, потому что в голове не укладывалось, как рядом существовала церковь и магия. Даже не магия, а умение ей управлять, со слов Герды. Тера не понимала механику, потому что в книгах все описывалось намного проще, потому что ей никто не объяснял, как магия ощущалась, при условии, что она была почти везде. Это расстраивало. Потому что впервые за всю свою жизнь Тера чувствовала себя совершенно тупой. Потому что ничего не знала.

В Яме про политику, торговлю и другие составляющие мироустройства почти не

говорили. К торговцам она никогда близко не подходила, а если слышала их разговоры, то все равно ничего не понимала. Какие-то дома и земли, напряженная ситуация между правящими семьями, имена которых Тера не знала, Папа, управляющий церковью, и Мама, управляющая женским монастырем. Знала о мире Тера очень мало, поэтому далеко от дома не отходила. Не отходила она от него еще и потому, что боялась людей, которые обнажали оружие. Куда уходил лес Тера не знала, куда вело ущелье тоже, но слышала краем уха, что по ту сторону гор находился кто-то настолько злой, что люди боялись их.

Уехать из Ямы было затруднительно. Слишком примечательная внешность. Ей не пробраться через селение невиденной, а вновь бежать не хотелось. Да и кто ее к себе в телегу возьмет? Скорее всего никто, потому что люди боялись всего инородного. Поэтому Тера к границе леса не подходила, всегда держала оружие наготове и выжидала.

Потому что люди от нее не отставали. Подбадриваемые Гердой, они приходили, нападали, обзывали и ругали ее. Пытались уничтожить, однако у них пока ничего не получалось. Поначалу из-за страха перед ней, потом благодаря Мино, который всегда оставался начеку и нападал на тех, кто приходил с недобрыми намерениями.

Вздыхнув тяжело, Тера со слабой улыбкой посмотрела на бегающего рядом с крыльцом щенка. Она даже не представляла, кем являлась. Что-то подсказывало, что не человеком была, потому что у людей не такая холодная кожа, не билось сердце медленно и кровь текла в жилах. Не ели люди друг друга. Она же ела, потому что не могла по-другому, потому что голод преследовал и холодом оседал в низу живота. Да и выглядела Тера не так, как остальные. Может, в этом мире были такие же люди, нелюди, как она, но этот вопрос оставался без ответа. В Яме говорили, что никто не видел подобных беловолосых людей, но многие не выезжали дальше границ. Необразованные люди, которые боялись внешнего мира, которые боялись ее, но все же приходили, ненавидели и нападали. Станные, противоречивые существа.

У Теры слишком мало информации, как и источников. Она даже не представляла, где ее брать и что делать дальше. Поэтому сидела на месте, пряталась в охотничьем домике ото всех. Боялась и стыдилась своего страха, потому что такой слабой и беззащитной она не чувствовала себя даже рядом с Освальдом.

О бывшем супруге она вспоминала все чаще. О его брате тоже вспоминала часто, особенно сейчас, когда жизнь вновь похожа на ту, ее земную. Вспоминала, когда в голове не было никаких мыслей, когда страх сковывал тело. Думала о них, гладила невольно длинный шрам, ощущая фантомные удары. Интересно, почему все-таки Лео так с ней поступил? Неужели с ней так интересно игралось? Наивная и доверчивая, вот какая она была. Сейчас Тера мужчинам не доверяла, особенно после выходки сына старосты. Недолюбливала она их и сейчас избегала, немного боялась, потому что мужчины сильнее. Особенно здесь. В этом мире мужчины охотники, добытчики, сильный пол, которым ничего не стоило ударить женщину, причинить боль. Как и Освальд, некоторые относились к женщинам пренебрежительно, почти с неприязнью.

Неожиданно Мино тонко заскулил, лег на брюхо и подполз, смотря на нее. Тера улыбнулась.

– Не расстраивайся, дорогой. Мы обязательно со всем справимся, – успокаивающе сказала она и погладила его по крупу. Почесала за ушами, коротко поцеловала в холодный лоб и обняла крепко. Она чувствовала его холодное, чуть влажное дыхание на своей шее. Ее единственный, верный мальчик. Как же Тера его любила.

Мы обязательно справимся, дорогой Мино.

Тера вздохнула тяжело и улыбнулась. Ноги затекли, поясница болела, и скука так въелась под кожу, что она встала, отряхивая платье. Потянулась, зевнула широко.

– Пойдем, немного погуляем.

Махнув рукой, Тера медленно пошла в лес. Тревога все еще присутствовала, но сидеть на одном месте уже казалось невыносимо. Поэтому она ступала медленно, прислушивалась к любым звукам, а рядом вышагивал Мино, который тоже выглядел напряженным. Рядом с ним Тера чувствовала себя в безопасности, потому что пес защитит, даже если сам умрет. Но Тера об этом не волновалась, понимала, что Мино не умрет, потому что уже выглядел мертвым. Приведением.

Тера смотрела по сторонам, иногда останавливалась рассматривая на первый взгляд обычные деревья. Подобный факт ее немного разочаровывал, потому что от мира магии она ожидала чего-то необычного. Но нет, ничего необычного. Обычные ели, липы и другие деревья, кустарники, в которых прятались мелкие животные. Сейчас животные притаились, скорее всего прислушивались к их шагам, никогда не подходили близко. Скорее всего опасались.

Как иронично. Звери бояться меня, я боюсь людей из деревни. Так иронично. Звери, которые бояться меня, не бояться людей, а относятся немного агрессивно.

Скривившись от собственных мыслей, Тера тряхнула головой, отбрасывая волосы за спину, и пошла дальше. Заблудиться она больше не боялась. Первое время далеко не отходила и сразу же впадала в панику, стоило понять, что направление домика она не зала, а чужие голоса проступали отчетливее. Так было какое-то время, но не сейчас. После смерти и неожиданного перехода Мино в этот мир, у него сохранилось обоняние и появилась хорошая память. Благодаря ему Тера всегда возвращалась и избегала опасных ситуаций.

После нескольких часов прогулки ей стало чуть легче. Скука и тревога отпустила, все капканы, ловушки и натяжки, установленные не ею — сломаны, кроме тех, что у самой кромки леса. Монстром Тера не была и прекрасно осознавала, что люди питались мясом, животными, живущими в лесах. Поэтому рядом с границей никогда ничего не убирала, просто сама туда не ходила. К этому времени уже припекало, отчего шерстяную шаль с едва заметными бурыми разводами не отмывшейся крови, она повязала на талии.

Замерла рядом с извилистым деревом, которое сначала уходило стволом вниз, а потом резко поднималось вверх. Слово его когда-то пытались сломить, но не смогли. Дерево красивое, на нем удобно сиделось, скорее всего молодое, потому что кора не отваливалась и не оставляла на подоле следов. Единственное постоянное и знакомое, что она видела в обеих своих жизнях. Тера никогда не любила природу и леса, однако сейчас вдыхала ароматы, иногда снимала обувь и зарывалась пальцами ног в колкую траву, гладила кору и листья деревьев. Впитывала в себя спокойствие этого леса и уже не вздрагивала от громкого рева дракона, от его тени, которая иногда накрывала ее или дом.

Неподалеку за белкой бегал Мино. Иногда он лаял на птиц, которые сидели на ветках или, словно специально, пикировали перед ним. Тера иногда смеялась хрипло над этим, сама искала палки и кидала их, беря потом из пасти счастливого пса. Их небольшой уголок и время спокойствия, радости.

Когда же заалело небо, когда из ущелья подул холодный ветер с легким привкусом полевых цветов Тера спрыгнула с дерева. Пора в дом. Она завязала туго шнурки, накинута шаль на плечи и улыбнулась Мино. Тот залаял громко и потрусил в сторону охотничьего

дома, иногда посматривая на свою хозяйку. Она немного отстала от него, смотря на него, прислушиваясь к шорохам и чужому дыханию через пасть.

Неожиданно Мино залаял громко, пригнулся на передние лапы и зарычал тихо. Тера напряглась и стремительно подошла, тут же кривясь от удушающего, кисловатого запаха. Трупного запаха.

Интересно, сколько он тут лежал?

Тера обошла вокруг трупа борова, которого видела несколько раз в Яме. Кажется, он часто общался со старостой и был знаком с Трией. Точнее общались их жены. Какая ирония. Тот, кто едва не проколол ее вилами, сейчас лежал с перерезанным леской горлом и сломанной веткой рядом. Попал в ее ловушку, скорее всего неудачно, потому что она установлена для ног, а этот угодил в нее головой, задохнулся и упал, потому что ветка не выдержала.

Над его телом уже надругались какие-то звери.

Боров вонял так, что ей становилось дурно. Кровь остыла, рядом с вывалившимися кишками летали насекомые. Такое есть не хотелось. Это тело вызывало не вождеделение и слюноотделение, а отвращение.

– Что будем делать?

Она знала, что Мино ей не ответит и спрашивала больше у себя. Наверное, стоило бы его просто тут оставить, но Тера понимала, что его найдут не скоро. Его не похоронят. Немного несправедливо. Вздохнув тяжело, Тера убрала леску с его шеи, взялась за одежду на его плечах и потянула в сторону. Это не было тяжело, потому что Тера поднимала и носила вещи намного тяжелее, скорее было неудобно от позы и подола платья, в котором путались ноги.

За боровым тянулся бурый след по траве. Кишки и внутренние органы, которые порой вывалились из разорванной брюшной полости, воняли, выглядели так отвратительно, что даже ее замутило. Тера тянула мужчину, посматривала за спину и иногда смотрела на Мино, который шел рядом и прислушивался к происходящему рядом.

Остановились они в нескольких метрах от границы леса. Тера уже видела размытые дома, чувствовала ветер и возвращающуюся тревогу. Ощущая страх хозяйки, Мино глухо зарычал и тоже напрягся, нервно ходя вокруг нее кругами. Оставив мужчину в траве, неподалеку от кустов, она собиралась уже уйти, как услышала отчетливый шорох, чужие шаги и резкий кашель.

Они спрятались за ствол дерева, даже не дышали, пока шаги приближались. Охотники. Совсем рядом. Сердце билось чаще, дыхание тяжело оседало в воздухе, ладони потели, а Мино напряженно сидел рядом, готовый в любой момент броситься в атаку. Охотники приближались, слышны были их разговоры, которые ее заинтересовали, отчего Тера чуть нагнулась и прислушалась к словам.

– Голова болит, – пожаловался хриплый, каркающий голос.

– Пить меньше нужно было, – пожурил его глубокий голос, который почему-то Тере совершенно не понравился. Он резал уши, оставался неприятным послевкусием на языке.

– Как не выпить было?! — возмутился первый и тут же закашлял. — Парня же поминали. Нужно было хотя бы отдать дань уважения его родителям, которым сейчас не просто. Трия ударилась в религию, ее муж теперь постоянно находится в шахтах.

Теперь она понимала, почему несколько дней никто не приходил. Кайю хоронили и поминали. Поэтому к ней не приходили, поэтому от нее немного отстали. Наверное, стоило

бы хоть раз сходить на кладбище и проститься с ним, попросить прощения, потому что мальчик просто оказался не в то время и не в том месте. Но за него мстили и Тера радовалась этому, ведь Кайя достоин того, чтобы его помнили, и злилась, потому что они не давали житья ей.

Мужчины тем временем остановились и продолжили разговор.

– Да, жаль их. Особенно Трию, ей сейчас трудно без помощи Гертруды.

– Хорошо, что эта мелкая уехала, – радостно отозвался второй мужчина, от голоса которого Тере передернула плечами. Но все равно прислушалась, потому что говорили о ее головной боли. — Меньше проблем. Будет хорошо, если она все же вернется с профессиональным убийцей, чтобы уничтожить этого монстра. Если не вернется, то хотя бы надоедливого ребенка забрала.

– Эту девку скоро убьют. Не рыцари, так другие. Слишком много сейчас о ней говорят. А ребенка следовало убить сразу, а не оставлять в живых.

Эта новость Тере немного обрадовала, хотя она была бы больше рада, если б ребенка убили. Благо об этом уже ничего не напоминало, потому что пропали боли в теле. Словно ничего не произошло, не было беременности, изнуряющих родов и ненавистного ребенка. Радовало и то, что Герды в Яме не было. Может быть, люди, наконец, успокоятся.

Она дождалась, пока мужики ушли, и стремительно, вместе с Мино, убежала обратно к дому. Немного радостная, потому что в ближайшие дни ей не будут докучать. Однако, когда Тера вернулась в дом и села на пороге, посмотрела на первые появившиеся звезды, почувствовала, как по щека потекли слезы. Даже не представляла, что делать дальше. Боялась будущего, ведь подобное затишье не продлится долго.

О ней теперь знали. Теперь все считали ее настоящим монстром и наверняка будет наплыв новых людей, магов и других существ, которые будут либо интересоваться ею, либо захотят убить. И это ужасно. Это страшно.

Пятая сестра вернулась, когда она уже отчаялась и сама изредка посматривала на тупые ножницы. Сестра всегда обрезала ей волосы, всегда следила за прическами остальных и подходила к этому с большой ответственностью. Использовала она в основном свой короткий, но острозаточенный нож, а потом сжигала чужие локоны в яме неподалеку от храма и зарывала их. Через какое-то время сестры использовали эту землю для выращивания целебных растений.

Ее возвращению обрадовались все. Все десять сестер и восемь братьев встали в просторном зале, прислушиваясь к шаркающим шагам. Самые маленькие радостно улыбались, понимая, что их сестра уже спускалась по каменной лестнице, братья тоже вытягивали шею. Все ждали ее. Очень долго ждали. Она тоже ждала пятую сестру, но стояла чуть в стороне и еле заметно вытягивала шею, смотря на отблески огней от факелов, на стертые ступени. Когда сестра появилась, когда опустилась на пол и скинула с головы капюшон, некоторые запищали от восторга.

— Сестра! Сестра вернулась! — закричали дети и подбежали к ней. Обняли, зарываясь носом в светлый плащ, пропахший землей, пылью и железом. Пятая сестра единственная, кто пользовалась холодным оружием. Третий брат и восьмая сестра тоже владели оружием, но применяли его редко и не носили с собой.

— Вы чего? — звонко рассмеялась пятая сестра и убрала темные волосы за уши. Она улыбнулась широко, опуская походный мешок на пол, и погладила детей по головам, слушая их сбивчивую речь. — Меня всего несколько месяцев не было.

— Ну все, все, дайте пятой отдохнуть, — ворчливо сказала первая сестра и, пригладив седые волосы, вышла вперед. Посмотрела на недовольных детей, которые лишь сильнее схватились за грязный плащ. Первая недовольно поджала губы и скрестила руку на груди. — Распоясались! А ну быстро отпустили сестру и идите на кухню, третьему брату пригодиться ваша помощь.

Дети недовольно застонали, кто-то из братьев хрипло рассмеялся, а пятая улыбнулась широко. Она погладила детей по головам, подмигнула им и подтолкнула в сторону узкого коридорчика, ведущего на кухню. Еще шире улыбнулась и подняла мешок с пыльного, каменного пола, смотря на удаляющиеся спины. По этому шуму и звонким голосам она даже немного соскучилась.

Пятая с улыбкой осмотрела братьев и сестер, которые встречали ее после долгой разлуки. Семья, которой ей в этом небольшом путешествии так не хватало. Даже по ворчливой первой сестре она соскучилась. Поэтому подошла, обнимая первую, вдыхая аромат трав и каменной пыли.

— Мы рады, что ты вернулась, сестра, — совсем тихо и скупно произнесла первая, хлопая сестру по спине. Отстранилась, быстро посмотрев на нее и пятая поняла, что она знала о благополучном возвращении. Это не удивительно, ведь они всегда все знали, пусть и держали в секрете даже друг от друга, но незнание теперь пугало. Пятая не была уверена, что вернется, несколько раз ее жизнь была в опасности и это пугало. Так сильно пугало, что, оказавшись у пещеры, ведущей в храм, она выдохнула с облегчением.

Пятая вновь улыбнулась широко и осмотрелась. Все уже медленно расходились, братья шли в правый коридор, в то время как сестры скрывались в левом коридоре. Внутри разлился

холод и легкая обида, когда среди всех пятая не увидела знакомой кудрявой макушки. Улыбка сошла с лица, рука невольно сжала веревку мешка, вновь судорожно осматриваясь по сторонам. Подобного пятая не ожидала и чувствовала легкое разочарование, которое растворялось в крови, погребая под себя все приятные эмоции и томительное ожидание.

Невольно вздрогнула, когда на плечо легла широкая ладонь шестого брата с длинным горизонтальным шрамом от виска до виска на темной коже. На этот шрам пятая никогда не смотрела, ощущая жгучий стыд внутри, поэтому даже сейчас невольно опустила взгляд.

– Не волнуйся, она прячется в тени. Ты же знаешь, как она хочет казаться самостоятельной.

Кивнув быстро, пятая вновь осмотрелась по сторонам и усмехнулась, заметив девятую сестру. Тихо поблагодарив брата, который улыбнувшись понимающе, пошел в свое крыло, она стремительно направилась в сторону густой тени, в которой пряталась ее маленькая сестрица.

Замерла в метре от угла, в котором стояла девятая и недовольно сопела. Не смотрела на сестру, кусала щеку изнутри, ощущая себя неуютно. Не смотрела долго, теребила края длинной, подпоясанной рубахи с вышивкой.

– Неужели не скучала? — тихо спросила пятая и поправила мешок за плечами. Она понимала, что скорее всего была не права, потому что младшая, девятая сестра ждала ее больше всех. И выходила постоянно самая первая, а потом пряталась по углам, стыдясь непонятно чего.

Понимала абсурдность чужих слов и девятая, которая вскинулась и посмотрела исподлобья. Разозлилась. Хотя бы не смотрела равнодушно и не отводила взгляд, что очень обрадовало пятую. Она осмотрела сестру и невольно расстроилась, когда поняла, как сильно изменилась девятая за это время, как отрасли ее темные локоны и глаза светло-голубые, как у нее самой, немного впали.

– Не говори глупостей. Ты же знаешь, что это не так, — недовольно проворчала девятая и убрала лезущие в лицо волосы за ухо. Раскраснелась невольно, когда пятая широко улыбнулась и, нарочито громко вздохнув, пошла за ней.

В их маленькой комнате, больше похожей на каменный короб, где стоял деревянный стол и две узкие кровати с тонким матрасом, слышалось тяжелое дыхание. Именно так дышала пятая после похода в горячий источник, с присвистом, длинно и иногда тяжело, словно выталкивала из себя накопившуюся усталость. Вытирала мокрые волосы тканью, втирала масло с приторным ароматом розы в кожу. Щурилась довольно, мяла мышцы и в конце концов надела штаны с рубахой, которую сразу же подпоясала.

Ее клонило в сон. Так сильно, что пятая заваливалась на кровать, щурилась и скидывалась, когда отрубало. Однако она держалась и почти подпрыгнула на постели, когда в комнату вошла девятая. Двери не было, поэтому проходящие мимо сестры видели их, и они видели все, что происходило в других комнатах. Благо двери располагались в шахматном порядке и появлялось призрачное ощущение уединения.

Пятая улыбнулась широко, когда сестра посмотрела на нее быстро и села на свою кровать. Напротив. Сестра забралась на постель с ногами, тряхнула головой резко, отчего тяжелые, немного грязные пряди упали за спину. Посмотрела перед собой и отвернулась. Все еще обижалась. Пятая не понимала причину, однако не спрашивала. Выжидала.

Вновь. Они часто так сидели в тишине. Девятая извивалась, дергала ногой нервно, не молчала. Пятая тоже разговор не начинала и прикрывала порой глаза, ощущая едва заметное

напряжение. Спустила какое-то время пятая уже отчитывала. Десять, девять, пять, четыре...

– Отрежь мне волосы, – грубо отозвалась девятая и посмотрела на сестру исподлобья. Она смотрела на нее и не могла насмотреться, потому что и правда скучала, потому что боролась с удушающим стремлением обнять и не отпускать. Но девятая уже большая и чувствам не поддавалась. Как учили братья.

Девятая всегда считала, что из братьев лучше учителя, чем из других сестер. Сестры обучали ее готовке, стирке и часто брали с собой на сборы трав или ягод, братья же разрешали сидеть в библиотеке часами, иногда брали на охоту и много говорили. Когда, по большим праздникам, они немного выпивали холодного вина, то и вовсе рассказывали занимательные истории из жизни. Их девятая любила больше всего, поэтому сидела до последнего и засыпала на чьих-то коленях, просыпаясь в своей комнате.

Потом ее ругали, но ради этого стоило сидеть и слушать. У многих до попадания в храм была своя жизнь. Некоторые выходили из храма надолго, особенно братья, которые порой уходили во внешний мир на год или больше. Потом они, немного хмельные, рассказывали о своей жизни вне храма, и девятая всегда слушала их заворуженно.

Сама десятая в храм попала маленькой. Тогда она еще помнила своих родителей, но потом их лица стерлись из памяти, их заменили сестры, которые заботились, воспитывали и всегда были рядом. Ее никогда не отпускали далеко, потому что считали молодой. Потому что знали, что она еще недостаточно хорошо скрывала свой дар.

Слишком примечательная внешность и опасные условия проявления дара. Если кто-то узнает, то девятая может не выжить.

– Волосы отросли. Красивые. Может, оставим?

Пятая сестра спрашивала это каждый раз, когда расчесывала волосы девятой, опускала все колтуны к кончикам, пропускала некоторые пряди сквозь пальцы. Говорила почти одни и те же слова, которые девятая знала уже наизусть. Спрашивала и получала один и тот же ответ. Потому что девятая не любила длинные волосы, потому что они не удобные и совсем как у матери. Мать свою она уже не помнила, но и быть похожей на нее не хотела.

Поэтому всегда отвечала одно и то же:

– Нет. Обрежай.

Сестра неизменно вздыхала недовольно, но доставала короткий нож и резала. Тянула больно, пряди обрезались словно рядом со скальпом, отчего девятая сжимала челюсть, но не проронила ни звука. Девятая всегда терпела, потому что понимала, что через боль приходило что-то хорошее. Поэтому после легкой боли во время стрижки, она всегда ощущала легкость и радостно смотрелась в старенькое, небольшое зеркало. Пряди едва касались острой челюсти, а когда они будут чистыми, то и вовсе поднимутся выше.

Она смотрелась, погладила волосы на затылке и невольно улыбалась шире, потому что так давно не чувствовала холодок на шее, свободу и легкость. Через зеркало девятая видела, как старшая сестра грустно смотрела на нее, поднимала отрезанные волосы с каменного пола, кладя их на бумагу. Потом пятая точно скомкает лист и сожжет волосы в яме неподалеку от куста с дикой малиной.

Сев на кровать, девятая посмотрела на сестру и невольно вспомнила свое видение. Темные локоны. Станный длинный меч. Выжженные леса и тревога. Всепоглощающий страх, который она ощущала наравне с болью, пока бежала обратно. Главное правило сестер: не думать о видении. Второе главное правило: никогда не влиять и не думать о способах влияния на будущее.

Девятая следовала этим правилам и почти всегда сразу забывала о своих видениях. Потом, когда что-то происходило, она лишь ощущала ощущение дежавю. Что-то уже случилось, что-то так и ждало своего часа. Девятая всегда следовала правилам, но сейчас просто не могла выбросить видение из головы. Потому что в мире что-то происходило. Мир стоял на грани чего-то большого, но неизвестного. Сколько оставалось? Около пятнадцати лет, может, чуть больше до нового пришествия. Ее первого пришествия. К сожалению, оно пришлось на ее жизнь, на ее время и это пугало.

Наверное, у нее все было на лице написано, потому что пятая сестра нахмурилась. Она тоже села на кровати, уперлась локтями в колени и посмотрела пристально. Не давила, но выжидала и наблюдала за каждым проявлением эмоций сестры.

— Что тебя тревожит? — спустя долгое время поинтересовалась пятая и сощурила голубые, почти прозрачные глаза. Такие же, как у девятой, как у первой сестры, как у братьев. Их плата за дар.

Девятая тряхнула головой, отгоняя непрошенные мысли. Посмотрела украдкой на сестру, вновь пожевала щеку изнутри и тихо-тихо, чтобы проходящие мимо сестры не услышали. Потому что они бы разозлились. Точно разозлились ее словам и мыслям.

— Скоро что-то будет. Неизвестное. Приведет это к разрушению или свободе — не знаю, — прошептала она и вновь пожевала щеку. Посмотрела на пятую, которая нахмурилась. Ее плечи напряглись, а руки с короткими ногтями сжались в плотные кулаки. Хрупкая, но опасная. Пятая всегда была такой, противоречивой и пугающей. Поэтому девятая поежилась, но под тяжелым взглядом все же закончила свою мысль. — Я видела кого-то из сестер. Оружие, которого не существует. Видела нового монстра, женщину с белыми волосами. А еще чувствовала страх и опустошение. Словно ничего не было. Понимаешь?

— Ты же...

— Знаю! — недовольно перебила ее девятая и тут же вжала голову в плечи. На сестер, особенно на пятую, она никогда не кричала, потому что уважала, потому что немного боялась и знала, что о таком не говорили. Даже друг другу по большому секрету. Сейчас девятая нарушала множество правил, но она не могла держать это в себе. — Не держи меня за дурочку, сестра. Я знаю правила и последствия. А еще я знаю, что это нас заденет. Всех заденет и не известно, какая роль отведена сестрам и братьям храма. Какая роль отведена монстру у гор.

Пятая вздохнула тяжело и как-то обреченно. Провела с силой ладонью по лицу, хмурясь от неприятных мыслей. В сказанное девятой сестра верила, потому что сама несколько месяцев назад видела что-то смутное, тревожное и светлое. Однако они никогда не вмешивались в происходящее. Никогда не меняли будущее, потому что время и магия не любили вмешательств. Потому что менять что-то мог лишь автор, но он уже давно выжил из ума и никого к себе не пускал. Пятая проверяла сама. Ее не подпустили даже на метр.

Это все очень плохо кончиться. Точно плохо.

— Что ты хочешь? — устало спросила пятая и затянула волосы в тугую косу, которая без ленты незамедлительно ослабла.

Девятая стыдливо опустила взгляд, посмотрела с опаской на арочный проход и едва слышно ответила:

— Плачущий лес.

Сестра в ответ побледнела, распахнула глаза и немного приоткрыла рот от удивления. Осмотрела девятую сестру, словно впервые увидела, и глухо застонала, пряча лицо в руках.

– Это твоя самая отвратительная и опасная идея. Просто ужасная.

Девятая понимала, что рисковала. Понимала, что, поступив так, навлечет на себя гнев сестер и братьев. Но чувствовала, что так нужно.

Голова болела сильно, отчего тошнило. Тошнило его еще и потому, что во рту ощущалась сухость и неприятный привкус. Под веками вспыхивали огни, голова кружилась, но он был уверен, что лежал неподвижно и мир вокруг тоже оставался неподвижным.

Он находился в полудреме, плавал на волнах чего-то удушающего. Плохо все же было и тело ощущалось странно, словно инородно. Когда он выныривал из дремы прислушивался к тишине вокруг, своему тяжелому, прерывистому дыханию, иногда кривился от отвратительного запаха, пытался, двигался, но слушались лишь пальцы на руках. Дергались резко, потом опускались безжизненно. Это раздражало. Ощущение беспомощности его бесило.

Воспоминания появились неожиданно. С ними появился и страх, плавно переходящий в панику. Его отравили. Точнее не его, а Господина. Отравили и выбросили в навозную яму. Неужели Господин вернулся? От этой мысли ему стало до удушья страшно и радостно одновременно, потому что о нем не забыли. Однако эта мысль быстро испарилась, оставляя после себя сладковатое послевкусие. Следующая мысль полностью уничтожила все светлые чувства, придавила, словно тяжелый камень. Господин никогда не возвращался за своими рабами и о Илзе скорее всего забыл.

Вновь стало страшно. Кто его забрал? Или Папа со своей церковью были правы и Рай все же существовал. Тогда почему в Раю, где не было забот, он ощущал тяжесть тела и тошноту? Непонятно.

Иногда к Илзе кто-то приходил, но он не представлял, кто это был. Слышал чужой голос, словно сквозь несколько слоев одеял, не узнавал его и прикосновения – почему-то холодные. Он не открывал глаза, потому что не получалось, потому что веки наливались свинцом и открывались лишь на немного. Сквозь тонкие щелки пробивался слишком яркий, режущий свет, отчего он кривился и сразу же жмурился, ощущая боль.

Глаза он открыл лишь через некоторое время, когда спина уже болела, а мышцы ломало. Иногда, сквозь сон, Илзе чувствовал чужие, холодные, прикосновения, которые разминали одеревеневшие мышцы, вертели его тело, гладили и вновь разминали. После этого становилось легче, а вокруг пахло чем-то сладким. Масло. Таким маслом, только с запахом цветов, пользовался Господин, когда был в хорошем настроении.

Первое, что увидел Илзе — высокий, светлый потолок. Каменный. С одной стороны простенький, без лепнин и украшений, с обычной люстрой, с другой стороны, точно дорогой, потому что трещин и потертостей не наблюдалось, как и паутины в углах. Чистый. С трудом, но Илзе повернул голову. Мебель тонкая, деревянная и очень аккуратная. Явно сделанная для женщины, потому что только они любили узоры на шкафах или лепнины. Комната большая и светлая, с окном, занавешенном полупрозрачными занавесками. Кровать тоже большая, с балдахином.

Дом принадлежал кому-то богатому, потому что одна такая кровать стоило целого состояния. Поэтому вариантов, у кого он сейчас находился, становилось меньше, но на главный вопрос не отвечало.

Илзе зажмурился крепко, отчего под веками вспыхнули огни. Пальцы слушались хорошо, но руки почти не двигались, как и ноги. Но больше не тошнило, хотя отвратительный привкус не исчез.

Радовало в сложившейся ситуации лишь то, что он все же не умер. Вылез. Убежал от костлявой старухи, но какой ценой? К чему прибежал? Он этого не знал, и неопределенность напрягала. Потому что просто так из выгребной ямы не доставали. Быть кому-то обязанным Илзе не хотелось.

Хозяин дома появился лишь вечером, когда в комнате стало темнее, а он успел проголодаться, захотеть в туалет и немного подремал. Когда дверь открылась и по полу, чеканя шаг, застучали каблуки, Илзе невольно напрягся, но глаза не открыл. Задержал дыхание невольно, когда постель прогнулась и его руки коснулись холодные пальцы. Те самые прикосновения. Он их помнил.

– Дорогой.

От тихого, неуверенного и такого знакомого голоса Илзе почувствовал радость и разочарование одновременно. Радость, потому что его точно не отдадут костлявой, и взамен ничего не потребуют, разочарование же потому, что и от себя Катарина его не отпустит. Ее преданность и влюбленность немного пугали, особенно сейчас, когда Илзе фактически беспомощен.

Поэтому он медленно и как можно правдоподобнее, неуверенно приоткрыл глаза. Скривился от яркого света, но упорно открыл их, смотря в потолок. Только на потолок он смотрел не долго, потому что вскоре перед глазами появилось счастливое лицо Катарины, а ее длинные, распущенные волосы мазнули по его щеке.

– Любимый, – счастливо выдохнула она и убрала волосы за ухо. Это не очень помогло, потому что пряди до сих пор касались его щек. Раздражающе. — Ты наконец проснулся. Как себя чувствуешь?

–Отвр... – он не ответил, не смог. Голос не слушался, в горле стоял ком и неприятный привкус лишь усилился. Чувствовал Илзе себя отвратительно и не только физически. Катарина, казалось, все поняла, отчего улыбка ослабла, глаза засияли от непролитых слез, а холодные пальцы погладили щеку.

– Не напрягайся, дорогой, – посоветовала она и ласково, почти невесомо коснулась своими губами его. Улыбнулась. — Ты и так многое пережил. Не волнуйся, я больше тебя в обиду не дам. Никуда не отпущу.

***

На ноги он встал лишь спустя несколько дней. До этого ему помогали слуги, доводили до горшка, но не дальше, приносили еду. Точнее приносила ее в основном Катарина, которая улыбалась при этом счастливо, кормила его с рук, целовала коротко, но не напирала, потому что видела и знала, что ему все еще плохо. Они не говорили много, потому что Илзе было тяжело, а Катарина лишь вздыхала.

Подобное времяпрепровождение его напрягало. Потому что если с Господином он знал, что делать и чего ожидать, то Катарина его пугала. Еще его немного напрягало и настораживало отсутствие тяжести на шее.

Он был свободен, но свободу эту не чувствовал.

Когда он самостоятельно встал, Илзе почти расплакался от радости. Вздохнув прерывисто, он неловко прижался плечом к стене, переживая дрожь в теле. Свободные штаны и рубаха не доставляли дискомфорт, а вот тело чувствовало себя несколько странно. Непривычно. Илзе чувствовал себя маленьким ребенком, который только делал первые шаги.

Шел Илзе медленно, опираясь на стену, от помощи слуг отмахивался, лишь один раз спросил направление. Катарины рядом не было и это даже радовало, потому что от ее

общества он устал. Шел Илзе долго, но в конце концов остановился в дверях, вдыхая свежий чуть прохладный запах травы и чего-то давно забытого. Посмотрев на открытое пространство перед собой, увидев яблоневый сад вдалеке, кусты роз и полное отсутствие стен, он так и осел на пороге. Не только потому, что ноги уже не держали и тело протестовало, но и потому, что этого было слишком много.

Много свободы. Никаких надсмотрщиков, стен и кандалов. Не было больше камер, Господина, который возвышался над ними всеми. Приказам которого они следовали беспрекословно. Нет. Этого больше не было. Конечно, его терзали страхи, неопределенность порой беспокоила, но Илзе повезло. Умерев — он обрел долгожданную свободу.

Воздух казался самым вкусным и прекрасным нектаром, лучше самых дорогих и изысканных вин. Сейчас весь мир казался ему новым и прекрасным, словно впервые увиденным. Идеальным. Его радовало шуршание листвы, колкость травы, которую Илзе ощущал ступнями, голубое небо и это все так контрастировало с тем ужасом, в котором он умирал. Момент, как экскременты, которые слуги выбрасывали в яму позади дворца, поглощали его, забивались в нос и рот — снился теперь в кошмарах.

Поэтому Илзе невольно вздрогнул, когда на его плечо опустилась чья-то рука. Невольно вспомнились все те мужики, которые сменяли друг друга на посту охранника. Сменяли друг друга по разным причинам, но никто, кроме самого последнего и рослого не оставался надолго. У того просто не вставало на них или ему работа важнее. Илзе не знал этого, но сейчас почему-то рука показалась очень большой, а воспоминания неприятными.

Однако, когда он резко обернулся, то невольно выдохнул. Катарина. Никакой опасности. Сердце все еще билось быстро и тяжело, било по ребрам, а в голове стоял образ охранника и Господина. Но это была всего лишь малышка Катарина в странном, непривычном светлом платье с корсетом, которое приподнимало ее небольшую грудь. Высокие прически она тоже редко носила, а сейчас ее слишком длинная шея казалась только длиннее.

— Ты чего не в комнате? — немного обеспокоенно и недовольно спросила Катарина, все еще стоя рядом. Если Илзе это и смутило, то немного и он быстро об этом забыл. Она погладила его по затылку и вновь укорила его. — Я испугалась, когда не увидела тебя в комнате.

— Хотел подышать воздухом. Мышцы болят, нужно больше ходить, — спокойно сказал он и невольно в страхе посмотрел по сторонам. Опасности не было. Тут Илзе вновь вспомнил свой главный страх. — А... Кхм. Где Господин?

Катарина выглядела очень удивленной и немного уязвленной. Она поджала губы и отстранилась от него, что было даже хорошо. Потому что ее близкое присутствие тоже напрягало, словно она стала тем самым охранником из подвала. Но Илзе об этом не думал, потому что Катарина никогда не была деспотичной и слишком любила его. Почти боготворила. Но все равно страх оставался. Катарина же его, словно не понимала и обижалась на его недоверчивость.

— Илзе, любимый, не говори так больше. Твое недоверие ранит меня. Я не отдам тебя брату! Он даже не знает о том, что ты выжил, поэтому не волнуйся. Положись на меня!

И он почти ей верил, потому что Катарина никогда его не обманывала. Однако больше никому Илзе не верил полностью, потому что ему слишком часто врал. Поэтому он больше не вспоминал Господина и медленно отучивался так его называть, потакал желаниям Катарины, которая ходила за ним хвостиком, ухаживала и сильно обижалась, когда он делал

что-то сам.

Первое время Илзе это нравилось, потому что давно о нем никто не заботился. Даже мать, воспоминания о которой у него сохранились урывками, о нем почти не заботилась, только кормила странной едой, чтобы он не сдох. Катарина же всегда вздыхала, улыбалась счастливо, когда чувствовала себя нужной. Они не говорили о том, как Илзе попал в этот особняк, где сам особняк находился. Иногда он спрашивал, но Катарина никогда не отвечала прямо, делала вид, что не слышала или отшучивалась. Она вообще выглядела неприлично счастливой, не отходила далеко, надевала красивые платья с корсетами, убирала волосы в высокие прически, открывая шею. Наверное, это должно было быть красиво, завораживающе, и в какой-то мере это выглядело так, но желание Илзе не испытывал.

Илзе вообще сомневался, что его кто-то привлечет в сексуальном плане. Слишком много было секса в его жизни и эмоции, связанные с этим — неприятные. Поэтому Илзе не обращал внимания на Катарину, но на робкие поцелуи отвечал, обнимал, когда она садилась рядом, клала свою голову ему на плечо.

Спустя где-то месяц, Илзе уже прятался в небольшом саду, рядом с беседкой. Сам разминал мышцы на ногах, все еще кривился от еле ощутимого неприятного запаха. Ему до сих пор казалось, что от него воняло экскрементами, что привкус чего-то отвратительного по сей день сохранялся во рту. Он до сих пор чувствовал себя грязным, хотя и мылся намного чаще, чем раньше. От него постоянно пахло травами, мылом и мускусными духами, которые подарила Катарина. Его кожа почти блестела, всегда оставалась чистой и рубцы на спине уже зажили.

Но Илзе ощущал себя грязным.

Это ощущение не пропадало даже сейчас, когда его воспринимали господином, когда все делали для него. Наверное, стоило воспользоваться добротой и слепой любовью Катарины, но ее было жалко, поэтому Илзе отдыхал. Привыкал к новой жизни, привыкал не вздрагивать от шума, от ржания лошадей. Привыкал не бояться за свою жизнь.

Рассказала Катарина про его странное спасение лишь спустя месяц. На улице пекло солнце, отчего открытую кожу щипало, по вискам текли струйки пота. Он дышал глубоко, смотрел на траву, деревья и цветы, залитые светом. Идеалистическая картина. Наверное, так выглядел тот самый Рай, о котором говорил Папа и его последователи.

Разговор начала она сама, что немного удивило Илзе. Он даже невольно дернул плечом, когда Катарина прижалась к нему со спины, обняла поперек живота, кладя острый подбородок на плечо. Стало нестерпимо жарко, душно и противно, но Илзе не двинулся, потому что это неправильно.

— Как я рада, что с тобой все хорошо, — произнесла она и потерлась носом о его шею. Неловко. Странно. От нее исходила непривычная нежность, от которой становилось неуютно. Илзе Катарину не прерывал, даже не обернулся. — Я так испугалась, когда увидела, как тебя выбросили! Так испугалась. Я думала, что ты уже умер, но ты у меня молодец. Ты у меня очень сильный и выжил. Мне осталось лишь тебя достать, отмыть и доставить сюда. В наш общий дом.

Значит, она его достала из выгребной ямы. Отвратительно. Ему бы точно не хотелось подобного. Однако Катарина по-прежнему смотрела на него с неприкрытым обожанием, что немного успокаивало его гордость. Достала и выходила. Теперь он ей обязан за свою жизнь, потому что, если бы не она, он бы не выжил. Оставался лишь один вопрос: как Катарина оказалась во дворце Господина?

Господин и другие рабы упоминали, что выгнали Катарину из дворца. Отправили к няням в загородный особняк, потому что она разозлила брата, потому что потребовала от него многого. Илзе до сих пор не понимал его злости, но смирился и был даже немного рад, потому что от Катарини много проблем. Но она его спасла. На удивление.

Илзе не задал вопрос напрямую, но Катарина всегда была очень догадливой. Она фыркнула, обдавая его шею теплым дыханием.

– Я не могла оставить тебя, дорогой. Я люблю тебя больше жизни и никогда не оставлю одного.

От ее слов по спине пробежал холодок, стало неуютно. Что-то в ее словах настораживало, вселяло страх в сердце. Но улыбалась Катарина мечтательно и лучезарно, целовала его кротко, отчего напряжение отпускаяло нехотя.

– Спасибо, – шепотом поблагодарил Илзе и скривился, когда Катарина запищала от восторга. Она повернула его голову неожиданно и поцеловала в губы, отчаянно, напористо, но слишком мокро. Неопытность чувствовалась в каждом движении, как и отчаяние.

Илзе ответил, прикрыл глаза и вновь почувствовал привкус во рту. Словно из той ямы. Да и какая разница на его чувства и эмоции, когда его спасительница, маленькая Катарина рядом, улыбалась счастливо и обнималась. Пусть это ему не доставляло удовольствие и даже немного раздражало. Потому что слишком серьезно она это воспринимала. И нянечек, с которыми ее отправили в загородное поместье, Илзе не видел. Лишь слуг, но и те на глаза попадались редко. Может, это лишь потому, что комната у Илзе находилась на первом этаже, на второй он не поднимался и далеко не уходил, потому что тело до сих пор слушалось плохо. Потому что ноги дрожали, появлялась отдышка и голова кружилась после непродолжительных прогулок.

Это единственный минус в его положении. Но, к сожалению, даже к этому Илзе быстро привык.

Чего он не ожидал, так это того, что малышка Катарина, которая только недавно дебютировала в обществе, пришла к нему вечером. В длинной сорочке, с распущенными волосами и алым румянцем на щеках. Она стояла в дверях какое-то время, словно не решалась, а Илзе ждал. Он никогда не делал преждевременных выводов и зачастую отмалчивался — это то, чему научила жизнь в рабстве. Поэтому лишь смотрел вопросительно, чувствуя себя неуютно. Он поерзал на постели, радуясь тому, что уже лежал под одеялом и почти дремал, при горящих свечах на столе. С ними в комнате не было светло, как днем, но оранжевый свет падал на предметы, ее лицо.

– Что-то случилось? — все же поинтересовался он, обеспокоенно смотря на Катарину. Она покраснелась сильнее, сжала ткань сорочки в руках, неуверенно топчась у порога. Ее поведение беспокоило, потому что никогда прежде Катарина не казалась такой нерешительной.

– Можно я с тобой посплю? — неуверенно спросила она, смотря исподлобья. Ее вопрос очень удивил Илзе, отчего тот даже отпрянул, смотря на нее широко открытыми глазами. Заметив это, Катарина недовольно выпятила подбородок. — Прошу, можно я лягу с тобой спать. Я не помешаю, правда.

Илзе неуверенно кивнул, невольно напрягся, когда Катарина счастливо улыбнулась, подобралась и стремительно подбежала к кровати, забираясь под тяжелое одеяло. Катарина лежала тихо и почти неподвижно, даже дышала через раз, отчего Илзе чувствовал себя очень неловко. Он посмотрел на догорающие свечи, которые тухли медленно, но неотвратимо и в

конце концов потухли. Воцарилась темнота, пустота, прерываемая судорожным дыханием Катарини. Илзе уже дремал, когда почувствовал чужое прикосновение.

Тело напряглось, что сразу почувствовала и Катарина. Поэтому она положила раскрытую ладонь ему на грудь и подкатилась ближе.

– Все хорошо, – зашептала Катарина и прижалась так близко, что Илзе даже задохнулся. Обычно молодые девушки такое себе не позволяли. Катарина тихо хихикнула. – Твое сердце так стучит.

Илзе не понимал, как себя правильно вести в подобной ситуации. Он никогда прежде не оказывался в постели с человеком просто так. Никогда не лежал к кому-то так близко без движения и дальнейших действий, потому что обычно его уже трогали, потому что обычно он уже гладил в ответ, поклонялся чужому телу и доставлял удовольствие. Это правильно. Так было всегда, так его учил Господин. Поэтому Илзе не совсем понимал, что от него ждала Катарина, не знал точно, как ему себя вести.

Казалось, в напряжении они лежали долго. Так долго, что уже поднялась луна и на двери он увидел еле заметную серебряную полоску света. Илзе дышал через раз, ощущал напряжение, как время от времени мышцы сводило судорогой от неподвижности позы. Прислушивался к дыханию Катарини и понимал, что она уже спала. Или делала вид, что спала. Слишком близко, тепло, влажно и очень странно, до нервной дрожи странно. Потому что Илзе до сих пор чувствовал страх и непонимание. Несколько раз он тянулся рукой к ее теплоте, еще детскому телу, но отдергивался, поджимал руку и вновь думал. Так много думал, что болела голова.

Страх вспыхнул в теле ледяным пламенем и тут же погас, оседая слабостью в коленях. Сердце сбилось с ритма, когда чужая рука сдвинулась, погладила и скользнула под его руку, обнимая крепко. Илзе хотелось списать это на сонливость, однако Катарина ненавязчиво гладила кончиками пальцев его спину, отчего по телу распространялись мурашки.

– Ты напряжен, – сонно буркнула она и длинно выдохнула. Поцеловала влажно в шею и потерлась носом о кожу. — Что случилось? Не пугай меня, любимый.

– Прости, – шепотом попросил прощения он и прикусил щеку изнутри. Почему она проснулась? Неужели он так громко думал? Разбудил? Илзе чувствовал вину, небольшой стыд за свои чувства и нерешительность.

Поборов сомнения, он вскинул руку и аккуратно положил ее на чужой бок. Замер, следя за реакцией Катарини. Та вновь выдохнула длинно, потерлась носом о его шею, но ничего не сказала. Илзе более решительно накрыл бок раскрытой ладонью, ощущая жар молодого тела через сорочку, скользнул ладонью дальше, гладил спину. Катарина в его руках ощущалась совсем крохотной, хотя была ненамного младше него самого.

От его действий Катарина тихо застонала и прижалась ближе, поцеловала его пылко. Теперь все встало на свои места.

***

Илзе по-прежнему чувствовал себя странно. Очень странно, непривычно. словно вокруг происходило что-то, а он этого не видел. Потому что Катарина его от всего ограждала. Она всегда находилась рядом, особенно после той ночи, обнималась, прижималась, улыбалась счастливо и одевалась еще краше. Как все те женщины на балах, которые надеялись выйти замуж за Господина. Илзе видел много, как и знал то, что некоторые все же попадали в постель Господина, но надолго там не задерживались. Ему казалось, что тот просто не создан для счастливого брака и детей.

Спустя время он получил ответ и на другой свой вопрос. Если на первом этаже жила в основном прислуга, на втором этаже жила Катарина с няней, которая часто выходила с ней в сад. Илзе их видел через окно, несколько раз даже слышал приглушенные разговоры, где старая женщина укоряла подопечную за легкомыслие. С ней Илзе согласен, потому что Катарина действительно поступила неосмотрительно, спасая и впуская его в дом. Заложником становиться ему не хотелось, а хранить от Господина тайну его чудесного спасения становилось все сложнее.

С няней у них не очень хорошие отношения, та смотрела презрительно и не разговаривала, а в ответ Илзе игнорировал ее. Потому что не понимал, как себя правильно вести, стоило ли говорить или их взаимоотношения должны быть такими. Поэтому Илзе общался с Катариной, виделся с прислужкой, которые смотрели на него по-другому, не как на хозяев, а как на равного. Настораживало и то, что по слухам особняк младшей сестры Господина располагался неподалеку от берега моря, а этот стоял рядом с фруктовым садом.

Илзе чаще всего сидел в саду, на траве, неподалеку от кустов роз и рассматривал картинки в книгах. Их было очень мало и по ним он не понимал, о чем говорилось в книге, но читать он не умел, потому что Господину умные не нужны. Поэтому он не читал, почти никогда не держал в руках книги, но знал и ухаживал за своей внешностью, умел доставлять удовольствие, хранить чужие секреты и разговаривать.

Катарина читала часто, иногда пропадала на занятиях, после чего приходила к нему и обнимала. Целовала. Становилось неловко от ее неприкрытого счастья. Ему все еще нравилась маленькая Катарина, но тогда она казалась полезной и правильной, сейчас от ее присутствия внутри разливался холод и какая-то беспомощность.

– Я так устала.

Она прижалась и положила голову ему на плечо. Выдохнула довольно, когда Илзе обнял, погладив кончиком пальцев ее бок. Вновь корсет. Интересно, у нее ничего не болело? Потому что Илзе много раз слышал, как женщины жаловались на боль в ребрах и тяжесть дыхания. Катарина слишком молода для этого, по мнению Илзе. Но он ничего не говорил, лишь поддавался, улыбался и был рядом, когда это от него требовалось.

– Все будет хорошо, – все же ответил Илзе, коротко целуя ее в висок.

– Ты у меня самый лучший, знаешь? — довольно сказала Катарина и улыбнулась так широко, что он даже немного удивился. Но кивнул и улыбнулся в ответ, немного натянуто. — Как хорошо, что ты рядом. Что мы теперь будем вместе всегда-всегда, правда?

От ее слов внутри появилось странное ощущение. Илзе никак его не называл, просто знал, что так происходило, когда Господин, после всех обещаний отправлял его обратно в комнату. Когда его холодный металл оставлял на коже ссадины. Так было раньше и сейчас. Илзе не знал точного названия этого чувства, поэтому кивнул, соглашаясь на все.

Потому что так было правильно.

Выйдя из лавки, Ара глубоко вдохнул. Осмотрелся по сторонам, скривился недовольно, когда заметил алеющее небо. Глухое раздражение вскипело в крови, челюсть заныла от плотного сжатия и руки мелко задрожали. Его злила сама мысль о том, что день уже прошел. В магазине. В маленькой оружейной лавке, которую вновь скинули на него. В которую мало кто заходил, а если и открывалась дверь, то люди просто ходили кругами от витрины к витрине и уходили. Уйти нельзя. Потому что отец будет сильно злиться, мать не даст еду, а старшие и младшие братья высмеют его. Как всегда.

Лавку Ара уже закрыл. Отошел от нее, чтобы его и закрытую дверь никак не соединили. И некоторые проходили мимо, смотря заинтересованно, кто-то останавливался на мгновение и шел дальше, натолкнувшись на хмурый взгляд.

Ара устал. Он ненавидел эту лавку и уже безумно хотел домой к вкусной матушкиной еде и мягкому матрасу. Еще хотел пить. Потому что родители тоже ему надоели, как и братья. Они всегда посмеивались над ним, скидывали управление лавкой, хоть и знали, что Ара в оружии не разбирался и это помещение недолюбливал. Чувствовал себя неуютно в окружении железа.

Отец свою лавку очень любил. В свободное время полировал и точил мечи с кинжалами, расставлял оружие по витринам. Ухаживал, раскладывал и временами засматривался. Стоял подолгу в центре лавки и блаженно улыбался. Но в последние месяцы в лавке появлялся все реже, хоть и злился на Ару, если тот к работе относился халатно. К другим сыновьям он относился не так. Лучше, заботился о них и позволял заниматься тем, чем нравилось им. Мама тоже им потакала, а на него всегда смотрела косо и требовала помогать. В то время как Ара на самом деле не хотел ничего делать.

Поэтому сейчас он потянулся, закатал рукава рубахи и, широко зевнув, направился в сторону бара. Пить хотелось нестерпимо. Похлопал раскрытыми ладонями по карманам и улыбнулся, заслышав звон монет. Деньги у него имелись. Пусть и не его собственные, потому что свои деньги он всегда сразу пропивал. Но мама наверняка против не будет. Он ведь один из ее любимых сыновей, которого ругать не стоило. Она и не будет.

Ара шел быстро и целенаправленно, уже чувствуя привкус алкоголя на языке.

Темнело медленно, но неумолимо. Поэтому, когда Ара дошел до бара, фонари уже загорелись. Бары открыли свои двери, на улицу вышли люди, кто-то полупьяный, кто-то уставший и с надеждой в глазах. Ара радостно улыбнулся, замерев неподалеку от двери. Потому что ему очень хотелось немного подышать, смотреть на прохожих. На красивых девушек, которые проходили мимо баров и таверн, спеша домой. Некоторые, в платьях с корсетами и глубокими вырезами, заходили в таверны и сразу же заливисто смеялись. Их все знали в лицо. Ара тоже знал их, с некоторыми даже проводил время, отдавая им монеты за удовольствие. Делал он это не часто, потому что по-прежнему считал, что женщинам не платят за то, что они и так должны выполнять, ведь Иисус зачем-то их создал. Платил женщинам Ара лишь тогда, когда она оказывалась красива и на лесть не велась, когда ему хотелось красивого тела рядом.

За удовольствие он платил редко не только потому, что денег не хватало, но и потому, что можно было бы найти менее симпатичную девушку, которая за внимание противоположного пола не только ноги раздвинет. Часто Ара поступал именно так, потому

что лишние проблемы и драмы ему не нужны. К сожалению, страшенькие женщины всегда оказывались истеричными, всегда после секса говорили о свадьбе. Наивные. Глупые.

Сегодня денег на девиц у него не было. Поэтому Ара смотрел придирчиво на проходящих женщин, на их длинные шеи, декольте и бедра, скрытые слоями ткани. Красивые, доступные, они всегда улыбались призывно, а потом набивали себе цену, артачась. Женщин Ара любил и не понимал братьев, которые в отношении, даже на одну ночь, не вступали и относились к противоположному полу как-то странно. Как учила их матушка и церковь. Уже готовились к свадьбам, чего Ара тоже не понимал. Они ведь все молодые, а женщин много, и они никогда не отказывали. Особенно более старшие и вдовы, которые готовы и согласны на все. Они и замуж выходили быстро и в постели не привередничали, опекали, заботились, ничего не говорили против.

— Здравствуйте, — тихо поздоровалась девушка, появившаяся рядом слишком неожиданно. Ара скривился от пробежавшего по телу страха и посмотрел на подошедшую. Симпатичная и молодая, она смотрела на него, улыбалась. — Подскажите пожалуйста, где здесь можно остановиться.

Девушка скорее всего была все же не местной, потому что такие темненькие в их городе не жили. Обычно они уезжали к себе на континент быстро, с незнакомыми мужчинами из-за воспитания не общались и большую часть времени сидели в своих номерах. Эта же спокойно ждала ответа и улыбалась приветливо, что наводило на определенные мысли. И заметно радовало, потому что девушки подобного типажа ему очень нравились, но своей неприступностью отталкивало. С этой девушкой все могло получиться.

Подумав об этом, Ара улыбнулся, как ему казалось, обворожительно. Поправил волосы и припомнил, как он сегодня выглядел. Замечательно.

— Напротив фонтана есть таверна, хозяйка иногда пускает на второй этаж постояльцев, — ответил он и незаметно подошел чуть ближе. — Но я уверен, что такую красавицу она пустит. Давайте я вас провожу, такую песчаную розу опасно отпускать одну.

— Оу, — удивленно сказала девушка и неловко вздрогнула, округлила глаза, когда он положил руку ей на плечо. Румянец вспыхнул на ее щеках и шее, взгляд стыдливо опустился. — Спасибо, но не думаю...

— Не волнуйтесь, я вам помогу. Не стоит благодарности, — радостно ответил Ара и подошел почти вплотную, смотря в карие, с золотым ободком вокруг зрачка, глаза. От нее пахло теплом, нагретой тканью и сухими цветами. Наверняка ее кожа имела насыщенный вкус морской соли и чего-то тропического и тело под слоями ткани гибкое с плавными изгибами. — Такому цветочку грех не помочь.

— Правда не стоит, — залепетала она и неловко дернулась. Поджала губы, когда рука на ее плече не сдвинулась и сжала лишь сильнее. — Прошу, отпустите, пожалуйста. Мне пора идти.

Девушка вновь дернулась, застыла от удивления и страха, когда кожи коснулось чужое, теплое дыхание. Застонала тихо и резко вырвалась, ударив локтем Ару в грудь, отчего тот зашипел от боли, отступив назад. Тихо попросив прощение, девушка погладила плечо, словно стряхивая с себя чужое тепло, и убежала в противоположную сторону.

Ара расстроено выдохнул и потер грудь. Наверняка останется синяк и от этого стало еще грустнее. Мало того, что ему отказали, по собственной глупости, так еще и ударили, оставляя след. Глупышка, которая не понимала своей ошибки. Он бы сделал ей хорошо, а она отказала. Глупая, ужасная девушка. И некрасивая.

Еще раз потеряв ноющую грудь, он вздохнул тяжело и вошел в бар. К сожалению, на улице уже стемнело, людей ходило больше и при плохом освещении Ара уже не различал мужчин и женщин. Ему нестерпимо хотелось выпить, особенно сейчас, после такого грубого и необоснованного отказа. И почему женщины такие странные? Им комплименты говоришь, предлагаешь услугу, удовольствие, а они отказываются. И он сам был не уродом, а очень даже симпатичным, самым красивым из всей семьи.

От мысли о семье, которая уже не раз намекала ему о необходимости жениться и съехать в собственный дом, заняться собственным делом — его передернуло. Это сильно нервировало, потому что Ара не хотел связывать свою жизнь с одной девушкой. Да и съезжать ему не хотелось, потому что дома за ним ухаживала матушка, всегда кормила и ни к чему не принуждала. Работу Ара тоже не любил, потому что это слишком мелко для него. Вот быть рыцарем ему понравилось бы. Там и доспехи красивые, и слава с почетом, девушки вешались на шею и дело они делали хорошее. Избавляли мир от монстров. Ара не был уверен в том, что хотел бы сражаться с монстрами и скверной, которой называли магию, но слава и почет рыцарей его привлекали.

Ара заказал большую кружку пива, кинул на потертую столешницу монеты и сел на свободный, маленький столик в углу бара. Спертый запах пота, жира и мяса немного раздражал, от него пылали щеки и кружилась голова. Алкоголь приятным теплом лег в желудке, в голове сразу появился сладковатый туман. Стало очень хорошо. Даже шум, громкие разговоры и смех уже не казались такими всепоглощающими, став фоновым шумом.

Хорошо.

Расслабившись окончательно и выпив половину кружки, Ара осмотрелся. Компания разношерстная, но в основном одни массивные мужики, люди в плащах, которые сидели у стен или в тени, девицы с глубоким декольте. Стандартная компания людей для подобных заведений. Наверняка многие из них путники, которые уплывали или наоборот, углублялись в их континент. Осмотрев помещение еще раз, Ара невольно усмехнулся, заметив уверенного и как всегда угрюмого Алькора. Мальчик незамедлительно сел на свободный стол, отвечая холодным взглядом всем недоумевающим посетителям и закатил глаза, когда за ним неуверенно последовал Вереск. Этот мальчишка Аре даже нравился. Простой, но симпатичный, никогда не высовывался и свои способности не показывал. В отличие от своего друга. Почему они общались, Ара не понимал и, если честно, никогда всерьез не стремился к этому. У него и своих проблем много.

Интересно, что они делали в таком месте? Ара проследил, как Алькор спокойно встал и подошел к хозяину бара, который оскалился, но после коротко диалога все же пошел к бутылкам алкоголя. Этот мелкий умел уговаривать, если не словами, то запугивал или угрожал. Поэтому ему редко отказывали, потому что боялись, а Вереску просто потакали из-за его красивых глаз. Еще раз осмотрев детей, которые сейчас должны были быть в приюте, Ара отпил пива.

Точно.

Обучение в академии начиналось. Они же учились в академии магии. Вереск учился точно, ведь тому уже было больше десяти лет. Двенадцать, если он не ошибался. Алькор скорее всего только поступал, ехал на вступительные испытания, но его возьмут. Невооруженным взглядом видны его способности к магии мертвой материи.

Устав от этой парочки, которая сидела близко, тихо переговаривалась и пила какие-то странные настойки, Ара допил пиво и заказал себе новое. После половины второго бокала,

захмелев сильнее, он уже больше внимания обращал на женщин. Красивых, сочных и доступных. Всех не пьяненьких он отметал сразу, потому что они соглашались лишь за деньги или шли с другими, более полезными. Внимание привлекла странного вида девчушка в сером плаще. Она сидела с небольшой кружкой и с опаской посматривала по сторонам из-под своего капюшона.

Ара даже немного наклонился вперед, рассматривая девчушку более пристально. Что-то в той было не так. Спустя какое-то время и несколько глотков, Ара заметил темные кудри, которая та нервно прятала под капюшоном, и голубые глаза.

Видящая.

Он впервые видел видящую так рядом. Захотелось сразу же подойти и узнать будущее, узнать, когда проявится ее дар. Но Ара уже захмелел. Напряжение покинуло тело, как и посторонние мысли, поэтому он даже не встал, не подошел. Лишь посмотрел заинтересованно, гадая про себя, как у нее проявлялись способности. Думал об этом он и пока смотрел, как она стремительно уходила, закинув на плечо мешок.

Алькор и Вереск тоже вскоре ушли. Только на этот раз уже Вереск недовольно хмурился и шел впереди, вел спокойно и покорно следующего за ним Алькора. Странная все же парочка. Противоречивая. Ара порой с интересом наблюдал за ними, за их странным взаимодействием, но быстро остывал.

Когда кружка вновь опустела, Ара похлопал себя по карманам. Денег не осталось и это расстраивало. Хотелось еще выпить, а еще получить удовольствие. Но девушки все в баре теперь казались какими-то страшненькими и недостойными. Поэтому, тяжело вздохнув, он неловко встал и пошел на выход.

На улице уже царилась ночь, дул холодный ветер, который остужал пылающую кожу и приводил мысли в порядок. В голове все еще царил хмельной туман, ноги почти не держали и нестерпимо хотелось спать и секса. Обычно в такое время на улицах много людей, особенно женщин, которые искали приключений. Несколько таких стояли неподалеку от входа в тени и заливисто смеялись.

Нетвердой походкой Ара направился к ним и обольстительно улыбнулся, поправляя волосы.

– И что же такие красотки делают ночью одни? Я, так и быть, готов скрасить ваше одиночество.

Они резко замолчали. Одна из них придиричиво осмотрела Ару и фыркнула, вскидывая тонкую бровь.

– Милый, не твоего поля ягода. Иди проспись, а то уснешь тут на дороге.

И ушли. Это оскорбило Ару, отчего тот пнул камень и неловко пошатнулся. Удержал равновесие. Зевнул широко и медленно направился к дому. Наверняка матушка не спала и волновалась за него. Наверняка приготовила уже постель и оставила ужин. Хорошая у него все же матушка. Семья не очень, а вот матушка хорошая.

Она улыбнулась, когда услышала шорох листвы и треск палок. Эти звуки больше не пугали, потому что Тера привыкла и люди к ней пока не приходили. Еще она их уже различала. Под тяжелой поступью мужиков, листья шелестели долго, ветки всегда хрустели громко и не по одной, по деревьям скакали белки и в воздух взмывали встревоженные птицы. Обычно люди всегда шли медленно и осторожно, скрывались. Поэтому после какого-то шума они затихали, выжидали и шли дальше, но все равно попадались. Так делали мужики и женщины, походка у которых на первый взгляд казалась легче, но лес Тере оберегал. Всегда предупреждал об опасности.

Сейчас листья шуршали коротко и шум стремительно приближался. Значит кто-то бежал, незнакомый человек или зверь имел маленькую массу тела. Поэтому Тера не отвлеклась от свежевания кролика, лишь посмотрела на окно, когда треснула палка почти у кромки леса.

В открытую дверь, рядом с которой она стояла, ворвался поток воздуха, а вместе с ним и полупрозрачный, но очень счастливый Мино. Он залаял, пригнулся на передние лапы и задорно завилял хвостом, вызывая улыбку. Перед ней стоял не тот пес, который рычал на незнакомых людей, который бросался и ломал руки, вгрызался в горло. Не та собака, которую боялись в Яме, которая ела потроха и другие органы, которые сама Тера отбрасывала за ненадобностью. Жуткий, полумертвый пес, который с каждым днем становился все прозрачнее, у которого едва заметно светилась шерсть и глаза. Мино, который подобно Минотавру, защищал ее и их временное убежище, пробрался к ней, отдав за это жизнь.

Его верность умиляла и приносила давно забытое ощущение безграничного счастья. Потому что у Тере был тот, на кого она могла положиться. Ее самый верный и единственный союзник. Только это уже делало ее счастливой. Благодаря этим мыслям она засыпала и просыпалась без страха, хоть и держала под рукой оружие. Потому что люди о ней не забывали и до сих пор присылали отряды рыцарей в доспехах, которые не пасовали перед мощью Мино.

— Родной, — она улыбнулась широко и погладила Мино между ушей, ощущая уже привычную прохладу. На его шерсти остались бурые разводы, которые напомнили о том, чем она занималась все это время. — Я тебе оставила самое вкусное. Они еще теплые.

Ощущение теплой крови, вид распотрошенного животного больше не доставляли дискомфорта. Ее не рвало от отвращения. Как первые дни, внутри не разливалось чувство стыда и вины за убийство неповинных животных. Тере быстро пришлось усвоить простую истину: либо ешь ты, либо едят тебя. Круговорот жизни. Она ела животных, потому что овощи усваивались быстро, а чувство голода и пустоты в желудке медленно нарастало.

Ей вновь хотелось есть. И мясо животных, которые иногда попадались в капканы, не насыщало, а больше раззадоривало. Стало все сложнее сдерживать себя, когда в лесу находились мертвые люди. Кто-то попадал в ловушки, некоторых убивал Мино или другие звери, а кого-то специально приводили в лес и убивали. Несколько раз за это время Тера находила задушенных женщин в разорванных платьях со странным засохшими корочками чего-то полупрозрачного на теле. Эти следы она знала хорошо, поэтому обмывала их тела и хоронила неподалеку от клена, делая самодельные кресты из палок и веревки.

Плутавших по лесу женщин Тера не трогала.

Она им сопереживала и никогда не убивала. Даже Мино не позволяла, руку не поднимала, лишь использовала свои странные способности, и они спокойно уходили обратно. После нескольких раз женщин отправляли все чаще, наивно полагая, что они ее достанут. Однако женщины оказались более внушаемы, они слушали ее беспрекословно и, по сути, не хотели ее смерти. Они хотели спокойствия и безопасности. В этом Тера их понимала, потому что хотела того же.

Рядом тонко заскулил Мино, привлекая к себе внимание. Тера передернула плечами и посмотрела на пса с бурыми следами возле пасти. В последнее время она все чаще уходила в свои мысли, иногда даже путала реальность с вымыслом, отчего становилось страшно. Наверное, не будь рядом Мино, она б давно сошла с ума.

– Весь испачкался. Пойдем, умоемся, я тоже закончила.

Положив мясо в большую миску, она вышла из дома, ощущая приятную вечернюю прохладу, и пошла на задний двор, где стоял небольшой колодец и бочка с водой. Воду в бочке Тера меняла редко, чаще всего набирала воду из колодца. Она и сейчас вытянула ведро, наполненное наполовину холодной водой, вымыла руки с лицом сама, ощущая ноющую боль, отмыла голову Мино и вылила оставшуюся воду на грядки.

К сожалению, овощи росли медленно и словно нехотя, как и картошка. Тера спокойно относилась к жаренному и вареному мясу, иногда ела сырое, с кровью. Порой она не ела днями, потому что не хотела, но взгляд то и дело по привычке цеплялся за продукты, а точнее за их отсутствие. Поэтому ей вновь хотелось ощутить вкус картофеля или хрустящих овощей, просто чтобы почувствовать себя живой.

Ведь таковой Тера себя уже не считала.

Последний человек, который пришел к ней в поисках славы и крови, проговорился, что никого подобного в их мире раньше не было. Он же и рассказал, что в их мире была магия, но церковь она пресекалась и поэтому даже если у кого-то просыпался дар, они молчали и его не использовали. Она оказалась первой за сотни лет, кого никто не знал. Под гипнозом он проболтался и о том, что существовало какое-то пришествие, благодаря чему в их мире появилась церковь и новый автор. Кто такой этот автор Тера так и не узнала, потому что мужик сбрасывал с себя ее чары, вновь хватался за короткий меч. Лишь усилием воли его удалось уговорить молчать о произошедшем и спокойно уйти.

Даже здесь меня ненавидят.

Тера уже привыкла к постоянной ненависти и благодарила судьбу за то, что ее здесь не били и не издевались. Что здесь не было ненавистного Освальда, мысли о котором постепенно отпускали. Теперь воспоминания о супруге и его брате не несли за собой волну ярости и обиды, лишь горькое послевкусие грусти.

Даже в этом мире мне нет места.

От холодного ветра она повела плечом и невольно скривилась. Становилось холоднее. Если верить тому мужику, то академия уже работала, а значит был конец лета. Холодало. Тера не ощущала холод, но всегда кривилась от порывов ветра, потому что кожа покрывалась мурашками и становилось странно. Нормально, но небольшой дискомфорт ощущался.

Поэтому она всегда накидывала на плечи вязанный платок, который взяла с собой, и откладывала шкурки животных. О том, что делать дальше Тера не думала, ведь понимала, что о ней теперь знали все и из-за легенд и страшилок, которые передавались от человека к человеку, ее боялись.

Наверное, она бы тоже боялась кого-то подобного. Людоедка, с большой силой, медленно бьющимся сердцем и силой убеждения. Если долго смотреть им в глаза, концентрироваться только на этом и иметь много сил, то люди превращались в безвольных кукол. Верили всему, о чем она говорила. Жаль только, что это умение она еще не освоила и оно быстро исчезало. Семья Трии была слабой, лишь Герда как-то сбрасывала с себя морок, а она не замечала этого. *Ее ошибка.* Теперь Тера жила, словно загнанная в угол мышь, не представляя, куда бежать. Если Герда уехала и взяла с собой выроodka, то следовало ждать беды. Эта девчонка от своего не отступиться, один раз Тера уже недооценила ее.

Стоит ждать опытных убийц, которые не только мечами машут и речи про Бога говорят.

От этих мыслей она тяжело вздохнула. У нее и так много проблем, вопросов без ответов. Герда добавляла лишних забот и мыслей, как и выродок, про которого Тера забывала. Этот ребенок тоже мог обернуться ей боком. Но часто об этом она не думала, потому что болела голова. Ей и обычных людей хватало. Сейчас она жила в постоянном страхе и этот страх несравним с тем, что она испытывала, живя с Освальдом.

Мино выглядел счастливым. Лаял, бегал вокруг колодца, иногда останавливался, прислушиваясь к происходящему в лесу, потом бежал по второму кругу. Это успокаивало. Тера знала, что он всегда затихал, поднимал уши и настороженно осматривался по сторонам, когда что-то надвигалось. Потом тихо порывивал, прижимался к земле, бежал в неизвестном направлении, ища врага. Поэтому Тера всегда смотрела на Мينو, на его состояние. Сейчас он радостно дурил, как делал это когда-то в особняке. Это то единственное постоянное в ее жизни. В обеих жизнях.

Вновь послышался рев дракона. Тера уже не вздрагивала и не оборачивалась в страхе, лишь смотрела с интересом. Видела не раз, как вечером, дракон взлетал над горами, выпускал струю огня, поджигая какое-то место, и опускался на него. Когда дракон лег, почти сливаясь с каменными пиками, она передернула неловко плечами и поспешила в дом. Хоть зрение в ночи у нее и было лучше, но ощущение слабости и открытости с приходом ночи лишь усиливалось. С этим даже Мينو не помогал.

Вздохнув, Тера потеряла переносицу. Она ненавидела чувство беспомощности, которое появлялось в такие моменты. Еще больше злилась на то, что люди боялись и ненавидели ее, основываясь на слухах и словах других. Они стремились ее убить и из-за чего? Тера не контролировала свой голод и до сих пор чувствовала вину за то, что убила человека. До сих пор просыпалась от кошмаров, ощущала его теплую кровь на своих руках.

В такие моменты голод возвращался, а она ощущала подступающую истерику.

Улыбнувшись, когда Мينو подбежал к ней и поднырнул под руку, она медленно пошла в сторону дома. Уже почти стемнело, застрекотали кузнечики, от которых поначалу болела голова. Тера почти подошла к двери, когда услышала приглушенное рычание Мينو.

Тера напряглась, остановилась на месте и всмотрелась в происходящее перед собой. Увиденное ее напугало.

Как они не заметили? Как не увидели приближение незнакомого человека, который сейчас стоял у приоткрытых дверей? Тера сжала руки в кулаки, ощущая собственное напряжение и напряжение Мينو, который уже переминался на лапах, скалился и порывивал, готовый в любой момент броситься. Этого хотела, и сама Тера, потому что относилась ко всем незнакомцам с подозрением и страхом, потому что ничего хорошего они с собой не несли.

Незнакомец их тоже заметил. Тера видела, как чужое тело вздрогнуло, голова повернулась в их сторону и внутри что-то оборвалось. Короткие, едва достающие до мочек ушей белоснежные волосы, которые, если верить слухам, считались редкостью. Даже феи, которые сами по себе являлись порождением магии никогда не рождались беловолосыми.

Такой была она одна. И эта странная незнакомка. Женщина, которая смотрела на нее без страха и сжимала в руках длинный ремень сумки.

— Здравствуйте. Я не причину вреда, — сказала незнакомка спокойно, с опаской поглядывая на все еще скалящегося Мино. Повела плечами. Вновь посмотрела на Тера. — Я хотела бы с вами поговорить.

***

Тера посматривала на сидящую напротив женщину с подозрением. Они почти не смотрели друг от друга, отводили взгляд, дышали медленно, прислушивались к происходящему вокруг. Напряжение между ними ощущалось почти физически. Тера не доверяла незнакомке, то и дело смотрела на Мино, отслеживая его реакцию, но тот молчал, принохивался и иногда приглушенно рычал. От нее не отходил, нырял под руку, напрашиваясь на ласку, его шерсть сияла чуть сильнее, как и глаза.

Она до сих пор не понимала, что от нее хотела незнакомка. Они не говорили, сидели друг напротив друга и смотрели, дышали слишком громко и рассматривали друг друга. В теплом свете свечей они выглядели неказисто и, словно неправильно. Те же белоснежные волосы, голубые глаза и светлая кожа, как у нее самой, незнакомка слишком похожа на нее. И это настораживало, потому что все говорили о том, что Тера единственная в своем роде.

Ей либо ввали, либо недоговаривали.

Женщина перед ней была реальной. Слишком реальной. Тера смотрела на нее с подозрением, рассматривала пристально. Была ли женщина такой же, как она, или просто имела похожую внешность? Этот вопрос стоял слишком остро, и Тера уже не знала, о чем думать. Но как начать разговор она тоже не знала, поэтому молчала. Ждала первого шага.

— Извините, что пришла так поздно.

От неожиданности она вздрогнула, смотря на незнакомку с подозрением и недоумением. Неловко разгладила складки на подоле застиранного платья и собрала мысли в кучу.

— Кто вы? — все же спросила Тера. Женщина удивленной не выглядела, лишь на краткий миг чуть насмешливо вскинула бровь, но тут же взяла себя в руки. Вновь серьезно посмотрела на собеседницу.

Наверное, она что-то увидела на лице Теры, потому что неожиданно расслабилась, склонила голову в бок, отчего волосы мазнули по щеке и улынулась мягко. Так, как ей давно никто не улыбался. Как улыбалась когда-то Лотти, которая потом всегда обнимала, незаметно отдавала ей сладости и смотрела как на единственное чудо света. Некстати подумалось, видела ли сестра ее письма? Предупредили ли родителей о ее исчезновении и какую легенду семья Пикфорд придумала.

Но все эти мысли быстро испарились из головы, стоило незнакомке заговорить. В этот момент Тера убедилась в том, что голос у той красивый, спокойный, тягучий и размеренный, словно женщина говорила с глупым и душевнобольным человеком. Такой Тера себя не считала, поэтому полагала, что так женщина говорила всегда.

— Меня зовут Зарина, я из небольшого городка Ксоур, находящегося на землях дома герцога Карнуэль. Подождите, сейчас покажу, — засуетилась она и потянулась к небольшой,

тканевой сумке. Порылась в ней и достала грязный свиток, который незамедлительно протянула Тере. Та взяла свиток в руки, ощущая шероховатость бумаги, покрутила его, рассматривая со всех сторон, бросила настороженный взгляд на Зарину и все же раскрыла свиток.

Карта. Детальная карта мира, в котором она теперь жила. Тера видела Яму, изображенную россыпью кривых домиков, деревья рядом и горы с узкой полоской ущелья. Рядом с границей, где простым карандашом написано «герцог Карнуэль» стоял большой дом, несколько точек с названиями городов, высокая башня. Она видела тонкие линии границ, разделяющих пять земель. Яма находилась на ничейных землях, отделяемых горами с королевством фей.

Тера с трепетом и жадностью рассматривала нарисованные линии, понимала, какой большой мир перед ней вырисовывался. И от того грустнее ей становилось, что она сидела на одном месте, загнанная в угол. Вновь посмотрев на спокойную Зарину, она нашла Ксоур на карте и поняла, что расстояние между ними было большим.

Наверное, долго добиралась.

От этой мысли интерес к Зарине лишь возрос. Мало кто, движимый интересом, ехал так долго в незнакомое место.

– Я картограф. Это моя работа. Была. Пока не случилось это, – расстроено закончила она и указала на всю себя. Тера на ее слова лишь вопросительно вскинула бровь, побуждая к продолжению. — Вы не разговорчивы, – заметила Зарина и убрала мешающие волосы за уши. Улыбнулась грустно и все же пояснила. — Я жила в Ксоуре сколько себя помню. Там выросла, напросилась в помощники к старому картографу и встретила своего мужа. Не могу сказать, что была счастлива, но и не грустила, ведь у меня была возможность зарабатывать деньги и рядом был любимый мужчина. Я так думала. Мы с ним вместе пять зим, это должна была стать шестой, но... Между нами случилось недопонимание. Да, наверное, это можно так назвать. Произошло недопонимание, ссора, его семья приехала и я, скорее всего, умерла.

От ее слов Тера невольно напряглась. Зарина говорила неуверенно и подбирала каждое слово, словно не хотела никого ни в чем обвинять, но настроение и то, каким тоном некоторые фразы сказаны – говорило об обратном. Она слушала внимательно, про себя думая, что у них с Освальдом с самой первой встречи возникло «недопонимание». Слова о смерти Тере насторожили.

Еще одно сходство.

Они обе умерли и, если она правильно все поняла, то по вине супруга. Дорогого человека. Для Теры Освальд любимым и дорогим не был, но теперь ее теория о том, что во многом было виновато странное лекарство — трещала по швам. Но об этом она подумает позже, потому что, собравшись с силами, Зарина вновь заговорила:

– Я проснулась неожиданно и даже не поняла поначалу, почему лежала в деревянной коробке. Уже потом поняла, что это был гроб и меня похоронили, зарыли на семейном кладбище. Я была в шоке, напугана, разочарована и просто не верила в происходящее. Вернулась домой, а он... – она вздохнула и резко замолчала. Поджала губы недовольно и отвернулась, собираясь с мыслями или пересиливая себя. — Он накричал. Прогнал. Святой водой облил и с серебряным крестом бегал. Такого отвращения я не видела давно. И, как-то так получилось... Господи! Он меня так испугал и разозлил этим, мне так было плохо и пусто внутри, что я просто... Я съела его, понимаете? Я съела собственного мужа и никому

об этом не сказала. Жила в нашем доме несколько ночей.

– Понимаю, – неожиданно даже для себя ответила Тера.

Она никогда никому не говорила об этом, не соглашалась, не становилась рядом с кем-то, не разделяла с ними свои чувства. Но сейчас все казалось другим. Зарина ее понимала и была почти такой же. Единственной такой же в чужом мире.

Зарина вскинулась и посмотрела на Теру недоверчиво. Сжала дрожащие руки в кулаки, поджимая губы недовольно. Выглядела Зарина теперь напряженно, на грани истерики, с блестящими от непролитых слез глазами, дрожащими руками и сведенными к переносице светлыми бровями.

– Я слышала о вас. На самом деле только ленивый о вас не говорил. Новый монстр с белоснежными волосами и огромной силой, которая запугала людей и их ела. Хотя последнее было лишь слухами. О вас говорили так много, что я подумала... Подумала, что это мое единственное спасение.

От ее слов Тера фыркнула. Слухи о ней и правда быстро распространялись и приукрашивались. Она смеялась от знания того, что ее выдуманном образом пугали маленьких детей. Подсылали рыцарей и убийц, которые уходили ни с чем, сталкиваясь с Мино. И все это из-за нее. Такой слабой, неуверенной и сломленной, которая умерла бы при первом нападении, если бы не шок, собственная сила. Это делало людей смешными в ее глазах. Но вместе с этим ее одолевало беспокойство, потому что слухи отравляли жизнь. Они уничтожали стремление к нормальной жизни.

Все ее боялись. Все стремились ее убить, не давая жить. Тера ощущала собственную беспомощность, потому что даже здесь все уже решили за нее.

Интересно, какая же все-таки на самом деле смерть? Умру ли в этом теле и мире я также быстро? Я бы не отказалась.

Зарина неожиданно громко выдохнула, вырывая Теру из потока собственных мыслей.

– Я понимаю, что навязываюсь и мы почти не знакомы, но я была бы рада остаться здесь. Можно я останусь здесь? Мы одинаковые, обе — монстры, которые едят человеческое мясо. Нам лучше держаться вместе.

Она такой исход предполагала, когда впускала в дом Зарину. Это даже хорошо, не так одиноко, более безопасно и источник новых знаний постоянно рядом, но Тера настолько отвыкла от людей, что чужое присутствие напрягало. Постоянное ожидание подлянки тоже. Тера не доверяла новой знакомой, не знала, какие цели та преследовала на самом деле, поэтому думала долго. Крутила сложившуюся ситуацию с разных сторон, смотрела на перспективы и пока получалось, что плюсов чуть больше, чем минусов. Пока выходило так, что, прогнав Зарину, она портила жизнь себе.

Вздыхнув тяжело, она потеряла переносицу. Подпускать к себе никого не хотелось, но быть одинокой и глупой тоже. Поэтому, скрипя сердцем, Тера кивнула, соглашаясь. Она не смотрела на радостную Зарину, встала медленно и, отложив карту, направилась в свою комнату. Как хорошо, что в доме находилось две скрипучие кровати и шкура у камина. Для Зарины место найдется, а про еду и остальные блага они подумают завтра утром.

Все завтра.

Она вновь долго не могла уснуть. Лежа на боку и делая вид, что спит, Тера прислушивалась к происходящему вокруг. Зарина спала на второй кровати и тихо, едва заметно постанывала во сне. Мино никогда не спал, мертвым это не требовалось, поэтому он сидел у изголовья или уходил на короткие патрулирования. Теру все еще терзал страх и

неуверенность.

Одно она знала точно — когда об этом узнают, к ним вряд ли кто-то придет. Только смертники.

Она чувствовала себя неловко.

Смотрела по сторонам с опаской, кривилась невольно и вжимала голову в плечи, когда мужики кричали особенно сильно. Надвигала на глаза капюшон, понимая, что выглядела очень странно со стороны. Подозрительно. Девятая дышала прерывисто, иногда пила необычную на вкус настойку, в которой чай преобладал над алкоголем. Но голова все равно кружилась, и она не была уверена, от жары это, волнения или алкоголя, за который сестра ее будет ругать. Сестра всегда ругалась, когда девятая оказывалась в опасности.

Внутри что-то заворчалось, оседая в низу желудка липким холодом. Она вскинулась, посмотрела по сторонам в страхе, ища источник опасности и заметила странного мужчину. Явно выпившего мужчину, который скучающе смотрел по сторонам, останавливаясь взглядом чуть дольше не женщинах. Его русые волосы растрепались, щеки покраснелись, а дыхание поверхностное. Иногда незнакомец смотрел на нее, и девятая понимала, что он узнал. Наверное, она ожидала от него криков, агрессии, но мужчина лишь тряхнул головой и пошел за второй кружкой.

Девятая сгорбилась и допила настойку одним глотком. Вновь осмотрелась. Пятая точно будет недовольна, когда проснется. Она ушла из их комнаты неожиданно, потому что очень хотела есть и ей интересен городок, в котором почти не гуляла. Ее первое почти самостоятельное путешествие из храма, который девятая не покидала надолго. Сейчас шли вторые сутки после их ухода.

Страх вновь вспыхнул внутри, льдом прокатился по телу, оседая дрожью на кончиках пальцев. Она вновь осторожно посмотрела по сторонам и застыла, сталкиваясь с голубыми, почти прозрачными глазами другого мужчины.

Брат.

Он стоял рядом со стойкой и допивал светлое пиво, смотрел на нее пристально. Настолько пристально, с заметным упреком, что девятая почувствовала приливший к щекам жар стыда, вжала голову в плечи, стараясь стать незаметнее. Но брат смотрел также пристально, пил пиво и казался очень недовольным. Его девятая не видела никогда, а может, просто забыла, потому что не видела долго, но его каштановые, вьющиеся волосы и голубые глаза говорили сами за себя.

Все они похожи друг на друга. Поэтому находились в опасности каждый день, потому что не все люди их боялись. Девятая братьев тоже опасалась, особенно незнакомых, ведь те хоть и видящие, но все равно сильнее и менее подвержены приступам. Поэтому у нее внутри все оборвалось, когда мужчина с силой поставил пустой стакан на стол, встал медленно и кивнул в сторону выхода. Замечательно.

Она сидела некоторое время, пытаясь побороть страх. Посмотрела на пустой стакан, поправила накидку и встала медленно. Нехотя. Повесила мешок за спиной и пошла на выход из душной и шумной таверны.

На улице оказалось очень холодно, тихо и темно. Смотря на затянутое тьмой небо, на редкие звезды и полную луну, она все отчетливее понимала, как сильно разозлиться сестра. Пятая точно будет сильно кричать.

Осмотревшись, девятая медленно побрела к уличному светильнику, чтобы вышедший из таверны брат сразу ее увидел. Странно, конечно, что он еще не вышел, но девятая не злилась,

была даже рада небольшой передышке. Взрослые ее нервировали, потому что они всегда следовали правилам, оседали в храмах, приходя с новыми братьями или сестрами и уходя ногами вперед. Они никогда не доверяли церкви и насаждаемой религии, скептически относились к Папе, но в последнее время все реже говорили об этом. Словно смирились и приняли правила игры.

Ее это огорчало.

Девятая росла на старых легендах о Древних, о мире, в котором жила магия и люди, способные ею управлять, ставились уважаемыми. Их почитали, боялись и почти поклонялись, к ним шли за помощью, учились и прислушивались. Потом настало пришествие и люди возненавидели магию, считая ее порождением дьявола. Все больше появлялось церквей, все глубже прятались маги и постепенно магия, которая раньше питала все живое — истощалась. Девятая почти ее не ощущала. Сестры говорили, что она чувствовалась медовым привкусом в месте захоронений, где покоились тела тех, кого любили и ненавидели. Единственным местом, куда стремились все маги в поисках лучшей и свободной жизни, являлся плачущий лес.

Место, о котором девятая мечтала с детства.

Поежившись от сильного ветра, девятая осмотрелась по сторонам. Брата не было. Это немного беспокоило, потому что ночью на улицах не безопасно, особенно рядом с такими местами. Девятая сжала в потных ладонях веревки от походного мешка, вновь судорожно посмотрела по сторонам и подумала о том, что лучше ей сейчас же отправиться в номер. Дорога недолгая, если она побежит, то вовсе вернется быстро, а если повезет, то и сестра не заметит отсутствия.

Краем глаза девятая заметила неподалеку темный силуэт. Пригляделась и невольно напряглась, отводя взгляд. Мужчин она боялась сильно и не только потому, что они превосходили в силе и были редкими гостями в ее жизни. Поэтому этот массивный боров с отвисшим брюхом, нетвердой походкой и большими руками напрягал. Девятая делала вид, что высматривала кого-то, даже неуверенно сделала шаг в сторону, молясь всем известным богам, в которых не верила, чтобы он просто прошел мимо.

Но мужчина, словно нарочно, подошел ближе, из-за чего свет упал на его раскрасневшееся, влажное лицо.

– Детям в это время нужно быть в кроватках, – пробасил он, отчего девятая дернула плечом. По спине пробежал холодок. Незнакомец не отстал. — Давай я тебя провожу.

– Не стоит, – голос подвел и превратился в писк в конце фразы. Сердце замерло в груди, а колени задрожали, когда он большой ладонью схватил ее за запястье и с силой потянул за собой. Потянул так сильно, что девятая дернулась всем телом, неловко переступая на ноги, удерживая равновесие. Девятая уперлась пятками в землю, попыталась выдернуть руку и просила отпустить, но мужчина не слушал, лишь говорил, что она слишком мала и на улицах в такое время опасно. Тихо всхлипнув, она дернулась особенно сильно, отчего капюшон слетел, а он замер. Сощурился и неожиданно улыбнулся широко.

– Видящая. Давно я не видел видящих.

– Отпустите, пожалуйста, – взмолилась она и перехватила свободной рукой другую, пытаясь вырвать. Мешок упал под ноги, но это не так важно. Важнее были его глаза, нехорошая улыбка и страх, разливающийся по телу холодом. Сестры предупреждали её.

– Сейчас опасно ходить одной, маленькая. Давай я тебя провожу, а ты мне расскажешь, как у тебя проявляется дар. По-хорошему прошу.

Пока.

Это слово так и висело в воздухе, пугало девятую до шума в ушах и головокружения. Она вновь попыталась вырваться, всхлипнула, когда ее потянули сильнее. Паника накрыла неотвратимо, и девятая почти кричала, чувствуя жжение в глазах и предательский ком в горле. Но судьба все же была на ее стороне и путь им преградили.

– Отпусти девочку.

Незнакомец говорил что-то еще, но из-за шума в ушах девятая ничего не слышала. И не видела, потому что слезы текли по щекам, оставляя на груди холодное, мокрое пятно. Она лишь крупно вздрогнула и испуганно вскинулась, когда теплые руки коснулись ее плеч. Расплывчатый силуэт мужчины уже не напоминал того борова и руки были другие, не причиняли боль. Кто-то ее с силой встряхнул, отпрянул, отчего стало холодно, потом вновь вернулся, положив руки обратно на плечи.

– Пошли. С вами, мелкими, всегда одни проблемы.

Брат недовольно ворчал и сжимал ее плечо так сильно, что становилось больно. Он ворчал, ругался приглушенно, в то время как девятая накрывала голову капюшоном и плакала, не зная точно, от чего. То ли от страха, который все еще бурлил в крови, то ли от облегчения, что ничего непоправимого не произошло. Глупая. Какая она глупая и маленькая.

Сестры предупреждали. Они всегда говорили о том, что мир опасен — опасны люди. Боялись их, но всегда стремились к будущему, к своему светлому и счастливому будущему, из-за чего некоторых сестер и братьев, обычно молодых, похищали и пытали. По-другому это назвать сложно. Потому что люди изгалялись над ними, раз за разом узнавали особенности проявления дара, а потом пользовались этим, пока не узнавали то, что хотели. Торговцы. Очень умные и жестокие люди, которые торговали полученной информацией, издевались над пленниками, пока те не умирали или не сбежали. Как-то раз, когда девятая была совсем маленькой, она видела вернувшуюся из плена сестру. С кожей, похожей на кашу с комочками, которую готовила первая, в тонком балахоне и широкими, пугающими глазами. Тонкая, как тростник, пугающе худая, словно оживший скелет.

Девятая тогда сильно испугалась. Ее сразу увели в комнату и к лекарю не пускали. Через несколько дней девятая узнала, что сестру похоронили под липой.

Воспоминания накатывали, и она плакала сильнее, растирала свободной рукой слезы по щекам. Шмыгала носом, вздрагивала от громких звуков, когда брат сжимал руку на ее плече сильнее, что-то спрашивал. Точно спрашивал, потому что девятая слышала его глухой голос, недовольное бурчание и ощущала стыд. Так стыдно ей не было никогда. Поэтому девятая отвечала совсем тихо и невнятно, взгляд не поднимала и шла покорно, прислушиваясь к словам брата.

– И куда сестры смотрели? Стыдоба. Я обязательно поговорю с ними. Оставлять ребенка одного! Совсем распоясались за время моего отсутствия. Пошли и не реви. Все обошлось. Не плач.

Он говорил уверенно и даже пытался успокоить, но девятая ощущала вину, понимала, что сама виновата в произошедшем и от этого становилось очень плохо. Стыдно. Хуже становилось от мысли, что о ее промахе узнают сестры, ведь это такой позор. Девятая всхлипнула и вытерла кулаком слезы. Холодный, ночной ветер с легким, горьковатым привкусом, гладил кожу. Мертвая магия рядом. От ветра, постоянного ворчания брата и того, что к ним не подходили, девятая медленно успокаивалась. Она все еще всхлипывала, глаза слезились и болели, но слез больше не было.

Но настроение быстро испортилось, когда они подошли к невысокому домику. Девятая скривилась, когда заметила горение свечей и приоткрытое окно на втором этаже. Сестра не спала. Отвратительно. Еще хуже стало, когда они почти подошли ко входу, дверь отворилась и из дома выбежала взмыленная сестра в простой одежде. Она даже не скрывалась, смотрела по сторонам шало, растрепанная, со следом от подушки на щеке. Стыдно.

Сестра осмотрелась по сторонам и замерла, когда увидела их. Посмотрела недоверчиво на мужчину, потом на девятую, узнавая плащ, который сама подшивала, сорвалась с места и обняла крепко. Сжала в объятиях так, что стало немного больно. Но девятая не двигалась, лишь обняла в ответ и выдержала ощупывание, еще одни объятия и хмурый взгляд.

— Ты где была?! Я так испугалась, когда не увидела тебя. О чем ты только думала? Все, никуда от себя не отпущу, так и знай! — сбивчиво говорила пятая и вновь обнимала, вдыхая аромат пыли и травяного мыла. Вновь обнимала, ощупывала и в конце концов несильно ударила по макушке, потому что сильно испугала.

Отойдя от младшей сестры, пятая впервые обратила внимание на ее спутника. Нахмурилась, склонила голову, рассматривая мужчину пристально, потом пришло узнавание, вместе с этим расширились глаза и приоткрылся рот в немом изумлении. Пятая осмотрела мужчину перед собой еще раз убеждаясь в своих догадках и судорожно выдохнула.

— Первый? — голос охрип и стал неестественно тихим, неуверенным. Девятая видела сестру такой лишь несколько раз в жизни и обычно подобное состояние ни к чему хорошему не приводило. Потому что после этого пятая или влюблялась сильно, или плакала ночами тихо-тихо, чтобы никто не услышал. Конечно, ее слышали, замечали опухшее лицо и морально помогали. Девятая же ненавидела такое состояние сестры, потому что чувствовала себя в такие моменты беспомощной. Как сейчас.

Одного взгляда хватило, чтобы понять, что и брат узнал пятую. На его лице боролась радость от долгожданной, так думала девятая, встречи, и небольшое раздражение, потому что от храма они отошли далеко. Значит, они знакомы. Девятая вновь посмотрела на брата, но не вспомнила, а имя наводило на мысль, что они и вовсе никогда не встречались. Пятую в храм привели намного раньше.

Неожиданно пятая спохватилась, вздохнула шумно и прижала сестру к себе.

— Нечего на улице стоять. Пошли, — пятая кивнула в сторону дома и неожиданно недовольно посмотрела на сестру. Прижала теплую, чуть влажную ладонь к холодной щеке девятой. — Совсем замерзла. Я с тобой еще поговорю про побег! Пошли, с тобой нам тоже стоит поговорить.

Брат на ее слова и тон лишь фыркнул, но покорно прошел следом. Дернул плечом, оказавшись в теплом помещении, посмотрел на закрытые двери, за которыми спали люди и скорее всего хозяева дома. Пятая уверенно шла на второй этаж, таща за собой успокоившуюся девятую, иногда говорила что-то приглушенно, отчего та вжимала голову в плечи. Это хорошо. Безрассудство должно наказываться.

Их комната оказалась маленькой и необустроенной. Две узкие кровати с желтыми пятнами на матрасах, постельное белье, которое выглядело совсем не чистым и комод. Кровати расправлены, а значит они спали или спала только пятая, что вероятнее всего. Вопрос о том, что делала девятая в таверне в такое время оставался открытым, но это уже были не его проблемы. Поэтому он еще раз осмотрелся и сел на край кровати, где лежало скомканное одеяло. Сестры сели напротив. Пятая тихо упрекала девятую в легкомыслии, дергала за ткань плаща, намекая на то, что его лучше снять. Та быстро подчинилась,

наверное, боялась злости, положила плащ на комод и вернулась на место, смотря на них исподлобья.

— Так... вы знакомы? — неуверенно спросила она.

Первый вновь фыркнул, закатывая глаза. Но за него ответила пятая.

— Перед тобой сидит первый брат восточного храма. Наши храмы долгое время сотрудничали, да и мы несколько раз встречались. Девятая, это первый брат, он ушел несколько лет назад из своего храма.

— Я возвращаюсь, — неожиданно ответил первый, спокойно вынося разговоры о себе. Он не заметил, как пятая вскинулась, посмотрела на него непонимающе, с толикой какой-то надежды. Девятая с подозрением посмотрела на сестру, потом на брата и не успела задать вопрос, потому что тот продолжил. — Меня здесь больше ничего не держит. Поэтому я возвращаюсь обратно. Но, что наиболее важно: что вы делаете вне храма?

Последний вопрос он задал недовольно, скрестил руки на груди и посмотрел так хмуро, что девятая невольно сжалась. Прижалась боком к сестре, ища у нее защиты, пусть это и выглядело немного глупо. Пятая тоже выглядела смущенно, взгляд отводила и, наверное, все же пыталась как-то объяснить, рассказать, но молчала.

— Мы пошли в долину плачущих деревьев, — тихо и неуверенно ответила девятая. Зашипела недовольно, когда почувствовала боль от тычка в ребра. Брат тоже выглядел недовольным и сурово смотрел на стусевавшуюся пятую.

— Вы сошли с ума.

Пятая улыбнулась неуверенно, немного смущенно. Она и сама понимала, что их задумка, точнее задумка девятой, сумасшедшая и почти невыполнимая. Но оставлять сестру одну не хотелось. Пятая и так уже знала, что до долины дойдет лишь одна из них. Слушая недовольное бормотание первого, который навевал воспоминания и порождал тепло в груди, она глушила в себе радость. Поэтому по-прежнему улыбалась смущенно, вжимая голову в плечи.

— Сейчас и так беспокойно в мире. Все готовятся к пришествию. Да и... — неуверенно начал брат, стуча пальцами по колену. Посмотрел быстро на сестер, вновь задумался, останавливая взгляд на свече. Вздохнул тяжело, как-то недовольно. — Появилось странное, новое пророчество.

— Неужели торговцы вновь воруют видящих? — ужаснулась пятая и невольно прижала к себе сестру. Прижала так сильно и неожиданно, что та пискнула от удивления.

— Нет, — первый покачал головой. — В пророчестве говорится о рождении нового героя, вылепленного из боли, стали и благородства. Только он победит нового монстра рядом с горами.

Девятая слушала его, о пророчестве и вспоминала свое недавнее видение. Белоснежные волосы, железная кольчуга и окровавленный меч. Монстр. Пятая тоже закатила глаза, когда услышала про монстра, о котором говорили почти все. И обе сестры в опасность нового существа, почти человека, не верили. Да и эпоха рыцарей уже давно прошла, поэтому герои просто странно звучали в контексте их жизни.

Говорили они долго. Девятая лежала у холодной стены, смотрела на них сквозь полуприкрытые веки, прислушивалась к их монотонному, успокаивающему голосу. Постепенно она уснула, не дослушала и не обратила внимание на то, как они сели на одну кровать и говорили, пока не потухла свеча.

Проснулась девятая на рассвете и поначалу не поняла, что происходило. Сонно

посмотрела по сторонам, на пятую, которая трясла ее за плечи и кивала в сторону двери. Уже через некоторое время они вышли из дома, скрывая лица в тени от капюшонов, оставляя в комнате досыпать брата, который так и не ушел.

Илзе проснулся рано.

Скорее всего рано, потому что Катарина лежала под одним с ним одеялом, прижималась плотно и обнимала. Было жарко и неловко, от позы уже затекли руки с ногами и неприятно ныли колени. Еще рубашка неприятно липла к потной спине. На самом деле утро начиналось хорошо: его никто не подгонял, не смотрел надменно и непонимающе, вокруг царил уют и сытость. Да, теперь он всегда сыт, одевался хорошо и спал в собственной комнате на собственной кровати. Но это не отменяло того, что его настроение уже было скверным.

От чужого тела, которое воспринималось раскаленной, твердой печкой, настроение портилось. Сразу появлялось множество чувств, которые Илзе отгонял от себя и никогда о них серьезно не задумывался. В его жизни и так много вопросов. От них уже болела голова, появлялись новые вопросы, проблемы и становилось до тошноты плохо.

Поэтому он не думал. Плыл по течению, впрочем, как и всегда.

Катарина рядом недовольно и глухо застонала, зажмурилась, от чего он напрягся. Разговаривать сейчас с ней не хотелось. Однако она лишь выдохнула ему в шею длинно, повернулась на другой бок и вновь уснула. Хорошо. Илзе едва тихо выдохнул, наблюдая за телом перед собой, отслеживая все движения и дыхание. Спала. И это хорошо.

Ему по-прежнему неловко, хоть они и спали в одной постели уже продолжительное время. Она всегда к нему приходила, прижималась, целовала, гладила, улыбалась шало. Они засыпали вместе и просыпались. Сегодня Илзе проснулся первым и это хорошо. Вздохнув, он коротко поцеловал её в щеку, потому что Катарина любила поцелуй, особенно утром, медленно встал, следя за чужим дыханием.

Не проснулась.

Поправив рубашку, которую никогда не снимал, взял чистую одежду и медленно, ступая на носочки, направился в купальню. Только там, убедившись в том, что поблизости никого нет, он снял одежду и подошел к нагретой в бочке воде. Слуги уже проснулись. Илзе большим ковшом налил в таз горячую воду и разбавил ее холодной, взял тряпицу с травяным мылом и смыл с себя весь пот, переживания и проблемы. Вымыл волосы до скрипа, скривился невольно, когда задел тряпицей незажившие еще шрамы на спине. Они больше не кровоточили и не гноились, но все равно неприятно ныли. От этого Илзе не спал больше на спине, хоть и любил раньше эту позу. Поэтому каждое утро у него болели бок и руки, иногда еще и ноги.

Умывшись, он насухо вытер короткие волосы, оделся, ощущая почти удушающий запах трав и еще чего-то ассоциирующееся у него с наказанием. Господин, когда был сильно огорчен, отправлял его на стирку, после чего у него болели руки и краснела кожа. Потом от него еще несколько дней воняло так, что близко никто не подходил или кривился слишком явно.

Пошел по коридорам пустого особняка, хотя Илзе уверен, что слуги уже трудились и няня Катаринины тоже давно встала. Комнаты и коридоры пустовали. Он замер рядом с дверью в свою комнату, но, пересилив тревогу, пошел дальше на кухню. Хотелось есть.

На кухне уже сидели слуги. Хорошо это или плохо Илзе не знал, но коротко и тихо поздоровался, получил небольшую порцию от повара и сел за дальний стол, на столешнице

которого заметны глубокие рубцы от ножей. Разделочный. Значит за тем готовили какие-то соусы или напитки.

Со слугами Илзе не общался, потому что те его не принимали. Смотрели всегда косо и подозрительно, некоторые, кто видел его у Господина — ехидно. Шептались за спиной и задавались одним вопросом: что он здесь делал? Илзе и сам искал ответ на него, потому что не понимал, до сих пор ждал подвоха и вздрагивал от любых упоминаний Господина. Дверь кухни приоткрылась, отчего он напрягся и замер, но сразу же отдернул себя. Всего лишь дворецкий.

Ничего страшного.

Каша оказалась очень сытной. Немного пресной, но он радовался даже этому. Потому что это не остатки и не куски хлеба, которые им иногда кидали ради развлечения. Илзе в подобном никогда не учувствовал, считая себя выше этого, но иногда желудок подводил. Иногда становилось очень плохо. Поэтому первое время здесь ел много и быстро, что сразу выдавало в нем раба. Что всегда вызывало смех, насмешливые взгляды и сочувствующие улыбки. Это тоже раздражало.

Илзе прекрасно понимал, как выглядел в их глазах. Понимал и не сильно осуждал, потому что долгие годы сам был слугой, потому что жил среди таких людей. Сплетников, которые улыбались выше поставленным людям, а за глаза сплетничали, осуждали и ругались. Особо смелые смеялись. Он и сам был таким. Но ощущать себя предметом обсуждения все равно оказалось неприятно, особенно сейчас. Когда он и сам не понимал, в качестве кого находился в особняке. То ли возлюбленного, то ли беженца, то ли игрушки. Отношения Катарини к нему пусть и имело одну направленность, но зачастую оказывалось переменчивым.

Поэтому, когда за спиной послышались приглушенные голоса, он не повернулся. Лишь по привычке напряг слух. Услышанное информативность не несло, лишь огорчало, потому что обсуждали молодые парни, в униформе родовых цветов — темно-синий и алый, именно его. И госпожу Катарину, которая всех волновала. О себе Илзе слышал много плохого — между рабами всегда велась жесткая конкуренция, поэтому о нем шептались, его обсуждали, делали гадости и подставляли. Наверное, завидовали тому, что Господин уделял ему больше внимания и не продавал, как остальных. Но, если честно, Илзе никогда этим не гордился. Держался за свое место только из-за страха, потому что в большом мире у него уже давно ничего не было.

Интересно, матушка его умерла или нарожала еще детей? Спилась ли она или встретила хорошего мужика? Иногда подобные мысли всплывали в голове, потому что несмотря ни на что, матушку он любил. Та, когда не пила, часто рассказывала ему легенды и сказки про Древних и магию. Они никогда не ходили в церковь, матушка водила его на площади, где развлекались другие дети, продавались сладости и иногда приезжали шуты. Потом же матушка уходила в запой и выносила все из дома, спала со всеми за деньги и пила, пила, пила. Ему было пять, когда он попробовал алкоголь. Поэтому Илзе относился к нему спокойно, хоть и любил дорогие вина, особенно эльфийское. Эльфы мастерски готовили вина и делали украшения. Как-то раз, ему даже посчастливилось, он надел тонкие золотые цепи, как замену ошейника и серьги с массивными топазами. Господин тогда оказался очень доволен его внешним видом, говорил, что Илзе и сам похож на эльфа, только кожа у него едва тронута загаром. Да и был он намного младше, милевиднее и голос у него тогда сильно ломался, отчего почти весь вечер молчал и следовал за Господином тенью. Тогда его и

продали чужим людям впервые, какой-то старой леди, любящей симпатичных мальчиков. Имени ее Илзе не знал, но лицо помнил, сухие пальцы тоже.

Поэтому на сплетни о себе он внимания не обращал, лишь оценивал ситуацию. Слуги поместья его явно недооценивали и считали мимолетным увлечением леди Катарины. Для них же хуже. Илзе уже понимал, как стоило себя вести. Если леди Катарина, по их словам, уже жаловалась няне и младшей сестре в письмах на его странное поведение, то стоило измениться.

Неожиданно разговоры смолкли и ложки застучали по дну тарелок. Чавканье. Довольный выдох и один из них тихо шикнул.

– Слышали, поговаривают, – шепотом сказал один из них, наверняка наклоняясь к остальным и осматриваясь по сторонам. Илзе напряг слух. — Что леди Галатея родила первенца. Девочку. Мне прачка сказала, что ей сказал гонец, а он услышал от поварихи в поместье герцога Карнуэль, что девочку назвали Матильдой.

Послышались завистливые вздохи, ахи и невнятные шепотки. Илзе невольно нахмурился, не понимая их радости, а потом вспомнил. И правда, во дворце многие судачили, что беременность леди Галатеи проходила тяжело. Поговаривали, что она могла и не доносить ребенка, от чего Господин кривился, отсылал длинные письма. Многие считали, что он заботился о младшей сестре, желал ей добра и беспокоился о ее новой семье. Но Илзе знал, что это не так.

– Какая радость! Здоровые дети ценны как золото. Леди Галатея достойна лучшего. Теперь у них настоящая, большая и счастливая семья, – радостно зашептал другой. Голос на грани грубости и писка, речь сбивчивая, словно говорила девчонка. Илзе не обернулся, но все же предположил, что говорила точно девушка, ведь только они так трепетно относились к семье. Как и Катарина, они видели свою жизнь в создании большой и счастливой семьи.

Илзе невольно скривился, смотря на кашу. Она все не заканчивалась, пресная, с комочками она плотно прилипала к стенкам и дну тарелки. Он уже ощущал насыщение, слабую пока еще боль в желудке, но каша не заканчивалась, ему не хотелось выбрасывать ее или отдавать еще полную тарелку. Это не культурно. Поэтому он сидел и глотал, подавлял в себе приступ тошноты.

Из-за своих мыслей он пропустил начало нового разговора.

– Угу, – ответил кто-то, явно не девушка, но и не тот первый, грубоватый голос. Скорее всего третий. — Но поговаривают, что Галатею продал ее брат. Мол, ходил он к молодому герцогу Карнуэль, почти на коленях умолял и подарил им на свадьбу три мешка золота с драгоценностями. Продали леди Галатею, как продают кур на базарах, а все почему? Потому что она дальний потомок одного из Древних. И потому, что ее брат, наш уважаемый господин, очень хочет стать единоличным правителем этих земель.

Послышалось шипение и недовольный стон. Оглушительная тишина, в которой лишь трещали поленья в камине, кипела вода и нож бил по деревянным доскам. Мир замер, прислушиваясь, а потом вновь ожил. Эти трое тоже заговорили.

– Тихо ты, дубина! Без работы остаться хочешь? — разъяренно зашипела девчонка и скорее всего вновь ударила говорящего, потому что последовал глухой стон боли.

– Не нам обсуждать жизнь господина, – поддакнул первый.

– И правильно, – от громкого, четкого голоса вздрогнули все. Илзе посмотрел исподлобья на массивную женщину с большими руками и жидкими волосами, забранными в высокий пучок. Та посмотрела на всех хмуро, стоя в дверях, уперла руки в бока. — Совсем

распоясались. А ну живо на конюшни и в прачку! И чтобы я больше не слышала подобных разговоров. До добра это все не доведет, попомните мои слова. Живо за работу!

Слуги вышли из кухни стремительно, оставляя на столе грязные тарелки. Илзе же с места не сдвинулся, выдержал суровый взгляд няни. Та его недолюбливала не только из-за происхождения, но и из-за того, что Катарина плохо училась. Илзе сам замечал, что она все чаще крутилась вокруг него, книги не читала и вообще всячески игнорировала своих учителей. Его подобная халатность не волновала, остальные же казались недовольными и винули во всем его.

Чужие слова не стали для него открытием. О браке леди Галатеи даже спустя два года судачили. Многие женщины на приемах говорили о его неравенстве, обвиняли леди Галатею в холодности и не женственности. Хотя именно она больше всех нравилась Илзе, потому что скупой улыбалась, в тайне от брата подкармливала их и казалась почти неземной. Очень красивой и нежной.

Доев кашу, он коротко поблагодарил повара и побрел в сторону сада. Коридоры до сих пор пустовали, но теперь все ощущалось немного по-другому. Илзе слышал тихие разговоры, шорохи, смешки и шорох ткани. Слуги и гувернантки работали, все ходили, смеялись, разговаривали за закрытыми дверями. Он даже порадовался этому, потому что странное ощущение одиночества притупилось.

Воздух все еще морозный, свежий и немного влажный. Илзе видел росу на траве, наливающеся цветом небо и дышал, дышал так, словно от этого зависела его жизнь. По коже бежали мурашки от холода, воздух оседал льдом внутри, но почему-то ему стало очень хорошо. Потерев шею, Илзе сел на порог, оставляя дверь открытой. Холодный воздух залетал в особняк и растворялся в коридорах. Обычно его ругали, говорили о том, что в особняке становилось ветрено и прохладно, опасно и вообще был риск леди Катарине заболеть. Но Илзе не мог побороть нестерпимое желание, стремление к этому уголку сада, к двери, в которой сидел.

Было в этом что-то необычное. За безопасность он не волновался, потому что на задний двор пробраться очень сложно — охраняли особняк хорошо. Поэтому долгое время, особенно утром, когда мир только просыпался и жужжание насекомых, шелест листьев становилось единственной музыкой. Успокаивающей. В такие моменты появлялось ощущение, что он один на земле. Свободен.

Была ли у него свобода сейчас? Илзе не уверен, хоть и гнал от себя эти мысли. Потому что от них становилось грустно и неудобно. Все чаще появлялось ощущение тяжести на шее, появлялись покраснения. Он гнал от себя это, но все равно невольно замечал и мирился. Выбора не было. Был ли Илзе счастлив? Совсем нет. Хотя нужды больше не испытывал и теперь жили для него, а не он для кого-то.

Слишком странно и непонятно.

У Господина было все намного проще и понятнее. Он раб, существовал лишь для удовлетворения Господина, его потребностей и желаний. За ним ухаживали, иногда наказывали за неповиновение, но далеко не отпускали. Господин по-своему, очень странно и иногда неправильно заботился о нем. Здесь же Илзе не понимал, кем являлся, кто они с Катариной и зачем его вообще оставили в живых.

Стыдно признавать, но иногда Илзе скучал привычной жизни раба.

Но возвращаться туда все же не хотел.

Набрав в легкие свежий воздух, он невольно улыбнулся. Спокойствие. Очень хорошо.

Рядом пролетела бабочка, за ней еще одна. Илзе смотрел, как они кружили вокруг друг друга, полетали и сели на маленькие белоснежные розы, еще не до конца распустившиеся. Эти розы Илзе тоже любил намного больше обычных, потому что кустовых всегда много, и они маленькие, нежные, пышные. В саду Господина тоже росли нежно-розовые кустовые розы.

Он невольно усмехнулся. Катарина с Господином все же слишком похожи.

Позади послышались мягкие шаги, а потом кто-то положил руки ему на плечи. Мягко. Пальцы сжали плечи, переместились на грудь и прижали к себе. Илзе широко улыбнулся, смотря на Катарину за спиной. Она тоже улыбнулась, но сонно.

— Опять рано проснулся, — недовольно буркнула она и зевнула. Выдохнула длинно, зарываясь носом в его волосы. — От тебя как всегда вкусно пахнет. Пойдем кушать.

— Доброе утро, — сказал он и поцеловал ее в щеку, от чего та заалела. Катарина улыбнулась ему счастливо и сжала сильнее.

***

— Я так устала, — недовольно протянула Катарина и, обняв его руку, прижалась плотно. Так плотно, что стало душно и невольно захотелось отступить. Однако Илзе остался на месте и лишь улыбнулся ей, погладил по щеке свободной рукой. Она улыбнулась ему смущенно, поцеловала коротко, приподнявшись на носочках, и положила голову на плечо.

— Что случилось?

— Устала. Надоела мне няня, очень. Пристает, говорит, что нужно учиться. Только об этом и говорит, да еще и на нескольких языках! Книги сложные заставляет читать и из библиотеки не выпускает, пока я все страны и политическую обстановку в них не назову. Не хочу.

Она жаловалась ему, говоря то очень громко, всплескивая руками в негодовании, то почти шептала, прижимаясь ближе. Целовала шею, терлась носом и улыбалась, когда Илзе обнимал ее в ответ, тоже целовал и гладил по спине и талии. От этих движений Катарина медленно успокаивалась, не говорила больше про няню плохо, лишь сетовала на то, что знание языков, географии и истории ей не понадобятся.

— Дорогая, учиться важно. Так ты станешь достойной женой, образованной женщиной и прекрасным собеседником.

Он говорил уверенно и ласково, вспоминая свои нечастые выходы в свет. Женщины, много знающие и правда пользовались популярностью. Умных уважали и боялись, хотя многие не воспринимали всерьез. Господин долгое время общался с двумя такими женщинами, поддерживал с ними дружеские отношения и никогда не тянул в постель, несколько раз приглашал в кабинет и даже предлагал своих рабов. Высшая степень доверия для него. Поэтому Илзе знал о том, что Катарине бы учиться, а не с ним гулять. Но сама она была другого мнения.

На его слова она недовольно насупилась и укусила в отместку. Катарина оказалась с ним не согласна, поэтому сжимала руку крепко, недовольно сопела, но ничего не говорила. Потому что не знала аргументов, хоть и понимала справедливость его слов. Он всегда говорил правильные и нужные вещи. Катарина ему верила, но учиться не хотела.

Недовольно выдохнув, Катарина улыбнулась через силу.

— Пошли погуляем по саду. Я знаю, тебе там нравится.

Они вышли из особняка и пошли по узким дорожкам вдоль кустов и клумб. Илзе смотрел по сторонам, улыбался слабо, рассматривая кустовые розы. Что-то в них все же

было. Притягательное и завораживающее, особенно когда рядом находились раскрывшиеся и еще спящие бутоны. Единственное постоянное в его жизни и мире.

Пока появлялись новые расы и предсказания, кустовые розы спокойно росли, цвели и отцветали. В его жизни была Катарина, которая смотрела влюбленно, обустроенный особняк и хорошая еда. Хорошая жизнь начиналась, но радости от этого он не чувствовал. Потому что изменения его тоже нервировали. Илзе слышал от Папы, что медленно церковь сдавала позиции, но сейчас, наверняка туда многие люди ходили. Потому что всех приучили к этому. Когда происходило что-то неизвестное и пугающее, люди направлялись в единственный оплот спокойствия, молились Богу и просили его уберечь, покупали серебряные кресты, свечи и святую воду.

К сожалению, Илзе никогда не верил в Бога и церковь не посещал, поэтому успокоение пока не находил.

— Как я люблю это время. Только ты и я, — довольно выдохнула Катарина и прикрыла глаза. В последнее время она выглядела неприлично довольной. — Пойдем в беседку? Туда и чай скоро принесут.

Илзе в ответ кивнул и, поцеловал подставленную щеку, последовал к деревянной беседке. Ее он тоже любил, потому что кроме удобных диванчиков там стоял стол для еды и для шахмат. Иногда, когда ему очень хотелось быть одному, Илзе приходил сюда и сидел, пока не приходила Катарина или слуга, говорящий о том, что леди его искала. В такие моменты он сразу уходил, но сейчас, собирался сидеть так долго, как мог. У Катарини уже закончились занятия, а если что-то нужно, то няня точно найдет.

Улыбнувшись, он посмотрел на высокую белоснежную беседку, в окружении клумб с гортензиями. Подал руку Катарине, когда та поднималась по короткой лестнице, сам поднялся и сел рядом с ней на диванчик. Выдохнул прерывисто, когда она села рядом, прикоснувшись своим коленом с его. Как всегда близко. Чай принесли быстро. Катарина разлила его и вновь посетовала на злую няню, на то, что ей шили не такие платья, то и дело уточняла, как она выглядела, поправляла волосы и лукаво улыбалась. Он улыбался ей в ответ, уверял в том, что никого красивее в жизни не видел, отвечал на поцелуи.

— Может, сыграем в шахматы? — спросила неожиданно Катарина и кивнула в сторону шахматного стола.

— О, это замечательная идея! Я буду играть черными, — образовался он и пересел на другой диван. Катарина недовольно насупилась, но медленно встала и села напротив него, разглаживая складки на подоле. Достала шахматные фигурки и расставила свои, то же сделал и Илзе.

Илзе любил шахматы. Это одно из немногих, чему его учил Господин. Сейчас он понимал, что делалось это лишь для того, чтобы на балах раб не выглядел глупцом. Шахматы воспитывали сосредоточенность, терпение и умение видеть ситуацию наперед. Илзе и правда видел, как мужчины и женщины уединялись за шахматными столами и во время партии обсуждали дела. Иногда ему счастливилось присутствовать в такие моменты. Поэтому да, он был в этом хорош.

Поэтому спокойно улыбался, переставлял пешки, наблюдая за ликованием на лице Катарини. Она совсем не умела держать лицо. Уже считала себя победителем, даже не подозревая, что Илзе жертвовал пешками для достижения цели. Усыпление бдительности, создание ситуации успеха и медленное наступление. Когда он съел коня, Катарина напряглась, когда оказался в непозволительной близости к королю и королеве —

насупилась.

Вздрогнул, когда к его колену прикоснулось чужое. Посмотрел на нее и заметил лукавую улыбку, а к его колену прижалась уже стопа. Катарина с ним заигрывала, отвлекала, но Илзе наученный. Его ум оставался холодным даже в таких ситуациях благодаря долгим тренировкам Господина. Поэтому он лишь усмехнулся и сделал ход конем. Она надавила стопой на его ногу, раздвигая, надавила на внутреннюю часть ляжки.

Дразнила.

Илзе на провокации не велся, хоть тело и реагировало определенным образом. Науку ведения шахматной партии он усвоил хорошо, несколько раз даже обыграл Господина, за что тот его награждал украшениями или заморской едой. Илзе невольно усмехнулся, когда понял, что в такие игры он играл виртуозно, а читать не умел до сих пор.

Катарина его отстраненностью осталась недовольна. Она насупилась и убрала ногу.

— А где ты научился так играть? — неожиданно спросила она и скривилась, когда одна из фигур повержено упала.

— Ваш брат научил, — нехотя и медленно ответил Илзе, подбирая каждое слово. Катарина не часто спрашивала его о прошлом, сейчас все реже, но каждый такой разговор он ненавидел. Лишнего говорить не хотел, но и игнорировать не видел смысла. Ему это не на руку.

Поэтому в такие моменты он особенно осторожен.

— Он тебя только в шахматы играть учил?

Илзе прикусил щеку изнутри, смотря придирчиво на доску. Выход был предельно очевиден, точнее он видел два развития событий, оба из которых вели к его победе, но важнее — на что она обидится меньше? Вопрос же его поставил в тупик.

— Еще учил манерам, но у него всегда было много дел.

Катарина недовольно нахмурилась и скрестила руки на груди. Видела, что Илзе сидел напряженный, понимала, что он ей врал и это очень злило. Катарина хотела знать о нем все, хотела верить, что он принадлежал всецело только ей. Потому что Илзе только ее и больше ничей! Неужели он ей не доверял? Они же любили друг друга, а любящие друг друга люди никогда ничего не скрывали и не ввали.

— Ну и не говори, если не хочешь! — прикрикнула она и резко встала. Топнула ногой, поправила резким движением волосы, выпавшие из высокой прически. Вскинула обиженно подбородок и ушла, стуча каблуками. Илзе смотрел ей в след, потом на шахматную доску и сделал последний ход.

Шах и мат.

Все же он пошел быстрым путем. И Катарина обиделась. Он тяжело вздохнул, проведя ладонью по лицу. Как все сложно. Наверное, стоило бежать за ней и просить прощения, ведь она столько для него сделала, так заботилась, а Илзе поступал плохо. Вел себя неправильно. Катарина этого не заслуживала. Однако его все равно немного раздражало то, как отчаянно и настойчиво она лезла в его прошлое. Смысл? Он жил сейчас с ней и то, что происходило в прошлом больше не имело никакого значения.

В последнее время она нервная какая-то стала. Постоянно задавала странные вопросы, злилась, когда они не вместе. Катарина требовала все его свободное внимание себе, что уже немного беспокоило. Странное ощущение и почему-то очень знакомое.

Вздохнув тяжело, он все же встал и пошел на поиски Катарины. Перед ней следовало извиниться, ведь обиженная женщина хуже любого монстра.

Зевнув, он потянулся всем телом, ощущая приятную тяжесть в теле. Прохладный воздух трепетал волосы, вызывая мурашки на коже. Он дышал ароматами цветов и трав, радовался жужжанию пчел и лаю собак, которые гуляли неподалеку. Тишина и рядом никого не было. Особенно Катарина.

Конечно, тогда они помирились, потому что Катарина никогда на него долго не злилась. Однако осадок остался. Теперь она почти всегда рядом, приходила после ужина в его комнату, клала в шкаф свои вещи и требовала внимания. Они завтракали, обедали и ужинали вместе, всегда целовались и обнимались, потому что ей требовался тактильный контакт. Гуляли в саду, рассматривали картинки в книгах, пили чай, лежали в постели и все всегда вместе. В последние дни Катарина повадилась и в купальню ходить с ним.

Это уже не сильно беспокоило, но казалось чересчур. Иногда у него болела голова, появлялось странное ощущение, зудящее на коже. Хотелось побыть одному, слушать тишину и не чувствовать никого рядом с собой.

Как оказалось у Катарина и Господина было очень много общего.

— Милый, ты где? — крик Катарина он услышал даже здесь. И вздохнул тяжело, потому что прекрасно понимал, что она скоро будет здесь. Тишина и одиночество закончились, вместо них пришло привычное тепло и немного жесткий поцелуй. — Почему ты ушел? Мы же хотели вместе посмотреть книги.

Книги он уже не хотел смотреть, потому что картинки его не впечатляли. Читать он хотел бы научиться больше, но его здесь никто не учил. Илзе замечал, как коряво и нескладно читали остальные слуги и на фоне них чувствовал себя дураком. Катарина ситуацию не улучшала. Но, несмотря на свои мысли и выводы, Илзе улыбнулся ей и поцеловал, крепко прижав к себе.

— Извини, хотел немного погулять.

— Но почему ты не позвал меня с собой? — негодовала Катарина, сжимая его плечи до ноющей боли. — Мы бы могли вместе погулять, а потом пойти посмотреть картинки. Мне няня сегодня принесла рисунки новых свадебных платьев.

Илзе удивился ее словам. Как он помнил, никто в особняке замуж не выходил. Зачем тогда платья? Не желая оставаться без информации, он осторожно спросил.

— Зачем смотреть свадебные платья?

— Как зачем? — Катарина задохнулась от возмущения и на шаг отошла от него. Посмотрела недовольно. — На нашей свадьбе я должна быть самая красивая! Я же тебе говорила. Самое лучшее, провести свадьбу в Серат, но я не могу столько ждать. Давай проведем ее в Мальбун, тоже хорошая и светлая дата. Осталось всего немного до конца осени.

Эта новость ему не понравилась. Очень не понравилась и испугала. Илзе не собирался жениться, он не планировал связывать свою жизнь с Катариной. Но все, как всегда, решили за него и это сильно расстраивало. Злило и пугало. Илзе улыбнулся через силу, позволил себя увести и терпел, рассматривал платья, слушал, как Катарина заливалась соловьем и рассказывала, что уже отправила письмо в ближайшую церковь. Слушал и понимал, что его вновь привязывали, надевали драгоценный ошейник, но теперь навсегда.

Этой же ночью, собрав в потрепанную сумку запасную одежду, украшения, нож и немного еды Илзе сбежал. Бежал так долго, что перед глазами все плыло, в легких горело, а ноги болели. Но он бежал, потому что понимал, что больше рабских ошейников на себе не

потерпит, сколько бы драгоценных камней на них не было.

Вереск смотрел на старинный, но по-прежнему крепкий и яркий дворец, ощущая приятное чувство уюта. Да, теперь он был дома. Здесь и дышалось легче, небо казалось светлее и ему улыбались приветливо. Здраваться, правда, не подходили, натываясь на хмурого Алькора. Тот выглядел в стенах дворца, выложенного из светлых кирпичей, немного странно. Но на него лишь косились, вопросов не задавали, потому что в академию чужие никогда не приходили. Вереск невольно поднял голову, рассматривая прозрачный купол, по которому шла еле заметная радужная рябь — концентрированная магия. Такие купола использовали редко и пропускали только гостей или людей со способностями. Один купол скрывал академию от людских глаз и злобы, а второй туманом вился вокруг плачущих деревьев.

Дворец, когда-то принадлежащий Дайяну, одному из Древних, сохранил свое былое величие даже спустя столетия. Высокое и массивное, но вместе с тем светлое, с алыми башенками, каменными дорогами и клумбами, которые когда-то высаживала его супруга. Вереск влюбился в дворец с первого взгляда и сразу понял, что останется здесь. Несмотря ни на что.

Руку обожгло болью, а на открытом запястье остался алый отпечаток. Вереск насунился от неприятного жжения и посмотрел недовольно на хмурого Алькора.

— Не смотри так ни на кого! — заявил он и взяв за руку, потянул за собой. Вереск ничего не ответил, потому что уже не видел смысла, лишь отметил про себя, что ревность друга теперь распространялась еще и на неживые предметы.

Вздыхнув тяжело, он все же сконцентрировался, поймал поток и направил его на обожженную кожу, исцеляя. Даже не запыхался и не напрягся. Под куполом воздух почти искрился от чистой энергии, которая так и просилась в руки, требовала преобразований. Вереск не напрягался, двигал пальцами, свободно перенаправлял и невольно улыбался этому ощущению могущества и свободы. Безднаказности. В приюте такое не поощрялось.

Алькор вновь недовольно нахмурился, сжал его запястье. Рядом воздух похолодел, а энергия заискрилась, завилась вокруг их рук. Злился. Улыбнувшись, Вереск подошел чуть ближе и улыбнулся, успокаивая.

— За тобой нужно будет присматривать, — недовольно буркнул Алькор, хмуро провожая взглядом девчущку, которая весело помахала им рукой.

Наверняка они со стороны выглядели немного странно, особенно Алькор. Он не вел себя, как те зажатые мальчишки и девчонки, стоящие вдоль стен. Как те дети, которые пугались магии, смотрели на все с опаской и без чужой подсказки не ходили далеко. Нет. Алькор шел уверенно и быстро, словно знал дорогу и вел за собой Вереска.

Неожиданно кто-то очень громко откашлялся и сказал:

— Дорогие потерянные, прошу всех собраться рядом со сценой. Повторяю: потерянные, соберитесь рядом со сценой!

Они замерли. Вереск свободной рукой поправил ремень сумки и посмотрел на друга. Улыбнулся ему.

— Тебе пора. Не волнуйся, все пройдет хорошо, а я пока получу вещи с учебниками и приберусь в комнате, — сказал Вереск и погладил его по руке. Алькор нахмурился, выпрямился, доставая макушкой ему до лба. Высокомерно вскинул подбородок и отпустил,

гладя ладонь, щеку.

– Ты же знаешь, что я ничего не боюсь. Подожди меня, я скоро буду.

Наверняка он хотел сделать что-то еще, но, осмотревшись, отступил, а потом и вовсе молча ушел. Как всегда. Алькор не менялся, поэтому Вереск не обижался. Он лишь усмехнулся, проводил фигуру другу взглядом и сам пошел дальше. Через большие открытые двери, в прохладные и светлые коридоры. Вдохнул слабых запахов сырости, который усиливался осенью и весной. Осенью в замке хорошо топили печи и горели факелы, поэтому порой становилось душно, но из-за открытых окон ледяной воздух со снежинками гулял по коридорам.

Вереск шел медленно, дозируя каждый шаг, улыбался слабо и смотрел на уже знакомые стены с картинами и подсвечниками, дороги, которые прятались за резкими поворотами, лестницы с массивными, каменными поручнями, на которых вырезаны руны и слова на древнем языке. Вереск древний язык еще плохо знал, но уже понимал смысл. Дайян всегда защищал своих учеников.

Поэтому дети всегда чувствовали во дворце себя защищенными, многие после обучения здесь и оставались. Вереск пока не знал, куда пойдет, не думал об этом, но в академии остался бы. Помощником лекаря или целителя. Но пока он об этом не думал, потому что его решения всегда зависели от воли Алькора, а у того всегда планы оказывались большими.

На втором этаже коридоры стали уже, а двери чуть тоньше. Некоторые уже открыты и позволяли заглянуть в комнаты, в которых убирались другие ученики. Почти всех Вереск знал, потому что новички сейчас выслушивали речь директора и проходили испытание. Тот день он тоже помнил, потому что никогда прежде не испытывал такого страха и радости. Кажется, в ту ночь он не спал, потому что под закрытыми веками появлялись страшные картины, а в ушах стояла оглушительная тишина.

Он здоровался с друзьями и знакомыми, шел дальше и остановился в самом конце коридора, напротив массивной двери. Постучав костяшками по ней, Вереск поправил рукава рубахи, скрывая все еще покрасневшую кожу. Через несколько минут дверь открылась и на него посмотрела массивная женщина с крючковатым носом и вытянутыми очками. Осмотрев его, она улыбнулась широко, обнажая желтые зубы.

– Вереск, дорогой, как я рада тебя видеть!

– Не представляете, как я счастлив видеть вас, леди Лао, – незамедлительно ответил он и улыбнулся, угодив в крепкие объятия. Пусть леди Лао и некрасива на вид, но была лучшим поисковым магом и заведовала общежитием. Многим знаниям, которое пригодились в приюте, научила его именно она.

– Мой проказник, – ласково пожурив его леди Лао и вошла в просторный кабинет, заставленный высокими стеллажами и комодами. Она проворно шла среди них, доставала ветхие книги, одежду, свитки и перья. Улыбнулась, выкладывая все на стол и протянула Вереску свиток. — Как всегда, мой дорогой, напиши, что тебе выдали и подпишись.

Вереск посмотрел на небольшую стопку вещей, склонился над столом и проворно писал, поглядывая на количество свитков, перьев и книг. Он делал это уже второй год, поэтому прекрасно знал зачем и понимал, что в этом году ему даже чуть больше дали. Оно и хорошо, лишними вещи никогда не бывали. Убрал отросшие русые волосы за ухо, он еще раз проверил список и, сконцентрировавшись, поймав поток, подписался. Имя золотым сиянием вспыхнуло и погасло, подтверждая написанное.

– Выбрал уже направление? — поинтересовалась она, отходя к доске, на которой

висели ключи. Больше половины уже не было, их отдавали новичкам, но некоторые еще висели. Ключи от комнат второкурсников.

– Я бы хотел на целительство, но вы же знаете, какой учитель Инула строгий. Набирает только избранных и тех сильно мучает перед этим, – отмахнулся Вереск. Он понимал почти невозможность своих желаний, потому что отбор всегда проходил серьезный. После него обычно все смельчаки отсыпались и восстанавливали силы, а счастливицы жаловались на загруженность и сложность.

Ему бы очень хотелось, потому что магия врачевания всегда привлекала. Да и Алькору целитель рядом полезен, особенно когда тот привыкнет к новому миру. Но обстоятельства складывались не в его сторону, поэтому Вереск сомневался и уже рассматривал другие направления.

– Не переживай понапрасну, милый. У тебя обязательно все получится. Держи ключ и располагайся, наверняка устал с дороги.

Леди Лао погладила его по волосам, отдала ключ и отпустила, занимаясь новым посетителем. Вереск же удобнее взял вещи и пошел обратно по коридору, останавливаясь посередине. Посмотрел на дверь с длинными царапинами и невольно улыбнулся. Ключ повернулся в скважине три раза и дверь со скрипом открылась. Нужно смазать петли.

Комната встретила затхлым запахом, небольшим беспорядком и уютом. Только его, две кровати, два узких стола и один большой комод. Только он и сосед. Не было постоянного шума, лишних глаз и скрипучей кровати, как и страха засыпать. В приюте Вереск очень скучал по чему-то своему и вот он вернулся.

***

Алькор смотрел на детей с подозрением. Здесь были дети богатых родителей, разодетые в дорогие ткани и украшения. Они сразу выделялись взглядом и поведением, совершенно раздражающим. Были и обычные, как он с Вереском. Нет, конечно, они необычные, особенные, но эти тоже ходили в застиранных штанах, боялись громких звуков и неловко улыбались, когда с кем-то разговаривали. И с ними ему придется учиться?

Неприятная участь. Он был достоин большего, а не этих глупцов, которые ничего не понимали.

Алькор стоял поодаль, у самой стены и смотрел на потерянных, как называли их маги, на пустую сцену. На стройную женщину в длинном платье, которая ходила между ними. Симпатичная, в меру миловидная и очень наивная, потому что наивность всегда шла рука об руку с доброжелательностью. Его Вереск тоже был добрым, но наивность Алькор из него давно искоренил.

Женщина почти перетекала от одного ребенка к другому, наклонялась, говоря им что-то и уходя, улыбалась. И так раз за разом, пока не подошла к нему. Тоже наклонилась, отчего вид на ее грудь в неглубоком разрезе открылся хороший.

– Здравствуй, милый. Я Амелия Соттерли или леди Соттерли для учеников. А как тебя зовут?

Голос у нее тоже в меру слащавый и высокий. Милый. Так обычно ворковали девчонки, когда оправдывались перед зрителем. Эта леди тоже скорее всего перед кем-то часто оправдывалась или считала его идиотом, как и всех остальных. Но Алькор знал правила игры, поэтому тоже улыбнулся и ответил.

– Алькор, – представился он и, заметив недоумение на ее миловидном лице, добавил. — Я не принадлежу никакому дому. Приютский.

— Оу, милый, не волнуйся, — тут же защелкала она и что-то записала в свитке. Алькор, если честно, не волновался. Ему хотелось как можно быстрее пройти испытание и вновь оказаться рядом с Вереском. Тот хотя бы не шумел. И наверняка разговаривал с кем-то без его разрешения. — Сколько тебе лет? И откуда ты приехал?

— Мне почти одиннадцать. Жил в приюте рядом с Вермелло.

— Такой молодой и уже здесь? — леди явно задала риторический вопрос, потому что сразу же принялась писать в свитке. И чтобы заполнить паузу, продолжила. — У нас тут учиться замечательный мальчик, тоже из приюта Вермелло. Вереск. Вы скорее всего подружитесь, он невероятно милый и старательный.

Леди оторвалась от свитка и посмотрела на него. Алькор же улыбался, но внутри чувствовал клокочущую злость. Он знал, что Вереск очарователен, как и знал то, что он лишь его друг. Конечно, наивность людей им была на руку, но злость все равно огнем разливалась по телу, а пальцы онемели. Леди побледнела и отошла от него. Сглотнула, поправила черные, кудрявые волосы и улыбнулась натянуто.

— Милый, сейчас будет испытание. Если пройдешь его, то поступишь в академию и сразу отправишься в общежитие. Если нет, то тебе помогут добраться до дома. Удачи!

Ушла она так же быстро, как и пришла. Алькор смотрел, как леди вновь приставала к детям и улыбалась им мило. Интересно, почему она побледнела? И скоро ли будет испытание?

Взяв эмоции под контроль, он вновь спокойно рассматривал счастливых и напуганных детей, которые изредка посматривали на него. Но не подходили. Алькор уже заскучал, когда на сцену вышел долговязый и седовласый мужчина в странном, аляповатом костюме. Высокие сапоги непривычно смотрелись с алыми колготами и удлиненной рубахой, которая больше напоминала платье. Еще и шляпа с широкими полями скрывала в тени половину его лица. Мужчина поправил шляпу, отчего стали заметны седые волосы, и улыбнулся широко.

— Приветствую вас в стенах академии! — громко сказал он и все сразу стихли. Даже ветер, казалось, стал тише. — Все вы пришли сюда, потому что имеете дар управлять магией. Или вы так думаете. Чтобы это определить, все дети проходят испытание, по результатам которого вы или попадете в замок к своим будущим учителям, или останетесь здесь. Все вы будете разделены на группы, которыми и будете входить в специальную дверь. Какое испытание я не скажу, а то будет не интересно. Прошу вас не пугаться и слушать нас.

Воздух потяжелел, камни под ногами задрожали и между ними появились черные линии. Они вились между собой, скользили по камням, пока не достигли стен и купола. Алькор смотрел на это с интересом и усмехнулся. Умно. Линии делили всех почти на равное количество человек. Он еще раз посмотрел на линии, попытался стереть одну из них носком ботинка, но не сумел и, немного разочарованный, побрел к своей группе.

Запускали детей в небольшую дверь неподалеку от главного входа. Та самая леди улыбалась всем, подбадривала и, спустя какое-то время запускала новую группу. Вереск ему не рассказывал про свое испытание. Маленький манипулятор сразу же переводил тему или делал так, что он сам забывал обо всем, кроме тела рядом. Поэтому Алькор не знал, что там было, но представлял нечто страшное, иначе почему Вереск всегда бледнел и сжимал руки в кулаки или мямлил колени.

Он пошел четвертым.

Неожиданно пропало все. Любые звуки, запахи и свет. Алькор поначалу опешил, даже отступил на шаг, чувствуя волну страха. Один, в абсолютной тишине и пустоте, в темноте,

где наверняка кто-то притаился. Он выдохнул хрипло и сжал руки в кулаки, отчего ногти больно впились в ладонь. Сознание очистилось, а страх отступил. Теперь он яснее мыслил, но мысли, на фоне тишины, казались настолько громкими, что и этого не хотелось. Алькор тряхнул рукой и сконцентрировался, как учил его Вереск. Потoki магии ощущались хорошо, поэтому он окончательно успокоился. Значит, нужно выбраться? О, Алькор не дурак и не будет ходить по этому месту в поисках двери. Если двери не было, то он сам ее создаст.

Воздух ворвался в его жизнь вместе с шумом и ярким светом, от которого слепило в глазах. Он выдохнул прерывисто, потер глаза и пошел на свет, выходя из помещения к шокированным взрослым и детям. Они смотрели все на него как-то странно, со страхом и изумлением. Алькору это понравилось. Людям следовало его бояться, но игра продолжалась. Поэтому он лишь улыбнулся и поинтересовался:

– Я прошел испытание? А то там было так страшно. Совсем тихо, темно и руки немели.

***

Открыл окно, впуская свежий воздух, положил вещи на зеленый плед и посмотрел на половину комнаты, которую занимал Кайя. Наверняка к нему кого-то поделят, поэтому стоило собрать вещи и посмотреть, может, было в них что-то интересное.

Вереск достал ненужный, пыльный мешок и бросил туда первую вещь — странную мягкую игрушку. Перья и пергаменты забрал себе, как и книги, спрятал их под кровать, выбросил оставленную одежду, оставил минералы, выбросил зеркало, рисунок какой-то женщины, ленты, ненужные обереги. Кайя ему никогда не нравился и сильно раздражал, особенно когда у них начались основы некромантии. Мальчишка постоянно плакал, смотрел на рисунок и звал мать или сестру. Хорошо, что его не было рядом, немного жаль, что он погиб. Молодой еще был. Ходили слухи, что его заживо съел новый монстр, который поселился рядом с Великими горами. Наверное, Вереск бы посмотрел на этого монстра, потому что люди описывали его по-разному, делая до ужаса безобразным великаном с бородавками или изящной, хрупкой девушкой.

Он вздохнул, вытирая пот рукавом от рубашки и сел на свою кровать. Теперь чисто. Интересно, когда придет его сосед по комнате и кто это будет? Додумать он не успел, потому что в дверь робко постучались и кто-то заглянул в комнату. Не новенький. Мальчик с его направления, но из другого класса, весь светленький и курчавый, по-детски милый и очень тихий.

– Привет, – он неуверенно улыбнулся и нервно махнул рукой. Вошел в комнату. — Меня поселили с тобой. Надеюсь, мы подружимся.

Посмотрев на мальчика, Вереск улыбнулся натянуто. Скорее всего они не подружатся, потому что тот казался слишком похожим на Кайю. Такой же неуверенный, лепечущий и раздражающий. Но ссориться с ними не хотелось, поэтому Вереск всегда говорил медленно, спокойно и никогда не спорил, оставаясь при своем мнении. Да и общались они редко. Вереск надеялся, что проблем с новеньким не возникнут.

– Приятно познакомиться. Не волнуйся и располагайся, – успокоил его Вереск и указал на кровать у противоположной стены. Сам же он взял мешок и поставил рядом с приоткрытой дверью. Вещи свои убрал в правую сторону шкафа, потому что это его территория, перья же положил на свой стол, туда же и учебники. Учеба начиналась только завтра, поэтому в них пока не было надобности. Интересно, когда вернется Алькор? Прошел ли он испытание? Конечно прошел, друг всегда шел к своей цели, а мечтал он об академии очень долго. Поэтому Вереск не беспокоился, но интересно было и то, когда же Алькор

придет. Конечно, придет, ведь он никогда не отходил надолго, особенно когда они находились рядом.

Вереск вздохнул, смотря в окно. На площади уже пусто, значит, новички уже проходили или прошли испытание. От воспоминаний он передернул плечами. Все же этот день был самым худшим, еще хуже, чем день, когда тетка привела его в приют.

– А ты уже выбрал направление?

Посмотрев удивленно на нового соседа, имя которого не знал и до сих пор не спросил, Вереск нахмурился. Зачем ему эта информация?

– Думаю на целительство, – неуверенно ответил он, решая поддерживать дружеский тон. Или хотя бы вежливый, потому что им предстояло вместе жить. В комнаты их селили учителя и выбор их никогда не ставили под вопрос, а если и сомневались или были недовольны, то им отказывали. Поэтому если к нему уже подселили кого-то, значит с Алькором они будут в разных комнатах. Зато на одном этаже.

Мальчик приоткрыл рот, улыбнулся широко и вообще выглядел воодушевленным.

– Круто! А я бы хотел поисковиком пойти. Находить потерянные вещи, артефакты и старые здания так круто.

– Да... Это интересно, – неуверенно ответил Вереск и улыбнулся натянуто. Год обещал быть сложным.

***

Конечно, ему поверили и расслабились, хотя леди, стоящая неподалеку все равно с подозрением, посмотрела на сломанную стену, неподалеку от двери. Но она быстро улыбнулась ему и подошла.

– Молодец, милый. Ты прошел испытание и будешь учиться на направлении магии мертвой материи. Да, думаю тебе это лучше подойдет. Пойдем, – ласково сказала она и махнула, призывая идти за ней. С ними пошло еще три мальчика и девочка. — Вы все теперь ученики академии. На первом и третьем этаже располагаются классы. Вы завтра утром все встречаетесь в холле третьего этажа, там будет ждать вас учитель Мракс, он же вам все и объяснит. Сегодня вы заселяетесь в общежитие, оно на втором этаже и в башнях, но в башнях живут старшие курсы. Вы будете жить на втором. В комнате живут по два человека с разных направлений, это для того, чтобы вы общались между собой. Сегодня вам выдадут форму с вещами и покажут комнату. Вы должны отдохнуть, потому что испытание было не из легких.

Они прошли вдоль дверей. Алькор с интересом вытягивал голову и искал Вереска, потому что комнату его пока не знал. Но, с сожалением не понял, какая комната принадлежала другу, поэтому пошел за остальными, оставляя этот вопрос пока без ответа. Он слушал леди вполуха, на других ребят внимание не обращал, осматриваясь по сторонам. Тут было даже мило, намного просторнее и чище, чем приюте. Когда они замерли, Алькор с интересом посмотрел на леди, постучавшуюся в массивную дверь, которая незамедлительно открылась.

– Познакомьтесь, – леди показала им массивную, страшную женщину, которая оскалилась в ответ. — Леди Лао будет вам помогать. Именно она заведует общежитием и выдает вещи и учебники. Подходите к ней по одному и внимательно выполняйте инструкции.

Алькор пошел первым, смотря хмуро на недовольных этим детей. Ему уже надоел этот цирк и хотелось оказаться в комнате, вновь чувствовать присутствие Вереска. Поэтому он беспрекословно выполнял все поручения не запоминая даже, что делал, потому что очень

устал. От тупости людей и вынужденности держать улыбку. Поэтому, получив вещи и учебники, он поблагодарил леди Лао и стремительно вышел. В выделенную комнату он идти не собирался, поэтому пошел на поиски Вереска.

Голос. Он замер, прислушиваясь и действительно услышал голос друга совсем неподалеку. Ускорив шаг, Алькор замер неподалеку от открытой двери, в которой стоял его Верес с каким-то парнем. Весьма симпатичным парнем, что злило сильнее. Нахмурившись, он подошел ближе, но тут же улыбнулся, когда леди тоже заметила их.

– Вереск и Лукас, милые! Как давно я вас не видела. Как вы? Уже обустроились? – защebetала леди, подходя к ним близко. Неприятно. Еще неприятнее стало, когда Вереск улыбнулся ей совсем не натянуто и позволил себя обнять.

– Вы правы, давно. Все хорошо, почти разложили вещи. О, леди Соттерли, Кайя оставил в комнате некоторые вещи, и я не знаю, куда их деть.

– О, милый, давай я отнесу леди Лао, она отдаст их другим детям, – незамедлительно ответила леди и, взяв мешок, пошла к двери, из которой он недавно вышел. Алькор смотрел, как она заходила в комнату со стеллажами и уже уверенно подошел к ним. Вереск его появлению удивился не сильно, лишь улыбнулся слабо, а вот его сосед казался ошеломленным.

Сильнее он удивился, когда Алькор дал ему свои ключи и спокойно вошел в комнату.

– Выметайся отсюда.

Конечно, все же было решено. Он никогда бы не стал жить в другой комнате без своего Вереска. А бегать из комнаты в комнату просто не видел смысла. Да и не видел он на лице друга несогласия, лишь немой укор за грубость. Мальчишка же, Лукас, кажется, непонимающе смотрел на свой ключ, на Алькора, который по-хозяйски сел на его кровать и покраснелся от негодования. Он уже открыл рот, силясь возразить, но замер, почувствовал вокруг холод. Страх. Смотря на спокойного Алькора и молчащего Вереска, Лукас недовольно поджал губы, но собрал вещи и убежал. Проблем ему не хотелось.

Смотря ему в след, Вереск покачал головой и закрыл дверь.

– Ты мог бы быть и немного вежливее.

– Зачем? Не думаешь же ты, что мы будем жить отдельно? — усмехнулся Алькор. Вереск посмотрел на друга и закатил глаза. Нет. Конечно же он знал, что они будут жить вместе, но все равно можно было быть и вежливее.

Горы оказались слишком большими. Настолько огромными и основательными, что Тера чувствовала невольный трепет и страх. Потому что это слишком: холодно, много и опасно. Камни слишком опасны. Тера смотрела на них, задирала голову и ощущала холодок на коже, чувствовала, как тонкие волоски вставали на руках и на ногах. Видела неровности, как камни заходили друг на друга, острыми пиками стремились вверх, кое-где все же прорастали тонкие деревья, камни покрывались влажным мхом. Но горы слишком молчаливы и холодны. Пусты. Как она, как Зарина и скорее всего другие, которые были или нет. Они этого не знали точно, потому что слухами мир полнился, но и о ней много говорили не правду, поэтому Тера не верила никому.

Медленно, немного неловко подойдя к камням, она протянула руку и напряглась. Камень ощущался больше приятно, но все равно как-то непривычно. Холодно, на удивление сухо и неровно, немного больно. Она не давила, но все равно ощущала раскрытой ладонью все неровности. Природный камень, не как в поместье Пикфордов, не как теплый камень печи Трии. Слишком основательно. От мысли о том, что горы стояли со времен сотворения, еще когда ее мама под стол ходила, перехватывало дыхание.

Много интересных и непонятных чувств.

Ей скорее нравилось, чем нет. Наверное, она бы хотела жить в подобном месте, среди пустых, тихих и уверенных камней, которые успокаивали. Среди них Тера чувствовала себя спокойной, словно мир больше не существовал, оставляя ее один на один с вечностью. Но момент был испорчен неожиданным ревом дракона, тенью от его крыльев и тела, пролетевшего над ними. Нахмурившись, она посмотрела на величественное тело древнего зверя, которое казалось слишком близким и сосредоточенным, словно он тоже за ними наблюдал. Что-то блеснуло, едва уловимо зазвенело, из-за чего Тера отошла и прищурилась.

Неожиданно.

Цепь. Да, скорее всего цепь, которая отходила от горы к шее дракона. Значит, не просто так он не отлетал далеко. Тера убрала волосы с лица и опустила взгляд. Это даже хорошо, потому что больше людей она опасалась драконов, которые больше, могущественнее и злее нее, потому что от них Тера не представляла, чего ждать.

— Он никогда не отлетал далеко. Магушка рассказывала, что этот дракон летал у гор еще когда она маленькой была.

Голос Зарины окончательно разрушил атмосферу. Тера вздохнула тяжело и покачала головой.

— Говорили, что он остался еще со времен Древних, — невпопад ответила Тера, вспоминая слова Трии. Та часто разговаривала, пока готовила и рассказывала ей много легенд. Тера пропускала многое мимо ушей, но иногда слушала, проявляла интерес. К сожалению, слишком редко. — У него цепь на шее.

Она отошла, потому что горный камень больше не казался таким привлекательным, а давил морально и немного отпугивал. Осмотрелась, думая, какая гряда длинная и невольно остановила взгляд на тонкой и неровной щели. С этого место она казалась щелью, хотя на самом деле была ущельем несколько метров в ширину. Туда они ни разу не ходили, потому что Зарина много и нудно рассказывала про фей, которые ревностно охраняли свои границы. Рассказывала она и о странностях, происходящих в ущелье. Тера сильно заинтересована не

была, поэтому не рвалась и не подходила близко. Вообще не подходила близко к тому, чего не знала, о чем не слышала и не видела прежде. Потому что магический мир непредсказуем.

Этот мир по-прежнему ее настораживал, пусть и казался уже достаточно привычным, узнаваемым. Ее мнение разделял и Мино, который, пусть и сбегал, гуляя по окрестностям, но всегда возвращался и опасные места обходил стороной. За него-то Тера боялась меньше всего, потому что мертвое существо умереть дважды не могло, но все равно опасалась вновь остаться одной. Зарина не была семьей, а скорее вынужденной мерой.

Занудная, принципиальная и немного трусливая. Зарина так или иначе цеплялась за Тера, между делом называла ее Матерью, намекая на то, что та являлась, похоже, родоначальницей новой расы. Радость Зарины Тера не разделяла, лишь закатывала глаза всякий раз и уходила.

Все разговоры с ней не имеют смысла. Зарина не только занудна, но и поверив во что-то, вряд ли разувериться. Пойдет до конца.

Не то чтобы Тере это не нравилось. Нет. Подобная особенность ограждала ее от предательства, но несла за собой некоторые сложности. Одной из них являлась преданность, которую Тера уже замечала в словах и поведении. Это настораживало сильнее, потому что жили они вместе не долго, осень только перевалила за половину, а первый, но скудный урожай уже был собран. Ей не хотелось ответственности, потому что за свои поступки Тера пока не отвечала и всячески открещивалась от проблем. Если их будет двое, то и проблем станет в два раза больше.

Все же, Тера надеялась на скорый уход Зарины, пусть и не отрицала факт того, что вдвоем чуть проще жить.

– Домой?

Еще одно отличие. Зарина быстро привыкла, уже называла охотничий домик домом, их домом, в то время как Тера иногда терялась и постоянно стремилась куда-то. Куда не известно, потому что душа требовала покоя и защищенности. Наверное, она бы с радостью жила где-то в скале, как отшельники из сказок. Но такой роскоши в ее распоряжении не было, поэтому она вздохнула и кивнула, молча возвращаясь в лес.

Он больше не напрягал, лишь вызывал странную ностальгию. На самом деле лес в этом мире и в ее прошлом, где осталась мать с сестрой, не сильно отличались. Те же высокие ели, ивы и липы, но были и другие, более тонкие деревья с зелеными, острыми листьями, которые не желтели и не опадали даже сейчас. Неизвестные кусты, ягоды, цветы, которые похожи, но все равно другие. Тера редко прикасалась к новой природе, потому что из рассказов Трии помнила о том, что в их лесах росли ядовитые растения. К сожалению, или счастью, природа оказалась той областью, в которой Зарина не знала ничего.

Зачастую Тера смотрела на животных. К странным, вечнозеленым деревьям волки с белками подходили без страха и иногда спали в их корнях, а вот белые ягоды с кустов не ели и обходили стороной. Иногда они рыли землю под кустом с алыми листьями, вырывали корни и быстро убегали. Зарина тоже удивлялась такому странному поведению зверей, зарывалась в те немногочисленные книги, которые принесла с собой, но ничего не находила.

Невольно вздрогнула, когда рядом зашуршали опавшие листья. Тера хмуро посмотрела на подошедшую Зарину, на что та улыбнулась.

– Ты в последнее время все реже тренируешь свои способности. Тебе стоит прикладывать больше усилий, это может стать хорошим оружием.

Зарина говорила что-то еще, скорее всего расписывала преимущества ее способностей.

Тера и сама понимала это, знала, что умение убеждать — хороший туз в рукаве, но он давался трудно. Контроль постоянно соскальзывал, убеждение работало временами, Зарина не слушала приказы. Иногда, помимо разочарования в себе, Тера чувствовала страх, потому что помнила, как зол был тот мужчина. Его не остановила даже эта сила. Неудачи не подстегивали, а лишь медленно убивали, искореняли желание что-то делать, потому что все равно не получалось.

Казалось, это понимала и Зарина, которая мягко, но настойчиво убеждала в обратном. Порой так настойчиво, что Тера опасалась и ее. Злилась. На себя и на нее, на то, что не получалось, что выглядела она при этом глупо. Тера не понимали или делали вид — разницы не было.

Зарина и сейчас мягко, ненавязчиво предлагала ей попробовать и ничего более. Не получится, можно в другой раз. И этот тон злил больше всего, потому что Тера чувствовала себя глупой вдвойне. Обычно она сдерживалась, молча выслушивала, иногда кивала для приличия, но ничего не делала, переживала. Сейчас же молчать не получалось, а тон стал последней каплей.

— Заткнись! — она резко повернулась и посмотрела Зарине в глаза, подавляя в себе нестерпимое желание напасть. Голос, подобно шипению змеи, испугал Зарину, отчего та побледнела, замерла на месте испуганным кроликом и не сумела рта раскрыть.

Раскрыла рот и закрыла, посмотрела на Тера испуганно и примирительно подняла руки. Голосовые связки не работали, отказывались, из-за чего Зарина чувствовала себя странно, очень неуютно. Полная потеря способности говорить. Это немного напрягало, учитывая то, что умом она понимала, что физиологически с ней все в порядке.

Эффект длился долго. Зарина и сама понимала, что ходила по тонкому лезвию и нарывалась, но получившееся превзошло все ожидания. Потому что даже без зрительного контакта и на большом расстоянии убеждение сохранялось. Лишь в нескольких шагах от дома, Зарина почувствовала небольшую ломоту мышц шеи и замычала. Заговорила, хоть голос и был немного хриплым. Стоило еще потренироваться.

— Мама! — крикнула она, когда голос окончательно вернулся, а Тера скрылась в доме. Зарина поправила ремень тканевой сумки и стремительно пошла к дому, улыбнулась невпопад Мино, который вновь стоял у дверей и осматривался, принюхивался. — Холодает.

Тера на ее слова лишь вскинула бровь и кивнула в знак того, что поняла и сама заметила изменение ветра. В последнее время действительно холодало быстро, ветер становился почти ледяным, пробирался в щели и под половицы. Это не причиняло дискомфорт, потому что Тера не мерзла, как остальные люди, но ближе к зиме обзавестись одеялами, обувью и более теплой одеждой все же стоило.

— Мы пока не испытываем дискомфорт, но все же стоит подумать об одежде и дровах. У нас не хватит дров даже на следующий месяц, — сказала Зарина, откладывая сумку на стул. Она потянулась и вздохнула тяжело, когда вместо ответа Тера лишь вопросительно вскинула бровь. — Скоро приедут торговцы и нам нужно купить у них одежду или ткани. Не смотри так, я прекрасно знаю, какое к нам отношение. Нам нужно выйти. Дрова тоже стоит нарубить. Было бы лучше воспользоваться силой и заставить какого-нибудь мужика, но не смотри так на меня, я понимаю, что это мы тоже сделаем сами.

Тера ее энтузиазма не разделяла, но с доводами согласилась. Дров и правда не хватало, а они разжигали камин сейчас только ночью и то не каждой. Зарина быстро побежала к своим свиткам, которые лежали на столе ровными стопками, взяла перо с чернильницей и

принялась на самом краю записывать нужное. Комментировала это, то ли для себя, то ли предупреждая Теру. Денег у них не было, как и других вещей, точнее не было их у Теры, в то время как Зарина уверенно говорила об одежде, овощах и других вещах.

– У нас нет денег. Людей много, это может быть опасно, – все высказала Тера свою позицию и незамедлительно услышала крик в ответ.

– У меня есть деньги. Мы же теперь семья и пока все мое — твое. По поводу людей, да, выходить немного опасно, но у нас выбора нет. И нет, мы не будем воровать, потому что я еще хочу жить!

Тера тоже этого хотела, но людей опасалась и понимала, чем эта вылазка обернется. Поэтому она долго не соглашалась, смотрела сурово и не говорила ничего. Зарина расстраивалась не сильно и не долго, в обычное время Тера тоже не многословна, да и отходчива зачастую соглашалась, особенно когда на нее давили. Зная маму, Зарина не давила умышленно и прямолинейно, лишь ненавязчиво напоминала, жаловалась и находилась постоянно рядом. Видела, как та злилась, избегала ее, натравливала Мино, который рычал только, да к хозяйке не подпускал. Давала порции меньше, что лишь способствовало увеличению ощущения холодной пустоты внутри.

Но своего Зарина все-таки добилась и победно улыбнулась, когда Тера прошла мимо и махнула рукой. Дала добро. Такой гордой за себя она не чувствовала себя давно, даже когда стояла с мужем в церкви, ощущая пристальный взгляд его бывшей. Тогда все закончилось хорошо, и они долгое время были счастливы вместе, подумывали о детях, но что-то пошло не так и вот она здесь.

С Терой тоже не так плохо. Порой, Зарина чувствовала себя наставником, который готовил дитя ко взрослой жизни, рассказывал ее основы. Однако Тера старше, пусть и менее опытна, да и воспринималась она больше, как Мать, первородная и самая-самая. Поэтому понапрасну Зарина ей не перечила и во всем помогала, гадая, есть ли другие, а если есть, то, когда они придут? Дети всегда тянулись к матери, даже если ее никогда не знали.

Единственное, что напрягало — голод. Он тугой спиралью закручивался в желудке, выступал ознобом на коже и навязчивой мыслью в голове. Тера виду не подавала и за это Зарина ее уважала, но сама уже чувствовала себя неважно.

– Я есть хочу, – как-то раз ночью прошептала она. Так, чтобы никто не слышал и не видел, чтобы списать это на сон или помутнение. Потому что это неправильно. Потому что для утоления голода нужно убить человека. Они убийцами не были.

Она надеялась, что эта слабость так и осталась в глухой ночи, но утром взгляд Теры оказался красноречивее всяких слов. Та тоже голодная, немного побледнела и замедлилась, но виду не подавала и мастерски переключила ее внимание. Попросила записать все их особенности, чтобы знать, над чем работать. Зарина радовалась и писала быстро, оставляя чернильные кляксы, рассказывала ей что-то, совершенно позабыв о трудностях.

– На самом деле, было бы хорошо встретиться с автором, он точно все знает!

Она говорила уверенно, со знанием дела. Тера отвлеклась от разглядывания кромки ночного леса, слишком неспокоен тот был, повернулась к Зарине и посмотрела вопросительно. Та показала раскрытую ладонь, прося подождать, и убежала в глубь дома, оставляя Теру наедине с Мино и лесом. Что-то ее настораживало, словно внутри нечто тонкое и едва уловимое натягивалось. То ли страх, то ли предчувствие беды. Неужели охотники? Тогда следовало быть осторожнее и охранять дом тщательнее.

Когда Зарина вернулась, она поставила на стол свечу и свою карту, которую в последнее

дни не выпускала из рук. Раскрыла ее и указала на странную башенку, на которую Тера поначалу даже не обратила внимание.

— Здесь живет автор, он все знает и нам может помочь. Вот только до него идти долго, да и не всем он помогает, заперся в своей башне и не выходит, ждет пришествия. Можно было бы, конечно, попробовать, но говорят, что противный он старик и давно выживший из ума.

Тогда рисковать не стоило.

Этого никто не произнес, но обе согласились и пока решили не предпринимать ничего. Узнают своими силами и наблюдением друг за другом. Потому что даже сейчас Тера находила кроме внешних признаков много других схожестей. Это немного настораживало, но вместе с тем и радовало, потому что впервые за долгое время Тера чувствовала себя не одиноко. Был кто-то в мире такой же, как она.

Она думала об этом все чаще, особенно когда потрошила кролика или лисицу, а Зарина сидела неподалеку и рассказывала что-то о своем мире. Иногда, когда было хорошее настроение, Тера рассказывала про себя. Рассказывала про то, что жила в другом мире, где уже были машины и ваннные комнаты, что вышла замуж и умерла, возродившись здесь. О том, как умерла и через что прошла в Яме умолчала, потому что не считала нужным, да и про Яму многие уже все знали, пусть и искаженную историю.

— Слишком много совпадений. Это нужно проанализировать, может, есть какая-то закономерность. Интересно, если ли кто-то еще и когда они к нам придут? Они же точно придут, потому что будут искать ответы, а ты, как самая первая, должна их знать. Ну ничего, люди лишними не будут, рабочая сила всегда нужна. Но лучше бы пришел мужчина, он бы и дрова нарубил. С мужиками легче, они хоть и глуповаты бывают, но свое дело знают, да и постоянное общение с женщинами испортит любого. Мне с тобой нравится, но все же иногда бывает скучновато, особенно сейчас. Мы почти как супруги! Не смотри на меня так, я образно говорю. Совсем ты юмора не понимаешь.

В последнее время Зарина говорила слишком много, часто и быстро. Порой Тера даже не понимала смысла сказанного, но все равно прислушивалась. Пусть и злилась иногда. Она вновь посмотрела на сгущающиеся сумерки. В тот день к ним никто не пришел, как и на следующий и через него, но Тера чувствовала что-то неуловимое, напряженное. Вот-вот это должно случиться.

Наверное, поэтому, она лишь вздрогнула от неожиданности, когда в дверь постучали. Напряглась, потому что никого не ждала так поздно. Ощетинился и Мино, рыча глухо, смотря на закрытую дверь.

Воздух казался сухим и холодным. Сильный ветер, с легким привкусом морской соли и специй, обдувал шею и ноги, не скрытые плотной тканью одежды. Следовало купить что-то новое и более теплое. Ломило от холода и уши, отчего она невольно кривилась, смотрела на дома, невольно ища укрытие. Старый, массивный конь заржал и застучал подковами по каменным дорогам, унося за собой телегу с тканями. Герда смотрела им вслед, шурилась и облегченно выдохнула, когда телега скрылась за углом, унося с собой ткани и торговцев, которые были столь милы и подвезли ее почти даром.

Тряхнув головой, Герда свободной рукой вытащила из-за пазухи плотную, цветастую ткань. Хорошо, что не заметили. Осмотрела ткань, вздрогнула, когда шею коснулось теплое дыхание, быстро убрала ее в сумку, предчувствуя скорое пробуждение.

Город тоже еще спал, хотя с пристани доносились чужие голоса. Приплыли корабли. Герда укрыла спящего ребенка на руке тонким одеялом и медленно пошла ближе к центру города. Все самые хорошие и приличные места располагались ближе к главной площади, а не на окраинах. Раньше она бы и в окраинах пожила, там жилье дешевле, но людей и шума больше, да и не место там маленькому ребенку. Адрастея слишком для нее важна, а на окраинах орудовали работорговцы, которые интересовались больше маленькими, чем взрослыми, ведь первых покупали охотнее.

Все спали. Лишь некоторые открывали окна, проветривая дома, открывали лавочки с травами, специями, одеждой и другими товарами. По улочкам почти не ходили, лишь иногда Герда видела массивных мужиков, направляющихся на работу, которые косились на нее с подозрением, замечала женщин с масками, украшенными драгоценными камнями и витиеватыми металлами, закрывающими рот и нос. Женщины с восточного континента. Герда никогда прежде их не видела, но много раз слышала, поэтому пялилась неприлично долго, рассматривая темную кожу, глаза, похожие на маслины, которые торговцы продавали за баснословные деньги. В длинных плотных приталенных платьях из ярких тканей с высоким гордом и длинными рукавами. Восточные женщины в масках ходили вместе, на других не смотрели и не разговаривали, держались отстраненно.

Очнулась Герда лишь когда ее потянули с силой за волосы. Она зашипела, смотря с укором на Адрастею, которая сонно смотрела в ответ и широко зевала. Чувствовала, как на них смотрели, на те самые восточные женщины косились и наверняка насмеялись, отчего кожа щек и ушей пылала. Стыдно.

— Адрастея! — зло зашипела Герда и тряхнула рукой, отчего ребенок подпрыгнул. Вместо страха или паники, та лишь рассмеялась, захлопала в ладоши, начиная прыгать на руке. Это разозлило сильнее. — Хватит прыгать!

Адрастея замерла и недовольно насупилась, хмуро смотря на Герду. С темным хохолком волос, заспанными голубыми глазами и алым следом на щеке, она выглядела даже комично. Но Герда виду не подавала, немного грубо накинула одеяло на плечи ребенка и стремительно пошла дальше. Малодушно радовалась, что та молчала и почти не двигалась, лишь сопела недовольно и крутила головой во все стороны. Раздражала этим немного, но Герда уже привыкла и иногда предсказывала поведение и поступки Адрастеи. Дети вообще оказались слишком предсказуемыми и тренируемыми.

Купив в небольшой лавке хлеб и молоко, они сели на край фонтана, на главной

площади. Уже ходили люди, появлялось все больше голосов, Герда с интересом рассматривала людей, потому что в Яме мелькали лишь знакомые лица. Здесь новые. Здесь люди, которые могли помочь разобраться с проблемой. Однако пока она их не проверяла и не просила, лишь присматривалась, кормила Адрастею, которая тоже с интересом мотала головой и лепетала, ползала по земле. К сожалению, она еще не ходила, хоть и стояла, держась за руки или другие поверхности. Это уже радовало, потому что скоро Герде не придется постоянно носить ее на руках, да и Адрастея тяжелела день ото дня. Росла. Становилась все больше похожа на Теру и это злило.

Покормив ребенка, она сама съела часть теплого, свежего хлеба, допила молоко. Стало хорошо. Улыбнувшись, завернула недоеденную часть хлеба в бумагу и положила в сумку. Сидела некоторое время неподвижно, радуясь свободе и легкой прохладе на спине, лениво следила за Адрастеей, которая радостно хлопала в ладони, смеялась звонко, ловя капли от фонтана. На них смотрели, но ничего не говорили. Наверное, для них это не было проблемой, потому что в Яме девушки выходили замуж и рожали рано. Даже она мечтала о свадьбе с Сэмом, но всё разрушилось из-за Теру и этого маленького монстра.

Вздохнув, Герда медленно встала и обмотала одеяло вокруг талии и груди, подхватила радостно засмеявшуюся Адрастею. Взяла на руки и укутала одеялом, проверяя прочность узлов и не падал ли ребенок. Так делали многие в Яме, Герда не раз видела, как женщины почти привязывали ребенка к себе и ходили спокойно, ничего не боясь. Так же делала теперь и она, особенно когда гуляла по городу и искала нужных людей.

– Сиди тихо!

Адрастея не прониклась, обняла ее за шею на удивление сильными руками со спины и наверняка беззубо улыбнулась. Она слишком много улыбалась, что немного злило. Слишком эмоциональна и назойлива, слишком непохожа на Теру внутренне, но похожа внешне. Это тоже раздражало, потому что ту Герда ненавидела так сильно, что засыпала и просыпала с мыслью о ее смерти каждый день.

Посмотрев по сторонам, Герда направилась в сторону гильдии, о которой не раз рассказывали люди. Им не доверяли и немного опасались, но все равно говорили, приходили за помощью. Она тоже шла к ним за помощью, с надеждой, потому своих сил у нее пока не было, а Тера до сих пор ходила по земле и собирала вокруг себя армию. Если верить слухам, то она уже жила с другим таким же монстром. Это немного беспокоило, потому что Тера, к сожалению, опережала Герду.

Гильдия Бешеных волков находилась неподалеку от фонтана, но в глубине улиц. Вход она искала долго, хоть и слышала голоса, громкий смех. Смеялась с ними и Адрастея, пусть это похоже больше на крики птиц. Герда невольно улыбнулась, расслабилась, замерев напротив невзрачных дверей. Однако тут же напряглась, потому что гильдии никогда до этого не видела, а люди, к которым она обращалась, всегда грубо отказывали. Иногда оскорбляли и смеялись. Подобное отношение расстраивало. Ее не воспринимали всерьез.

Поэтому сейчас Герда нахмурилась, поджала губы и толкнула дверь. Она должна выглядеть уверенно. Как можно увереннее, чтобы они не смеялись и выслушали, потому что некоторые не слушали, не обращали внимание. Подобное поведение расстраивало, ведь Герда представляла, какими популярными и важными станут наемники, убившие монстра. Они же этого не понимали, не верили ей и пропускали слова мимо ушей, не доверяя слухам. Наивные и глупые. Это читалось даже на их лицах, в усмешках, косых взглядах и других мелочах, встретивших ее в гильдии. Здание точно двухэтажное, потому что Герда видела

узкую лестницу с кривыми перилами, относительно большое, больше похожее на таверну. В пустом помещении стояли большие круглые столы, за которыми или на которых сидели люди в странной одежде, в плащах из драконьей кожи, на меху или из плотной ткани, увешанные оружием.

Они лишь косо посмотрели на нее, кто-то гадко хихикнул, кто-то нахмурился, заметив за спиной маленького ребенка. И правда странно. В такие места не приходили с детьми, особенно с такими маленькими. С ними вообще дальше площади не заходили и из дома зачастую не выпускали, потому что берегли. Слишком часто дети умирали еще младенцами, не доживали до года или вовсе не рождались, погибая в утробе. В их мире дети ценились, но все равно их почему-то бросали. Герда слышала о приюте, который находился неподалеку от Ямы. Ее бывшего дома.

Тряхнув головой, избавляясь от ненужных сейчас мыслей, она уверенно шагнула вперед. Страшно. Неловко. Эти люди ее пугали, настораживало их оружие и мысль о том, что ее голова едва была больше их ладоней. Смотрела по сторонам с опаской, прикидывая, к кому можно подойти. На некоторых она посматривала, но они равнодушно отворачивались, на других не обращала внимание сама. Шла медленно, но уверенно, хоть и чувствовала стеснение, дрожь внутри и навязчивые мысли, орудие о побеге.

Однако, несмотря на это, шаг Герда не замедлила, лишь немного отошла в сторону, направляясь у одному из дальних столов. За ним сидело два широкоплечих мужчины с глубокими шрамами на лице, вызывающими оцепенение, настоящие бойцы, и женщина с неприятной усмешкой на лице. От нее исходил еле заметный холод, как тогда от Теры. Маг, скорее всего незарегистрированная, скрывала свои силы. Мысли эти ее напрягли, но Герда не отступила, останавливаясь рядом с ними.

– Я могу предложить вам интересное дело. За оплату и славу, конечно.

На нее посмотрели странно, немного насмешливо и пристально. Адрастея за спиной крутя головой, смотрела по сторонам, тихо лепеча себе что-то под нос. Ее поведение немного подрывало авторитет, но Герда не отвернулась, смотря на них выжидающе.

– Шла бы ты отсюда, девчонка. Оставь семейные разборки для дома, а сюда не лезь! — грубо отозвался один из мужиков, гадко усмехаясь. Герду его слова задели, потому что проблемы были вовсе не в семье, хотя и она медленно таяла. Месть затмевала собой все.

– Дело не в семье, – как можно спокойнее сказала она и посмотрела на других. — У гор живет монстр. Женщина, на вид слабая, но очень опасная. Убивает людей и прячется трусливо. Ее легко убить. Вы уничтожите ее, получите славу, а моя деревня избавиться от бремени.

Женщина вскинула в изумлении брови, а потом рассмеялась. Ей реакция обидела, но Герда виду не подала.

– Девочка, лучше побереги деньги для дитя и иди отсюда. Никто не согласится работать на ребенка. Иди отсюда, да поскорее, а то торговцы заберут.

Она хотела было возмутиться, но промолчала, лишь недовольно насупилась. И здесь ей отказали, хотя об этой гильдии ходили разные слухи, до того, что брали они недорого и почти все, потому что в последние годы к ним почти не приходили. Информация не подтвердилась или просто они отказали только ей. Последнее было вдвойне обиднее. Не испытывая судьбу, Герда ушла, слышал за спиной тихий лепет, потонувший в дружном смехе. Они еще пожалеют об этом. Когда монстр вылезет из своей норы, они все вспомнят о ней и поймет, как были не правы.

Она думала об этом, пока шла до таверны, отдавала монеты и поднималась по лестнице в их временное жильё. Адрастее пора есть и спать. К сожалению, она жила по четкому расписанию, которому следовала и Герда. Они вставали вместе и ели, ребенок играл какое-то время, потом вновь ел и засыпал, просыпался, ел, играл, ел и засыпал. Герда всегда была рядом, проверяла дыхание, кормила исправно и везде брала с собой, носила на руках, потому что он важен. Адрастея — символ ее мести, пока еще маленькая и несмышленная, которая станет прекрасным оружием в умелых руках. Ее руках. Если другие не соглашались на убийство, то она сама вырастит убийцу, станет им и тогда Тера точно умрёт в муках, потому что просто так Герда ее не отпустит.

Протерев полотенцем Адрастею, она достала недоеденный хлеб, развела его в воде и кормила с ложечки. Денег у них оставалось немного, как и вещей, которые можно было бы продать. Стоило что-то придумать, потому что без денег они не выживут. Люди слишком меркантильны, позволяли им сидеть в своей повозке только за монеты или другие вещи. Когда они ехали до Вермелло люди с повозкой попросили Адрастею и не помогли, потому что она отказалась. Ребенок нужен ей самой.

Адрастея крепко спала под тонким одеялом, подложив под щеки маленькие кулаки. Смотря на нее, Герда чувствовала странный, непривычный трепет, который испытывала очень давно. Когда ждала брата из академии, когда видела его успехи и ощущала присутствие рядом. Но Кайи уже не было, все из-за Теры, чья кровь текла в Адрастее. В ее маленьком оружии.

Им нужно выжить. Нужны деньги, потому что осталось совсем немного. Их хватит на еду и оплату убийства или только на еду, потому что за дорогу просили больше. Где взять деньги? Заработать их не вариант, как и продать что-то, потому что вещей на продажу не было. Продажа тела или обман работоторговцев? Нет, совсем не вариант. Украсть? Это уже казалось более реальным, но куда деть Адрастею? Тоже вопрос хороший.

Хорошо, вопрос с добыванием денег был практически решен. Убийца еще не был найден. Она разочаровывалась, когда слышала отказы, потому что не так представлялись ей наемники и гильдии. Ради денег они должны были быть готовыми ко всему, браться за любую работу, а не воротить нос от предложений. Принципиальные или трусливые — Герда не знала. В Вермелло было много гильдий, но скорее всего и они откажут. Надежды на них уже не было, поэтому она думала о подпольных наемниках. Те просили меньше и реже отказывали, но в то же время чаще дурили, обманывали, забирая с собой деньги или вовсе не выполняли заказы. Были, конечно, и те, кого боялись, кто выполнял свою работу безукоризненно, но они просили больше и найти их сложнее.

Тяжело вздохнув, она сама легла рядом с Адрастеей. Это оказалось намного сложнее.

***

В городе говорили в основном про новорожденную, к счастью, выжившую дочь герцога Карнуэль. Наследница Вермелло. Она слышала об этом на каждом шагу, венки до сих пор висели на некоторых домах, люди пили за здоровье малышки. Праздновали ее три месяца долго и со вкусом, благодаря чему им что-то доставалось задаром. Благодаря этому деньги Герда не тратила, а Адрастея ползала сытая и счастливая, улыбалась беззубо. Радовалась этому, присматривалась к людям, не выпуская из виду ребенка. Та слишком активна в последнее время, почти ходила и лепетала громко, то подзывая ее, то подзывая других. Адрастея любила внимание.

Невольно подумалось о том, что Адрастея ненамного старше наследницы Матильды.

Происходящее ее раздражало, особенно Адрастея, которая уползала, тянулась к воде или других людям. На нее смотрели с интересом, за ней наблюдали явно не из праздного любопытства и это напрягало. Герда чувствовала, что не будь они чуть расторопнее и Адрастею давно б украли. Поэтому Герда не отпускала ее далеко, держала на руках, щекотала пухлый животик и слушала залиvistый смех, думая о своем. Гильдии и редкие наемники, которые встречались на ее пути отказывали, зачастую довольно грубо. Некоторые правда выслушивали, но все равно отговаривали ее от мести, опасаясь Теру. Труссы.

Герда уже подумывала сама учиться, а не искать кого-то, но люди намеки не понимали. Если и понимали, то посмеивались и посылали домой, в теплую постель к супругу. Это оскорбляло. Она не для этого ушла из деревни. Из-за Теры у нее больше не было семьи и любимого человека.

Адрастея громко рассмеялась и слабо ударила ее ладонью по щеке. Голубые глаза, такие же, как у убийцы брата.

—Ма! Ма-ма.

Счастливая. Адрастея выглядела неприлично счастливой, а у Герды от натянутой улыбки болели губы. Хорошо, что ее считали матерью. Очень хорошо, проблем меньше. Погладила темные волосы на затылке, вдыхала аромат молока, трав и чего-то детского. Нужно решать проблемы — денег хватит еще на одну ночь или поездку.

— Пойдем, — тихо сказала она, поднимая хохочущую Адрастею на руки. Закрепила тканью ее перед собой, скривившись от ощущения теплого дыхания на шее. Неприятно. Поправив ткань, Герда стремительно пошла в сторону таверны, над которой жила. Медленно темнело, открывались бары, выходили женщины, призывно улыбающиеся прохожим. Торговцев почти не было, особенно женщин.

Становилось шумно и многолюдно. Адрастея крутила головой, елозя макушкой ей по подбородку и челюсти, отчего Герда чувствовала дрожь в теле и нестерпимое желание скинуть помеху. Сдерживалась. Смотрела по сторонам. Если сегодня найдет нужного человека, то можно уехать, если нет, то придется задержаться. Последнее ее удручало, потому что денег не оставалось, тревога за Яму возрастала, чувство собственного бессилия тоже. Потому что она слишком мала, неопытна и слаба, не могла избавить Яму от монстра. От монстров, которые жили спокойно и отравляли жизнь людям.

Отравляли жизнь ей.

Мимо пробежали дети, скорее всего спешили домой, Герда отошла к домам. Вздрыгнула, когда услышала сильный кашель за спиной. Развернулась резко, смотря в полутьму, где застыла женщина с помятой юбкой, задранной до бедер. Герда от подобного смущенно опустила взгляд, но неожиданно заметила, как та крепила два кинжала на ляжке. Такие кинжалы просто так не носили. Присмотревшись пристальнее, заметила тонкие шрамы на шее и руках, покрытые пятнами засосов. Женщина опустила юбку и похоже заметила внимание к себе.

— Не место тебе здесь, девочка с ребенком.

Герду эти слова уже злили. Почему каждый выгонял ее? Не воспринимали всерьез, гнали, не выслушивая. Раздражало. Выдохнув шумно, она тряхнула головой, кладя раскрытую ладонь на спину Адрастеи, которая хныкала непонятно из-за чего.

— Вы наемница?

Женщина посмотрела на Герду со смесью удивления и заинтересованности. Пристально, от макушки до пят, замирая на какое-то время на руке, глядящей

успокаивающегося ребенка. Усмехнулась чему-то своему.

– А что, если и так, девочка?

– Яма. Акокантера боится огня, острых предметов. Труслива, убить реально, если подобраться близко. Плачу три золотые.

– Дорогая, – она фыркнула и облокотилась на стену. Затянула корсет, поправляя платье. — Я здесь получаю намного больше. Пять золотых, не меньше.

Нахмурившись, Герда выдохнула длинно. Пять слишком много, баснословно много, но она первая и единственная, кто соглашался. Может, это был ее единственный шанс. Но пять золотых за голову Теры слишком много. После у нее не останется почти ничего, особенно если попадутся жадные торговцы с телегами. Женщина казалась слишком спокойной, словно ее это не волновало, и немного подвыпившей, покрасневшийся. Невольно Герда обратила внимание на неприметную вывеску. Публичный дом. Понятно, почему там платили больше и почему незнакомка так выглядела.

Взвесив все «за» и «против», она вздохнула тяжело и достала из сумки пять золотых монет. Оставалось две. На комнату не хватит. Придется искать телегу.

– Она должна быть мертва, – сурово сказала Герда, отдавая деньги. Незнакомца усмехнулась.

– Сделаем в лучшем виде. На Мальбун ее уже не будет.

Герда ей поверила, потому что больше ничего ей не оставалось. Проводила пристальным взглядом фигуру и понадеялась, что не прогадала. Одной проблемой меньше. Адрастея спала, денег не хватало, нужно двигаться дальше. Пока не будет доказательств смерти Теры, она не успокоится. Кажется, у той женщины на бедре была татуировка в виде птицы – гильдия соколов, а она в другом городе. Стоило наведаться туда.

***

Тяжело дыша, она остановилась у большой телеги с сеном и двумя лошадьми, которых уже запрягали. Прижала к себе Адрастею, оглянулась назад и натянула капюшон плаща глубже, скрывая лицо.

– Дядя, подвезите пожалуйста!

Мужчина повернулся и посмотрел на нее недоверчиво. На ребенка. Нахмурился сильнее.

– Две золотых, – сухо сказал он. Герда недовольно скривилась, но, услышав за спиной шум, быстро отдала деньги и села в телегу, скрываясь в сене. Адрастея недовольно завозилась, но успокоилась, когда почувствовала теплые руки, услышала тихий шепот. Мужик сел, запряг лошадей, и телега тронулась, увозя ее из Вермелло. Ее и странного человека, спящего неподалеку в сене.

Это уже становилось традицией. Традицией, которую ей не хотелось бы продолжать. Подавляла в себе легкое раздражение вперемешку с усталостью. Потому что она очень устала от этого всего, раздражалась из-за мальчишки, постоянно издающего странные звуки. Слишком шумно и тесно. Тера почти видела, как дом становился меньше, а воздух наполнялся чужим дыханием, вскриками и тихими словами, ей не понятными, недовольным шипением и смехом. *Шумно.*

Смотрела она на них недовольно. Скорее всего даже немного зло, потому что гости стыдливо отводили взгляд и виновато улыбались. Ребенок ситуацией не проникался, улыбался широко, говорил и смеялся, крутился на чужих руках, желая бежать куда-то. Именно это Тере не нравилось в детях, особенно сейчас, потому что слишком суетливы они были, непосредственны. Мальчишка напоминал ей об улыбчивой девчужке, в которой текла и ее кровь. Айасель, кажется? Может, она уже давно лежала где-то в сырой земле, может, переходила из рук в руки за деньги и не имела больше имени. Этим двум вариантам Тера не расстроилась бы.

О своих мыслях она никому не говорила, да и вообще мало с кем разговаривала, особенно в этом мире. Все казались ей чужими и до сих пор немного пугающими, потому что их истинного к себе отношения она не знала. В деревне тоже к ней поначалу просто настороженно относились, потом возненавидели и сейчас раз в несколько дней приходили с вилами, даже иногда наемники появлялись. Некоторые доставали, даже переступали порог и оставляли на ее теле царапины, но их прогонял Мино или злая Зарина, которая потом ворчала, обрабатывая ее раны. Иногда доставалось и они менялись местами и уже Тера пугала их, прогоняла, в то время как Зарина ругалась сквозь зубы, прижимая к рваным ранам ткань.

Потом наступала передышка. Тера никогда не теряла бдительность, а люди, наивные, словно выжидали, давали время и призрачную надежду, а потом вновь приходили. Хоть и боялись сильно.

Еще и эта пришло и так проблем мало.

Сейчас перед ними сидела женщина, намного старше их. Поначалу Тера подумала, что волосы у нее такие из-за старости, но в свете ламп и горелок они отливали не серым и лицо выглядело более молодо по сравнению с общим видом и телом. Все сейчас чувствовали себя неловко, кроме мальчишки, который замороженно смотрел на Мино.

— Итак... Вы кто? — взяла слово Зарина, за что Тера была ей немного благодарна. Она сама молча стояла у стола и пристально смотрела на гостей, чувствуя ответное внимание к себе.

Незнакомка дернула плечом и недовольно шикнула на мальчишку.

— Меня зовут Октавия, а это мой младший сын Лаки. Я из младшей ветви рода Карнуэль, наша семья долгие годы работает на них.

Тера когда-то краем уха слышала эту фамилию, но точно не знала, кем они являлись, поэтому не сильно впечатлилась. Однако это сделала Зарина. Посмотрела на гостей широко открытыми глазами, скептически скривилась, осматривая их более пристально. Значит, Карнуэль были не последними людьми здесь. Тера вздохнула, понимая, что знала еще так мало о мире, в котором жила. Пусть он и казался Тере очень странным, магия в нем была, но

церковь все пресекала, как во времена инквизиции. Она не знала точно, но слышала, что рыцари, подчиняющиеся Папе, убивали, сжигали магов, иногда целые деревни. По словам Зарины, магия цвела лишь в долине плачущих деревьев, где даже воздух пропитался ею и жили животные, о которых сейчас ходили легенды.

Словно вновь взяла Зарина, посматривая на Тера изредка.

– И что же представитель младшей ветви рода Карнуэль делает в такой глуши? В обители монстром. Да еще и с пятилетним ребенком?

Ее тоже волновал этот вопрос. Слишком много слухов и страшилок вокруг них, Тера не удивилась бы, что ей уже пугали детей. Оттого страннее видеть, что мальчишка Лаки, улыбался, похоже не чувствуя страха, тянулся к Мино, который тоже недоумевал такому пристальному к нему вниманию. Тера смотрела на пса, который осторожно приблизился к протянутой руке, принюхался и отпрянул, становясь рядом с ней.

Настороженность. Они оба относились к ситуации и гостям очень настороженно и немного скептически.

Октавия похоже чувствовала это, потому что неожиданно улыбнулась по-доброму и отпустила сына. Поправила длинные, белоснежные волосы тонкими паутинками, лежащие на впалых щеках и лбу с глубокими морщинами. Невольно Тера посмотрела на утепленное хорошо сшитое платье с длинными рукавами, из-под которых выглядывали морщинистые, тонкие пальцы с мозолями. Работящая. У Марты в поместье Пикфордов были такие же руки.

– Дети всегда стремятся к своей матери, пусть и не совсем родной, – она медленно повернулась к Тере и улыбнулась ей, отчего та напряглась. — Я с младшим сыном работала в загородном имении, неподалеку от Ксоура, когда это произошло. Дом подожгли. Я не знаю, не помню, что произошло тогда, но очнулась в какой-то яме, когда Маки меня будил и плакал. К сожалению, когда мы проснулись, нас нашли рыцари и... Это было не самое приятное знакомство.

Зарина длинно выдохнула и стремительно пошла вглубь дома. Сняла котелок с крюка над огнем и налила воду в глубокий горшок, где уже лежали травы. По кухне поплыл приятный травяной аромат, немного терпкий из-за мяты и нежный, слегка цветочный. Мед. Чай от Зарины Тера любила и всегда пила с наслаждением, особенно по вечерам, сидя на пороге дома.

Наверное, чай был самым лучшим решением в данной ситуации.

Посмотрев на Тера, потом на Лаки, который осторожно подступался к Мино, Октавия продолжила.

– Мы сбежали от них. Спасибо, – тихо поблагодарила она, беря кружку в руки. Вдохнула аромат чая, грустно улыбаясь. — Сбежали и сразу же направились сюда. До нас уже давно дошли слухи о вас, господин даже планировал направить сюда войска, но леди Галатея родила и им стало не до этого. Я сразу поняла, что случилось и кем стала. Мы направились в Яму, потому что семья должна держаться вместе.

Тере ее слова не понравились. Настолько не понравились, что она невольно нахмурилась. Она желала одиночества, тишины и спокойствия, а не странных людей, которые приезжали к ней. Почему они все ехали сюда? Неужели надеялись, что она им будет рада и решит все их проблемы? Нет. Тера свои проблемы не могла решить, что уж говорить о других.

Она хотела быть отшельником. Чтобы ее никто не трогал, и она никого не тронет, но они шли, смотрели преданно и оставались. К сожалению. Ей хотелось бы уехать в другое

место, в более уединенное, свободное и где ее не знали.

Скорее всего Зарина с Октавией это понимали, потому смотрели виновато или улыбались неуверенно. Интересно, если она их выгонит они уйдут? Наверное, нет или поселяться рядом. Вздохнув тяжело, посмотрела на Лаки, который счастливо смеялся, бегая за Мино по дому, на Зарину, которая вновь быстро что-то писала на бумаге. Записывала их особенности. Тера и без записей уже понимала, что все они умирали и возрождались такими, только почему? Какая причина подобных метаморфозов?

Несправедливо.

– Можно мы останемся с вами? Мы будем помогать по хозяйству, – предложила Октавия и поспешно продолжила, заметив недовольство на ее лице. — Я встречалась с автором! Он сказал, что нас уже много. Сказал, что рождаемся мы после насильственной смерти в местах скопления древней магии.

Тера насупилась, посмотрела хмуро на Зарину, которая напряженно ждала ее решения. Конечно, у нее был выбор, но на самом деле не было. Поджав недовольно губы, Тера махнула рукой, идя к в сторону кровати. От Октавии скорее всего будет польза, хотя бы в виде новой информации.

***

Холодало.

Она не чувствовала холода, лишь легкое покалывание на коже, но по привычке закуталась в шаль сильнее. Немного порадовалась тому, что платье теплое, чистое и пахло хорошо: травами и еще чем-то новым, непривычным. Сразу вспомнилось, как она ходила за тканями вместе с Зариной и убедилась в том, что это было плохой идеей. Поначалу, конечно, их не замечали, лишь смотрели косо, но принимали за торговцев или рабынь, скрывающих лицо. Посматривали, но молчали, даже Трия их не узнала, хотя прошла слишком близко, отчего сердце Теры замерло в груди. От страха. Ей вообще было не комфортно.

Договаривалась со всеми Зарина. Говорила она много, смеялась заливисто, но ткани рассматривала придирчиво, тихо советовалась с ней. Тере это показалось странным, ведь деньги та тратила свои, но все равно нехотя подходила ближе, опускала голову, отчего тень глубокого капюшона скрывала лицо полностью. Плащ ей отдала Октавия, которая вместе с сыном и Мино присматривали за домом. Благодаря плащу и платку, повязанному вокруг головы Зарины, их не узнавали, не трогали.

Случился прокол лишь один раз, который едва не привел к беде. Торговец наклонился неудачно, принимая деньги, посмотрел на Теру и разом побледнел. Покраснел и вновь побледнел, отскакивая от них на несколько метров. Они видели, как он уже открывал рот, хотел что-то крикнуть, скорее всего позвать на помощь, но то ли Тера испугалась, то ли полностью овладела своими способностями. Одного тихого «Молчи» хватило. Он замолчал. Прижал в страхе руки ко рту и, кажется, посерел. Она не знала точно, заговорил ли он потом, но ткани они забрали, под шумок Зарина стащила еще две и стремительно ушла. Обе. Тера чувствовала давно забытое спешное биение сердца, которое обычно стучало медленно, равномерно и словно вообще не существовало в груди.

Она до сих пор вспоминала этот день с неприязнью, чувствовала накатывающие волны страха. Почти паники. Все же люди ее пугал, а они пугались ее – замкнутый круг. Тогда был страх еще и за дом, потому что Октавии пока не доверяли. Пусть та и делала все безукоризненно, вела себя вежливо и даже платья им пошила, не жаловалась. Наверное, сказывалось воспитание и предыдущий род деятельности. Зарина уже оттаяла, хоть иногда и

посматривала настороженно, Тера же не доверяла никому.

Громкий лай отвлек ее от мыслей о прошлом. Посмотрела на играющего Мино, за которым хвостиком бегал счастливый Лаки. Странная парочка. Мальчишка все еще ее раздражал, но от него тоже была польза, особенно в грязных делах, когда требовалось что-то собрать или закопать. Хмыкнув, она села на поваленном дереве удобнее и осмотрелась. Пусто и тихо. Деревья покрылись золотом, а листья стали тяжелее, как пластины. Эту особенность местной природы Тера заметила совсем недавно, когда споткнулась о выступающий корень и упала в кусты. От них до сих пор болели руки, на щеке подживала царапина, потому что листья оказались слишком острыми, будто литыми из настоящего золота. Даже у простых на вид деревьев из сломанных по неосторожности веток вытекал белесый или оранжевый, густой сок.

Далеко в лес она после этого не заходила и с природой держалась настороженно.

Миг тепла, появившийся в непроглядной пустоте, внутри возвестил о приближении кого-то. Не человека, потому что они уже не были людьми, но и не монстрами, не эльфами, существами без имени и рода, с неизвестными способностями. Чужие. Вновь.

Тера резко повернула голову, смотря на улыбающуюся Зарину. А ведь они почти ровесницы, Зарина лишь ненамного младше нее самой и это замечалось. В резких движениях, суетливости и стремлении все высказать, в чрезмерной болтливости и импульсивности. Зарина из них самая эмоциональная, Октавия более опытная и по-матерински теплая, Лаки шептунной, а она никакая. Пустая и ненужная.

Поломанная, растоптанная и без эмоциональная, как те животные, которых препарировал Освальд после инъекций.

– Выглядишь потерянной, – невпопад сказала Зарина и поправила длинные рукава нового платья. Приталенного, длинного из немного грубой ткани, которое первое время раздражала кожу. Сейчас Тера уже привыкла немного: к платью, постоянному чужому присутствию и миру. Но все же...

– Я никогда не находилась.

Это была правда. Даже в своем мире Тера жила изо дня в день, училась, работала только потому, что так нужно. Хотелось ли ей быть учительницей? Отчасти, там чувствовалась собственная важность. Свадьба, обман и постоянное давление. Была ли она там счастлива? Нет. Была ли роль домохозяйки для нее? Вряд ли. Вот она в этом, совершенно новом мире, где все вновь повторялось, менялись лишь люди и декорации. Тера не находилась.

От этих мыслей становилось грустно.

Зарина, к сожалению, слишком проницательна, а еще до неприличия тактичная и понимающая. Это Тера в ней раздражало больше всего, потому что большая часть из этих мыслей была правдой. Неожиданно неподалеку кто-то громко завизжал. Они резко посмотрели в сторону и заметили до неприличия довольного Лаки, обнимающего за шею Мино. Это оказалось странным во всех отношениях, потому что Лаки не только не проходил через пса, но и сам Мино лишь недовольно порывкивал.

– Они все же остаются?

– Пусть остаются, – тяжело вздохнула Тера и убрала волосы с лица. — Лишние руки пригодятся, как и тебе информация. Все равно выбора большого нет.

Конечно, выбор был. Они обе это понимали, что Октавия с сыном ушла бы по первому требованию, может, осталась в Яме, но с ними не жила. И на какое-то мгновение Тера даже задумалась об этом, представила себя в доме, она и Мино, Зарина, которая несмотря на

ссоры и злые слова, не уходила и не обижалась. От этих мыслей Тера обрадовалась, вздохнула свободнее, но сразу же скривилась. О спокойной жизни лишь мечтать.

Октавия права в самом главном — если такие же, как они существовали, то все они первым делом пойдут сюда. К ним в этот маленький домик. При мысли о том, что их будет больше, что все они пришли бы за ответами, потели ладони и гудело в висках. Был ли это страх или простая нервозность, Тера не знала. Лишь понимала, что ответов у них нет ни на один вопрос, даже на самый простой. Она ничего им дать не могла, кроме ощущения целостности, что в мире был еще кто-то такой же.

Эту целостность она ощущала рядом с Зариной, Октавией и Лаки. Странное чувство. Словно незримое единение, нить, которая обвивалась вокруг чего-то внутри и каждый раз дергалась, стоило оказаться рядом другим. Было и необъяснимое тепло прямо посреди пустоты в желудке, которая точно указывала на принадлежность. Они уже семья, пусть странная и навязанная, с этим Тера тоже не спорила. Пусть, она не понимала, какая семья считалась нормальной и какие между ними должны быть отношения, выгонять кого-то дело неблагодарное.

Мысли ее прервала Зарина, подошедшая непозволительно близко. Нить натянулась, тихий голос потонул в ветре, играющем с опавшими листьями.

— Они не ходили к автору.

Посмотрела на нее, потом на Лаки, который, раскинув руки в стороны, побежал в дом. В окне Тера видела улыбающуюся Октавию, с длинной косой на плече, которая наклонилась, скорее всего обняла сына или погладила его, а потом вновь выпрямилась. Готовилась. Мясо со странными специями в ее исполнении получалось очень вкусным, пряным и горячим. После него пустота и холод внутри на некоторое время отступал. От гостей была польза не только в ведении хозяйства. Лаки зачастую разряжал обстановку, веселил Зарину с Мино, Октавия же рассказывала сказки, иногда проговаривалась про свою работу и семью Карнуэль, после чего быстро замолкала, опускала взгляд и спешно переводила тему.

Про семью Карнуэль Тера слушала с большим интересом, но информации мало. Слишком мало, потому что Октавия даже не работая на них, была им предана.

Усмехнулась невольно, смотря теперь на задумчивую Зарину.

— Конечно не ходили, — она покачала головой и раздраженно убрала волосы с лица. Ветер сегодня сильный, он обдувал кожу, проникал в кости, уносил с собой листья, бросая некоторые в них. — Это слишком явная ложь. Они хотели остаться здесь, поэтому так сказали. Про нас она сказала наугад, скорее всего следя за нашей реакцией.

Октавия умная женщина, а еще отчаявшаяся, поэтому следила за ними, делала выводы. Не причиняла вред и не врала, лишь училась, приспособливалась и делала все для того, чтобы их оставили. Тера ее понимала и не осуждала, узнавая себя. Она тоже подстраивалась, была осторожна и шла на многое, чтобы ее не выгоняли сначала из собственного дома, потом из семьи Пикфордов и из Ямы. Неудачно. Воспоминания и были основной причиной ее согласия.

В платье тепло. Оно плотное и почти вплотную прикасалось к коже, закрывало шею и руки, как раньше. Приятное. Тера сразу вспоминала особняк, Марту и свои платья из дорогой ткани и хорошего качества. Одежда единственное, что не вызывало в ней грусть или злость. В платьях нового мира она чувствовала себя комфортно, защищенной.

Наверное, беспокойство сейчас вызывала лишь пустота и холод в желудке. Голод. Овощи и даже сырое мясо зверей не помогало, лишь притупляло и раззадоривало. Тера не

знала, кто их такими создал и для чего, но все с большей ясностью понимала, что именно утоляло голод. Это пугало. Она отнекивалась, ее рвало только от мысли о мясе, все еще свежем, трепещущем в ладони, мягком и влажном, прекрасном мясе. Не животном, которое даровало лишь временный покой. От мыслей голод становился почти нестерпимым.

Если они долго не ели, то появлялись странные особенности. Они спали дольше и глубоко, ничего больше не снилось, кожа холодела день ото дня и движения замедлялись. Тера видела, как спали Зарина с остальными, их сон больше похож на кому или смерть, слишком бледные, почти не двигающиеся, дыхание поверхностное и нечастое, словно его совсем не было.

Неприятно, необъяснимо и настораживающе.

– Я хочу есть.

На грани слышимости, немного стыдливо. Тера не уверена, были ли эти слова правдой или порождением воображения. Когда она посмотрела на Зарину, то ничего не увидела, лишь спокойное, скучающее выражение лица и еле заметная улыбка. Заметив чужое внимание, она убрала волосы за ухо, пробормотала извинения, что у нее много дел и ушла.

Сбежала.

Тера поняла это так ясно, что невольно усмехнулась. Голод доставлял лишние проблемы им всем. Она не винила Зарину за эти желания, потому что сама с ними боролась, просыпалась и засыпала с постоянным голодом и ощущением беспомощности. Потому что страшно идти через лес, отвратительна сама мысль об убийстве в полном сознании. Но по-другому, наверное, уже не получалось.

Они все мучались. Тера слышала, как Лаки жаловался матери, плакала за пределами дома, а та успокаивала. Не понимала, почему они, будучи старше, опытнее и бесстрашнее, следовали ее словам, прислушивались и без ее разрешения ничего не делали. Словно дети, которые не отходили от матери, не делали ничего без ее ведома то ли из уважения, то ли от страха. Испытывали ли они страх или уважение Тера не знала, не верила, что такие сильные чувства возникли бы за короткое время.

Почему вы такие беспомощные в своем стремлении мне угодить?

Раздражало. Ее раздражала ответственность, которую они взваливали на ее плечи. Тера не тот человек, которому следовало бы доверять хоть что-то, особенно жизнь. Тряхнув головой, недовольно посмотрела на подошедшего Мино. Тот заскулил тихо, посмотрел на нее преданно и поднырнул под руку, напрашиваясь на ласку. Он тоже ее немного волновал, особенно их странные отношения с Лаки. Обычно Мино к себе никого не подпускал, не играл так радостно.

Погладив его между ушей, вновь чувствуя холод и легкую влажность. Ее мальчик, который радостно вилял хвостом, смотрел преданно. Почему все так сложно? Слишком много проблем, надежд и ненужной ответственности. Когда все стало так сложно? Непривычно.

Тера посмотрела на дом, в окнах которого ходила Октавия с Зариной, о чем-то тихо переговариваясь. Ветер трепал волосы Теры, кидал в нее листья и тонкие ветки, доносил приятный, терпкий аромат мяса. Во рту скопилась слюна, в голове вновь возникли образы живых, сокращающихся мышц на ладонях. Вспомнила радость, почти осязаемое счастье, когда зубы впивались в чужую плоть, тепло разливалось по телу, оседая в желудке.

Тряхнув головой, Тера встала. Махнув рукой, подзывая Мино, медленно направилась в лес, ощущая холодный ветер, бьющий в лицо. Чем дальше они заходили, тем гуще вставали

деревья, изо рта вырывался белесый пар. Холод внутри почти такой же, как снаружи, краем глаза Тера видела иней на кронах и листьях деревьев, тающий на глазах.

Выдохнув прерывисто, она остановилась, словно натолкнулась на стену. Посмотрела на дома между близко стоящими деревьями, маленькие пятна людей, которые жили спокойно. Словно ничего между ними не происходило и это расстраивало. Почему они злились на нее, нападали и ненавидели? Лучше бы они забыли друг про друга, чем продолжали бессмысленную войну. Тера от них так устала.

Выдохнув прерывисто, она поправила рукава, смотря на дома настороженно. Страх возвращался. Тера опасалась их, потому что помнила ненависть, злость и острые вилы, их крики. Еще чуть-чуть и они б убили ее, по-настоящему и скорее всего уже навсегда. Мысль о смерти, окончательной смерти, пугала ее больше всего, потому что терять свой шанс Тера не хотела. Слишком молода она для этого.

Вновь умирать очень не хотелось.

Сжав руки в кулаки, она все же сделала шаг вперед и вновь замерла, заметив массивного, но не упитанного мужика с топором и кроликами. Охотник. У самой кромки леса. Пахло от него потом, землей и мускусом, почти как от того, самого первого. Она почти слышала биение его сердца, спокойное дыхание. Рот наполнялся слюной. Мимо рядом сидел молча, но смотрел на человека также пристально, готовый к нападению.

Мужик остановился, выдохнул длинно. Скорее всего устал. Тера не двигалась, лишь следя за ним. Увиденное радовало. Его хватит на троих, скорее всего еще что-то останется. От этой мысли внутри потянуло, руки мелко задрожали. Она пошла. Медленно, прислушиваясь к каждому своему шагу. Он не замечал, смотрел на деревню, открывая ей свою спину. Беззащитный, наивный и глупый. От голода сводило скулы, болел живот, от запаха кружилась голова и Тера подходила осторожно, опасаясь спугнуть.

Заметили ее слишком поздно. В страхе, почти ужасе, бледный мужчина махнул рукой с топором, но промахнулся. Посмотрел ей в глаза, забывая все предостережения, и пропал.

– Пойдем со мной.

Смотря ему в глаза, Тера говорила уверенно, загоня страх вглубь себя. Сейчас ему не место. То, что все получилось, она поняла сразу по ровному дыханию, взгляду, который следил за ней и более спокойным движением. Не прерывая зрительный контакт, он опустил топор и подошел ближе, словно замороженный. Медленно и очень осторожно, опасаясь спугнуть, Тера повернулась, смотря на него. Мужчина пошел следом.

У твоей смерти, белые глаза.

Он дурак.

Самый настоящий, непроходимый идиот. Потому что умные люди не совершали такие глупые поступки, навеянные страхом. Поспешностью. Он слишком поспешил, ослепленный паникой и нехорошими мыслями. Верил, что она с ним так не поступила бы. Катарина его слишком любила, прислушивалась, смотрела влюбленно и никогда не перечила, заботилась, обеспечивала, считала его центром своего мира. Она бы не сделала такого, не стала как Господин. Нет, точно не стала, потому что для Господина Илзе был одним из многих, а для Катаринины единственным. Но ее слова, поспешность действий – напугали.

Илзе не планировал жениться. Он не представлял свою жизнь с Катарининой и не хотел быть отцом ее детей. Ему вообще претила мысль о семье и детях. Может, потому что он не знал настоящей семьи, может, потому что все еще не насытился дарованной свободой. Сбежал. Поспешно, не взяв с собой вещи и деньги, прихватив лишь несколько украшений и хлеб. Не подумал о последствиях и сейчас ехал в очередной повозке, на этот раз не с тканями, а жестким и вонючим сеном.

Ехал и злился на себя за побег. И чего ему стоило небольшое ожидание? Не заперла бы она его, точно не заперла. Наверняка он нашел бы правильные слова, попросил немного времени, возможности узнать друг друга лучше. Но он поспешил, испугался.

И все потерял.

Теперь не было мягкой кровати, постоянной еды, хорошей одежды, книг, тепла и спокойствия. Все это он потерял в тот момент, когда убежал, испугавшись рабства. То, о чем мечтал ночами, не признаваясь в этом даже себе, боясь, Илзе потерял так просто и быстро. Нет, Катарина бы его простила, приняла назад, но будут ли их отношения такими же? Скорее всего нет. Илзе предполагал, что стало бы только хуже и вместо украшений ему подарили бы золотой ошейник с драгоценными камнями.

Проблема заключалась еще и в нем самом. Никто не знал, что он выжил. Если он случайно встретит Господина или его знакомых? Илзе многих знал и многие знали его в лицо, поэтому они наверняка возьмут его себе, как бесправного или отдадут Господину. Оба варианта ему не нравились. Вновь становится рабом ему не хотелось.

Поэтому Илзе самый настоящий дурак и теперь бежал как можно дальше от земель Господина и леди Катаринины. Скрывал лицо, продавал украшения, когда требовались деньги и вновь ездил. Вермелло стал его третьим городом, где Илзе сразу же сел в повозку и уехал. Конечно, ему хотелось бы посетить свой старый дом, проверить, жива ли еще мать. Но это слишком рискованно, да и по матери он не скучал.

Вздыхнув тяжело, он поправил капюшон и посмотрел по сторонам. Ехали они уже долго по узкой дороге, по полю, на котором росли золотые колосья. Ни единой живой души, лишь холодный ветер и крыши домов в отдалении. Невольно подумалось, что в таком месте ему и следовало жить, потому что сюда никогда не приезжали и люди более приветливы. Но его настораживало близкое расположение к Вермелло, от которого следовало держаться как можно дальше.

Еще его настораживала девушка, сидящая неподалеку. Тоже в плаще, скрывающим лицо — явный признак беглеца. Обычно только такие оставались неузнанными, стремились к этому. Но больше всего его внимание привлекал ребенок. В голове сразу представлялось, как

эта девчушка бежала с маленьким ребенком из семьи или наоборот, выкрала чужого ребенка и скрывалась. Оба поступка жестоко карались, из-за чего Илзе на нее почти не смотрел и делал вид, что находился в повозке один.

— Хватит пялиться! — недовольно буркнула девочка, смотря на него исподлобья. Это могло бы напугать кого угодно, но не его. Много в своей жизни видел Илзе, поэтому на ее требование лишь вскинул бровь и усмехнулся.

— Не будь такой самоуверенной.

Незнакомка на это лишь фыркнула и укрыла ребенка плотнее, скрывая его от холодного ветра.

***

— Мама! Мама!

— Сейчас твоя мама придет, не бегай! — недовольно отозвался Илзе и поймал недовольно закричавшую Адрастею. Скривился, когда руки загудели от чужой тяжести, изворотливости и посадил себе на руку.

Если поначалу Адрастея его лишь немного раздражала, то сейчас сильно злила. Своей крикливостью, непоседливостью и непослушанием. Она словно проверяла его на прочность, а потом рыдала, хлюпала носом и краснела, когда Илзе ее игнорировал или ругал. Слушалась Адрастея только Герду, да и той иногда делала пакости.

Конечно, на них уже посматривали, потому что Адрастея вертелась на руках, недовольно кричала и звала мать, которая ушла совсем недавно. После тихих угроз Илзе она замолкала на какое-то время, а потом вновь кричала, смотрела на его зло и иногда била маленькими кулаками по груди. Это выглядело бы смешно в другой ситуации. Не когда они стояли на улице небольшого городка и вокруг ходили люди. Город не такой большой, как Вермелло, но тоже портовый и с хорошей оружейной лавкой, которую только недавно открыли. Кажется, в ней работали два брата, которых сослали сюда из Вермелло. Не самая хорошая участь, по мнению Илзе, особенно если они стремились к большему.

Адрастея на руках бесновалась, смотрела своими голубыми глазами слишком пристально. От этого взгляда ему зачастую становилось плохо, по коже бежали мурашки и в голове появлялись странные мысли. Обычно ему хватало нескольких минут на то, чтобы прийти в себя, но после такого от Адрастеи он держался как можно дальше. Пока Герда не делала подлянку и не оставляла их вместе. Как сейчас.

— Прошу, прекрати вертеться. Сейчас придет мама, — в который раз как можно ласковее попросил Илзе, прекрасно помня, как Адрастея реагировала на крики. Та плохого отношения к себе не признавала и, несмотря на свой юный возраст, хорошо мстила.

Не похожа все же на Герду. Та пусть и стремилась к мести, но делала это более степенно, стойко принимала отказы. Адрастея же всегда злилась, на каждую обиду отвечала так, что с ней больше никогда не связывались. Непохожи они были еще и внешне. Наверное, Адрастея родилась похожей на своего отца, про которого Герда ничего не говорила. Она мало рассказывала о жизни до их встречи, да и сейчас, спустя почти год путешествий, Илзе не был уверен, что знал спутницу хорошо.

Замолчав, Адрастея исподлобья посмотрела на Илзе, тот отвел взгляд. Его до сих пор пугали голубые, пронизывающие глаза, которые из темных волос казались почти прозрачными, выделяющимися. Он не знал, хорошо это или плохо. В гареме у нее точно была бы популярность: у нее симпатичная мордашка, необычное сочетание цвета волос и глаз. Как диковинку ее бы забрали к себе, как когда-то забрали и его самого. Но Герда

опекала Адрастею так сильно и ревностно, что лишней раз не оставляла ни с кем, а если к ним приставали или предлагали продать ребенка, то доставала изогнутый кинжал, украденный несколько месяцами ранее. Герда утверждала, что кинжал нашла в снегу неподалеку от дороги, но Илзе не дурак и прекрасно знал, что его спутница воровала. На эти деньги они и жили, потому что оставшийся перстень и кольцо с драгоценными камнями он не продал и пока не планировал.

Кто-то пробежал мимо них, поднимая пыль. Илзе посмотрел вслед бежавшему и закатил глаза, заметив хорошо знакомый изумрудный плащ. Помятый временем, застиранный и грязный, порванный в некоторых местах, он все такой же изумрудный, как в первый день их встречи. Подхватив Адрастею на руки, он медленно направился в сторону убежавшей Герды, за которой, похоже, следовал не только он, потому что мимо пробежало еще три человека, требующих поймать вора.

Значит, у нее были важные дела.

Несомненно важные, деньги у них заканчивались, а Илзе уже давно не мучал себя угрызениями совести. Недоумение вызывал больше тот факт, что она оставила Адрастею на него и ничего не сказала.

Илзе замедлился и свернул на другую дорогу, не привлекая к себе внимание. Это было ни к чему. У них есть места для встреч, поэтому он направился к одному из них, не желая быть пойманным.

Герда нашлась на втором месте встречи. В простых штанах с рубашкой и сумкой на плече, она стояла у стены оружейной лавки и подсчитывала деньги. Плащ скорее всего лежал в сумке, как и украденные вещи, благодаря чему ее никогда не подозревали и не находили.

– Смотри, кто это у нас тут стоит, – сказал он и тут же скривился от громкого крика Адрастеи.

– Мама!

Вскинувшись от неожиданности, Герда выронила деньги и недовольно посмотрела на Илзе с ребенком в руках. Тряхнула головой, отбрасывая с лица отросшие до плеч темные пряди и подобрала деньги, складывая их в карман. Осмотрелась настороженно, словно искала преследователей и подошла к ним, беря Адрастею на руки.

– Нельзя так громко кричать, мы же с тобой говорили об этом, – с укором сказала она и посмотрела на Адрастею недовольно. Та насупилась, опустила взгляд расстроено, но ладонями крепко сжала рубашку на чужих плечах.

– Я больше не буду.

Илзе ей не поверил, но ничего не сказал. Матерью этого монстра была Герда и на ее совести воспитание, благополучие и счастье Адрастеи. Он никогда не вмешивался в их странные отношения, не поправлял и ни о чем не спрашивал, хотя на обычные отношения матери и дочери это было не похоже.

Вздыхнул недовольно и осмотрелся по сторонам. Людей здесь не так много, может, потому что все ходили по главным улочкам, может, потому что оружейная лавка не пользовалась популярностью. Илзе и сам не доверял этому месту, был в ней несколько раз, ища удобное оружие. Сама лавка совсем небольшая, оружие висело аккуратно, но без определенной системы, новые клинки рядом с древними, владелец лавки посматривал, но не помогал. Думалось Илзе, что сам хозяин, точнее сын хозяина Ара, не разбирался в оружии, лишь приставал к симпатичным девушкам. К Герде он тоже приставал, совершенно нелепо,

по мнению Илзе, приглашал на прогулки, но та отказывала каждый раз.

Странно конечно, что Герда так жестко отказывала всем мужчинам и женщинам, которые предлагали ей прогулки, дарили подарки. Она не смотрела на противоположный пол, даже на него смотрела лишь как на приятеля, хоть несколько раз они и оказывались в одной постели. Илзе хорошо знал чужие тела, умело с ними обращался, поэтому не испытывал смущения, когда Герда ложилась рядом или предлагала небольшую работенку в публичных домах. На последнее он не соглашался, но иногда поддавался искушению и шел с незнакомыми людьми в подворотни, дарил своим партнером острые ощущения, беря за это украшения, еду или деньги.

Они выживали как могли. Но если бы Илзе предложила брак, красивая, взрослая женщина, он бы незамедлительно согласился. Особенно если она относительно богатая, засматривающаяся на мальчишек. Герде же предлагали, был даже один богатенький вдовец в портовом городе, который владел большим кораблем. Хорошая партия, от которой она отказалась и вскоре вовсе покинула город. Не понимал он этого, но не препятствовал и не наставлял, не такие у них отношения.

– Ты почти попалась.

Герда посмотрела на него исподлобья, как Адрастея в плохое настроение, скривилась.

– Не попалась же, – недовольно буркнула Герда и поправила воротник рубашки Адрастеи. Пригладила темные волосы, доходящие до мочек, стерла с пухлой щеки грязное пятно. — Тебя нельзя оставлять с детьми.

– Скажи спасибо, что с ней ничего не произошло, – огрызнулся он, отмахиваясь. С детьми он по-прежнему не ладил, опасался их и избегал. Адрастея же была самым худшим ребенком на свете и терпел он ее только из-за Герды. И не убил ее Илзе тоже из-за этого. Нет, Герду Илзе не боялся, но ее крики, наставления и истерики ненавидел. Манипулятор.

Этих двоих Илзе уже недолго любил, но все равно находился рядом, потому что это удобно. Они уже привыкли друг к другу, жили постоянно рядом, скрывались от рыцарей и зарабатывали деньги на комфортную жизнь. Менять это Илзе пока не планировал, даже если Адрастея, которая всегда шла вместе с Гердой, сильно раздражала.

В комнату, которую снимали в гостиничном дворике, они вернулись ближе к вечеру. Герда сразу покормила Адрастею, села на большую кровать и вывалила на нее два мешка, которые забрала у случайного прохожего. Мешочки небольшие, бархатные и скорее всего тяжелые, потому что матрас под ними прогнулся. Раскрыв их, Герда высыпала на одеяло содержимое и невольно присвистнула. Илзе был с ней полностью согласен — улов оказался хорошим.

Пока Адрастея рисовала угольком на небольшом клочке бумаги, который отдала им хозяйка дома, Герда подсчитывала деньги, а Илзе лежал неподалеку и смотрел в потолок. Его беспокоили торговые города, в которых всегда было много незнакомых людей. После деревень они казались слишком большими, шумными, в них всегда ходили люди, иногда знакомые ему, отчего теперь Илзе часто смотрел под ноги или носил платки на голове. Он все еще боялся быть признанным, возвращения в бесправное положение. Еще одной причиной неприязни была информация. Когда они останавливались в деревнях, там все друг про друга знали, политику не обсуждали и про то, что происходило на континенте и за его пределами не знали. В городах же все говорили о другом и Илзе казалось, что они приезжали в новый мир, где все изменилось за время их отсутствия. Это пугало. Отсутствие информации и выпадение из жизни ему не нравилось больше всего, делало беспомощным.

– Поговаривают, что Тера создала деревню для своего народа. Не выполнила твоя наемница задание.

Он издевался. Точно издевался, потому что видел, какой маниакальной и требовательной становилась Герда, когда речь заходила о Тере. Она сразу же злилась, как сейчас, иногда кричала или надолго замолкала. Илзе не раз видел, как та искала наемников, ходил вместе с ней в гильдии, сидел с Адрастеей, когда Герда разговаривала с рыцарями. Его это даже забавляло, потому что слухи распространялись быстро и на основе них получалось, что Тера сошедший со страниц библии дьявол, чистое зло, которое похищало и поедало людей. Конечно, ее боялись. Илзе бы и сам на это не согласился: идти в логово настолько опасных существ — самоубийство.

– Знаю. Надеюсь, она одна из тех, кого Тера съела, – недовольно отозвалась Герда и поджала губы. — Этот, – кивнула на один из мешков. — Пока я забирала у них деньги, обсуждали Яму. Сказали, что они уже строят свой город в лесу. Теру считают королевой, матерью монстров. Как по мне, незаслуженный титул. Она слишком слаба и самоуверенна для королевы. Ее место в гробу и без головы, а не на земле.

– Вы знакомы? — спросил Илзе, считая это единственным объяснением происходящего. Его всегда удивляла маниакальность, с которой Герда следила за монстром, вечный поиск людей и магов, которые убивали и уничтожали зло. Илзе заметил сведенные к переносице брови, взгляд исподлобья и усмехнулся. — Или ты влюблена в нее?

От возмущения Герда вскинулась, распахнула глаза и рот. Нахмурилась, покраснела от ярости, сжала руки в кулаки и ударила его ногой. Илзе охнул и скривился от боли, прижимая руку к бедру. Глаза заслезались, внутри вспыхнула злость, недоумение. Он сжал челюсть, подавляя в себе порыв ударить ее, скривился, когда услышал звонкий смех Адрастеи. Как они его раздражали и злили.

Потерев бедро, он откатился в сторону, опасаясь злую Герду. И чего он такого сказал? Герда и правда становилась сумасшедшей, когда дело касалось Теры. Действительно неразделенная любовь? Вряд ли, учитывая, что, когда никто не слышал, она звала неизвестного ему Сэма. Илзе не сомневался, что и с ним она спала, пытаясь забыть Сэма, который остался дома и, скорее всего, бросил ее. Это тоже не удивительно, Илзе от нее тоже сбежал бы.

– Ты несешь чушь, идиот! Я мечтаю однажды узнать или собственноручно убить ее, сжечь тело, чтобы она больше никогда не проснулась. Влюбиться в нее может лишь такой идиот как ты, или ребенок, романтизирующий монстров.

– Какие ты слова умные знаешь, – огрызнулся он и длинно выдохнул, приподнимая край рубахи. Место алело, пульсировало и уже появлялись первые зачатки синяка. Замечательно, она испортила его тело.

Он все еще не понимал причин ненависти Герды к Тере, но уже не стремился к поиску ответов. Они наверняка находились в ее прошлом, а это было то самое неприкосновенное, что оба не открывали друг другу. Илзе не знал, кем являлась Адрастея и почему они искали наемников, Герда же не догадывалась о его рабском прошлом и побеге, о котором Илзе до сих пор немного жалел. О неприкосновенности прошлого они договорились еще в самом начале путешествия, поэтому сейчас глупо что-то менять или узнавать. Вместе они почти год и за это время Илзе считал Герду если не другом, то хорошим приятелем, с которым у них общие цели — бегство, как можно дальше от Вермелло.

Их разговор закончился, толком не начавшись. Недовольная Герда собрала все деньги,

редкие украшения и орехи обратно в мешки, взяла на руки довольную Адрастею и вышла из комнаты. Илзе этому не расстроился, потому что ребенок своими невнятными разговорами его утомил, а Герда слишком зла на него. Следовало немного отдохнуть и успокоиться.

И все же Тера была ему интересна. Никто точно не знал, откуда она появилась и зачем, но уже ставили на одну ступень с дьяволом, сравнивали с Дайяном, о котором отзывались всегда как о самом жестоком и требовательном Древнем. Чем она заслужила такой титул? Илзе не знал и похоже не знал никто. Он помнил, как осторожно о ней разговаривали при дворе Господина, тихим шепотом в тавернах. Все обсуждали, боялись и прятались в домах с наступлением темноты. Илзе видел, что страх людей перед неизвестностью порой доходил до абсурда и люди заживо сжигали стариков с белоснежными волосами и запирали всех светловолосых людей. Наблюдая за происходящим, он и сам теперь присматривался к людям, остерегался светловолосых и всегда носил с собой кинжал. Тера несколько раз снилась ему в кошмарах, представляясь худой, изможденной женщиной в обносках с пустыми глазницами и острыми клыками вместо зубов. Во снах она его ела, отрывала куски плоти и насмехалась, издевалась, приводила в сознание, стоило его потерять.

После этого про женщину он уже слушал в пол уха и всегда кривился. Боялся.

Пугало его сейчас больше то, что Тера основала свой город и стала королевой себе подобных. Таких монстров становилось все больше и, если б они развязали войну, то скорее всего вышли б победителями. Мысль об этом пугала его больше всего. Слишком они привыкли к отсутствию магии и существ, которые противоречили библии. С волнениями и людскими страхами не справлялись даже Папа с Мамой. Хотя им грех жаловаться, ведь после распространения слухов, людей в церкви ходило больше.

Засыпал он уже отделенный одеялом от Герды с Адрастеей на другой половине. Многие воспринимали их как пару, что не нравилось Илзе ведь ему самому едва исполнилось шестнадцать лет. Однако благодаря этой иллюзии им давали комнаты, зачастую с одной кроватью, особо чувствительные женщины делились едой, и смотрели на них все реже. Почти всегда ходили они тоже вместе, поэтому Илзе неуютно себя чувствовал, когда оставался один. Как сейчас.

Он скривился, смотря на ходящих мимо него людей. Смотрел на них пристально, надвигая на голову капюшон. Герда с Адрастеей вновь куда-то ушли, оставив его одного. Илзе поначалу не беспокоился, гулял по городу, слушал новости и прислушивался к звону монет не бедре, где висел бархатный мешочек. Гулял недолго, вскоре прогулка наскучила, и он пошел к одному из их мест встречи. Оружейная лавка вновь пустовала, пусть дверь и была открыта. Стоя неподалеку от стены небольшого дома, в котором кричали дети, Илзе видел лениво расхаживающего по лавке Ару и его более собранного брата, которого судьба лавки заботила больше. Если вспомнить, то отправили их сюда из-за плохого поведения, точнее, как выразился Ара «за небольшую шалость, гениальность которой родители не поняли». Его гениальность Илзе тоже не понимал, поэтому общался мало, лишь иногда засиживался с ним в таверне и слушал пьяные истории. По ним выходило, что Ара не только гений, но его наследники уже заполонили почти половину континента и несколько было в королевстве фей.

Кроме Илзе между домами ходили и другие люди, несколько торговцев в восточных нарядах. Илзе видел раньше такие, поэтому понимал, что скорее всего это отец вел своих дочерей, с лицами, скрытыми драгоценными масками. Торговцы богатые, потому что обе маски украшены драгоценными камнями и металлами, а ткани платья яркие, что указывало

не только на незамужний статус, но и высокое положение в обществе. Все это рассказывал ему Господин, приучал к этикету силой, когда он делал на приемах или встречах ошибки.

Послышался лязг железа. Илзе повернул голову и обомлел. Натянул капюшон, для надежности опустил голову. Смотрел за происходящим исподлобья, медленно подбираясь к углу дома. Если что, у него были пути к отступлению. Как бы долго он не находился с Господином, который поддерживал церковь, к рыцарям не проникся симпатией. Относился к ним настороженно, недоверчиво и знал, что где появлялись они, там, скорее всего, случалась беда.

Поэтому ничего хорошего от строя рыцарей в железных доспехах, красным крестом на груди и оружием на перевес он не ожидал. Сразу подумалось о том, что Катарина все рассказала Господину и тот искал его для жестокого наказания. Однако отшел он ее сразу и остался на месте не только потому, что это выглядело странно, но еще и потому, что для Господина Илзе был одним из многих. Нет, причина их появления, да еще и в таком количестве в другом.

Рыцари, к счастью, на него внимание не обратили. Они подошли к оружейной лавке и остановились. Один из них, скорее всего главный, вышел вперед.

– Ара Маккей, сын Людвига и Франчески Маккей, прими свою судьбу!

Его словам удивились все. Прохожие замерли, смотря на происходящее с интересом, прислушался и сам Илзе. Неужели речь сейчас шла о том самом пророчестве, которое Герда выучила наизусть? Сколько шума в свое время наделало это пророчества, сколько людей его передавали из уст в уста, иногда коверкая смысл. В шкуре героя хотели оказаться многие, поэтому некоторые, называясь героем пророчества, шли на Яму и Теру, после чего возвращались ни с чем или умирали в муках.

Вышедший из лавки Ара выглядел не менее озадаченным, чем остальные. Побледнел, заметив рыцарей. Отошел на шаг, упираясь спиной в грудь брата. Посерел, когда главный рыцарь склонил перед ним голову и вновь заговорил.

– Мы долго искали тебя, Ара Маккей, человек пророчества. Только ты, твое благородство, сила и отвага спасут наш мир от зла женщины, называющей себя королевой всадников Древних. Подойди же, Ара Маккей и прими с гордостью свою судьбу, да благословит тебя Господь на дела благородные.

Рыцарь достал из ножен странный, светлый меч и протянул его опешившему от такого внимания Аре. Удивлены были все. Все хлопали, свистели и радовались тому, что нашелся герой пророчества, который освободит их от гнета монстров. Ара неуверенно улыбнулся. Рыцари, стоящие рядом заговорили, повторяя текст пророчества, словно убеждая остальных в правильности и правдивости происходящего.

Рожденный теми, кого благословил Иисус.

Несущий знания и благородство людям,

Он восстанет против монстра мечом с божественной силой,

Уничтожит все злое в нем.

Восстановит мир во имя Господа нашего.

Илзе смотрел на это с интересом, легким недоумением и скептицизмом. Ару он никогда не представлял в роли героя, от которого зависела его жизнь и жизни остальных. Однако с рыцарями не спорили, да и под пророчество тот подходил. Как и многие другие, по мнению Илзе. Он лишь надеялся на то, что перед тем, как отправить своего героя на подвиги, рыцари проведут тренировки, потому что по словам того же Ары, меч он держал в

руках только когда передавал его покупателям.

Смотря на то, как счастливый и гордый собой Ара взял меч, поднял его над головой, Илзе сделал шаг назад. Ему здесь делать нечего. Сделал еще один шаг и охнул, когда почувствовал что-то жесткое. Принятое за стену сразу же ойкнуло и упало. Стеной оказалась девушка в длинной светлой шали, которая сидела на дороге и шипела сквозь зубы.

– Извините, – незамедлительно спохватился он и протянул руку, помогая девушке встать. Она скривилась, скорее всего поранила колени или ладони, поправила стремительно шаль и посмотрела на него исподлобья. В ее непривычных, бирюзовых глазах мелькнули искры.

– Иди на север, иначе вновь станешь подневольным.

Смысл ее слов Илзе понял слишком поздно. Выйдя из оцепенения, он быстро осмотрелся по сторонам, но никого кроме прохожих и рыцарей не заметил. Не успел. Дрожащими руками поправив капюшон, он почти побежал в дом, не желая дожидаться Герду. Пока в городе были рыцари, одному находиться опасно.

Слова незнакомки не выходили из головы. Раз за разом всплывали в памяти, выжигали все внутри. Страх, непонимание и недоверие, слишком много чувств для одного дня. Для одного человека. Сказала ли она это наугад или предсказала ему будущее? Видящие выглядели по-другому и носили на шали, в светлые плащи. Кем же была эта незнакомка? И почему на север?

Он думал об этом так долго и упорно, что пропустил момент появления Герды и Адрастеи. Вздрогнул, когда услышал громкий визг, а перед ним на кровать упал камень. Илзе посмотрел исподлобья на Адрастею, незаметно переводя дыхание. Целилась ли она в него или в покрывало? Зная ее, Илзе предполагал, что целились в него. Маленькая пакость.

Герда же посмотрела на него исподлобья, спокойно села на край постели, подогнув под себя ногу. Выглядела она подозрительно, молча посматривала на него и иногда шикала на Адрастею, которая била руками по матрасу, показывая им четыре передних зуба.

– Ара стал героем пророчества.

Посмотрев на него коротко, она задумчиво постучала пальцами по колену. Понравилась ей новость или нет, Илзе так и не понял, но затянувшееся молчание напрягало. Сразу вспомнились слова незнакомой девушки. Невольно подумалось, что девушка все же была феей, потому что только они прятали уши за волосами, их глаза искрились и за шалью они прятали крылья. Только почему она ему это сказала? Видящие при определенных обстоятельствах видели будущее, феи же будущее не видели. Или про это никто не знал. Феи всегда держались обособленно и никому не выдавали свои секреты.

– Мы сегодня ходили в гильдию соколов, – быстро сказала Герда и замолчала. Запустила руку в волосы, смотря на Адрастею. Выдохнула длинно, размышляя о чем-то своем. — Они предложили нам вступить в их гильдию. Они научат нас сражаться, дадут комнату и будут давать заказы.

– И ты...

– Это лучший вариант. Нам не придется больше ездить. Они дадут нам то, что мы хотели.

– Они предлагают то, что хочешь ты.

Нечто подобное Илзе предполагал изначально. Герда всегда шла к своей цели, только к своей одной цели, о которой он лишь догадывался. Знание этого не оскорбляло, потому что Илзе изначально понимал суть их взаимоотношений, но сейчас чувствовал подвох. Она бы не

стала так просто об этом говорить. Не предлагала бы, не нервничала.

Скорее всего в гильдию их принимали не просто так, а с какими-то условиями или платой. Соколы славились своей странностью, они никогда не делали ничего просто так. Они предлагали слишком много. Именно их предложение и то, как об этом говорила Герда насторожило его больше всего.

— Что они хотят взамен? — задал он самый волнующий вопрос.

Герда отвернулась. Вздохнула прерывисто, сжала ладонью колени. Только по этому, по хмурому выражению лица, виноватым взглядом Илзе понял, что просили они много. То, что готова была отдать Герда и скорее всего не готов он.

— Нас. Они просят следовать инструкциям, правилам гильдии.

Полное подчинение. Илзе посмотрел на нее исподлобья и невольно сжал челюсть. Она не сказала этого прямо, как и они скорее всего преподнесли это по-другому, но он дураком не был. Служение гильдии порой хуже, чем рабство, потому что рабы свою судьбу не выбирали, в гильдию же всегда вступали добровольно. Соглашаться на такое Илзе отказывался. Гибель монстра не его цель.

Он покачал головой.

— Без меня.

Отмахнувшись от Герды и ее предложения, он медленно встал с кровати. Посмотрел на небо за окном. Наступали сумерки. Сегодня Илзе останется здесь, а уже завтра направится в путь. На север.

— Прости, но ты много знаешь.

Ее слова на грани слышимости. Жесткая хватка на плече. Резкий поворот и уже он нависал над ней, держа локоть на горле. Герда смотрела на него зло, вся покраснелась и сжимала зубы. Выглядела просто отвратительно, на самом деле. Пока она не пришла в себя, Илзе нашел пальцами на шее пульс и нажал, держа долго. Лишь когда ее дыхание замедлилось, а глаза закатились, он выбил ногой из ослабевшей руки кинжал и выдохнул. Герда обмякла на постели.

Илзе встал медленно, готовый к нападению. Однако она не двигалась, а Адрастея смотрела непонимающе то на него, то на Герду.

— Мамочка захотела спать. Мы же не будем ее будить? — ласково спросил он и погладил Адрастею по голове. Та посмотрела недоверчиво, но покачала головой и подползла под руку к Герде. Тем лучше.

Если Герда пыталась его убить, то оставаться рядом было просто опасно и глупо. Поэтому Илзе взял кинжал, нашел второй мешок с деньгами — ей все равно он уже не нужен, собрал вещи в сумку, накинул плащ и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

Его путь лежал на север. Что ж, Илзе интересно посмотреть на женщину, которая одним своим именем вызывала страх в людях.

Весь путь до церкви с золоченными куполами и яркими витражами его сопровождали рыцари. Ехали они на конях, непривычно белых, рыцари обступали Ару со всех сторон и охраняли, словно драгоценность. Аре это нравилось. Ноги, конечно, болели, солнце припекало и было немного скучновато, потому что рыцари не разговаривали, лишь посматривали на него. Но он все равно радовался, улыбался своей удаче.

Он был избранным. Единственным героем, от которого зависела судьба многих людей. Великолепно. Теперь его уважали, восхваляли, девушки засматривались, отводили взгляд стыдливо, когда он одаривал их своим вниманием. Ара отныне важнее братьев, его имя знали, а их нет.

Церковь оказалась не такой большой, как ему представлялось. Из светлого кирпича, не больше двух этажей в высоту с пятью золочеными куполами и крестами с вензелями. Простенькое здание, напротив которого они остановились. Рыцари спрыгнули с лошадей, отдавая их двум выбежавшим мальчишкам в рясах. Ара же замялся, накренился медленно и неловко спрыгнул, шипя от ноющей боли. Внутренняя часть бедер болела и ноги не сходились, из-за чего он шел немного вразвалку, скрипел зубами от боли. Выпрямлялся, горделиво поднимал подбородок, готовясь к встрече с Папой, но то и дело кривился.

Массивные, дубовые двери открылись перед ним сами собой. В лицо ударил холодный воздух с легким запахом плесени и сырости. Ара неуверенно переступил порог, наклонился, осматривая церковь изнутри. Миленько. Помпезно. Стены разрисованы картинами из библии, на куполообразном потолке лепнины с ангелами, лозами и облаками. Вдоль узкого прохода стояли длинные скамейки, а в конце прохода, напротив входа, стояла высокая статуя Иисуса, а перед ней стойка с толстой книгой.

От церкви, в которой выступал Папа, Ара ожидал большего. Больше пространства, света и драгоценностей. Правду говорили, что рыцари и служители церкви жили скромно. Скучно.

– Приветствую тебя, дитя пророчества!

Ара подавил в себе тонкий крик, лишь отшатнулся, когда услышал чужой голос оттуда, где никого не было. Повернул голову, широко открытыми глазами смотря на Папу. Его Ара прежде не видел вживую, лишь рисунки, да и те, немного привирали. Пожилой мужчина, похожий на высушенную сливу, горбился, стоя в длинной светлой рясе, держал руки в молитвенном жесте, касаясь кончиками пальцев и смотрел на него пристально. Ара немного разочаровался. Слушая рассказы о Папе, про которого говорили с трепетом, он представлял себе не такое слабое существо, смотрящее на него, как когда-то смотрела любимая бабуля. От этого взгляда становилось неловко.

Подходящие слова не находились, поэтому он неловко молчал, поправляя то рукава рубахи, то ее ворот. Рыцари не помогали, стояли у стены, как статуи, стражи, охраняющие врата в рай. Молчали, отчего ситуация становилась почти смешной.

– Подойди дитя, я посмотрю на избранного Богом.

Неловко кивнув, Ара выпрямился, вскинул подбородок и горделиво пошел по проходу, прямо к Папе. Не просто же так он избранный. Героев уважали, его тоже теперь уважали. Скорее всего, они стояли на одной ступени, потому что оба служили Иисусу и выполняли его волю — несли добро и процветание в мир.

Папа улыбнулся ему и протянул тонкую руку. Сухая, пальцы мозолистые и на удивление

сильные. Он притянули его за плечо, смотря в глаза пристально, погладил по спине и довольно прикрыл глаза.

– Расскажи мне про себя Ара Маккей, – попросил Папа и указал на первый ряд скамеек. Они оказались очень жесткими, неудобными и узкими. Ара сел рядом с Папой, оказываясь почти лицом к лицу с каменным ликом Иисуса.

На самом деле Ара не готовил речь заранее, об этом никто не предупреждал, поэтому говорил медленно, иногда замолкал, вспоминая что-то интересное. Рассказал про семью, где его недолюбливали и часто отсылали в оружейную лавку, про то, что в личной жизни не везло и женщины попадались горделивые. Про то, что в пять лет спас младшего брата, умолчав, что из-за него брат и оказался в болоте. Упомянул, что в городе его все любили, всегда хвалили. И в церковь он ходил каждое воскресенье, а по вечерам благодарил бога и молился перед старенькой иконой, доставшейся от любимой бабули.

Папа его не перебивал, что очень радовало. Ара ненавидел, когда его перебивали или недослушивали. Поэтому рассказывал увлекательно, вспоминал все свои хорошие поступки и умалчивал про то, что считал не интересным. Говорил он и про оружие, которое не любил и продавал только из необходимости. Магия ему тоже не нравилась, как и маги, ведь они противоречили заветам бога.

– Благородный ты человек, Ара Маккей. Я рад знать, что героем пророчества оказался именно такой человек. Но путь тебе предстоит нелегкий. Слышал ли ты раньше про монстра у гор?

Ара знал совсем немного, потому что не интересовался этим. Первое время, когда Акокандера только появилась, он прислушивался к слухам, но потом интерес угас. Поэтому знал он совсем немного.

– Не так много. Родители ограждали меня от этой информации, считая ее не более чем вымыслом, – все же ответил он и подавил в себе улыбку, когда Папа кивнул. Ара ответил правильно.

Тяжело вздохнув, Папа посмотрел на статую Иисуса. Смотрел он долго, молчал, думая о своем. Продолжительное молчание Ару напрягало, особенно сейчас, в такой ситуации.

– Как бы мне хотелось, чтобы она была лишь вымыслом, но Акокандера реальность. Она — воплощение дьявольской силы, грехопадения и всего самого бесчеловечного. Отравляя жизнь простым, добрым людям, она опустилась так низко, что применяет не только магию, но и занимается человекоедством, – в голосе его сквозила печаль, а глаза наполнились слезами. Скорее всего по тем, кого уже уничтожила Акокандера. Ара судорожно выдохнул и поджал губы, потому что слова Папы его напрягли. — Ее никто не мог победить долгое время. Рыцари возвращались, рассказывали о ее преступлениях, о том, с каким яростным и неукротимым монстром мы имеем дело. И вот, когда надежда пропала, мне приснился Иисус, который указал на героя. На тебя, его дитя.

Его горячая рука легла на плечо Ары, несильно сжимая. От такого простого действия он невольно вздрогнул, посмотрел на Папу, который уверенно улыбался. Аре бы его уверенность. Слухи про этого монстра были не так кровавы, как те, что рассказали ему сейчас. Быть героем пророчества ему расхотелось. Ара ценил свою жизнь и тело, над которым могли надругаться. Если верить слухам, то Акокандера красивая женщина, экзотичная и он бы с ней провел несколько ночей. Однако хотелось бы выжить после, а не превратиться в чужой ужин.

Словно видя его сомнения и страхи, Папа ободряюще похлопал по плечу.

– Мы верим в тебя, ведь ты избран Богом. С его помощью и поддержкой ты одолеешь монстра, вернешь в мир спокойствие. О тебе будут слагать легенды, напишут баллады.

Чем больше говорил Папа, тем радостнее становился Ара. Конечно, он все сделает, потому что достоин славы, легенд, баллад и внимания. Отец всегда говорил, что известными станут старшие братья и просчитался. Ара принесет славу семье, его имя будут знать все. Его всегда недооценивали и поступали неправильно. Глупцы. Ара всегда был выше их всех.

– Я готов к испытаниям, которые приготовил для меня Бог. Обещаю, я одержу победу над монстром, принесу ее голову к дверям церкви, во славу вашу и нашего общего отца.

– Я верю тебе, Ара Маккей, – довольно отозвался Папа и медленно встал. Даже так он оказался ниже Ары, что немного забавляло. — Мы обучим тебя всему, что должен знать герой. С нашей поддержкой и благословением Господа ты станешь великим.

Яма представлялась ему по-другому. Не такой удручающей, ветхой и пустынной, словно неживой. Вымершей. То ли потому, что неподалеку жил монстр, то ли так было всегда. Если второе, то Илзе жалел всех этих людей, которые жили от рассвета до заката, работали, зная друг друга в лицо. Он бы не удивился кровосмешению в деревне, лишь бы уроды не рождались.

Сбитые небольшие домики, ходящие неподалеку коровы с массивными колокольчиками на шеях. Однако ему нравилась природа и виды, потому что густой лес сейчас золотисто-алый, плавно переходил в высокие, неровные горы. Высокие настолько, что дух захватывало, с тонкой щелью, ведущей в королевство фей. Едва заметное движение привлекло его внимание. Илзе сощурился, смотря на острые пики и невольно отпрянул, заметив дракона.

Легенды не ввали. Драконы жили, существовали так близко, что он отсюда слышал его дыхание, недовольный рык. По спине заструился холодный пот.

Как в таком опасном месте жили люди? Он бы давно поседел и сбежал, еще несколько лет просыпаясь от кошмаров.

Илзе осмотрелся, поправил плотный плащ, ощущая дрожь в теле от холодного ветра. Как здесь не вымерли люди не только от страха, но и от холода? Он не понимал людей, которые сейчас смотрели на него с интересом, но проходили мимо, проживая собственную жизнь. Илзе стал небольшой деталькой в этом механизме, которая не дополняла, но и не препятствовала работе.

Мимо него прошли два торговца с большими мешками наперевес. Илзе смотрел на их уверенные движения, на людей, которые не останавливались, словно его не существовало, и поспешил за ними. Если они знали, куда шли, то ему следовало их придерживаться. Про Яму он никогда раньше не слышал, а если и слышал, то забыл, как забывал всю ненужную информацию. С появлением Акокантиры про эту деревушку узнали все, про людей, приютивших ее знали немногие. Илзе про них не знал, но был интерес, поэтому рассматривал прохожих с интересом.

Подожли они к новому дому в два этажа быстро. Илзе осмотрелся, невольно подумав, что деревню он обойдет не больше чем за час или два. На первом этаже, на кухне сидел долговязый, седовласый мужчина, которого торговцы называли старостой и похлопали по плечу. Тот им натянуто улыбнулся, посмотрел на Илзе.

— Вы раньше здесь не бывали. С какой целью вы приехали? — поинтересовался он, смотря цепко. Под его взглядом Илзе повел плечом, перевесил сумку на другое плечо, осматривая дом. Хороший, добротный с деревянной мебелью, коврами и приятным запахом. Тепло.

— В писках спокойной жизни, — все же ответил он, слышал фырканье в ответ. Ему не поверили. На самом деле в таких обстоятельствах Илзе сам себе не поверил бы. Только глупец ехал в Яму для спокойной жизни. Его мысли озвучил и староста.

— Яма не то место, где спокойно, особенно с появлением поселения.

Староста явно говорил про монстра, но не упоминал его имя. Неужели эта история была так близка ему? Скорее всего близка, потому что появление Акокантиры полностью изменило их жизни, поставило их безопасность под удар. От этих мыслей появился страх. Илзе и сам может оказаться одни из тех несчастных. Думать об этом не хотелось, но мысли в

голове вспыхивали, пуская по телу волны паники.

Илзе молчал, не видел смысла в ответе, потому что любые уверения были неприкрытой ложью. Конечно, не искал он в Яме спокойную жизнь, скорее бежал, скрывался и велся на собственное любопытство. Акокантера всколыхнула их застоявшийся мир, стала той, о ком говорили и боялись. Рядом с ней ему было бы спокойно, потому что к таким не подходили. Да, она была удобной, опасной и важной. Важнее Господина, который не говорил прямо, но тоже опасался.

Ему бы хотелось на нее посмотреть.

– Дело твое, но запомни несколько правил. В лес не ходи, после сумерек из дома не выходи. Имя монстра в Яме под запретом. Деньги за ночлег вперед, – четко сказал он и протянул ладонь. Такие люди Илзе не нравились, слишком самонадеянные и искали выгоду. Вздохнув тяжело, он достал из сумки мешок и высыпал на ладонь пять золотых. Не успел возмутиться, как пронырливый староста взял их все, посчитал и похлопал свободной рукой по плечу. — Добро пожаловать в Яму! Ваша комната последняя, ключ в двери. Вы оплатили четыре дня.

Пять золотых монет за четыре дня непомерно много, но возмутиться он не успел. Староста уже вышел, а в тишине дома слышался чужой храп. Стены тонкие. Радовало лишь то, что здесь не так громко, как над тавернами, в которых не только песни пели и дрались, но за стенами занимались сексом. Последнее раздражало его сильнее всего, потому что чужие стоны пробуждали воспоминания о дворце Господина и его играх. Очень жестоких играх. Дернул плечом, отбрасывая ненужные воспоминания. Перехватил удобнее сумку и пошел наверх, все равно деньги не вернуть, а он устал после дороги.

***

Лес и правда выглядел жутко. Илзе не заходил глубоко не только из-за наставлений, но и собственного страха. Деревья стояли близко друг к другу, пышная листва переплеталась между собой, заслоняя вид. Поэтому любой шорох его пугал, отчего он отступал и всматривался более пристально. Илзе не считал Акокантеру глупой женщиной, которая подходила бы так близко к границе без причины и днем, но страх все равно присутствовал. Потому что про нее пусть и запрещалось говорить, людей это не волновало. Они тихо, пока никто не видел, обсуждали ее и происходящее.

Илзе приходил к лесу каждый день, иногда заходил на несколько метров, находил кусты, которые видел в саду Катарины и уходил, заслышав шорохи. На глаза не попадался, потому что понимал реакцию, которая могла последовать. В Яме ее ненавидели. Ему же проблем не нужно и так много.

Происходящее вызывало в нем противоречивые чувства. С одной стороны, ему бы хотелось встретиться с Акокантерой, чтобы это была случайность, в которой его бы не обвинили. С другой стороны, рассказывали о ней страшное, отчего было не только жутко, но и до тошноты противно. На самом деле в Яме к нему хорошо относились, даже несколько девиц сватали, на что тот вежливо отказывался. Они считали его уже взрослым, почти состоявшимся мужчиной, не зная того, что происходило с ним раньше. Оно и к лучшему. Своего прошлого Илзе стыдился.

Благодаря тому, что его принимали за взрослого, ему предлагали алкоголь. Не то чтобы это было чем-то запрещенным, но детям его старались не давать, опасаясь вызвать привычку. Поэтому и сегодня, когда он пришел в дом вечером, сразу застал полупьяных мужиков у камина. Среди них было двое новых, скорее всего местных, потому что торговцы

одевались опрятнее.

Его присутствие заметили сразу и радостно подняли деревянные кружки. Илзе улыбнулся неловко, кивнул и почти побежал к лестнице, но был остановлен сильной рукой, сжавшей предплечье.

— Ты что, нас не уважаешь? Садись, посидим. Когда еще можно будет хорошо от баб отдохнуть? — рассмеялся громко, таща его к камину. Его смех подхватили остальные, неловко двигаясь, освобождая место.

С ними было легче и сложнее одновременно. Илзе привык к компаниям и запаху алкоголя, прекрасно понимал, как стоило себя вести с такими людьми. Однако перед ним сейчас сидели мужланы, а не люди образованные и воспитанные. Те себе не позволяли пошлых шуток и колких комментариев, говорили о политике, торговле, а не о том, когда лучше свежевать кроликов. Илзе иногда поддакивал им, пил медленно, каждый раз отказываясь, но все равно смотрел, как раз за разом кружка наполнялась терпким вином.

Было немного скучно, но познавательно, хоть он и слушал в пол уха. Илзе привык к другим разговорам, но прислушивался к чужой речи, невольно перенимая их грубые словечки, смеялся коротко над колкими замечаниями или шутками. Когда же речь зашла про Яму, он наострился, хоть виду не подал.

— Опасно тут сейчас. Никто не едет, не продают. Эту стерву бояться!

— Пряма стерва? — полупьяно поинтересовался один из мужиков, вновь разливая вино. Ему кивнули, отпили почти половину и оскалились.

— Стерва. Ее нашли, приютили, откормили, пригрели на груди, а она так. Неблагодарная. Сожрала хорошего мужика и сбежала. Сколько крови она у нас выпила, сколько горя принесла, — сетовал мужчина, качая головой. Выглядел он очень недовольным, хоть и говорил спокойно. Остальные же скривились, сжали руки в кулаки. Съела. И тут слухи не ввали. Быть съеденными им всем не хотелось.

Илзе проглотил горький ком в горле.

— Она не только мужчина сожрала, — подхватил второй мужик, кривясь сильнее. — Пацана мелкого съела и жила. Спокойно с его семьей, обманывала и убеждала всех, что он умер в шахтах. Сожрала и не пожалела, у того ведь вся жизнь была впереди.

Разговор набирал обороты и Акокантиру уже не только ругали, но и придумывали планы отмщения. Планы остались планами, потому что вскоре, хмельные, все уснули там, где сидели, громко храпя. Илзе же сидел некоторое время, обдумывая полученную информацию. Убийство, особенно такое жестокое, ребенка в их мире каралось. Дети священны, за ними следили, их воспитывали и охраняли, потому что рождалось много, но большинство до года не доживали. Он сам помнил, как мать ходила два раза с пузом, у него рождались сестры, которые умирали через месяц или чуть больше.

Илзе привык к насилию. Многие гости Господина в красках описывали, как пытали и убивали людей. Но делали они это со взрослыми, а Акокантира убила ребенка. Это неправильно и жестоко. Причина ненависти людей понятна, но любопытство его даже после этого не угасло. И это плохо. Поставив наполовину полную кружку на стол, он неловко встал и пошел в свою маленькую комнату. Спать ему все же хотелось с комфортом.

И был рад этому, потому что утром проснулся от того, что остальные громко переговаривались, грохотали посудой и смеялись. Скривился недовольно, зарываясь носом в мягкую подушку, которая приятно пахла какими-то цветами. Так пахла постель во дворце Господина, когда его наказали, а потом вознаградили. С того дня у него остались

воспоминания о долгожданном удобстве, самом первом, которое вызывало почти детскую радость, и шрамы на спине. Сейчас Илзе никогда не снимал рубахи, не поворачивался к чужакам спиной и мылся всегда один. С общественными банями у него проблемы и сильные.

Поэтому, когда он спустился на кухню, увидел еще сонных, но веселых мужиков, которые предложили совместный поход в баню, сразу же отказался. Чужие тела вызывали неприязнь, необъяснимую тревогу, поэтому, улыбнувшись неловко, махнул им рукой. Потом пойдет, когда его не видели бы, не трогали и не приставали. Проводив их взглядом, Илзе выдохнул, поправил рубаху и направился к подполу, в котором лежали овощи, картофель и мясо. Он не знал, принадлежали ли продукты кому-то, но все равно взял несколько, нарезал в котелок и повесил его над огнем в камине.

Деревня медленно оживала, мимо окон ходили люди, громко кричали петухи, мычали коровы и смеялись женщины. Посматривал на почти горящий из-за цветов лес, который казался гранатом в ржавой тиаре, на кипящую воду с овощами. Запах не самый приятный, но есть хотелось сильно, поэтому, слив все в глубокую миску, помешал еду ложкой. Смотрел на побелевшие кости, неровные кубики овощей, разварившуюся картошку. Выглядела еда тоже отвратительно. У Катарини все украшали, сервировали, и сама еда пахла всегда приятно, отчего желудок скручивался узлом. Сейчас желудок его тоже выл, но в горле стояла тошнота.

Пересилив себя, он задержал дыхание и съел ложку. Горячо. Такую же похлебку им давали в камере, раскладывали по тарелкам и выдавали каждому рабу. Иногда, когда у Куарона было хорошее настроение, он выставлял тарелки в ряд и далеко, так, что даже если тянуться, изворачиваться, то не достанешь. Он отвык от такой еды, хоть во время путешествия ел тоже плохо, потому что зачастую в тавернах халтурили.

Желудок замолчал, тошнота пропала, стоило взять спелое, немного мягкое яблоко. Поднялся, собрав вещи в сумку, опасаясь оставлять хоть что-то в комнате. Вышел Илзе ближе к обеду, поздоровался с проходящим мимо старостой и его женой.

Идя по тропинке, он вспомнил ночной разговор с кислым вином, от которого до сих пор гудело в голове. Как звали ту семью? Дема, Трия? Трия? Да, казалось, ее звали именно Трия. Мужики ее не описали, лишь сказали, что дом ее стоял неподалеку от леса, сама Трия добрая, наивная и симпатичная, по мнению пьяных мужиков. Илзе присматривался к женщинам, пытаясь угадать, посматривал иногда на границу между Ямой и лесом.

Смотрел по сторонам он больше, чем на дорогу, поэтому испугался, столкнувшись с кем-то. Отошел неловко на несколько шагов и положил руку на скрытые под плащом ножны от кривого кинжала. Вскинулся, смотря на человека перед собой. Женщина. Раскрасневшаяся, пожилая уже, пухлая женщина с корзиной, наполненной яблоками. Рядом другая женщина, более молодая и глубоко беременная.

— Осторожно! — недовольно рыкнула женщина и скривилась, кладя ладонь на живот. Илзе не обиделся, потому что все его внимание приковано к огромному животу, которое даже сквозь складки платья бугрилось. Ужасающее зрелище. Вдвойне ужасающим оно было, потому что никогда прежде Илзе беременных не видел. Когда у женщины появлялся живот, ее сразу отводили в специально отведенное для этого крыло и не выпускали оттуда, не пускали никого, пока ребенок не появится на свет.

Поэтому он сглотнул гулко и медленно отвел взгляд. Ужасно. И как женщины соглашались на это?

— Трия, пойдём, живот болит сильно.

Это женщина говорила уже умоляюще, хныкала, потирая низ живота. Илзе встрепенулся

и посмотрел на женщину пристальнее. Трию он представлял себе по-другому, более жилистой, строгой. Не такой мягкой, молодой, но видя мягкую улыбку, нежные, почти невесомые прикосновения, Илзе, кажется, понял. Обычно люди с такими улыбками очень доверчивы. Они ушли, ничего ему не сказав. Он же еще какое-то время стоял и смотрел на Трию, которая не выглядела несчастной. Скорее всего нашла утешение в дочери, о которой тоже поговаривали много. Только мужики упоминали, что дочь ее была младше и вроде уехала.

Или торговцы были слишком пьяны и уже не понимали, о чём говорили.

По Яме он гулял до самого вечера, пока не остановился с границей. Лес виделся черным, глубоким и очень опасными. Илзе почти видел, как там ходили монстры, замечал их желтые глаза-щелки, чувствовал чужое дыхание и боялся. Очень боялся.

– Я бы не советовал туда соваться!

Вздвигнув от неожиданности, Илзе повернулся на голос. Рядом с ним остановился парень, скорее всего ровесник. Симпатичный. Он скорее всего куда-то шел и остановился на половине шага.

– Я и не думал, – ответил Илзе, понимая, что немного лукавил. Ему хотелось туда сходить, любопытство красной нитью вело в поселение, про которое говорили почти на каждом шагу. Но люди в Яме относились к этому плохо и его скорее будут недолюбливать.

Парень ему поверил, скорее всего, потому что больше вопросов не задавал. Посмотрел на дома и повернулся, подойдя к нему. Илзе не возражал, но все же не был настроен на общение. Поэтому лишь вновь посмотрел на деревья, которые пусть и были темными, но прожилки в листьях светились золотом. В саду Катарины и Господина такие не росли, как и не было их в Вермелло.

– Торговец?

Вопрос от незнакомца заставил задуматься.

– Почти, – уклончиво ответил он. Протянул руку, смотря на парня рядом. — Илзе.

– Сэм, – представился тот и пожал руку. Хватка у него сильная, пальцы, плотно прижатые друг к другу заныли. Когда Сэм отпустил его ладонь, Илзе незаметно тряхнул рукой, все еще ощущая чужое прикосновение. — Ехал бы ты отсюда. Яма больше не то место, где можно отдохнуть рядом с горами. Про монстра, я думаю, ты уже знаешь?

Илзе кивнул. Конечно, он все это знал еще до приезда сюда.

– О, про него сейчас все знают. Про Акокандеру, которая убивает беззащитных людей и пугает нас всех. Но никто не знает, что на самом деле убила она моего отца, что забирает теперь наших людей, потому что этих уродов все больше. Никто не знает, как мы все боимся за свои жизни. И приезжаете вы, любопытные, люди, которые не верят, хотят просто посмотреть. Думал, я не заметил, как ты ходишь вокруг леса, как заходил в него и сразу же выходил. Боишься? Интересно? Как я вас всех ненавижу.

Удара в челюсть он не ожидал, как и удара в живот. Однако Илзе быстро сориентировался, ударил в ответ, отступал, нападал и кривился от боли в разбитых костяшках. От боли в избитом теле. Зашелестели листья. Мир накрыл мрак с тонкими золотыми прожилками в воздухе. Илзе уже побеждал, когда случайно оступился, упал на холодную, твердую землю и глухо застонал. Сэм бил его руками и ногами, повторял тихое «Ненавижу. Ненавижу. Ненавижу». От боли и беспомощности Илзе тошнило, голова кружилась и, получив особо сильный удар в живот, он отключился.

***

Смотрела она на происходящее снисходительно. Смешные и предсказуемые. Как бы сильно они все не раздражали ее поначалу, Тера уже привыкла. К постоянному шуму, чужому присутствию рядом, незнакомым людям, которые смотрели на нее с трепетом, ходили рядом, находились в поле ее зрения. Поэтому она больше не вздрагивала, не напрягалась, когда к ней подходили.

Однако ее все равно злило, что за такое короткое время вокруг появились люди. Они вырубали несколько деревьев, которые пустили на дрова, построили небольшой домик в один этаж, с пока еще плоской крышей. Тера не удивится, если он вырастет в два этажа. Людей, или не совсем людей, пришло за последнее время много. Почти за год в нем пришло еще три мужчины и женщина, которые просились на ночлег. Они рассказывали, откуда пришли и что случилось, Зарина быстро записывала, а Тера наблюдала за Лаки, который вновь бегал с Мино. Тогда она сильно разозлилась, но пересилила себя и оставила. Позволила, отдала один из своих матрасов, Октавия с Лаки приютили на постели Зарину, остальные же спали на полу.

Утром Тера их выгнала.

Она не святая и добро никому не делала, не видела смысла, ведь друзей и дорогих людей здесь не было. Да и не хотелось больше быть доброй и понимающей для остальных. Тера все еще мечтала о тихой жизни, часто рассматривала карту с пометками, которые понимала только сама Зарина, присматривала города, в которые ей хотелось бы поехать. Однако сейчас понимала, что это уже проблематично.

Ее знали все.

Жизнь напоминала ей улей. Белоснежные пчелы остались рядом, пусть и обижались первое время. Они бы ушли, если б не вмешалась Зарина. И в кого она такая заботливая? Совала нос в чужие дела, улыбалась стыдливо, смотрела на нее и находилась всегда рядом. Сказала им несколько слов, после чего они остались окончательно, взяли за топор. Построили дом за несколько месяцев, живя в доме рядом с лесом. Куда дели владельцем дома Тера не знала, да и не хотела этого.

Сейчас же два мужчины с короткими белоснежными волосами кололи дрова и относили их в специальный склад, который они тоже построили сами. Пара, наверное, единственная женатая пара среди их расы, присматривала за Лаки, в то время как Зарина и Октавия охотились.

Больше всего Тера в происходящем ненавидела их отношение к ней. Это ощущалось странно, словно они боготворили ее ни за что. Просто за существование. Тера божеством не являлась, как и святой, не делала хороших поступков, часто раздражалась, злилась и не вмешивалась. Не решала копившиеся проблемы и недомолвки. Они же смотрели на нее как на любимую мать, за глаза так и называли.

Но злило ее второе прозвище, которое они придумали и говорили там, где Тера не слышала. Потому что королевой она тоже не была.

С одной стороны, это удобно. Безопасно. Теперь к ним реже приходили, ночи становились спокойнее, потому что кто-то постоянно стоял на страже. Наличие мужчин тоже являлось плюсом, потому что они кололи дрова, приносили больших зверей, строили и ремонтировали. Один из них, Вьерн, тоже обладал силой убеждения, немного слабее, контроль терялся быстро, но он без страха и стеснений привел к ним старика, когда голод стал нестерпимым. Наверное, Вьерна Тера опасалась больше всего, потому что тот постоянно молчал, смотрел исподлобья и следовал за ней тенью. Его друга Торна она

воспринимала больше, как Лаки во взрослом теле. Он прекрасно владел ножами, передвигался быстрее остальных, но был слишком болтлив, любопытен и непосредствен. Ему ничего не стоило подойти к ней и задать вопросы, которые не спрашивала даже Зарина, с которой они знакомы дольше всех. На самом деле оба они похожи: долговязы, с раскосыми, голубыми глазами и белоснежными волосами, которые странно смотрелись со смуглой кожей.

Аделина и Оск, приехавшие к ней из Вермелло зачастую занимались бытом, едой и одеждой. Они выглядели образцовой семьей, которые держали хозяйство, воспитывали детей. Мягкие, но начитанные и общительные, они быстро нашли общий язык с остальными и даже с Терой общались спокойно.

Их присутствие было полезным. С другой стороны, Тера устала от этого. Ей не нравилась ответственность, которую они навязывали своим присутствием.

— Акокантера? — неуверенно позвала ее Зарина, привлекая внимание. Еще одна странная особенность — они все называли ее только полным именем. Тера посмотрела на нее, отбрасывая длинную косу за спину. — Я нашла закономерность.

Тера посмотрела на карту, которую та держала в руках. Их имена в местах, откуда все прибыли. Если их соединить, то получалась почти прямая линия, она это видела и без объяснений. Но все равно кивнула, побуждая Зарину к продолжению. Та подобралась, улыбнулась, как делала это, когда ей было чем поделиться, подошла почти вплотную и раскрыла карту.

— Все точки соединяются в линию. Церковь это пресекает, но наши родители еще помнят легенды о Древних. Бабушка часто рассказывала, что Древние захоронены на обоих континентах. Если верить ее рассказам, то на месте, откуда мы все, есть захоронение одного из Древних, а там большая концентрация магии. Может, именно это повлияло на наше... перерождение.

Мысль здравая, но все равно было множество НО. Много вариантов, потому что на этих местах хоронили не только их, но другие же не восставали. Тера кивнула, соглашаясь с доводами, про себя отмечая, какой же должен быть Древний, чтобы покрыть такую площадь. На самом деле выяснение причин уже давно не было ее целью, главное, чтобы не приставали и не убивали. Напрягала сейчас лишь мысль о странном пророчестве и герое, который по слухам уже был найден. Их маленький Лаки, которого принимали за обычного мальчишку, сына торговца, не обращая внимание на светлые волосики, многое им рассказывал. Пусть в Яме ее имя являлось табу, но все говорили, обсуждали.

— Акокантера, что нам делать с припасами?

Она посмотрела на Торна, держащего в руках две корзины с овощами и грибами, на Вьерна, удивленно вскидывая бровь. Олень. Такие в лесу не водились или они зашли далеко, потому что их часть звери обходили стороной. Вновь осмотрела продукты, которые брали всегда на всех и готовили потом на всех. Это удивляло ее больше всего, как и маленькая традиция: ужинали они вместе у камина, после чего расходились.

— В погреб, — все же ответила она и кивнула в сторону дома. Те понятливо кивнули и быстро пошли в дом, не возражая и не спрашивая. Это ее тоже раздражало. Тере не хотелось быть той, кто решал проблемы.

Из Зарины бы получилась лучше королева. Та всегда ответственно подходила ко всем делам, общалась, поддерживала и искала информацию. Тера не делала ничего, лишь была первой. Но ей доверяли больше, к ней прислушивались и защищали, что очень смущало.

Потому что раньше ее считали пустым местом, а сейчас ни за что возводили на пьедестал.

Как она устала от этих эмоций.

Похлопав по бедру, Тера пошла в лес. Там всегда тихо, свободно и спокойно, никто не ходил следом, лишь верный Мино находился рядом. Иллюзий она не питала и прекрасно понимала, что неподалеку ходил Вьерн, считающий себя ее личным охранником. Незримо, почти незаметно, он всегда находился рядом и первое время напрягал этим. Сейчас уже привычнее, да и его молчаливая натура не отвлекала.

Запах крови она почувствовала сразу и невольно замерла. Кровь человеческая, еще теплая. Сквозь сумерки, Тера осмотрелась. В темноте видела хорошо, да и не боялась нападения, потому что рядом Мино, Вьерн и она уже овладела своим даром. Но запах крови все равно настораживал. Обычно они, если находили тела, то уже остывшие, бескровные, иногда уже обглоданные. Сейчас Тера чувствовала тепло. Человек был еще жив.

Ведомая интересом, она пошла дальше и замерла в метре от тела. Побитый, окровавленный и еле дышащий, слишком жалкий, он лежал в листве и дергал пальцами. Еще жил, боролся со сном. Тера понимала, что еще немного и он умрет от потери крови и охлаждения. На одного человека меньше. Но все равно не уходила, смотрела.

Конец первой части

Больше книг на сайте - Knigoed.net